

МОСКОВСКАЯ
ЭКОНОМИКА И
БИЗНЕС

Е.Н. Савинова

СЕЛЬСКИЕ УСАДЬБЫ
МОСКОВСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.

СЕЛЬСКИЕ УСАДЬБЫ
МОСКОВСКИХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.

Московская монография

Е.Н. Савинова

**СЕЛЬСКИЕ УСАДЬБЫ
МОСКОВСКИХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.**

Издательство
Главного архивного управления города Москвы
Москва 2008

ББК 63.5(2-2МО)
С 13

Утверждено Редакционным советом
Главного архивного управления
города Москвы
Председатель В.А. Манькин

Рецензенты:
доктор исторических наук Ю.А. Петров,
доктор исторических наук, профессор МГУ Г.Р. Наумова,
кандидат исторических наук А.Д. Яновский

Фотоиллюстрации предоставлены
М.В. Золотаревым

Серия основана в 1998 г.

Разработка художественного оформления серии
Л.Ф. Егоренко

Савинова Е.Н.
С 13 Сельские усадьбы московских предпринимателей. Конец
XIX – начало XX в. – М.: Издательство Главного архивного
управления города Москвы, 2008. – 408 с.: ил. – (Московская
монография).

ISBN 978-5-7228-0177-7

Книга посвящена проблеме формирования сельских усадеб московской буржуазии. Автором впервые в отечественной историографии проведен комплексный анализ истории сельских усадеб московской деловой элиты. Также выявлены этапы и механизм формирования земельных владений лиц недворянского происхождения. Исследователем предложена оригинальная типологизация усадеб, рассмотрены особенности и традиции подмосковной усадебной жизни.

ББК 63.5(2-2МО)

ISBN 978-5-7228-0177-7

© Савинова Е.Н., 2008
© Главное архивное управление города Москвы, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Много было таких семейных гнезд на Руси, но многих не стало, снесенных вихрем многих лет и недавних разгромов; но пока еще уцелели эти уголки и связанные с ними предания, еще жива наша Русь — самостоятельная, не обезличенная, верная своему историческому прошлому!

Граф С.Д. Шереметев

В 1905 г. в Санкт-Петербурге состоялась историко-художественная выставка, где восхищенная публика увидела более трех тысяч живописных полотен, собранных в помещичьих усадьбах. В обстановке всеобщего восторга приговором уходящей старине прозвучали тогда слова вдохновителя и организатора этого великолепного вернисажа С.П. Дягилева: «Не чувствуете ли вы, что длинная галерея портретов великих и малых людей, которыми я постарался заселить великолепные залы Таврического дворца, — есть лишь грандиозный и убедительный итог, подводимый блестящему, но, увы, и мертвевшему периоду нашей истории, — сказал он на торжественном обеде, устроенном в его честь. — ...Я совершенно убедился, что мы живем в страшную пору перелома, мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре...»¹.

Ощущение утраты усадебной красоты усиливало общественную тягу к ней. Современник отмечал, что «новая книга об усадьбах пишется, читается и даже лежит теперь у всех на столе раскрытой»². В самом деле, Россия на рубеже XIX–XX вв. грезилась усадьбой. Романтический облик родовых поместий рисовали произведения Д.В. Григоровича, С.Т. Аксакова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Заветный мир минувшего воспевала поэзия «Серебряного века».

При этом действительность была такова, что после реформы 1861 г., отменившей крепостное право в России, владельцами старинных имений все чаще становились достигшие материального благополучия выходцы из народных низов. В окрестностях Москвы рождались и развивались усадьбы денежной аристократии, которая представляла собой сообщество людей разных слоев и сословий.

Сельские имения деловой Москвы стали удивительным явлением русской культуры. Зародившись в конце 1860-х — начале 1870-х гг., они прошли в своей эволюции несколько этапов и были сметены революционными событиями 1917 г.

Сожалея об утрате поэтического мира «дворянских гнезд», современники практически не заметили яркой жизни усадьбы русской буржуазии. Публицистика, драматургия и живопись второй половины XIX в. сделали немало для формирования на бытовом уровне отрицательного образа нового владельца родовых вотчин, разрушавшего «прекрасное» ради наживы. В результате укоренилось отношение к «купеческому» имению, как к нелепому по своему укладу миру.

Между тем усадьба конца XIX — начала XX в. была уникальным и многообразным историко-культурным феноменом, детерминируемым особенностями переломной эпохи в истории России, оформлением класса российской буржуазии и осознанием им своего места в обществе.

Термин «усадьба» достаточно многомерен, и в научной литературе нет общепринятого его толкования. Однако исследователи давно заметили, что это — исторически развивающееся понятие, наполненное в каждый отдельный период определенным смыслом.

После Великой реформы для самих собственников понятия «имение», «поместье», «усадьба», «владение» и даже «дача» сосуществовали в одном ряду, нередко выступали как синонимы, хотя, безусловно, самым общим был термин «имение», которым пользовались в юридической практике для обозначения земельного владения.

Сегодня специалисты пришли к широкому толкованию термина «сельская усадьба». Она понимается как тип исторического поселения в России, который представляет собой сложный комплекс, выполнявший хозяйственные, социально-административные, бытовые и культурные функции. Говоря об усадьбе на рубеже столетий, мы имеем в виду не только дом владельца с приусадебным парком и садом, а и все земельные угодья, которые стали источником разнообразных доходов в пореформенное время.

Новые хозяева усадеб были представителями влиятельной части русского общества, которая обладала значительными денежными средствами и расценивала свою роль земельного собственника и владельца усадьбы одновременно как возможность собственной социальной идентификации и как новый вид своей коммерческой деятельности.

* * *

Я считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность всем тем, без чьей помощи было бы невозможно появление этой книги. Прежде всего, адресую самую сердечную признательность за предоставление личных архивов, рекомендации и сочувствие моим поискам Т.М. Бархиной, Н.А. Добрыниной, Л.Ю. Висковской и О.И. Демушкиной, Е.Ф. Гиппиус, О.И. Грабарь-Епифановой, А.С. Давыдову, М.М. Каверзневой, И.Ф. Кориной, Б.Л. Пастернаку, Л.К. и Н.М. Пржевальским, Л.Н. Свидерской и Н.К. Дубковой, Т.А. Себенцовой, С.Н. Чернышеву, Е.В. Шереметевой. В книге опубликован ряд фотографий, выявленных С.В. Давиденко, А.А. Демской и В.П. Лариним.

Хочется поблагодарить за ценные советы и консультации А.Г. Антонову, Н.С. Датиеву, М.С. Дроздова, В.В. Зубарева, Т.П. Каждан, Е.И. Кириченко, М.Д. Ковалеву, Л.Н. Краснопевцева, А.В. Лазарева, В.А. Матусевича, М.В. Нащокину, Т.Н. Никитину, Г.А. Полякову, О.Н. Русину, Л.В. Сайгину, Т.В. Шубину, Е.С. Хохлову, С.В. Чистова.

В своем исследовании я опиралась на поддержку единомышленников из Центра истории России в XIX в. Института российской истории РАН – А.П. Корелина, Л.Ф. Писарьковой, И.В. Поткиной, И.М. Пушкиревой, Н.А. Ивановой, С.В. Калмыкова, Г.Н. Ульяновой. Особая благодарность – Ю.А. Петрову.

Большая заслуга в подготовке этого издания, восстанавливающего облик русской усадьбы на рубеже XIX–XX вв., принадлежит М.В. Золотареву, обладателю богатого собрания исторических документов, фотографий и негативов.

Книга вряд ли могла состояться без внимания к разработке научной темы моих коллег по работе в Государственном историческом музее-заповеднике «Горки Ленинские». Я признательна всем членам музейного сообщества, которые своим участием помогали мне в

поисках, и особенно научному коллективу Отдела письменных источников Государственного Исторического музея и его руководителю А.Д. Яновскому.

Самая горячая благодарность моей семье – родителям Александре Ивановне и Николаю Алексеевичу Уваровым, мужу Александру Михайловичу Савинову и дочери Ксении Скрыпник – за неоценимую помощь, которую они оказывали мне в работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка. Современники о Дягилеве. Т. 1. М., 1995. С. 9.

² Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. Ч. 1. Пг., 1916. С. 349.

Глава I

**ФЕНОМЕН
«КУПЕЧЕСКОЙ» УСАДЬБЫ:
ИЗУЧЕНИЕ
И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

1. УСАДЬБА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

...До сих пор известно было только положение и имя этой страны; что же касается до обитателей ее, то есть образ жизни их, язык, нравы, обычаи, степень образованности, — все это покрыто мраком неизвестности.

А.Н. Островский

Усадьбу конца XIX – начала XX в. как цельное историко-культурное явление до сих пор еще никто не рассматривал. Исследователи вели научные поиски в разных областях: в контексте русской усадебной культуры в целом, в целях выявления особенностей землевладения и землепользования в Московской губернии и в русле изучения истории отечественного предпринимательства.

Интерес к русской усадьбе как объекту изучения появился в России в конце XIX в., когда дворянская усадебная культура переживала глубокий кризис. Именно оскудение и разорение «дворянских гнезд» привело к появлению первых работ о «подмосковных».

Публикации любителей старины Г.С. и П.С. Шереметевых, А.Н. Бонуа, Н.Н. Врангеля, П.П. Вейнера, Г.К. и В.К. Лукомских, Ю.И. Шамурина, И.А. Фомина на страницах журналов «Мир искусства» (1899–1904), «Старые годы» (1907–1916), «Аполлон» (1909–1917), «Столица и усадьба» (1913–1918) создавали романтический образ помещицы России, что было своеобразным откликом общества на утрату былого.

Для этих энтузиастов сохранения реликвий прошлого характерно было отождествление усадебной культуры только с культурой дворянской. «При слове “усадьба”, — замечал выдающийся искусствовед барон Врангель, — нам обычно рисуется белокаменный дом Екатерининского или Александровского времени, тенистый сад, “храмы Любви и Дружбы”, мебель карельской березы или красного дерева»¹.

В предреволюционные годы эволюция усадеб денежной аристократии стала весьма заметной. Первыми заявили об этом явлении знатоки

помещичьего быта Н.В. Клейнмихель и Г.К. Лукомский, которые в 1915 г. на страницах журнала «Столица и усадьба» поместили отчет о совершенной ими годом ранее экспедиции по российской провинции. Описание имения «Натальевка» миллионера-сахарозаводчика П.И. Харитоненко сопровождалось выводом о том, что уже появились места, где во имя «культурной красоты» владельцы тратят много сил и средств, в результате чего рождаются архитектурно-парковые ансамбли, не уступающие лучшим образцам прошлого: «...неудобный овраг, часто поросший дубовым леском, с лужицей на дне его, обращается в уютный тенистый парк с рыбными прудами или песчаный бугор над низким лугом покрывается английскими цветниками и газонами, там и сям появляются живописные мостики и белеют среди зелени колонны беседок»².

В том же печатном издании увидели свет очерки об усадьбах «Введенское» владельцев кирпичных заводов Якунчиковых, «Любимовка» фабрикантов Сапожниковых и Алексеевых, «Любовино» наследницы капиталов Хлудовых и Лукутиных – Л.Г. Пыльцовой³. Журнал отмечал, что в обществе усиливается «отрадное стремление непременно иметь свой собственный уголок где-нибудь вне города»: «Эта черта создала в Англии культуру страны, у нас она еще только нарождается»⁴.

Итак, изучение усадьбы русской буржуазии началось почти одновременно с ее формированием. Однако дореволюционные публикации содержали лишь описания имений. В них не было даже попытки анализа данного культурного феномена. Тем не менее значение подобных

Вид на Москву с Воробьевых гор. Начало XX в.

Барский домъ въ Лиовницяхъ.
Акварель Георгія Косякова.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ШОКОЛАДЪ КАКАО
ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

№ 74.

30 января 1917 г.

Отд. № въ Петроградѣ—95 к.,
въ провинціи и на вокзалахъ—1 р. 10 к.

Обложка журнала «Столица и усадьба» с репродукцией акварели художника Г.А. Косякова «Барский дом в Лиовницах». 1917 г.

работ велико: в них зафиксированы многочисленные памятники, вскоре утраченные навсегда.

После октябрьских событий 1917 г. социальные основы усадебной культуры в России были уничтожены, большинство поместий разрушено, многие владельческие архивы погибли, а художественные коллекции были вывезены в централизованные хранилища. Деятельность Музейного отдела Народного комиссариата просвещения по сохранению наиболее ценных памятников искусства и культуры позволила спасти некоторую часть сокровищ, но, лишенные своего «мира», эти реликвии «обезличились» и утратили свое значение артефактов определенной среды.

Тревога за судьбу уникальной культуры вызвала активизацию деятельности членов созданного еще в дореволюционные годы общества «Старая Москва» (1909–1923), а также основание Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ) (1922–1931) и Общества изучения Московской губернии (ОИМГ) (1926–1930), которые предприняли описание и фиксацию еще сохранившихся памятников.

ОИРУ, которое возглавил искусствовед В.В. Згура, было первой и единственной организацией в мире, поставившей перед собой задачу планомерного сбора данных о памятниках загородной культуры. За время своего существования Общество выпустило восемь сборников (16 выпусков)⁵ и шесть путеводителей с подзаголовком «Подмосковные музеи», где были помещены очерки о наиболее значительных, по мнению авторов, подмосковных усадьбах и их достопримечательностях. Однако из «поздних усадеб» туда было включено только одно имение «Абрамцево» Е.Г. и С.И. Мамоновых⁶.

Общество «Старая Москва» вело в 20-е годы XX столетия интенсивное исследование московского региона. Эта ассоциация ученых, художников и любителей былого возникла еще в 1909 г. в качестве «Комиссии по изучению старой Москвы» при Московском Археологическом обществе и первоначально состояла из членов МАО. Затем в нее стали входить все, кто интересовался историей и культурой Москвы и Московской губернии. С закрытием в 1923 г. МАО деятельность комиссии не прекратилась: она возобновила свои заседания как ученая комиссия при отделении Государственного Исторического музея (ГИМ). В 1926 г. ее присоединили к Обществу изучения Московской губернии, через четыре года упраздненному.

Архив «Старой Москвы» хранит уникальный материал, касающийся общественно-политической и культурной жизни усадеб московского региона⁷. Члены этой комиссии, работавшие в различных музейных учреждениях, на своих заседаниях выступали с докладами и сообщениями. Некоторые любители московской старины стали инициаторами издания в первое десятилетие советской власти усадебных изданий обобщающего характера.

Так, в 1925 г. вышла книга сотрудника Главмузея П.П. Перцова «Усадебные экскурсии. Поездки по железным дорогам», в которой были приведены описания памятников усадебной культуры, расположенных вдоль железных дорог Подмосковья. Наряду с рассказами о других исторических местах автор включил в книгу главы об усадьбах «Люблино», «Абрамцево» и «Введенское», которые одно время принадлежали семьям потомственных почетных граждан Голофтеева, Мамонтова и Якунчикова. Эти очерки сохранили сведения о постройках, интерьерах и окрестностях, ценные для воссоздания общей картины жизни имений⁸.

В другом издании, которое называлось «Экскурсии и прогулки в окрестностях Москвы», авторы В.В. Морозов и Б.О. Ольсен предложили читателям около ста экскурсионных маршрутов с посещением памятников культурного наследия. Они собрали сведения разнообразного характера о 144 усадьбах, в том числе и о тех, что находились во владении русской буржуазии. Примечательно, что авторы перечислили и те фрагменты архитектурно-парковых ансамблей, которые позже были утрачены, и, таким образом, дали достаточно полное представление об исторических комплексах⁹.

Заметки о материальной культуре и искусстве прошлого публиковал в советское время журнал «Среди коллекционеров». В специальном номере за 1924 г. под названием «Искусство русской усадьбы» можно встретить сведения и о «купеческой» усадьбе: там помещен очерк о «Знаменском-Губайлове», с 1868 г. принадлежавшем московским фабрикантам Н.Я. и А.Я. Поляковым, а затем — их наследникам¹⁰.

В материалах ОИМГ тема усадебной культуры встречалась нечасто, так как в послереволюционные годы понятие «краеведение» было наполнено совершенно иным содержанием, чем сегодня: целью его изучения были география, полезные ископаемые, природа и этнография родных мест. Тем не менее именно в одном из последних выпусков его печатного органа «Московский краевед», выпущенного с подзаголовком «Музейный», можно обнаружить признание культурной значимости «поздних» усадеб. Расценивая владельцев «Абрамцева» Мамонтовых как «культурных представителей новой буржуазии», обозреватель журнала К.В. Сивков заключил: «Эта усадьба типична для того процесса перехода земельной собственности из рук дворянства в руки буржуазии, который характеризует все дворянское землевладение после 1861 г. ... Будучи, так сказать, литературно-художественной усадьбой, “Абрамцево” в то же время и мемориальная усадьба, так как теснейшим образом связана с представителями русской культуры XIX — начала XX в.»¹¹.

ОИРУ и «Старая Москва» при поддержке Управления музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки Наркомпроса в 1927 г. опубликовали библиографическое издание «Усадьбы Московской губернии», подготовленное искусствоведом И.М. Картавцовым¹², и книгу, по-

священную памятникам усадебного искусства Московского уезда Московской губернии¹³, в которой были приведены описания 163 усадеб, обследованных в ходе экскурсий этих обществ. На собранные данные впоследствии опирались новые поколения ученых¹⁴.

Таким образом, изданная этими краеведческими организациями литература для современных исследователей усадебной культуры имеет характер источника. Вместе с тем она представляет собой опыт систематизации накопленных сведений как о дворянских, так и о предпринимательских усадьбах.

Сознавая важность обобщения собранного материала, члены ОИРУ старались сохранить свои архивы в годы, когда многие из ученых были репрессированы, а общества распушены.

Последний председатель Общества изучения русской усадьбы А.Н. Греч писал в 1932 г. свой труд «Венок усадьбам», находясь в Соловецком лагере особого назначения¹⁵. В своих поэтических очерках, посвященных, в основном, подмосковным усадьбам, — а в этот список вошли «Введенское», «Знаменское-Губайлово», «Абрамцево», «Ивановское», «Вешки», «Горенки», «Константиново» и многие другие, в пореформенный период принадлежавшие московским предпринимателям, — он впервые обозначил ценности, вывезенные из усадеб, проданные и расхищенные в послереволюционные годы.

В 1940–1950-е гг. интерес к изучению русской усадебной культуры проявляли лишь некоторые архитекторы и искусствоведы, в работах которых художественная значимость «поздних» усадеб рассматривалась в отрыве от истории, а их владельцы оставались «забытым классом»¹⁶.

Отметим, что к этому времени отдельные усадьбы, ранее принадлежавшие московской буржуазии, получили музейно-мемориальный статус в связи с тем, что здесь в советское время жили общественные и политические деятели. Это обусловило появление путеводителей и монографий, где подлинная история подобных культурных памятников замалчивалась или искажалась. Это относится, например, к усадьбе «Иславское» в Звенигородском уезде И.В. Морозова — директора правления Товарищества мануфактур В. Морозова с сыновьями, где в 1936 г. умер А.М. Горький, после чего там была открыта мемориальная экспозиция о жизни писателя; к усадьбе «Костино» в Московском уезде А.Н. Крафта — совладельца Торгового дома «Братья Крафт» и к усадьбе «Горки» в Подольском уезде З.Г. Морозовой-Рейнбот, которые связаны с пребыванием В.И. Ленина. Тем не менее публикации об этих местах сохранили редкую, позже утраченную, иконографию и зафиксировали отрывочные факты их истории¹⁷.

Новый этап в изучении русской усадьбы начался в 1970–1980-е гг., когда она стала рассматриваться как проявление духовной среды эпохи¹⁸. В этот период появились серьезные исследования, раскрывающие «художественные искания и напряженный драматизм русской

Главный дом в имении З.Г. Морозовой-Рейнбот «Горки» Подольского уезда.
Архитектор Ф.О. Шехтель. 1925 г. ГИМЗ «Горки Ленинские»

духовной жизни», что весьма актуально для понимания феномена «поздней» усадьбы¹⁹.

Фактически первой работой, показавшей общую эволюцию усадебной культуры с точки зрения ее художественного и духовного мира, стала книга М.А. Аникста, В.С. Турчина и В.И. Шередеги «...В окрестностях Москвы»²⁰, где подмосковные были исследованы на широком временном отрезке — с XVII в. до начала XX в. В заключение своего колоссального труда авторы сделали вывод о том, что реформа 1861 г. ликвидировала «любые попытки развития усадеб»²¹, отказывая отечественной буржуазии в способности играть созидательную роль в русской культуре.

Взгляд исследователей на отдельные аспекты интересующей нас проблемы подчас мог быть весьма неожиданным. В 1982 г. известный филолог академик Д.С. Лихачев опубликовал книгу «Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст», где попытался «прочитать» такую важную составляющую загородной усадьбы, какой является ее садово-парковый ансамбль. «Сад и парк, — утверждал он, — теснейшим образом связаны не только с бытовой жизнью, протекающей в них, но со всем строем создавшего их общества. Дело не только в изменяющемся назначении сада и парка, но и в том, что многие из сторон садово-паркового искусства прошлого имели смысл только ...при определенном общественном укладе»²². Хотя автор и не затронул непосредственно имений московской буржуазии, он подметил в садово-пар-

ковом искусстве конца XIX — начала XX в. свойственную этой эпохе «эклектику»²³.

Важным событием в усадебной историографии, вызванным к жизни возросшим общественным и научным интересом к роли усадьбы в русской культуре, стало воссоздание в 1992 г. Общества изучения русской усадьбы, что способствовало накоплению фактического материала по истории имений позднего времени и выработке методики их изучения. Регулярно выходящее издание «Русская усадьба» на своих страницах помещало и до сих пор помещает наиболее интересные статьи искусствоведов, архитекторов, историков, специалистов музейного дела, краеведов разных регионов России²⁴.

По мере того как шло накопление материала, все явственнее стала ощущаться необходимость выработки общих подходов к вопросам типологизации усадеб, выявления этапов эволюции усадебной культуры, создания четкого понятийного аппарата. Принципиальная роль в определении направлений и масштабов изучения этих задач принадлежала Л.В. Ивановой, Т.П. Каждан, Е.И. Кириченко, С.О. Шмидту. Уже на первой научной конференции ОИРУ, состоявшейся в 1992 г., С.О. Шмидтом был поставлен вопрос о «разработке достаточно многомерной и гибкой шкалы критериев для определения типичных черт разного «класса» усадеб»²⁵.

Разработке «подходов к изучению русской усадьбы» уделила в начале 1990-х гг. много внимания Л.В. Иванова, которая считала важным «в усадебной культуре выявить влияние культуры дворянства, культуры идущего ему на смену купечества, буржуазии»²⁶.

Тогда же Т.П. Каждан обратила внимание на «новые» свойства усадеб пореформенного времени²⁷. В дальнейшем она не раз возвращалась к теме значения для русской культуры художественного мира «поздней» усадьбы, настаивая на продолжении развития усадебной культуры в целом и после реформы 1861 г. Она ввела в научный оборот термин «купеческая» усадьба и сделала первую попытку классификации усадеб этой эпохи²⁸.

Во время как тема «купеческой» усадьбы завоевывала себе место в сфере интересов академической науки, огромный резонанс не только в московском регионе, но и за рубежом вызвала состоявшаяся в 1991 г. фотодокументальная выставка «Москва купеческая». Она была организована энтузиастами изучения истории отечественной буржуазии М.С. Дроздовым и М.В. Золотаревым²⁹ и стала первым фактом общественного признания значения предпринимателей в России, своего рода «визуальной монографией». Выставка, на которой экспонировалось более 600 уникальных фотографий и подлинных документов из семейных архивов купеческих семей, ввела в оборот новые источники, показала перспективы изучения предпринимательского класса во всех сферах его деятельности и культуры, в том числе и в эволюции усадьбы.

Усадьба Е.А. и Ю.А. Лубны-Герцык «Ивановское» Богородского уезда. 1920 г.
Семейный архив Герцыков

С начала 1990-х гг. появились десятки исследований, в которых подмосковные усадьбы конца XIX – начала XX в. рассматривались с разных точек зрения. Эти работы условно можно разбить на несколько групп. Первая касается изучения архитектурных ансамблей и деятельности зодчих в имениях деловой элиты или проблем истории садово-парковых комплексов. Строго документированные и основанные на архивных материалах и результатах исследований реставрационных, проектировочных и других научных центров труды М.В. Нащокиной, Л.А. Перфильевой, Г.А. Поляковой, И.Н. Слюньковой обеспечивают исследователей надежным материалом специального характера³⁰.

Вторая группа продолжает традицию «усадьбоописаний». Их авторы вводят в научный оборот доступные им ценные мемуарные свидетельства о жизни предпринимателей в имениях, никак их не комментируя³¹.

К третьей относятся работы, написанные «на стыке» различных направлений науки. Их характерными чертами являются многоаспектность и новизна подходов³². Как это ни удивительно, но первопроходцем здесь стала американская исследовательница П. Рузвельт. Ее богато иллюстрированная монография «Жизнь в русской сельской усадьбе. Социальная и культурная история»³³ оказалась первым обобщающим трудом по истории русской усадьбы с истоков до 1917 г. Но, традиционно проводя равенство между дворянской культурой и культурой усадебной,

Рузвельт констатировала ее упадок после 1861 г., когда «богатые купцы, эти новые аристократы», стали скупать имения, бывшие олицетворением «хорошей жизни». Наличие же «центров культурной жизни» в поместьях предпринимателей она считала явлением случайным, вызванным тем, что отдельные прогрессивные владельцы смогли воспринять веяния времени³⁴.

Значимым событием этих лет стало появление монографии Т.П. Каждан «Художественный мир русской усадьбы». Она впервые написала о том, что «процесс изменения усадебного мира — его быта, архитектурной и садово-парковой среды — длился несколько десятилетий и отнюдь не завершился “вдруг”»³⁵. Однако трудно согласиться с выводом автора о том, что «важнейшим признаком типологических изменений», которые происходили во второй половине XIX в. в русской культуре, было постепенное «перемещение» усадебных художественно-культурных центров от крупных дворянских меценатских поместий «к усадьбам, принадлежащим средним слоям дворянства, а иногда и разночинцам, представителям творческой интеллигенции того времени — литераторам, художникам, музыкантам, ученым»³⁶.

Особняком среди публикаций последнего времени стоит научный каталог «Подмосковные усадьбы», составленный А.И. Фроловым, который, продолжая традиции первых усадебоведов, смог провести достаточно полную фиксацию памятников в московском регионе. Он стремился показать усадьбу как синтетическое явление российской действительности, и это справочное издание содержит колоссальную информацию самого разного свойства, дает представление о всестороннем усадебном мире, активизирует комплексное изучение и охрану этого пласта культурного наследия³⁷.

Подводя итог почти столетнему периоду изучения русской «поздней» усадьбы, хочется заметить, что обилие фактов ныне выявило нехватку концепций и методов, способных объяснить собранные свидетельства. Потребность систематизировать огромный фактический материал стала причиной появления монографии Института российской истории РАН «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России в XVI—XX вв.», в которой были намечены новые направления в разработке темы русской пореформенной усадьбы³⁸.

Параллельно и одновременно в российской науке шел процесс изучения землепользования и положения владельческих хозяйств во второй половине XIX — начале XX в. И хотя тема хозяйственного устройства конкретных усадеб экономистами и историками-аграрниками игнорировалась, их исследования частновладельческого хозяйства после реформы 1861 г. важны для понимания сути помещичьего землевладения, его связи с аграрной политикой правительства, особенностей продаж дворянских имений лицам иных сословий, земельной аренды, сельскохозяйственного кредита в России, положения русской деревни³⁹.

Бесспорно, вопрос эволюции «поздней» усадьбы нельзя рассматривать отдельно и от проблемы складывания класса буржуазии, т.е. класса новых землевладельцев. Изучение истории отечественного предпринимательства показало, что на рубеже XIX—XX вв. сословная структура общества под влиянием объективных социальных процессов подверглась значительным изменениям. В этот период «купечество» уже отнюдь не было синонимом «буржуазии», поскольку та абсорбировала выходцев из других сословий, в том числе дворян, мещан и крестьян. Уже в конце XIX в. обозначился процесс формирования новой элиты российского общества, в состав которой входили представители как «привилегированных», так и низших сословий⁴⁰.

Хочется заметить, что до сих пор социально-психологический облик торгово-промышленного деятеля как владельца сельской усадьбы не находился в поле внимания исследователей. Между тем, сохранив в своей среде особенности выдвинувших их слоев и сословий, московские предприниматели привнесли в усадебную культуру многообразие ранее не свойственных ей традиций. Эта страта была чрезвычайно разнородной не только по составу, но и по уровню образования, ценностным установкам и мировоззрению.

Для тех представителей Москвы купеческой, которые прошли сложный путь от сословной ограниченности до общественно-политическо-

Белая гостиная в подмосковной усадьбе П.П. Рябушинского «Александрово» Московского уезда. 1913 г.

го лидерства, и предпринимательство, и общественная деятельность, и меценатство, и приобретение имения были возможностью повысить свой социальный статус, утвердить себя как личность⁴¹. Особенности своего самосознания деловая элита реализовала в пространстве сельской усадьбы, где предприниматель мог создать свой частный мир, соответствующий его хозяйственным потребностям и мировоззренческим установкам.

Важно понимать, что в эпоху складывавшихся в России рыночных отношений владение загородной собственностью приобретало характер «предприятия», т.е. дела коммерческого. На наш взгляд, для исследования подобного феномена с позиций социальной психологии серьезное значение имеют взгляды Г.Р. Наумовой, которая доказала, что хозяйственный опыт, рассматриваемый исторически, обнаруживает «скрытые до недавнего времени стороны и свойства», которые связаны «с осознанным и неосознанным индивидуальным и социальным выбором хозяйствующих субъектов»⁴².

Проведенный экскурс в изучение сельских усадеб и частного землевладения в конце XIX – начале XX в. позволяет увидеть вклад исследователей разных направлений и поколений в разработку такой многоаспектной проблемы, какой является сельская усадьба, и обозначить направление новых поисков в этой области.

2. В ПОИСКАХ ИСТОЧНИКОВ: ИХ ВЫЯВЛЕНИЕ И ТРАКТОВКА

...Факт имеет свой источник в процессе, но сам не становится источником следствий, после него обнаружившихся; эти следствия вытекли бы из него, если бы он обнаружился не в этом факте, а в какой-либо иной форме, в другом сочетании явлений.

В.О. Ключевский

Широко распространено мнение, что изучение усадьбы «эпохи железнодорожного века» почти невозможно, так как для этого недостаточно источников. Но такой вывод лишь указывает на необходимость выявления их новых типов и видов. На наш взгляд, хранителями обширной информации служат практически все составляющие культурного пространства усадьбы, но эти вещественные, архитектурные, природные и духовные памятники прошлого нелегко интерпретировать.

Разумеется, нельзя игнорировать и традиционные источниковые комплексы, ценность которых уже определена в исторической науке. Известно, что первостепенное значение для типологизации сельских усадеб московской буржуазии имеют материалы статистики землевладения и землепользования земских учреждений и государственных ведомств, которые уже исследовались отечественными историками⁴³.

Однако для создания картины внутреннего строя пореформенной усадьбы мало использовать только опубликованные земские статистические обследования частновладельческих хозяйств Московской губернии, собранные Отделом хозяйственной статистики⁴⁴. Только первичные описания имений, составленные земскими агентами, позволяют непосредственно увидеть их жизнь⁴⁵. Этот вид документов имеет свои особенности, обусловленные тем, что земские обследования проходили в уездах не одновременно и по различным программам. Выбор объектов также был случаен. Как отмечал один из руководителей земского опроса, «хозяйства брались, главным образом, те, на которые указыва-

ли уездные управы, брались и те также, которые представляли собой интерес, судя по рассказам местных жителей»⁴⁶.

Анкеты, по которым земцы вели сбор данных, представляли собой бланки, содержавшие вопросы о количестве земли в имении, размере запашки, способах ведения полевого и другого хозяйства, аренде угодий и хозяйственных построек, рабочей силе, количестве скота и инвентаря, иногда — о доходности имения, стоимости рабочей силы и прочем.

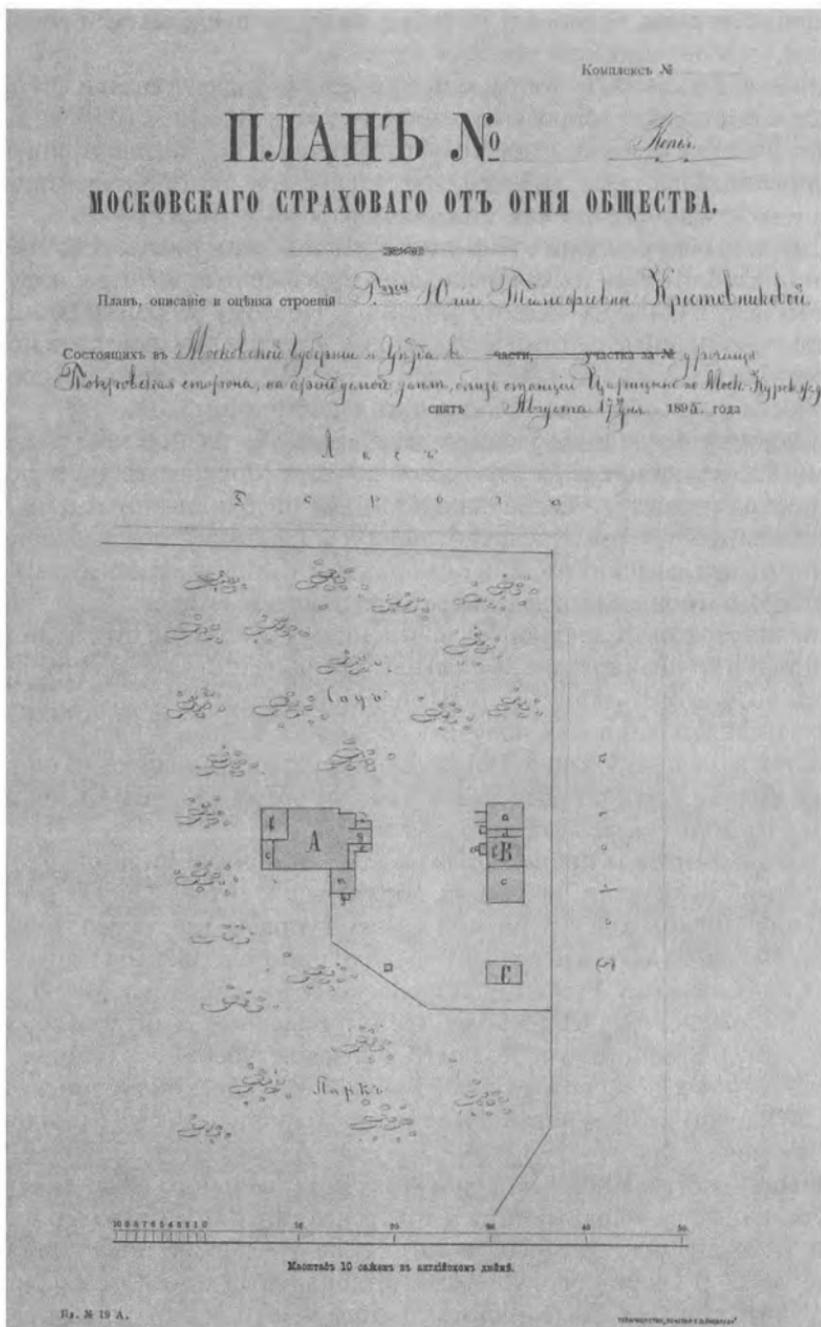
Сведения обо всем этом собирались членами статистических комиссий, но недостаточная их квалификация и разное отношение к порученному делу влияли на полноту описаний. Поэтому особенно ценны анкеты, заполненные самими владельцами усадеб. Они помогают понять мотивацию покупки имения, частное отношение к земельной собственности и способы землепользования в конкретном хозяйстве.

Дополнительную информацию несет изучение планов земельных владений, сохранившихся в Чертежной конторе Московской губернской земской управы⁴⁷, а также использование опубликованных и неопубликованных отчетов Отдела санитарной статистики⁴⁸, содержащих описания владельческих имений с фабриками, схемы участков и сведения о взаимоотношениях владельцев с крестьянским миром.

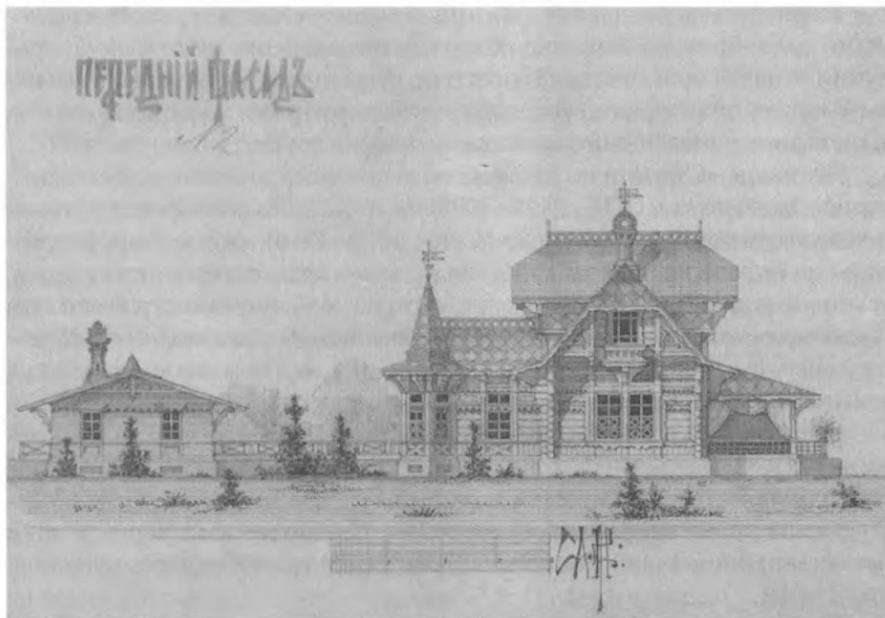
Анализ страховых документов по имениям московской буржуазии, найденных в личных архивах владельцев или фондах страховых компаний, дал возможность понять методы оценки усадебных строений, представить их вид, планировку, получить сведения о закладе и других особенностях землепользования. Обнаружение страховых полисов на одно и то же имение у разных владельцев в разное время дает возможность проследить этапы складывания хозяйства.

Чтобы понять, как происходила на деле концентрация земли в руках крупной буржуазии, пришлось обратиться к архиву Оценочного отделения Московской губернской земской управы, где сосредоточены нотариальные акты о переходах земли от одного владельца к другому по Серпуховскому, Рузскому, Подольскому, Можайскому, Московскому, Коломенскому, Клинскому, Звенигородскому, Дмитровскому, Верейскому и Бронницкому уездам Московской губернии⁴⁹. Несколько тысяч единых форм сохранилось в архиве Московской губернской земской управы крайне неравномерно, но значение этих материалов для изучения истории русской усадьбы трудно переоценить. Стандартный бланк, составленный на основании нотариального акта, включает сведения о размерах имения и его стоимости, дате продажи и покупки, предыдущих переходах земли, имена продавца и покупателя, их сословие. В своей совокупности нотариальный архив позволяет представить этапы складывания земельного владения и его трансформацию на микроуровне.

В свое время известный литературовед и философ Ю. М. Лотман предупреждал об опасности для исследователя, взявшегося воспроизвести

План строений в имени Ю.Т. Крестовниковой «Загорье» Московского уезда, выполненный при их страховании в Московском страховом от огня обществе. 1895 г. Семейный архив Крестовниковых

Неосуществленный проект главного усадебного дома в имении Ю.Т. Крестовниковой «Загорье». 1890-е гг. Семейный архив Крестовниковых

«синтетический облик культуры данного времени», при создании эффектной целостной картины действительности достичь единства ценной забвения всего, что этому единству противостоит⁵⁰. Избежать такого возможно, исследовав правовое поле, имеющее отношение к сельской усадьбе в окрестностях Москвы: поправки к «Законам о состояниях», регулирующие процесс купли-продажи земли; уставы и положения о найме сельских рабочих; общие правила уплаты сборов и платежей по имениям в пользу государства; постановления уездных земских управ о раскладке земских сборов по уездам; правила, регулирующие транспортные перевозки и тарифы; общие и региональные положения о торговле и другие нормативные документы.

Положение собственника сельской недвижимости становится более понятным, если обратиться к прессе, которая отразила растущий интерес состоятельных людей к приобретению земли, а также реалии деятельности землевладельцев.

Во второй половине XIX в. появились многочисленные издания, рассчитанные на помещиков, заинтересованных в рациональном ведении дела в своем имении⁵¹. На их страницах публиковались статьи по аграрным вопросам, письма землевладельцев в редакцию, рекламные объявления фирм и «экономий» о продаже механизмов и семян, а также другие материалы, рисующие внутреннюю жизнь имений.

Еженедельный иллюстрированный журнал «Хозяин», к примеру, помимо всего прочего помещал обзор цен на сельскохозяйственную продукцию, давал практические советы по регулированию отношений с наемными работниками, вел постоянные рубрики «Вопрос—ответ», «Дневник неунывающего хозяина» и многие другие.

Журналы «Строитель. Вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества» (СПб., 1895—1905) и «Зодчий. Журнал архитектурный и художественно-технический» (СПб., 1872—1916), хотя и были рассчитаны на определенный круг специалистов — архитекторов, инженеров, технологов, сообщали заказчику новости об особенностях строительства усадебных и хозяйственных построек, давали информацию о новых строительных материалах и технических проектах, зарубежных и российских архитектурных и промышленных экспозициях, выставках жилища.

Важную роль в жизни усадьбы на рубеже XIX—XX вв. играли уже упоминавшиеся журналы «Столица и усадьба», «Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины» и «Мир искусства. Художественный иллюстрированный журнал». Их материалы формировали представление об «аристократическом» стиле жизни у класса предпринимателей.

Пресса культивировала желание обзавестись помещьем, рассказывая об имениях знаменитостей. Так, о подмосковной резиденции императрицы Марии Александровны при селе Ильинском репортеры писали: «Все в нем прекрасно, уютно, удобно. Весь дворец убран цветами и экзотическими растениями, кругом роскошные цветники, далее во все стороны молодые чистенькие рощицы, прорезанные дорожками; овраги, крытые аллеи, мостики, на холмах — киоски, беседки...»⁵². Одна из тенистых аллей в «Ильинском» вела к племенной ферме. При скотном дворе был устроен небольшой, «изящный», украшенный старинными гравюрами павильон, где государыня пила молоко.

Иллюстрированные журналы информировали своих читателей о том, как устроены загородные виллы во Франции, Германии и Англии. Из них можно было узнавать, как спланирован телятник в имении Великого князя Николая Николаевича⁵³; какими техническими новшествами снабдил свой конный двор миллионер фон Дервиз в «Старожилово»⁵⁴; как выглядела дача царедворца А.А. Половцова в Нарве, где проживали их императорские величества в 1890 г.⁵⁵; как удалось князю В.Д. Голицыну в имении «Тремьяч» воссоздать сад французских королей и многое другое. Они помещали статьи — с приложением чертежей и планов — о птичниках, молочных, пасаках, свиных хлевах и голубятнях в имениях членов Императорского дома, крупных государственных чиновников и денежной аристократии, предлагая своим читателям следовать этим образцам.

Моду на предметы интерьера в загородных домах диктовали «Вестник моды», «Модный свет», «Модный курьер» и другие популярные издания⁵⁶. Понятие моды в конце века приобрело всеобъемлющую трак-

товку. «Мода касается не только наших костюмов, ботинок, причесок и шляп; она входит также в подробности нашей мебелировки, в наш образ жизни», — провозглашало одно из этих изданий⁵⁷.

На страницах «Модного света и модного магазина» или других подобных журналов рассказывалось о последних веяниях «дачной моды». Детально описывались прелестные наряды «для фермы», летние шляпы, кружевные зонтики для прогулок в коляске и «купальные манто». Рисунки появившихся в обиходе гамаков, плетеной садовой мебели, «прибрежных кресел» для принятия солнечных ванн, «шатров» для пикников ненавязчиво формировали культуру жизни «на пленэре».

Как «изящный подарок» детям предлагалась игрушка-«усадьба»: кукольный домик с парком, гротом, прудом «для лебедей и уток», клумбами, крошечным кегельбаном, аллеями, вдоль которых были расставлены миниатюрные скамейки⁵⁸. Стремясь приобрести модные предметы искусства, старины и быта «а la page»⁵⁹, читательницы готовы были платить любую цену.

Информацию о жизни пореформенной усадьбы, о купле-продаже имений, принципах оценки их продавцами и о потребностях покупателей содержали ежедневные газеты «Московский листок» (М., 1881—1918), «Русские ведомости» (М., 1863—1916), «Московские ведомости» (М., 1756—1916). Публикуемые в них обзоры, колонки новостей, хроника, фельетоны, репортажи и объявления позволяют воссоздать «мелочи» усадебной жизни в сфере притяжения Москвы и выявить детали, которые не сохранил никакой другой вид источника. Особенно ценным в этом смысле представляется «Торгово-промышленный листок объявлений» (М., 1892—1913), печатавший разнообразные сведения о «предложении» на «усадебном рынке»⁶⁰.

В отличие от владельческих дворянских архивов, хозяйственные архивы представителей русской буржуазии — собственников усадеб — практически отсутствуют. Обнаруженные случайно, они крайне разрознены⁶¹. Но даже в неполном виде приходно-расходная и другая документация по имениям московской деловой элиты позволяет увидеть, как функционировало частное хозяйство, реконструировались старые постройки, создавалась новая культура.

Счета фирм-поставщиков, владельцами которых, кстати, были близкие знакомые или деловые партнеры торговцев и промышленников, хранились наряду с каталогами товаров различных фирм, накладными на получение грузов, расписками подрядчиков, наемных рабочих и крестьян, так или иначе причастных к строительным или иным мероприятиям.

Фрагментарные, но чрезвычайно важные сведения несет хозяйственная документация организаций и учреждений, возникших в советские годы на месте национализированных усадеб. Описи движимого и недвижимого имущества и предметов искусства, акты о передаче ценностей по инстанциям зарегистрированы в делах предприятий, созданных на базе крупных

Дачные моды. Иллюстрация из журнала «Модный свет и модный магазин». 1883 г.

Игрушка «Усадебный сад». Иллюстрация из журнала «Модный свет и модный магазин». 1884 г.

имений, как это произошло, например, при передаче имущества имения З.Г. Морозовой-Рейнбот сельхозу «Горки – ВЦИК» в 1918 г.⁶²

Анализ списков ценностей, учтенных при национализации или вывезенных из имения, позволяет реконструировать утраченные интерьеры сельских усадеб и их материальную базу. Карточки, составленные сотрудниками комиссий Наркомпроса при передаче предметов искусства из усадеб в Национальный музейный фонд, служат материалом для воссоздания полноты коллекций поздних усадеб⁶³. Так, в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи среди документации Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины за 1918 г. были обнаружены описи художественных произведений, взятых «на временное хранение» при согласии их владельцев – московских капиталистов Евф.П. Носовой, М.К. Морозовой, О.П. Зиминой и других⁶⁴.

Представительские материалы имений достаточно информативны. Как выяснилось, состоятельные дельцы не только заказывали и строили загородные архитектурно-парковые ансамбли. Они всеми возможными способами реализовывали себя в качестве «новых аристократов»: устраивали пышные праздники и музыкальные приемы, выпуская красочные афиши и программы; помещали фотографии новых господских домов на личной почтовой бумаге или на меню торжественных обедов по случаю новоселья в усадьбе; заказывали «парадные» фотоальбомы усадебных интерьеров, придуманных для них архитекторами. Они воспринимали себя «помещиками нового формата», но продолжали оставаться и тут предпринимателями, создавая рекламу себе и своему детищу.

Продолжая привычную для них практику ведения документации в фирме, они особым образом оформляли кассовые книги имений и счета своих

Приглашение на новоселье в усадьбе В.Е. Морозова «Одинцово-Архангельское» с фотографией главного дома на лицевой стороне и автографом архитектора Ф.О. Шехтеля – на оборотной. 1894 г.

Одинцово-Архангельское.

Имъние В. Е. и Е. Н. Морозовыхъ.

Обѣдъ

20 июля 1894 года.

Супъ пюре и консоме.

Кулебячки и пирожки.

филе Ренесансъ.

Стерляди въ бѣломъ винѣ.

Котлеты изъ рябчиковъ.

— Луншъ бананъ.

Жаркое: дичь разная.

Quartet Тріо изъ зелени.

шорф Суфле-гласе изъ ананасовъ.

фрукты.

Кофе. — *и море Шал-Пашево.*

В. П. устроилъ обѣдъ

Сливки и медъ

и варенье с медомъ

и варенье 20 копѣй.

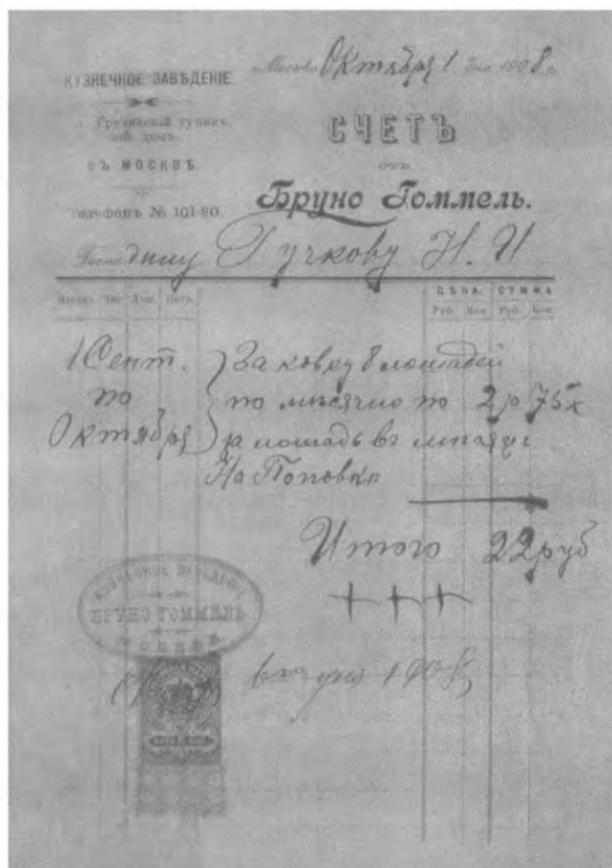
и варенье на варенье

ГМА И РАЗДЕЛ

7538

15,3 x 10

Счет Н.И. Гучкову
кузнечного заведения
Бруно Гоммель за ковку
лошадей в имении
«Поповка» Звениго-
родского уезда. 1908 г.
ОПИ ГИМ

сельскохозяйственных производств. Если же во владении предполагалось создание промышленного предприятия, работающего на рынок, заказывались сложные, художественно исполненные бланки, несущие информацию как об истории этого предприятия, так и о личности владельца.

Реконструировать внутреннюю жизнь обитателей усадеб московского предпринимательского слоя непросто: это был весьма замкнутый мир. Но восполнить этот пробел удалось, используя семейные фотоальбомы владельцев усадеб, многие из которых были фотографами-любителями. Поиск фотодокументов, несущих в себе большой информационный потенциал, достаточно сложен. Они хранятся в личных архивных фондах владельцев, в семьях потомков московских предпринимателей и в частных коллекциях, и требуется немало времени, чтобы собрать и проанализировать визуальные факты.

Историко-бытовые коллекции усадеб и библиотеки последних хозяев сегодня все еще можно исследовать, обратившись в музеи-усадьбы или учреждения, возникшие на основе их материальной базы. Бывают

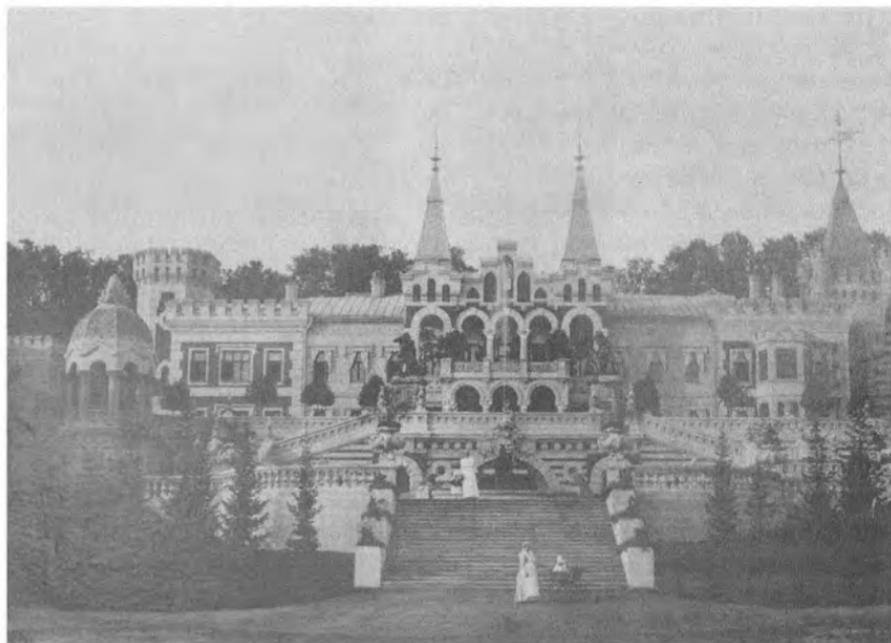
случаи, когда усадебные предметы передаются в организации случайно, как это было в 1930-е гг., когда в Московский институт химического машиностроения поступила коллекция керамических изделий, выполненная в Абрамцевской гончарной мастерской С.И. Мамонтова.

Время неотвратимо уничтожает последние следы усадебной цивилизации. В некоторых местах единственным воспоминанием о существовавшем когда-то имении является садово-парковая среда, которая также может способствовать исторической реконструкции прошлого, ибо несет в себе информацию о планировке усадьбы.

Для того чтобы более полно воссоздать культурный и духовный мир усадьбы московской буржуазии, уместно обратиться к живописным и графическим изображениям, которые зафиксировали облик поместья. Например, этюды и законченные работы художников-пленэристов, гостивших в имении «Дудино» фабрикантов Мещериных в Подольском уезде, донесли до нас информацию о том, как выглядели отдельные уголки этого интересного владения. На полотне И.И. Левитана «Замок» перед нами предстает усадьба Серг.Т. Морозова «Успенское» Звенигородского уезда. Живую картину жизни «Абрамцева» Е.Г. и С.И. Мамонтовых воспроизводят работы В.М. и А.М. Васнецовых, И.С. Остроухова, В.А. Серова, К.А. Коровина, И.Е. Репина и многих других русских живописцев.

Чрезвычайно интересны для исследователя мемуары представителей торгово-промышленного сословия. «Купеческие мемуары являются, прежде всего, историческим памятником с бытовым содержанием, — отмечал член общества «Старая Москва» Б.Б. Кафенгауз еще в 1920-е гг. — В них отразились, наряду с домашним бытом, семейным укладом и воспитанием детей, также и деловая хозяйственная жизнь буржуазии»⁶⁵. Опубликованные и неизданные записки З.Г. Морозовой-Рейнбот, С.И. Зимина, А.В. Морозова, С.И. Мамонтова, Е.Б. Новиковой, Е.Д. Штеккер, Ф.О. Шехтеля, Е.А. Андреевой-Бальмонт, О.И. Морозовой-Свидерской, В.П. Рябушинского, Ю.А. Бахрушина, М.В. Лепешкиной, С.И. Четверикова, К.С. Станиславского и многих других показывают эволюцию русской буржуазии, сохраняют множество фактов о внутренней жизни семей Москвы купеческой.

Изучение мировоззренческой базы понятия сельской усадьбы конца XIX — начала XX в. невозможно без обращения к философским, публицистическим и литературным произведениям. Культурная среда Москвы во второй половине XIX в. стала существенно меняться. «До шестидесятых годов нашего века читающая, мыслящая и художественно творящая Москва была исключительно господская, барская, — писал знаток московской жизни П.Д. Боборыкин. — В последние двадцать лет, с начала шестидесятых годов, бытовой мир Замоскворечья и Рогожской тронулся: детей стали учить; молодые купцы попадали не только в коммерческую академию, но и в университет; дочери заговорили по-английски и заиграли ноктюрны Шопена. ...Тягаться с некоторыми

Усадьба С.П. фон Дервиза «Кирицы» Рязанской губернии. Архитектор Ф.О. Шехтель. 1889 г.

коммерсантами, поднявшимися уже до барского тона и привычек, нет возможности»⁶⁶.

Становление в пореформенную эпоху Москвы как общерусского культурного центра сопровождалось трансформацией социально-политического идеала, связываемого с народной традицией. Идеи славянской общности, подъема национальной промышленности и культуры были с легкостью восприняты нарождавшейся русской буржуазией. Литература и публицистика отразили ту многообразную среду, в которой происходило сближение культур и идеалов различных социальных миров русской культуры. Произведения Ф.М. Достоевского, С.Н. Булгакова, В.Г. Короленко, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, А.А. Фета, П.Д. Боборыкина, А.П. Чехова и многих других стали зеркалом общественных колебаний и устремлений.

Синтетический подход, основанный на привлечении впервые вводимых в научный оборот материалов, дающих разнообразные сведения по истории пореформенной усадьбы, а также анализ всех имеющихся в нашем распоряжении артефактов, наряду с уже апробированными документами, дали возможность осуществить комплексное исследование сельской усадьбы московских предпринимателей во второй половине XIX – начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

¹ *Врангель Н.Н.* Усадьбы и их обитатели // Старые усадьбы. СПб., 2000. С. 33.

² *Клейнмихель Н.В., Лукомский Г.К.* Натальевка // Столица и усадьба. 1915. № 32. С. 4–9.

³ Любимовка // Там же. 1916. № 64, 65. С. 17.; *Дм. И.* Любвино – новокупеческая усадьба // Там же. 1915. № 29. С. 1–5; *Лукомский Г.К.* Введенское // Там же. 1916. № 59. С. 3–6 и др.

⁴ Любимовка // Там же. 1916. № 64, 65. С. 17.

⁵ Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1–6. М., 1928; Вып. 7, 8. М., 1929.

⁶ *Урениус М.* Абрамцево // Подмосковные музеи. Остафьево. Мураново. Абрамцево. М., 1925. Вып. 3. С. 67.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 402 (Старая Москва); Ф. 134 (Миллер П.Н.); ОР РГБ. Ф. 177 (Московское областное бюро краеведения).

⁸ *Перцов П.П.* Усадебные экскурсии: Поездки по железным дорогам. М.; Л., 1925.

⁹ *Морозов В.В., Ольсен Б.О.* Экскурсии и прогулки в окрестностях Москвы: более 100 маршрутов: с приложением схематической карты окрестностей Москвы. М.; Л., 1926.

¹⁰ Среди коллекционеров: Ежемесячник искусства и художественной старины. Искусство русской усадьбы. Июль – август. Нижний Новгород, 1924. С. 3.

¹¹ Московский краевед. М., 1928. Вып. 7, 8. Музейный. С. 44.

¹² *Картавцов И.М.* Усадьбы Московской губернии: Опыт библиографического указателя. М., 1927.

¹³ Памятники усадебного искусства: Московский уезд. М., 1928.

¹⁴ На материалы, собранные ОИРУ и «Старой Москвой», опирались, в частности, Н.Я. Тихомиров и С.Б. Веселовский. См.: *Тихомиров Н.Я.* Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955; *Веселовский С.Б.* Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX вв. М., 1962. Подробнее об этом см.: *Злочевский Г.Д.* Чтобы не прерывалась связь времен. (Общество изучения русской усадьбы в прошлом, настоящем и будущем) // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 117–118.

¹⁵ *Греч А.Н.* Венок усадьбам // Памятники Отечества. 1994. № 32. Неизвестным образом рукопись оказалась в Государственном Историческом музее, а в 1994 г. она была подготовлена к печати и опубликована Л.Ф. Писарьковой и М.А. Афанасьевой. Подробнее об этом см.: *Писарькова Л.Ф.* О неизданной

рукописи А.Н. Греча // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. М.; Рыбинск, 1994. Вып. 1(17). С. 18–21.

¹⁶ Примером такого подхода может служить глава об усадьбе «Горки» З.Г. Морозовой-Рейнбот в упомянутой монографии Н.Я. Тихомирова. См.: *Тихомиров Н.Я.* Указ. соч. С. 133–139; или статья А. Зальцмана о творчестве архитектора И.В. Жолтовского, где впервые был опубликован эскиз уникального арочного моста в имении члена совета Соединенного банка А.А. Руперти. См.: *Зальцман А. И.В. Жолтовский // Архитектура СССР.* 1940. № 5. С. 35–40.

¹⁷ *Роскин А.* Максим Горький: биографический очерк. М.; Л., 1936. С. 109; Рабочие и крестьяне России о Ленине: воспоминания. М., 1958. С. 296–297; *Волкова В.Н.* Ленин в Горках. М., 1969. С. 13.

¹⁸ *Борисова Е.А., Каждан Т.П.* Русская архитектура второй половины XIX – начала XX в. М., 1970; *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х гг. М., 1978; *Кириллов В.В.* Архитектура русского модерна. М., 1979; *Кириченко Е.И.* Архитектурные теории XIX в. в России. М., 1986.

¹⁹ Русская художественная культура второй половины XIX в.: социально-эстетические проблемы: духовная среда. М., 1988. С. 4; Взаимосвязь искусств в художественном развитии России второй половины XIX в. Идеиные принципы, структурные особенности. М., 1982; Художественные процессы в русской культуре второй половины XIX в. М., 1984, и др.

²⁰ *Аникст М.А., Турчин В.С., Шередега В.И.* «...в окрестностях Москвы»: из истории русской усадебной культуры XVII–XIX вв. М., 1979.

²¹ Там же. С. 333, 344.

²² *Лихачев Д.С.* Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Л., 1982. С. 451–452.

²³ Там же. С. 426–427.

²⁴ Издание сборников ОИРУ «Русская усадьба» было возобновлено с 1994 г.: Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1(17). М.; Рыбинск, 1994; Вып. 2(18). М., 1996; Вып. 3(19). М., 1997; Вып. 4(20). М., 1998; Вып. 5(21). М., 1999; Вып. 6(22). М., 2000; Вып. 7(23). М., 2001; Вып. 8(24). М., 2002; Вып. 9(25). М., 2003; Вып. 10(26). М., 2004; Вып. 11(27). М., 2005.

²⁵ *Шмидт С.О.* Усадебоведение и краеведение // Русская усадьба. М.; Рыбинск, 1994. Вып. 1(17). С. 78.

²⁶ *Иванова Л.В.* О воссоздании Общества изучения русской усадьбы и проблемах исследования усадьбы // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX в.: сборник статей по материалам научной конференции 22–24 ноября 1994 г. Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское». М., 1996. С. 8.

²⁷ *Каждан Т.П.* Некоторые особенности русской купеческой усадьбы конца XIX – начала XX в. // Русская усадьба. М., 1996. № 2(18). С. 78–89; *Она же.* Художественный мир русской усадьбы. М., 1997; *Она же.* Культура русской усадьбы. Раздел II, с 30-х годов до конца XIX в. // Очерки русской культуры XIX в. Т. 1: Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 317–374; *Она же.* К вопросу о типологии подмосковной купеческой усадьбы последней четверти XIX – начала XX в. // Русская усадьба. М., 1999. № 5(21). С. 47–60.

²⁸ *Каждан Т.П.* Некоторые особенности русской купеческой усадьбы конца XIX – начала XX в. // Русская усадьба. М., 1996. № 2(18). С. 81.

²⁹ Выставка была задумана и осуществлена М.С. Дроздовым и М.В. Золотаревым в рамках деятельности отдела пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в 1991 г.

³⁰ *Невежина С.М., Шкварикова Т.В.* Проблемы восстановления усадьбы «Губайлово-Знаменское» в городе Красногорске Московской области // Охрана и использование памятников садово-паркового искусства: сборник научных трудов. М., 1990. С. 53–65; *Полякова Г.А.* Флора и растительность старых парков Подмоскovie. М., 1992; *Нащокина М.В.* Усадебные постройки А.В. Кузнецова для семьи Морозовых // Труды Первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» (Морозовские чтения). Ногинск, 1996. С. 184–189; *Мельникова И.Д.* Проблемы реставрации дендрологической коллекции в усадьбе Морозовых // Там же. С. 142–146; *Перфильева Л.А.* Черемушки-Знаменское // Усадебное ожерелье Москвы. М., 1997. С. 21–46; *Слюнькова И.Н.* Усадьба и ее промышленный комплекс // Архитектура русской усадьбы. М., 1998. С. 198–212.

³¹ *Тишунина Т.Б.* «Введенское» в переписке Шереметевых-Гудовичей // Звенигород за шесть столетий: сборник статей. М., 1998. С. 186–191; *Филаткина Н.А.* Последние владельцы усадьбы «Ивановское» // Московский журнал. 1998. № 2. С. 54–58; *Добрынина Н.А., Золотарев М.В.* Богородские усадьбы. Тимофеевка // Альманах «Богородский край». 2000. № 1(6). С. 96–97; *Филаткина Н.А.* Афинеево // Русская усадьба. М., 2001. Вып. 7(23). С. 244–246; *Фролов В.Г.* История усадьбы «Соколово-Кучино» // Там же. С. 324–346; *Антонова А.Г., Давиденко С.В.* Горки // Дворянские гнезда России: история, культура, архитектура: очерки. М., 2002. С. 50–65; *Митрофанова Е.Н.* Вера Саввишна Мамонтова – «Девочка с персиками» // Отчина. 2002. № 1. С. 31–33; *Румянцева Л.* Елизавета Григорьевна Мамонтова // Там же. С. 36–39; *Филаткина Н.А.* «Валуево» в воспоминаниях последних владельцев // Русская усадьба. М., 2002. Вып. 8(24). С. 353–358; *Она же.* Владимирская усадьба «Сушнево» // Там же. М., 2003. Вып. 9(25). С. 526–532; *Ткаченко В.А.* Хозяйственная эволюция сельских господских усадеб с XIV в. по начало XX в. // Там же. М., 2005. Вып. 11(27). С. 31–48.

³² *Ногтева М.В.* Красногорские пенаты. Знаменское-Губайлово. Московская обл. // Мир русской усадьбы: очерки. М., 1995. С. 96–111; *Давиденко С.В., Савинова Е.Н.* Последняя хозяйка усадьбы «Горки»: Штрихи к портрету Зинаиды Григорьевны Морозовой // Музейный сборник Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские». М., 1996. Вып. 1. С. 30–38; *Они же.* Ф.О. Шехтель и Морозовы // Историко-культурное наследие России конца XIX – начала XX в.: Труды научной конференции, посвященной жизни и творчеству Ф.О. Шехтеля. М., 1997. С. 48–63; *Нащокина М.В.* Русские усадьбы эпохи символизма // Русская усадьба. М., 1998. Вып. 4(20). С. 316–345; *Андреева О.Н.* Мастерские усадьбы «Абрамцево» и художественные промыслы Сергиево-Посада во второй половине XIX – начале XX в. // Источники по истории русской усадебной культуры. Ясная поляна; М., 1999. С. 80–88; *Нащокина М.В.* Усадьба пушкинского времени в русской культуре эпохи символизма // Русская усадьба. М., 1999. Вып. 5(21). С. 57–88; *Арзуманова О.И., Любартович В.А., Нащокина М.В.* Керамика «Абрамцева» в собрании Московского государственного университета инженерной экологии. М., 2000; *Фролов А.И.* Подмосковные усадьбы на страницах «Торгово-промышленного листка объявлений» // Русская усадьба. М., 2001. Вып. 7(23). С. 83–107; *Ульянова Г.Н.* Предприниматель Сергей Четвериков: жизнь в России и в Швейцарии // Недвижимость за рубежом и в России. 2002. № 4(29). С. 77–80; *Савинова Е.Н.* Дачная жизнь в имении «Горки» // Русская усадьба. М., 2002. Вып. 8(24). С. 113–122; *Она же.* Социальный феномен купеческой усадьбы // Там же. М., 2003. Вып. 9(25). С. 123–130; *Нащокина М.В.* Художественный образ пореформенной усадьбы в русской живописи конца XIX – начала XX в. // Там же. М., 2005. Вып. 11(27). С. 61–98; *Савинова Е.Н.*

«Шахматово»: мир не только художественный, но и реальный // Там же. С. 310–320; *Фатуева Л.А.* Усадебный мир Гарднеров и Зиловых // Там же. С. 321–352; *Савинова Е.Н.* Имение «Райки» А.Т. Некрасовой в начале XX в. // Там же. С. 380–394.

³³ *Roosevelt Priscilla.* Life in the Russian Country Estate. A Social and Cultural History. Jale University, 1995.

³⁴ *Ibid.* P. iii, 320, 323–324.

³⁵ *Каждан Т.П.* Художественный мир русской усадьбы. М., 1997. С. 16.

³⁶ Там же.

³⁷ *Фролов А.И.* Усадьбы Подмосковья. М., 2003.

³⁸ *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России в XVI–XX вв.: исторические очерки.* М., 2000.

³⁹ *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. Изд 2. М., 1918; *Шестаков А.В.* Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924; *Дубровский С.* «Столыпинская реформа». Капитализация сельского хозяйства в XX в. Л., 1925; *Анфимов А.М.* Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961; *Он же.* Крупное помещичье хозяйство в Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1969; *Минарик Л.А.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М., 1971; *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978; *Проскуракова Н.А.* Статистика землевладения и землепользования // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979; *Он же.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988; *Литуев В.Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России: теоретические вопросы, информационная база данных, управление земельным рынком. М., 1997.

⁴⁰ *Берлин П.А.* Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922; *Гиндин И.Ф.* Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2, 3; *Бовыкин В.И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; *Гавлин М.Л.* Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. М., 1973. С. 166–188; *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900). М., 1974; *Гавлин М.Л.* Формирование крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. М., 1974; *Ананьич Б.Н.* Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991; *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России, конец XIX в. – 1914 г. М., 1992; *Наумова Г.Р.* Буржуазия // Отечественная история с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 311–314; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М., 1997; История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000; *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика. М., 2002; Предпринимательство и городская культура в России. 1861–1914 гг. / Сост. У. Брумфилд, Б.Н. Ананьич, Ю.А. Петров. М., 2002; *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004.

⁴¹ Особенности менталитета российских предпринимателей были выявлены в следующих работах отечественных историков: *Дмитриев С.С.* Очерки истории русской культуры начала XX в. М., 1985; *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; *Думова Н.Г.* Московские меценаты. М., 1992; *Гавлин М.Л.* Меценатство в России. М., 1994; Менталитет и культура предприни-

мателей России XVII—XIX вв.: сборник статей. М., 1996; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997; *Поткина И.В.* Деловая Москва: очерки по истории предпринимательства. М., 1997; Морозовы и Москва: Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» (Морозовские чтения), 26—27 декабря 1997 г. М., 1998; *Морозова Т.П., Поткина И.В.* Савва Морозов. М., 1998; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914 гг. М., 1999; *Брянцев М.В.* Культура русского купечества (воспитание и образование). Брянск, 1999; История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000.

⁴² *Наумова Г.Р.* Русская фабрика (проблемы источниковедения). М., 1998. С. 15.

⁴³ *Анфимов А.М.* «Свод по России» как источник изучения помещичьего хозяйства XX в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 8. С. 31—32; *Минарик Л.А.* «Статистика землевладения 1905 года» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения в начале XX в. // Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. М., 1964. С. 56—73; *Селунская Н.Б.* Источники по истории помещичьего хозяйства // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; *Проскуракова Н.А.* Статистика землевладения и землепользования // Там же. С. 219—244; *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы изучения. М., 1982.

⁴⁴ См.: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 1. Вып. 1. Московский уезд. Статистические сведения о хозяйственном положении Московского уезда / Сост. В. Орлов. М., 1877; Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. Очерк хозяйства частных землевладельцев / Сост. Н. Каблуков. М., 1879; Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 2. Хозяйства частных землевладельцев Московской губернии. Уезды: Можайский, Волоколамский, Рузский, Звенигородский, Верейский и Бронницкий / Сост. К. Вернер. М., 1883; Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 гг. Т. 4. Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения. Вып. 1: Земледельческое хозяйство. М., 1907, и др.

⁴⁵ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10 (Московская губернская земская управа. Статистическое отделение).

⁴⁶ Там же. Д. 2447. С. 109 (Справка «Частновладельческие хозяйства Московской губернии». 1878 г.).

⁴⁷ Там же. Оп. 16 (Московская губернская земская управа. Чертежная контора).

⁴⁸ См.: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 3. Вып. 8. М., 1883; Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 3. Вып. 11. Санитарное исследование фабричных заведений Богородского уезда. Ч. 1 / Под ред. А.В. Погожева. М.: Московское губернское земство, 1885.

⁴⁹ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9 (Московская губернская земская управа. Оценочное отделение).

⁵⁰ *Лотман Ю.М.* Художественный ансамбль как бытовое пространство // Избранные статьи. Т. 3. Таллин, 1993. С. 316.

⁵¹ Сельское хозяйство и лесоводство: журнал Министерства государственных имуществ. СПб., 1865—1918; Сельский хозяин: журнал практического

сельского хозяйства и домоводства. СПб., 1885–1916; Сельскохозяйственный журнал Императорского Московского общества сельского хозяйства. М., 1886–1916; Сельское хозяйство и домоводство. СПб., 1887–1904; Хозяин: сельскохозяйственный и экономический журнал. М., 1901–1905; Сад и огород. СПб.: Российское общество любителей садоводства, 1903–1916, и др.

⁵² Село Ильинское и его окрестности // Всемирная иллюстрация. 1869. № 28. С. 23–25.

⁵³ Телятник Знаменской фермы // Зодчий. 1875. № 8. С. 103–104.

⁵⁴ Конский двор в имении г. фон Дервиза в селе Старожилове // Там же. 1872. № 1. Л. 1.

⁵⁵ Всемирная иллюстрация. 1890. Т. XLIX. С. 144–145.

⁵⁶ Популярностью среди читательниц из среды московской буржуазии пользовались: Модный свет: журнал для дам. СПб., 1868–1916; Вестник моды: журнал моды, хозяйства и литературы: издание для семьи. СПб., 1885–1916; Модный курьер: журнал моды, хозяйства и литературы. СПб., 1899–1916; Модный свет, или Модный магазин: иллюстрированный журнал мод, рукоделий, хозяйства и литературы. СПб., 1902–1905.

⁵⁷ Вестник моды. 1886. № 8. С. 76.

⁵⁸ Модный свет и модный магазин. 1884. № 2. С. 7, 24.

⁵⁹ Здесь «с обложки», т.е. появившийся на страницах модного журнала. См.: Шербатов С. Художник в ушедшей России. М., 2000. С. 44.

⁶⁰ Торгово-промышленный листок объявлений: Орган московской комиссионной конторы для «частных дел» [А.Н. Виноградова]. М., 1893–1913. На этот интересный вид источника первым обратил внимание А.И. Фролов.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1615 (Морозова-Рейнбот З.Г.); ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Боткины, Гучковы); ЦИАМ. Ф. 369 (Карповы); Там же. Ф. 357 (Морозовы); Там же. Ф. 184 (Московская губернская земская управа).

⁶² Фондохранилище Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские».

⁶³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1 (Отдел по делам музеев Наркомпроса).

⁶⁴ ОР ГТГ. Ф. 8. Д. 30, 33, 37.

⁶⁵ Кафенгауз Б.Б. Купеческие мемуары: доклад, прочитанный 23 ноября 1926 г. на заседании культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии // Московский край в его прошлом: очерки по социальной и экономической истории XVI–XX вв. / Под ред. С.В. Бахрушина. М., 1928. С. 106.

⁶⁶ Боборыкин П.Д. Письма о Москве // Вестник Европы. СПб., 1881. Т. 2. Кн. 3.

Глава II

**ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ
И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ
В ИМЕНИЯХ
МОСКОВСКОЙ
БУРЖУАЗИИ**

1. МОСКОВСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ НА ЗЕМЕЛЬНОМ РЫНКЕ

*Предпринимательство означает решиться исполнить
новое дело.*

В.А. Даль

После Великой реформы начался особый этап в развитии сельской усадьбы. Для аграрных отношений России последовавших лет было характерно перераспределение земельной собственности между дворянством и другими сословиями под воздействием требований рынка. Концентрация земли в руках буржуазии шла постоянно. В широком плане проблема «оземеливания» буржуазии относительно давно поставлена в науке. Исследования А.М. Анфимова¹, Н.А. Проскуряковой², А.П. Корелина³, Л.П. Минарик⁴ показали, что к началу XX в. доля дворянского землевладения существенно уменьшилась, однако его общий удельный вес оставался значительным. В частности, Л.П. Минарик обращала внимание на то, что в это время среди крупнейших российских латифундистов появилась недворянская группа, причем всего семь такого рода семей владели более чем одним миллионом десятин земли⁵.

В своем фундаментальном труде «Крупное помещичье хозяйство Европейской России» А.М. Анфимов обратил внимание на «противоречивость процесса движения земельной собственности», подверженного сильному влиянию товарно-денежных отношений в стране. Проанализировав массу разнохарактерных материалов относительно частновладельческих хозяйств, он пришел к выводу, что помещики, одновременно бывшие владельцами промышленных заведений, торговцами, держателями ценных бумаг, фактически становились буржуазными предпринимателями, причем изменялась и психология помещика в роли «дельца-капиталиста»⁶.

Выявляя тенденции в развитии помещичьего хозяйства, Анфимов заметил, что «проблема землепользования и система ведения помещиками их хозяйства — важнейшая и труднейшая», особенно если речь идет

об изучении определенной группы владельческих имений⁷. Он даже отказался от «попытки определения преобладающей системы ведения собственно помещичьего хозяйства», ссылаясь на недостаточное количество источников⁸. И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская и Б.М. Литваков, исследовавшие возможности более широкого изучения помещичьего хозяйства Европейской России в пореформенное время, также отмечали, что многие аспекты жизни конкретных имений «остаются еще недостаточно или вовсе не изученными», так как не удается преодолеть «ограниченность источниковой базы»⁹.

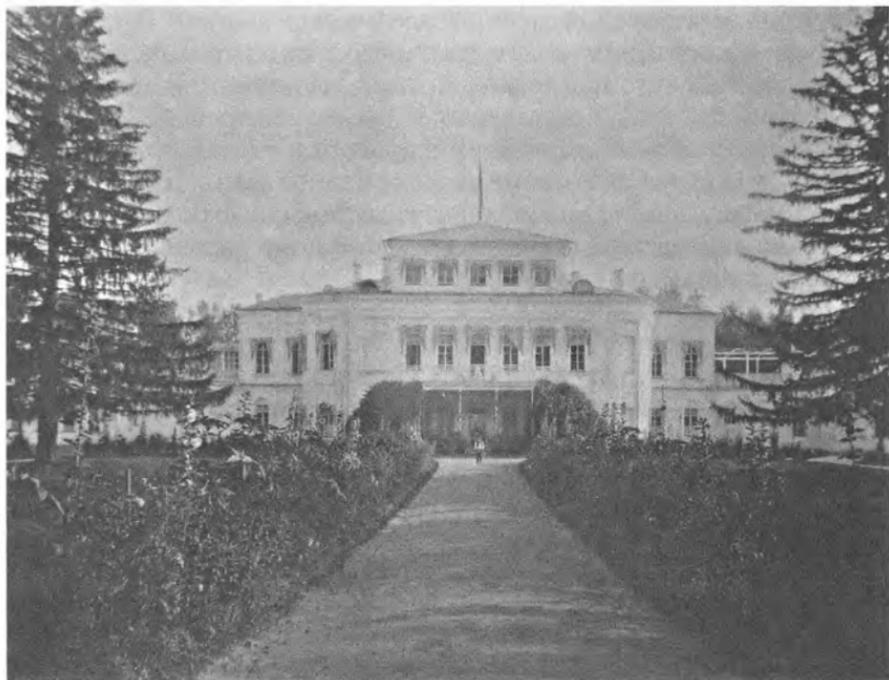
Московская губерния сильно отличалась от других в Центрально-промышленном районе с точки зрения землевладения. Ее роль как торгово-промышленного центра и транспортного узла Российской империи, интенсивная «дачная» жизнь и колоссальное распространение в пригородах кустарных и других промыслов, сориентированных на московский рынок, — все это налагало свой отпечаток на местный характер владения угодьями и их использование.

Эти края и до отмены крепостного права были экономически более развиты. В то же время, в силу сложившейся у отставных вельмож и сановников давней традиции приобретать в окрестностях Первопрестольной поместья для тихой жизни «на покое», Подмоскovie было и крупным районом дворянского землевладения.

В минувшие крепостнические времена проезжавшему по Московской губернии открывались картины сельского среднерусского пейзажа с его характерными чертами. Наблюдательный путешественник заметил бы даже некую особенность в расположении «дворянских убежищ». Богатые барские усадьбы с бесчисленными службами и домами-дворцами, воздвигнутыми по проекту, например, Растрелли или Львова, когда-то искавших покровительства богатых вельмож, гордо и одиноко громоздились на возвышенности. Окруженные цветниками, парками и садами, они располагались на значительном удалении от многолюдных крепостных сел с белокаменными церквями и базарными площадями.

В поместьях дворян средней руки можно было увидеть добротные, основательные флигели и службы, а господский дом с мезонином обыкновенно стоял на пологом спуске к реке или водоему. От ближайшей деревеньки его отделяла каменная ограда или узенький пруд с плотиной, у которой росли раскидистые ветлы. Часто там гремела и брызгала колесом своего единственного постава водяная мельница.

Около таких усадеб не зеленели парки и английские сады с подстриженными деревьями и белоколонными павильонами. «Дворянство средней руки не любило этих затей во вкусе рококо, — отмечал писатель А.И. Эртель, отец которого был управляющим в разных дворянских имениях. — Не выписывало оно соблазнительных, но дорогостоящих мраморных изваяний, не строило фонтанов, сочивших холодные ледяные

Главный дом в имении графа С.Д. Шереметева «Михайловское». Начало XX в.
Семейный архив Шереметевых

струи устами нелюдима Нептуна и его многочисленной челяди, не уродовало ножницами древесной листвы и не воздвигало ...вычурных павильонов, изукрашенных скромными картинами, зеркалами и фантастическими арабесками»¹⁰. Дом такого помещика был окружен довольно запущенным садом с разросшимся «сливняком» и «вишенником», с сотней яблонь и груш, с кустами малинника, смородины, крыжовника. От усадебных строений брали начало тенистые вековые липовые и кленовые аллеи, а далее — шумели березовые рощи с веселым блеском светлых стволов.

Эти поместья, так же как и усадьбы бар, владевших тысячами крепостных, находились на значительном расстоянии друг от друга, и, поднявшись на возвышенность, можно было увидеть всего лишь пять-шесть дворянских усадеб, расположенных на склонах вдоль русла реки. Их уголья простирались на версты вокруг.

Зато имения «малодушных» дворян были в тесном соседстве. Маленькие усадебки с крошечными садиками, огороженными плетнями и заборами, обступала беспорядочная толпа домиков и сараев с тесовыми или крытыми дранью кровлями. Таким был пейзаж Московской губернии в дореформенные годы.

Во второй половине XIX в. устои старой помещичьей России были разрушены. «Сельское хозяйство шло через пень колодой, — вспоминал об этом времени один из дворян-землевладельцев, — доходы сразу уменьшились. Между тем привычка жить на барскую ногу осталась у всех. Пошли займы у разных Колупаевых и Разуваевых под невероятные проценты с колоссальными неустойками. Расплачивались выкупными, продавая их по 70 коп. за рубль, а когда их не стало, то закладывали остальную землю тем же Колупаевым и Разуваевым из 18 процентов годовых»¹¹.

В 1863—1872 гг. продажа имений благородным сословием приобрела в нечерноземных губерниях максимальные размеры. Некоторые имения, как игральные карты, переходили из рук в руки, причем каждый из новых владельцев земельной собственности — неважно, был он дворянином, купцом или зажиточным крестьянином — старался извлечь из нее максимальную выгоду. Проведение железнодорожных линий еще более повысило цены на землю и активизировало процесс ее мобилизации¹².

Летописец дворянского «оскудения» С. Н. Атава в своих очерках повествовал, как в былые времена приезжал купец в имение к помещику на дрожках или в тележке договариваться о покупке ржи или пшеницы. Поговорив с приказчиком и мужиками у конюшни, он шел в кабинет барина. Тем временем на кухне для него ставили самовар, который гость, по ходу разговора, опорожнял. Сторговав зерно и вручив деньги, отправлялся он спать к приказчику. «На купца смотрели не то что бы с презрением, а так как-то чудно. Где, дескать, тебе до нас! Такой же ты мужик, только вот синий сюртук носишь, да пообтесался немного между господами, а посадить обедать с собой вместе все-таки нельзя — в салфетку сморкается», — объяснял помещик.

Постепенно власть купца становилась более ощутимой, и старые господа стали с ним считаться, хотя до конца и не смогли избавиться от чувства недоброжелательной брезгливости. Потерявшие рабочую силу крепостных, дворяне, стремясь свести концы с концами, потихоньку «проедали» свои имения: продавали сначала участки леса и пашни, сдавали земли в аренду, закладывали недвижимость в банках.

«Все нам в то время до зарезу нужны были деньги. А деньги были у купца. Надо, стало быть, за ними обратиться к нему, — рассказывал Атава. — Мы обращались, и он давал». И помещик, принимая засаленные купюры, думал, что купец должен быть еще и благодарен: «Ведь он на нас нажился»¹³. Когда расплачиваться с кредиторами барину становилось невозможно, он расставался с родовым поместьем.

Бывало так, что кредиторы обращались в суд, и тогда конфискованное имение выносилось на торги, где уже борьба велась между самими соискателями. Картину земельного аукциона донес до нас рассказ купца Лопахина из чеховской пьесы «Вишневый сад»: «Я купил! ... Пришли

мы на торги, там уже Дериганов. У Леонида Андреевича было только пятнадцать тысяч, а Дериганов сверх долга сразу надавал тридцать. Вижу, дело такое, я схватился с ним, надавал сорок. Он сорок пять. Я пятьдесят пять. Он, значит, по пяти надбавляет, я по десяти... Ну, кончилось. Сверх долга я надавал девяносто, осталось за мной»¹⁴.

Примечательно, что дворяне вплоть до 1917 г. продолжали оставаться не только крупнейшими продавцами, но и крупнейшими покупателями на земельном рынке: так называемое «оскудение» коснулось далеко не всех благородных владельцев имений, а только экономически слабых хозяев. Очень медленно и трудно в старых «дворянских гнездах» шла перестройка на новые методы хозяйствования, первые результаты которой стали проявляться только с конца 1870-х гг.

Даже через пятнадцать лет после реформы 1861 г. ситуация в частном землевладении была настолько запутанной, что специалисты не могли определить, в каком направлении оно развивается. В 1877 г. возглавлявший Отдел хозяйственной статистики Московского губернского земства ученый и общественный деятель В.А. Орлов собрал и попытался обобщить сведения о хозяйствах в Московском уезде Московской губернии, накопленные его ведомством. При этом он использовал окладные книги, исправленные по данным о переходах земель от владельца к владельцу, и поземельные книги населенных и ненаселенных имений, имеющиеся в ведении Московской управы¹⁵.

Семейство княгини С.А. Шаховской в имении «Мураевня» Данковского уезда Рязанской губернии. Конец XIX в. Семейный архив Родионовых

Подводя итоги, Орлов сделал вывод о том, что в этом самом населенном уезде близ Москвы купеческое землевладение увеличилось в три раза. Площадь владений купцов также имела тенденцию к увеличению.

Таблица 1

Размер купеческого землевладения в Московском уезде в 1865 и 1875 гг.¹⁶

Показатели	Годы	
	1865	1875
Количество земли во владении купцов, %	9,3	27,7
Средний размер владения купцов, дес.	87,2	91,5
Доля купцов в общем числе землевладельцев в уезде, %	24,6	30,6

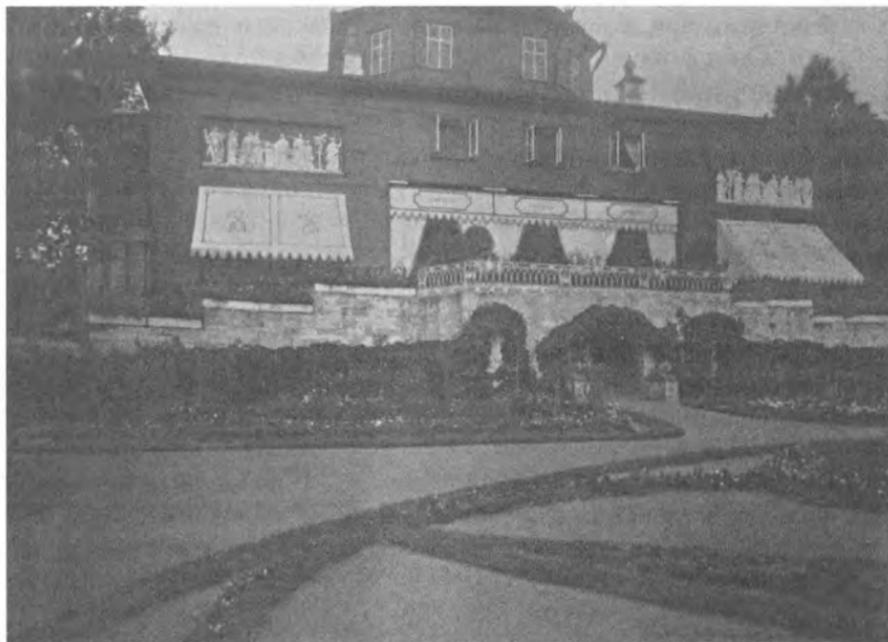
Вторжение «косопузых» в помещичьи владения «благородными» землевладельцами было воспринято, как нашествие варваров в пределы Римской империи. Барон А. П. Цёге-фон-Мантейфель, хозяин родовой вотчины при деревне Вихрово Серпуховского уезда, к заполненному им «Описанию имения» приложил собственноручное послание в губернскую управу, рисовавшее ситуацию в уезде и его отношение к новым владельцам усадеб.

«Времена образцового ведения хозяйства уже прошли для дворян-землевладельцев, по крайней мере в Московской губернии, — с горечью писал он. — Мое хозяйство ограничивается очень тесной рамкой — добывание необходимых продуктов поля и огорода для насущного существования моей семьи, родных, прислуги и проч. Ни о каких барышах и выгодных предприятиях я давно не помышляю, ибо немислимо бороться с целым морем *sour*¹⁷, как сказал Гамлет. Думаю, что в Московской губернии не найдется ни одного образцового и особенно выгодного ведения хозяйства из частных землевладельцев-дворян. ... Однако везде не всем же так плохо... На смену дворянам хлынули изо всех щелей новые типы помещиков, нагулявшие наживу. Они окружают нас: это нажившиеся дворецкие, волостные старшины, сельские кабатчики, фабриканты-кулаки, бывшие кучера, красивые лакеи, проживающие возле старых сердобольных барынь, — вот те “новые” люди, которые скупили за бесценок земли, и леса, и усадьбы, и сады барские и поживают себе припеваючи. Дух времени и суть дела они постигли отлично. У них и поля пашутся вовремя, и луга косятся задаром или за пойманную скотину, и жатва у них обильная, и крестьяне находятся в полном повиновении»¹⁸.

Спустя два года, принявший после кончины Орлова место заведовавшего статистическим отделением Московской губернской земской управы экономист Н.А. Каблуков исследовал хозяйство частных землевладельцев уже всей Московской губернии. После окончания Московского университета Николай Александрович провел несколько лет за границей, изучая сельский вопрос. Он заметил, что в окрестностях Москвы, равно как и вблизи других европейских крупных городов, земельная собственность выступала как «преобладающий вид богатства». Его подсчеты указывали на сосредоточение в руках небольшого числа владельцев разных сословий крупных земельных участков — свыше 200 дес. — и одновременно свидетельствовали о росте числа мелких земельных собственников, имеющих до 50 дес. земли. Таким образом, явственно наблюдалось «выпадение середины и образование двух противоположных крайностей по обладанию имуществом»¹⁹.

Сравнив данные 1865 г. и 1876 г., он сделал вывод, что владельцев «из купцов» за это время стало в Московской губернии почти вдвое больше, а количество принадлежащей им земли увеличилось почти в четыре раза (таблица 2).

«Из мелких землевладельцев они переходят в средние, из средних в крупные», — констатировал Каблуков²⁰. Всего за период с 1865 по 1876 г.

Дача суконного фабриканта М.Ф. Котова в Сокольниках. Начало XX в.
Семейный архив Четвериковых

Таблица 2

Рост земельной собственности купцов и почетных граждан
Московской губернии в 1865 и 1876 гг.²¹

Показатели	Годы	
	1865	1876
Доля купцов в общем числе землевладельцев в губернии, %	10,37	19,75
Количество земли, находящейся во владении купцов, %	5,32	19,58
Количество земли во владении купцов, дес.	59 194	198 227

купцы и почетные граждане совершили в губернии 798 покупок и 390 продаж земли. При этом они приобрели 156 890 дес. земли, а продали только 58 638 дес.²²

Николай Александрович, будучи ученым-энтузиастом, объездил практически все уезды московского региона, стремясь докопаться до сути. Он заметил явное стремление обладать земельной собственностью у «разных» слоев населения и утверждал, что, по его наблюдениям, земля в губернии служила в большинстве случаев «не столько предметом сельскохозяйственной культуры, сколько объектом совсем другого рода операций»²³.

Количество помещиков среди гильдейского купечества, почетных граждан, заводчиков и фабрикантов постоянно росло, причем многие из них владели в конце 1870-х гг. несколькими имениями. Однако, прибирая к рукам дворянскую недвижимость в деревне, «московские толстосумы» не спешили заводить в имениях какое-либо хозяйство.

Записные книжки земских агентов рисовали повсеместно картину глубокого застоя. Их отчеты начальству были написаны будто по одному шаблону. Во всех 13 уездах Московской губернии наблюдался упадок земледелия. Имениями управляли доверенные лица из бывших дворовых, не имевшие по этому делу особых знаний.

Так, в поместье отставного военного Н.И. Поливанова при селе Петрищево (Малые Петрищи) в Богородском уезде, куда в 1831 г. заезжал погостить его приятель М.Ю. Лермонтов, в 1878 г. дела шли хуже некуда: усадьба была продана купцу Финогенову и угоды уже не первый раз переходили из рук в руки. Поле, где под пашню раньше шло не менее 25 дес., заросло травой. Строевой лес был вырублен, а управлял имением и ведал продажей покосов крестьянам доверенный из бывших дворовых²⁴.

Подобные картины были не редкостью в 1876—1878 гг. В земледельческом Верейском уезде в поместье дворянина А.В. Вельяшева при деревне Симбухово до Великой реформы крепостные обрабатывали, по крайней мере, 160 дес. пашни. Помещик на двух фермах держал 200 голов молочного скота. Но в конце 1861 г. 130 животных были проданы, а оставшиеся вместе с имением были сданы на восемь лет в аренду бывшему «дворовому человеку в компании с другими лицами». Арендаторы в течение двух лет пахали 75 дес., затем «додерживал» имение уже один из них, обрабатывая только 36 дес. В 1870 г. имение принял в аренду бывший управляющий, но и тот через шесть лет освободился от этой кабальной службы.

«В настоящее время, — сообщал земский корреспондент, — при отсутствии скота и земледельческих орудий ничего не обрабатывается, и имение продается. Достоинство пахотной земли в нем определяется тем, что она сдается окрестным крестьянам по 5 руб. за десятину при средней арендной цене пахотной земли в Верейском уезде по 2 руб. 49 коп. за десятину, так что 5 руб. составило почти максимум арендной цены пахотных земель Верейского уезда. Всеи земли при имении 2730,3 дес.»²⁵

В Можайском уезде потомственный почетный гражданин, московский купец И.Г. Фирсанов получал доход от своего имения «Бартенево» на реке Протве, предоставляя заливные луга и пустоши в аренду под покосы и выгоны²⁶. Добротный лес на его угодьях был давно вырублен и продан.

Известно, что Фирсанов, сын бедного серпуховского мещанина, имел во многих российских губерниях колоссальную земельную собственность, поскольку промышлял лесными подрядами для набиравшего силу железнодорожного строительства. Миллионер, крупный московский домовладелец, хозяин знаменитых Сандуновских бань, «злой» ростовщик, он немало приумножил свои доходы в смутное для помещиков пореформенное время. Начал он с того, что стал объезжать близлежащие поместья, скупая у обедневших бар драгоценности и затем наживая на их продаже большие деньги.

Сколотив достаточное состояние, Фирсанов занялся покупкой лесных имений, безжалостно уничтожая леса, а пустую землю или сдавал в аренду крестьянам, как это было в «Бартеневе», или же продавал арендаторам угодья участками — «отрубам». Он умел поддерживать отношения с влиятельными чиновниками в Петербурге, оказывавшими ему небезвозмездно протекцию в получении выгодных подрядов.

Действовал Фирсанов быстро и нестандартно. Однажды ему был «сдан» очень большой подряд для одной из рельсовых дорог. Его собственных лесов не хватало, а поставки нужны были срочные. Как раз у соседнего помещика были достаточно ухоженные лесные десятины, но старый дворянин и думать не хотел продавать свое имение для вырубки сосен. Заметив, что молодая жена хозяина явно огорчена поведением

супруга, Фирсанов навел справки у лакея и узнал, что барыня стремится перебраться в Санкт-Петербург, не желая провести лучшие свои годы в сельской глуши. Условившись со слугой, что тот сообщит немедленно, как только у господ назреет ссора по поводу продажи поместья, Фирсанов вручил тому 25 руб. и пообещал в четыре раза больше за оперативные сведения. Вскоре пришла телеграмма от его информатора, и купец поспешил к помещику. Сделка состоялась: имение было куплено за 60 тыс. руб. со всем недвижимым имуществом²⁷.

Приобретя новое имение, Иван Григорьевич немедленно поставил туда надежного человека, которому, однако, назначил минимальное жалованье, легко прощая ему злоупотребления. Однажды, когда ему донесли о воровстве управляющего, он сказал: «Странно, если бы он этого не делал, получая от меня жалованье пятьдесят рублей. Имея семью, как же бы он мог иначе прожить? Я им доволен: он дает мне хорошую пользу»²⁸.

В 1869 г. Фирсанов купил у отца будущего министра внутренних дел П.А. Столыпина – А.Д. Столыпина – замечательное имение «Середниково», более 40 лет принадлежавшее этому роду. В нем числилось более тысячи десятин леса, а в господском доме-дворце комнаты были обставлены с роскошью и большим вкусом. Заплатив за имение 75 тыс. руб., Фирсанов начал распродавать имущество из барского дома, а часть леса разбил на участки и продал московским «дровяникам», т.е. торговцам дровами, тем самым полностью окупив вложенные в покупку деньги²⁹.

Вид на главный дом усадьбы В.И. Фирсановой «Середниково» со стороны парадного двора. 1913 г.

Владелец имения «Ваулино» в Можайском уезде почетный гражданин В.В. Петров, имея, по крайней мере, 1184 дес. земли, вел пашенное хозяйство только на 4 дес. Да и те возделывали крестьяне за право прогона скота через его угодья. Жителям пяти окрестных деревень он разрешал косить траву на своей земле за 700 руб. в год, а остальные угодья вовсе не использовались³⁰.

В Дмитровском уезде одним из крупнейших землевладельцев стал промышленник В.П. Аигин, который при селе Алешине купил усадьбу князей Гагариных, а при селе Ельдигине — старинную вотчину Бутурлиных со всеми угодьями, в результате чего стал обладателем 2000 дес. земли. Вся пашня им была вскоре засажена лесом, а ведение земледельческих работ полностью прекратилось³¹.

Аграрники недоумевали, видя в деятельности предпринимательского класса полную неспособность держать помещичье хозяйство: во всех уездах с переходом земли в руки купечества землю пахать переставали, она зарастала или засаживалась лесом, а на лугах и в рощах траву косили местные крестьяне, которым новый хозяин сдавал землю поде-сятинно.

Однако знакомые с крестьянским трудом не понаслышке, купцы знали простую вещь: неплодородные сероземы центра России не дадут дохода без большого вложения капитала. Создание же прибыльной «сельскохозяйственной экономии» или другого производства требовало целого ряда мер, для обдумывания и осуществления которых требовалось время, а сдача угодий в аренду в Московской губернии была делом выгодным для землевладельца, получающего доход без труда и риска.

Торгово-промышленные интересы для деловых людей продолжали оставаться первостепенными, и приобретение сельских имений было до поры до времени вложением капитала, полученного от разных видов предпринимательской деятельности, в землю и загородную недвижимость.

Один из землевладельцев Клинского уезда так объяснял выгодность покупки имения: «Несмотря на то что за последние 15 лет хозяйство имения шло правильно вниз, цена на него росла. Мне оно досталось уже за цену в 2½ раза большую... (45 тыс. руб. против 17 тыс. руб.). Это сделало время. Ни переживаемые 10 лет кризиса, ни убыточность хозяйства, ни рост отхожих заработков, ни запустение помещичьих усадеб не останавливало этого правильного роста ценности земли. Земля продолжала оставаться той копилкой, которая в виде ренты, независимо от владельца ее, восполняет текущие недочеты процентов на возрастающей стоимости основного капитала»³².

В 1880—1882 г. Московская губернская земская управа вновь приняла изучение хозяйства частных землевладельцев Московской губернии, но смогло собрать данные только по шести уездам: Бронниц-

кому, Верейскому, Волоколамскому, Звенигородскому, Можайскому и Рузскому. Заметим, что впервые статистики при анализе объединили имения купцов, потомственных граждан и мещан в одну группу как «сословия торгово-промышленные». В результате итоговая таблица по шести уездам выглядела следующим образом:

Таблица 3

Количество владельцев и земли, состоящей в собственности разных сословий в Московской губернии в 1881 г. (в %)³³

Уезд	Дворяне	Торгово-промышленные сословия	Крестьяне	Земля во владении дворян	Земля во владении торгово-промышленных сословий	Земля во владении крестьян
Можайский	68,4	22,8	8,8	69,9	28,0	2,1
Волоколамский	63,0	21,8	15,2	89,7	7,7	2,6
Рузский	47,0	28,0	25,0	77,5	15,4	7,1
Звенигородский	57,6	29,8	12,7	73,5	24,3	2,2
Верейский	58,4	26,7	15,9	71,8	25,6	2,6
Бронницкий	33,6	42,7	23,7	68,5	26,9	4,6

Сведения, собранные Московской губернской земской управой, вряд ли можно назвать исчерпывающими, что сознавали и сами организаторы исследования. Вернер объяснял: «...Наши данные по землевладению совершенно не сравнимы с данными Н.А. Каблукова и составителей статистики поземельной собственности. ...Во время местных исследований мы весьма часто соединяли в один номер несколько владений, если только они составляли одно хозяйство, хотя бы они были записаны в окладную книгу под разными номерами, и им выдавалось несколько окладных листов (напр[имер], имение мужа и жены; брата и сестры; несколько последовательно купленных участков земли и т.д.), и наоборот, одно владение мы разбивали на две части, если оно составляло два совершенно самостоятельных и независимых хозяйства; наконец, имения, находящиеся в двух уездах, мы считали один раз и в том уезде, где лежит центр хозяйства. Вообще мы даем не число *владений*, а скорее число *хозяйств*»³⁴.

Сделать какие-либо выводы о том, как развивались купеческие имения, было при принятом статистиками методе совершенно невозможно. Ведь земельная собственность торговцев и промышленников представляла собой, как правило, расположенные поблизости друг от друга, а иногда еще и неподалеку от фамильной фабрики, имения родителей и детей, братьев и сестер и других родственников. Учитываемые статистиками как единое целое, они между тем были совершенно разными с точки зрения постановки хозяйства, и особенно внутреннего уклада.

Примером того могут служить имения Сапожниковых и Алексеевых, имевшие одно и то же название — «Любимовка» Московского уезда. Именно в эти места, вошедшие в историю Московского Художественного театра, направились вечером 22 июня 1897 г. К.С. Алексеев (Станиславский) и Вл.И. Немирович-Данченко после памятной встречи в «Славянском базаре», где они пришли к соглашению о создании общедоступного театра.

Отец Станиславского, председатель правления Торгово-промышленного товарищества «Владимир Алексеев», купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин С.В. Алексеев, купил имение на реке Клязьме при селъце Любимовка и полуселъце Максимове 26 марта 1869 г. у вдовы статского советника Е.А. Князевой совместно со своей сестрой В.В. Сапожниковой, урожденной Алексеевой, за 28,5 тыс. руб.

Вид со стороны реки Клязьмы на лодочную пристань и дом в имении В.Г. и Е.В. Сапожниковых «Любимовка» Московского уезда. 1916 г.

В 1872 г. имение ими было поделено, причем если первоначально там числилось 50 дес. 747 саж., то по раздельному акту Алексеев получил 42 дес. 1887 саж. Вера Владимировна через полгода прикупила еще одну усадьбу при сельце Максимове с домом и фабричным корпусом у коммерции советника С.Д. Ширияева, а в 1873 г. при том же сельце купила 46 дес. 1123 саж. земли с постройками у наследников купца Фиононова. Одновременно и С.В. Алексеев выравнивал свой участок, скупая десятины рядом с деревней Комарово у майора П.К. Нарышкина и дворянки С.В. Семеновы³⁵.

Супруг Веры Владимировны, Г.Г. Сапожников, приобрел также при селе Куракине в 1878 г. усадьбу в 303 с лишним дес. у дочери штаб-ротмистра С.А. Аладыной и сдавал землю в аренду дачникам³⁶.

Ниже по реке находилась его шелкоткацкая фабрика, и семья Сапожниковых предпочитала постоянно жить в усадьбе. Со временем площади усадеб Сапожниковых и Алексеевых выросли. В 1899 г. Сапожниковы владели при сельце Любимовка уже 355,7 дес. земли, а Алексеевы — 70,2 дес.³⁷ Вера Владимировна отстроила на берегу реки «Белую дачу» — «венедианское» палаццо по проекту архитектора А.А. Никифорова — и разбила вокруг нее образцовый парк. Белокаменные ступени лестницы вели от дома к пристани, куда пришвартовывался небольшой пароход — забава сына Александра. «Это один из уютных подмосковных уголков, принадлежащих нашему богатому купечеству», — отмечал журнал «Столица и усадьба», удостоивший имение фабрикантов своим вниманием в 1916 г.³⁸

В той же части, что занимали Алексеевы, господствовал безалаберный дачный уклад. Деревянный «дом с ушами», где жила семья Сергея Владимировича в летние дни, был окружен различными строениями. Напротив высился причудливый выставочный павильон, перевезенный в имение после Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 г., на которой демонстрировались золотоканительные изделия фирмы.

На территории усадьбы имелись конюшня с экипажным сараем и сеновалом, летний театр, несколько жилых флигелей, оранжерея, а также гимнастическая площадка, купальня и лодочная станция. Поодаль стояла деревянная Покровская церковь, сохранившаяся еще от прежних владельцев усадьбы Крекшиных.

В пореформенные годы редко кому из представителей недворянских сословий удавалось купить имение целиком. Новые поместья формировались долго и непросто, преобразовываясь из разрозненных участков, часто расположенных чересполосно с крестьянами, в единое обширное владение. Проходили годы, пока в результате обмена с крестьянскими обществами, целого ряда покупок именно одного владельца однотипных участков земли в окрестностях не появлялось «вдруг» на карте Московской губернии частное владение, пригодное как для

Ф. В. Хлудов, А. А. Данцигер и А. В. Алексеев в имении «Любимовка». 1910-е гг.
Семейный архив Алексеевых

развития на нем доходного производства, так и для усадебной жизни владельца и его семьи.

Подчеркнем, что после 1861 г. под словом «имение», сопровождавшим покупку или продажу земельной собственности, в разные годы подразумевались разные ее виды. Противоречивое земельное законодательство в императорской России позволяло государству регулировать круг лиц и категории земельных имуществ, вовлекаемых в рыночный оборот.

Сразу после 1861 г. согласно статье 85 Законов о состояниях приобретать все без исключения имущество, движимое и недвижимое, дозволялось только потомственным дворянам³⁹. Правила о населенных имениях указывали, что помещичьи имения в полном их составе могут быть продаваемы только им. Лица всех состояний могли купить земли и угодья, не входившие в состав крестьянского надела. Таким образом, в свободном товарообороте находились ненадельные земли.

Одновременно существовали некоторые ограничения на продажу определенных категорий помещичьих имений: населенные имения до поры до времени не принимали участия в общем товарообороте. Только в 1883 г. с прекращением временнообязанных отношений между помещиками и крестьянами на рынок были вынесены все земли⁴⁰.

Но и тогда были ограничения на участие в купле-продаже отдельных категорий граждан: иностранных подданных, членов сельских об-

ществ, лиц еврейской национальности. При всем этом юридически все социальные группы России могли пользоваться правом полной собственности на землю⁴¹.

Теперь становится ясным, почему в нотариальных актах, фиксирующих куплю-продажу имений по разным уездам до начала 1880-х гг., картина складывалась одинаковая в смысле «товара»: в земельном обороте отмечены «земли за не наделением крестьян», «ненаселенная земля», участки земли, леса или сенокоса, пустошь, «вырубка» и очень редко — «усадебка с господским домом», а чаще — «земля со строениями», т.е. часть имения с хозяйственными постройками.

Размышления покупателя имения доносят до нас записки А.А. Фета, решившего весной 1860 г. стать помещиком и торговать у сенатора, тайного советника В.К. Ржевского его родовое поместье: «Представился случай купить имение под Серпуховом. Владелец просил за 250 дес. с крестьянами по 30 р. серебром за десятину, а когда я заговорил об уступке 100 дес. чистой земли, он запросил по 40 р., да за домик в три комнатки и плохой скотный двор 2000 р., следовательно 6000 р.; да купчая. Да переноска старых и постройка новых необходимых строений, закупка скота, орудий — и выйдет, что надо истратить 10 000 р. Почва серенькая, кругом десятин 40 мелкого березняка, десятин 20 плохого покоса да десятин по 12 в трех клинах. Я стал расспрашивать о заработной плате и узнал, что в Московской губернии годовая цена не ниже 60 р., да прокормить рабочего дай Бог за 30 р. ...Стоило свести счета, чтобы прийти к следующему результату. На 12 дес. в поле надо трех работников: прибавив кухарку, пастуха и так называемого подпаса, выйдет, что на пять рабочих надо издерживать не менее 500 р.; да надо же хотя не на прикащика⁴², то хотя на старосту (он же и ключник) положить 150 р., итого 650 р. Прибавив по 6% с 10 000 р. затраченного капитала 600 р., получишь расхода 1250 р.». Далее, подсчитав приход от возможной продажи ржи, овса и сена, Фет оставил идею держать имение в Московской губернии⁴³.

А.А. Фет, известный поэт и публицист, в социальном аспекте был чрезвычайно интересной фигурой. Незаконный сын дворянина, воспитанный в атмосфере «дворянского гнезда» и впитавший в себя идеалы благородного сословия, он в зрелом возрасте был лишен права именоваться дворянином; был женат на дочери богатого чаеоторговца П.П. Боткина и имел капитал в его фирме. Он не отказывался от литературного заработка. Когда же он стал владельцем земельной собственности в Орловской губернии, то как сельский хозяин повел дело так успешно и жестко, что вскоре сделался одним из крупных землевладельцев России.

При всей ценности собранного земскими статистиками материала, он дает лишь общее представление о тенденциях развития землевладения в конкретных уездах, так как сословный признак идентификации

землевладельцев, который был использован при сборе материала, затруднял понимание истинного положения вещей.

Как известно, сословная структура российского общества была крайне размытой, особенно трудно было выделить в городской среде купцов и мещан. Н.П. Вишняков, владелец старинной усадьбы Юсуповых при селе Чижове Московского уезда, внук основателя золотоволоочильной фабрики в Москве, купца 1-й гильдии П.М. Вишнякова, замечал по поводу «близких купечеству» сословий: «Платя гильдию, мещанин становился купцом, и наоборот, переставая платить, он возвращался в мещанство. ...Мы стояли к ним слишком близко, чтобы проводить между ними и нами какую-нибудь существенную грань»⁴⁴.

Есть немало примеров того, как, формально оставаясь в своем сословии, многие крестьяне и мещане становились крупными предпринимателями и земельными собственниками. С другой стороны, распространенная практика пожалования дворянского достоинства выдающимся представителям делового мира в пореформенную эпоху вовсе не предполагала отказа от предпринимательской деятельности, и такие «купцы во дворянстве» оставались в составе буржуазии.

К началу XX в. целый ряд купеческих фамилий благодаря чину, ордену или «за выдающиеся заслуги» уже был причислен к «благородному» сословию. Среди них Боткины, Коншины, Крестовниковы, Перловы, Прохоровы, Рукавишниковы, Солдатёнковы, Четвериковы, Якунчиковы и другие. Их земельные владения, естественно, учитывались в земских списках как дворянские, однако практически ни один из представителей этих предпринимательских династий не отошел от дел, несмотря на перемену сословной принадлежности.

Вместе с тем члены делового мира фактически так и не «одворянились» окончательно. Сделав шаг в сторону повышения своего статуса, они не потеряли прежней социальной природы, которая проявлялась более всего в частной сфере, в семейном укладе, в хозяйстве и быте сельского имения. Привычные к ведению «дела», они трезво подходили к сложившейся экономической ситуации, и «в деревне» ориентируясь на требования рынка.

Представители поместного и служилого дворянства со временем также приобщались к новым формам экономической деятельности. Постепенно по своему социальному статусу (а в основе социальной идентификации лежит источник доходов) они становились фактически буржуа. Вовлечение землевладельцев-дворян в товарно-денежные отношения сопровождалось процессами социальной консолидации дворянства и буржуазии⁴⁵.

Взаимодействуя в деловой сфере, «благородное» сословие тем не менее продолжало сохранять отчуждение. Один из ярких представителей торгово-промышленной и банковской Москвы, В.П. Рябушинский, по этому поводу писал: «... Не вся Москва была купеческая, была и дво-

рянская Москва, но соприкосновение между этими мирами было небольшое. Домами очень редко были знакомы... Московские “бары” пренебрежительно смотрели на “купчишек”, а московские купцы из-за обилия “своих” не замечали бар»⁴⁶.

Разумеется, в этом высказывании есть некоторое преувеличение. Среди предпринимателей было достаточно много людей дворянского происхождения. Сиятельные бизнесмены являлись владельцами промышленных и торговых предприятий, держателями ценных бумаг, входили в правления акционерных компаний, товариществ и банков наряду с выходцами из купеческой среды⁴⁷.

Многие купеческие фамилии были связаны родственными узами с дворянскими родами и крупными государственными чиновниками. Как пример можно привести семейство получившей потомственное дворянство через брак А.Т. Карповой, урожденной Морозовой. Она была одной из крупных землевладелиц Звенигородского уезда, среди ее родственников были как потомственные дворяне — Кривошеины, Смольяниновы, Ненароковы, Головины, Кавелины, фон-Мекки, так и получившие дворянское звание купцы Лепешкины и оставшиеся в купечестве Морозовы и Рябушинские. Получение потомственного

Семья Лепешкиных за чаем в парке имения «Валуево». Справа: Д.С. и А.Н. Лепешкины. 1880-е гг. Семейный архив Карповых

дворянства не мешало А.Т. Карповой активно участвовать в покупке, продаже и обмене земельных наделов, формируя свои крупные латифундии в Московской и Владимирской губерниях.

В период «оскудения» предприимчивые дворяне, так же как купцы и другие неблагородные сословия, охотно спекулировали землей. К примеру, в Звенигородском уезде дворянка В.В. Есипова, купив 25 февраля 1970 г. у дворянина Н.И. Озерова 174 дес. 2080 саж. при селе Сватове за 1800 руб., в ноябре перепродала имение уже за 4500 руб. губернскому секретарю Э.В. Гафнеру, а 17 июня 1874 г. имение «Сватово» с нарядным домом середины XVIII в., украшенным барочными наличниками, перешло к купцу С.А. Харичеву⁴⁸.

В том же уезде мещанин Сергиевского Посада Н.М. Матвеев при селе Одинцове в пустоши Глазыниной 6 мая 1872 г. приобрел 21 дес. 1112 саж. у трех крестьян за 1000 руб., а спустя пять месяцев перепродал их потомственному почетному гражданину Г.С. Палицкому за 5000 руб.⁴⁹ Заметим, что пашни у деревни Глазынино издавна были угодьями рода Самариных. Владелец расположенной неподалеку усадьбы «Измалково» Ф.В. Самарин владел до реформы 1861 г. 17 селами и деревнями с четырьмя тысячами душ. Его наследники оставили за собой в «Измалкове» деревянный усадебный дом в ампирином стиле со службами и разбитый еще в XVIII в. регулярный парк с огромным прудом, а прилегавшие к усадьбе поля и луга стали сбывать самым разным покупателям.

Крупные имения дробились и продавались по частям объединившим свои накопления крестьянам или жителям ямских пригородных слобод, которые их тут же перепродавали в два-три раза дороже. Иные выходцы из народных низов постоянно занимались спекуляцией землей, как, например, ямщик Рогожской слободы Н.И. Дечкин в Богородском уезде: известный в уезде промышленник, купец Богородского уезда А.Ф. Елагин 11 декабря 1878 г. приобрел у него землю за 650 руб., которую двумя месяцами ранее тот купил у своего родственника за 200 руб.⁵⁰

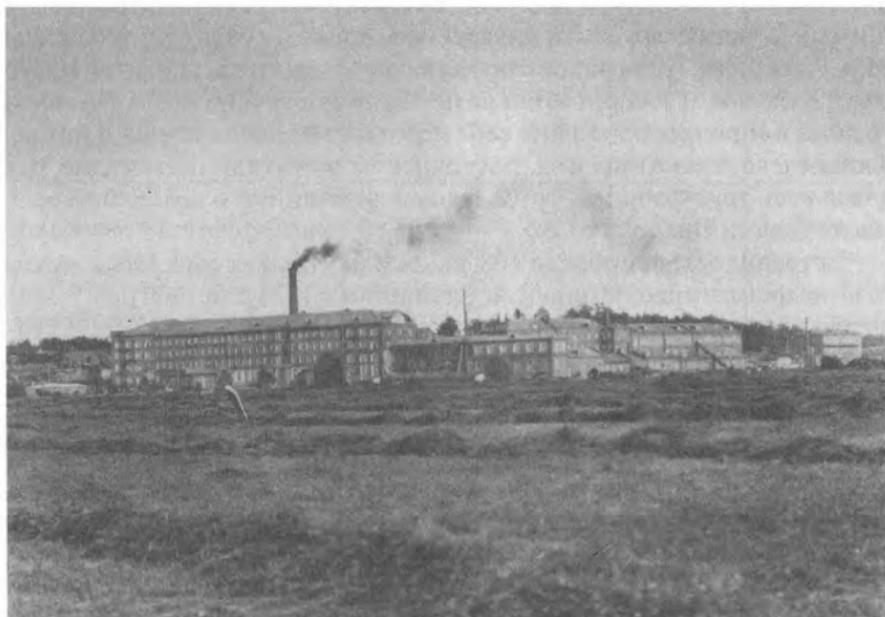
Отдельные помещичьи угодья предприимчивые капиталисты брали в аренду целиком для того, чтобы самим сдавать в аренду. В журнале «Нужды деревни» был описан случай, когда некий Стаканкин арендовал у помещика имение и оставил за собой все луга по реке и поля около усадьбы. Обрабатывать эти угодья были обязаны крестьяне, которые у нового владельца снимали участки, получая за работу только водку. Удаленные от селений отруба Стаканкин сдал другим арендаторам. Один такой участок в 250 дес. попал к торговцу Иванову. Иванов оставил себе из своей доли 70 дес., а остальную землю отдал в аренду другим. Те, выбрав лучшие земли, также сдали «лоскуты» следующим. И чем меньше был надел, тем выше была за него плата: за покос приходилось платить 5–10 руб. за дес., за поле — 8–25 руб., в то время как Иванову земля стоила 2 руб. за дес., а Стаканкину — менее 1 руб.⁵¹ Помещик же в это время жил в городе, полу-

чая на службе жалованье и деньги за арендованную дедовскую вотчину, которую, вероятно, сам уже давно заложил в Дворянском банке.

«Пусто было в дворянских усадьбах. В огромных, когда-то шумных домах с колоннами доживали старики, сыновья которых где-то командовали в войсках, где-то служили губернаторами, исправниками, департаментскими чиновниками, инженерами и приезжали изредка, — вспоминал земский врач и писатель-народник С.Я. Елпатьевский. — ...Дворянские имения распродавались. Старые дворяне уходили совсем из своих мест и порывали всякие связи с дедовской землей — исчезали из уезда целые фамилии, когда-то занимавшие крупное место в местной жизни. Покупали имения местные купцы и какие-то пришлые люди из Москвы и Петербурга — судя по фамилиям, недворянского рода, покупали и крестьяне, местные и пришлые»⁵².

Несколько тысяч нотариальных форм, фиксирующих куплю-продажу земли по уездам, показывают, что в каждом уголке Московской губернии были свои исторически сложившиеся особенности землевладения. Полнее всего такие архивы сохранились по трем уездам — Богородскому, Звенигородскому и Подольскому. Их и рассмотрим более детально.

В фабрично-промышленном Богородском уезде в качестве основного продавца земли повсеместно выступало потомственное дворянство, но и крестьяне охотно избавлялись от своих наделов, потому что

Городищенская суконная фабрика Четвериковых в Богородском уезде. Начало XX в. Семейный архив Четвериковых

работать на многочисленных в этом уезде фабриках было выгоднее, чем на земле. Купцы и почетные граждане в этих местах, напротив, постоянно расширяли свои владения, на которых работали текстильные мануфактуры и красильни, предпочитая «сторговать» новый участок у реки или с лесом. При этом, преследуя коммерческие интересы фамильного «дела», промышленники непременно приходили к мысли о необходимости создания в окрестностях родовых мануфактур собственного загородного дома с небольшим хозяйством. Ситуацию с приобретением имений в этом уезде показывает таблица 4.

Как видно из таблицы, в качестве покупателей купцы и почетные граждане в Богородском уезде преобладали: их доля составляла 41,5%. При этом приобретались «земля с фабрикой», «земля с лесом», «усадебная земля с рекой» или многочисленные мелкие участки земли, которые в будущем использовались в производственных целях. Покупка лесного участка при наличии действовавшей поблизости фабрики в ряде случаев становилась началом создания господского дома с угодьями, т.е. усадьбы и даже нескольких усадеб.

Проследим за развитием одного из таких имений. Вблизи сельца Городищи с 1831 г. работала сукновальная мельница предпринимателей Четвериковых, а потом была построена их семейная Городищенская суконная фабрика. После смерти И.И. Четверикова фамильные дела повел старший сын — С.И. Четвериков, которому тогда едва исполнился 21 год. Ему удалось отвести угрозу банкротства от фабрики с помощью капиталов семьи Алексеевых, поскольку его супругой стала М.А. Алексеева. Четвериков отдавал модернизации предприятия много сил и времени, и вскоре возникла необходимость устройства семейного дома в Городищах. «Купив себе небольшой клочок земли, пустошь Кашинцево близ Анискина, поселился на житье там безвыездно, отдавая весь труд фабрике, требовавшей неустанной о себе заботы», — писал Сергей Иванович⁵³.

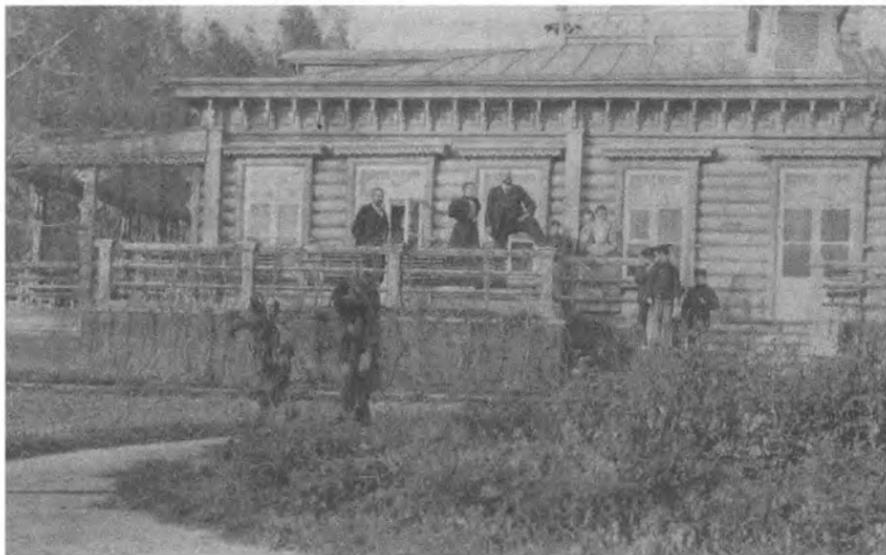
Четвериковы приобрели 168 дес. земли у профессора Московского университета дворянина В.А. Рахманова в 1878 г. за 2600 руб.⁵⁴ Земля обошлась им сравнительно недорого, причем они сами выбрали лучший участок на «нагорном» берегу реки. Были здесь и заливной луг, и немного пашни, и лесок, который решили растить далее. Усадебный дом построили из соснового бруса в стиле русской избы, с узорчатой резьбой над окнами и с широким балконом, откуда открывался вид на другой берег Клязьмы: там виднелось село Анискино с белокаменной церковью.

В доме было восемь комнат, кухня с комнатой для прислуги. Обязательные для загородной усадьбы ледник и каретный сарай были дополнены водонапорной башней, благодаря которой в имение поступала питьевая вода. При планировке усадьбы «Кашинцево» хозяева разбили яблоневый сад и огород, построили парники.

Таблица 4

Сословный состав покупателей и продавцов земли
в Богородском уезде в 1863–1880 гг.⁵⁵

Сословие или сословная группа	Продавцы		Покупатели	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Купцы	5	11,25	122	30,5
Почетные граждане	28	7	44	11
Дворяне	164	41	30	7,5
Мещане	75	18,75	76	19
Крестьяне	57	14,25	74	18,5
Крестьянские общества	10	2,5	13	3,25
Иностранцы	2	0,5	4	1
Лица свободных профессий	2	0,5	1	0,25
Торгово-промышленные товарищества, компании	6	1,5	24	6
Священнослужители	1	0,25	4	1
Прочие	10	2,5	8	2
Всего	400	100	400	100

С.И. Четвериков среди своих родных в усадьбе «Кашинцево» Богородского уезда. 1900-е гг. Семейный архив Четвериковых

В 1883 г. Четвериковы решили завести основательное хозяйство: возвели ферму, где содержали племенных коров и выездных лошадей; засеяли поле клевером и викой; стали выращивать картофель для семейного обихода. «Ведение хозяйства, — объяснял Сергей Иванович, — имеет целью разнообразить дачный образ жизни»⁵⁶. Он управлял своим имением сам, имея единомышленницу в лице своей супруги, умевшей организовать быт семьи и воспитание детей. Их сближала общая любовь к природе, уважение к окружающему их крестьянскому сообществу и населению рабочего поселка при фабрике.

Местные крестьяне с удовольствием нанимались в имение Четвериковых на полевые работы, так как цена на рабочие руки там всегда была «выше *taxitum*'а». А чтобы они не рубили хозяйский лес, селянам позволялось бесплатно пасти в лесу скот и собирать валежник. И верно — сторожить лес не понадобилось. С.И. Четвериков прожил в усадьбе более сорока лет, находя возможность совмещать большую работу по управлению многочисленными промышленными предприятиями, которые постоянно развивал и реконструировал, с удовольствием быть сельским хозяином. В «Кашинцево» в год получали более 16 тыс. ведер молока, 22 пуд. сливочного масла, из которых часть приходилось продавать⁵⁷.

В 1884 г. его младший брат, Д.И. Четвериков, занимавший один из административных постов на фабрике, решил обзавестись семьей, причем его избранницей стала А.А. Алексеева, сестра супруги вла-

дельца «Кашинцева». К свадьбе С.И. Четвериков купил при селе Анискине, которое имело еще одно название – Тимофеевское, усадьбу «Тимофеевка»⁵⁸.

При том же селе находилась и усадьба «Солнцево» со старозаветным господским домом. Ее в 1884 г. приобрел на свое имя дядя Сергея Ивановича – Д.И. Четвериков-старший – у дворянина А.Н. Калужского⁵⁹, а затем ее выкупила Е.М. Алексеева, мать М.А. и А.А. Четвериковых. После смерти единственного сына – Н.А. Алексеева, убитого на посту городского главы, она жила в «Солнцево» в окружении многочисленной прислуги, наладив свой быт довольно пышно, по-барски⁶⁰. Впрочем, потомственное дворянство имела и она, и Четвериковы – «за заслуги» отцов. Таким образом, близ Городищенской суконной фабрики появилось не одно «новодворянское гнездо», а несколько.

В «аристократическом» Звенигородском уезде обстановка была несколько иная. Издавна усадьбы в этих местах принадлежали богатым вельможам и влиятельным царедворцам. В губернии существовала поговорка: «Кто в Звенигороде не барин, тот в Москве – не боярин». И в конце XIX в. уезд продолжал оставаться дворянским, хотя землевладение торгово-промышленного сословия в нем было значительным. Здесь находились усадьбы представителей известных предпринимательских фамилий – потомственных почетных граждан Д.И. Хлудова, О.М. фон Вогау, П.П. Боткина, Т.И., И.О. и Г.М. Сушкиных, И.С. Перлова, С.Н. Карзинкиной, А.Я. Полякова, А.К. Медведниковой и многих других заметных фигур купеческой Москвы. Ситуацию с приобретением имений в этом уезде показывает таблица 5.

Данные о покупках имений дворянами в этом уезде являются несколько завышенными, поскольку в этих краях предпочитала приобретать усадьбы «одворянившаяся» буржуазия. Замечательная природа, климат и высокопоставленное окружение притягивали сюда состоятельных горожан. В уезде было сравнительно много землевладельцев – иностранных подданных, «скрывающихся» под названием «московский купец». Дворянские усадьбы здесь покупались целиком, а потом к ним докупались или выменивались у крестьянских обществ примыкающие участки.

Именно так действовала, к примеру, потомственная почетная гражданка М.А. Катугар, купившая в Перхушковской волости в 1872 г. при сельце Осоргино (Осорвино, Солманово) «недвижимое имение с господским домом» у князя А.С. Урусова за 15 тыс. руб. В течение последующих лет ею и ее мужем, членом правления Торгового дома «Вдова Катугар с сыновьями», торговавшим по всей России «заграничным товаром», А.И. Катугаром де Бионкуром были приобретены в той же волости 254 дес. леса за 18 тыс. руб., а затем 111 дес. земли «с господскими строениями» в имении надворного советника Н.Ф. Самарина «Измалково»⁶¹.

Таблица 5

**Сословный состав покупателей и продавцов земли
в Звенигородском уезде в 1863–1880 гг.⁶²**

Сословие или сословная группа	Продавцы		Покупатели	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Купцы	25	7,29	57	16,62
Почетные граждане	18	5,26	32	9,33
Дворяне	232	67,63	141	41,12
Мещане	13	3,79	16	4,66
Крестьяне	24	7	50	14,58
Крестьянские общества	17	4,96	3	0,87
Иностранцы	4	1,17	13	3,79
Лица свободных профессий	2	0,58	2	0,58
Торгово-промышленные товарищества, компании	2	0,58	24	7
Священнослужители	3	0,87	3	0,87
Прочие	3	0,87	2	0,58
Всего	343	100	343	100

Закончив формирование участка, владельцы приступили к обновлению усадебных строений и восстановлению лесных угодий. Центром нового имения в итоге стала усадьба «Солманово», где сохранилась система старинных прудов, липовый парк XVIII в. и церкви. Впоследствии граф Булонский (Катуары получили этот титул в 1821 г.) стал одним из самых заметных землевладельцев в губернии.

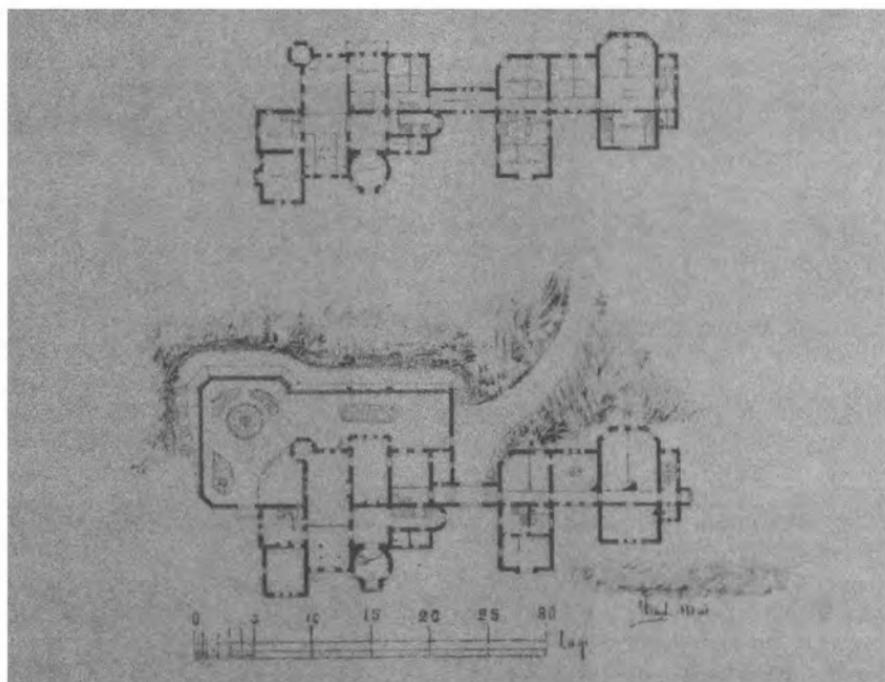
В Звенигородском уезде имения старой и новой аристократии граничили между собой, соперничая в декоре дворцов и богатстве интерьеров. Рядом с изысканными ансамблями имений «Архангельское», «Покровское-Стрешнево», «Большие Вязы», «Ершово», «Кораллово» строились не менее замечательные дворцы купцов «во дворянстве».

Однажды князь Юсупов, приехав в «Архангельское» из Санкт-Петербурга, увидел, что за время его отсутствия на соседнем холме возведено нечто подобное крепости с берегов Рейна. Оказалось, что владелица соседнего имения у деревни Подушкино, хозяйка кирпичного завода при станции «Одинцово» Н.А. Веригина, во втором замужестве — баронесса Мейендорф, заказала в 1885 г. архитектору П.С. Бойцову загородный дом в готическом стиле.

К построенному зодчим «замку» вела подъездная аллея из молодых лиственниц. В парке были посажены деревья-экзоты: черемуха Маака, представляющая собой смесь черемухи и березы; пирамидальные

Дом Н.А. Веригиной
в усадьбе «Подушкино»
Звенигородского уезда.
Архитектор П.С. Бойцов.
Начало XX в.

Гостиная в доме Н.А. Веригиной в усадьбе «Подушкино» и план дома. Архитектор П.С. Бойцов. Начало XX в.

дубы; удивительный амурский бархат с резной кроной, вывезенный из Китая; редкое дерево гинкго. Два пруда располагались на разных уровнях по речке Самынке. Волшебным миражом смотрелся розовый арочный мост над верхним прудом, отражающийся в неподвижной глади воды. Ров и крепостные стены довершали образ средневековой крепости. Заметим, что имение баронессы Мейендорф вскоре стало своеобразным культурным центром и достопримечательностью уезда. В 1896 г., гостя в соседнем Ильинском, его посетил государь Николай II с супругой.

Обратимся теперь к нотариальному архиву Подольского уезда, который зафиксировал еще один вариант регионального земельного рынка (таблица 6).

В Подольском уезде, как и в большинстве других уездов Московской губернии, дворянское землевладение до 1880 г. было еще довольно устойчивым. Примером этого может служить эволюция усадьбы «Михайловское» графа С.Д. Шереметева. В 1870 г. флигель-адъютанту, полковнику, графу Шереметеву удалось выкупить у графа А.С. Мусина-Пушкина родовое имение близ села Бынева за 40 тыс. руб. Он не только благоустроил обветшавшую усадьбу, но и превратил «Михайловское» в одно из лучших экономических хозяйств России, совместив коммерческий расчет и дворянскую культуру. Граф Шереметев постоянно расширял границы имения, которое и так насчитывало 989 дес. 1265 саж. земли. В том же году он купил еще 141 дес. близ «Михайловского», в апреле 1871 г. при соседнем селе Сандыреве — 245 дес. «лесных земель с домом», в 1874 г. — 401 дес. пашни при деревнях Плескове и Заболотье⁶³. Политика расширения латифундии графом Шереметевым продолжалась вплоть до 1917 г.

В целом в лесном Подольском уезде в старые годы преобладали дворянские вотчины, монастырские и казенные земли. Здесь в деревне долго господствовали патриархальные отношения, а дворяне если и пускали в продажу уголья, то старались оставить за собой усадьбы со старинными постройками.

Большинство землевладельцев из торгово-промышленной среды, купив имение в Подольском уезде, получало доход, как правило, от продажи леса или сдачи угодий в аренду. К примеру, московский купец И.М. Костяков купил у князя Урусова в Кленовской волости при деревне Маврино за 30 тыс. руб. имение, состоящее из усадьбы, лугов и леса. Сохраняя лесные массивы, он сдал пахотные земли и луга местным крестьянам по 1,0–1,5 руб. за дес. При этом 1236 дес. пашни «лежало без движения»⁶⁴.

Все уголья были арендованы и у купца Васильева при селе Васюнине Вороновской волости⁶⁵. Так же «пользовался» угольями лесоторговец Н.О. Сушкин в своем имении при деревне Горки, в котором «все пришло в запустение»⁶⁶. Крестьянин Серпуховского уезда Г.С. Волков торговал у генеральши П.А. Замятиной в 1870 г. усадьбу при сельце

Таблица 6

**Сословный состав покупателей и продавцов земли
в Подольском уезде в 1863–1880 гг.⁶⁷**

Сословие или сословная группа	Продавцы		Покупатели	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Купцы	18	6,23	51	17,65
Почетные граждане	8	2,77	16	5,54
Дворяне	209	73,32	95	32,87
Мещане	11	3,81	37	12,80
Крестьяне	19	6,57	57	19,73
Крестьянские общества	12	4,15	5	1,73
Иностранцы	3	1,04	3	1,04
Лица свободных профессий	3	1,04	3	1,04
Торгово-промышленные товарищества, компании	1	0,35	15	5,19
Священнослужители	3	1,04	5	1,73
Прочие	2	0,69	2	0,69
Всего	289	100	289	100

Шарапове площадью 293 дес., а затем будто забыл о своей земельной собственности.

Были в уезде случаи, когда промышленники выкупали имения помещиков целиком. Владелец московского завода парового и механического оборудования Э.И. Бромлей приобрел в 1872 г. 432 дес. 505 саж. с господскими строениями у господ Мельгуновых при селе Таболове. Московский купец В.В. Блинников стал владельцем 396 дес. с усадьбой при сельце Жохове. В 1876 г. при сельце Кленове на 551 дес. 127 саж. земли с усадьбой завел хозяйство потомственный почетный гражданин А.И. Шамшин, директор Московского товарищества золотоканительного производства «Владимир Алексеев, П. Вишняков и А. Шамшин».

В этом уезде купил старинное имение «Валуево» владелец Товарищества Вознесенской мануфактуры С. Лепешкина сыновей купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Д.С. Лепешкин⁶⁸, человек в торгово-промышленных кругах авторитетный, с 1863 г., в течение 14 лет, — выборный московского купеческого сословия в Городской думе. Лепешкин имел награды за благотворительную деятельность и чин действительного статского советника, давший ему право на потомственное дворянство. Он ежегодно бывал по делам в Париже и Лондоне и походил на английского джентльмена. Однако образования на самом деле у него никакого не было, и в своих решениях он больше руководствовался практическим опытом и коммерческим расчетом, чем книжными науками⁶⁹.

Главный дом в имении Д.С. Лепешкина «Валуево» Подольского уезда. Начало XX в. Семейный архив Карповых

Когда российское законодательство позволило дворянам пускать в продажу все виды своей земельной собственности, оставшейся после наделения крестьян землей, Лепешкин стал присматриваться к земельному рынку, решив вложить свои капиталы в сельскую недвижимость. У княгини В.Б. Четвертинской он в 1882 г. приобрел «Валуево» с господским домом, хозяйскими постройками и мельницей, причем 437 дес. земли обошлись всего лишь в 20 тыс. руб.⁷⁰

Имение располагалось в 25 верстах от Москвы и, если не принимать во внимание тяготы дороги, было удивительным по своей красоте. Просторы к юго-востоку от города представляли собой живописный деревенский пейзаж с обширными полями и рощами. Климат здесь был мягче, чем в других районах губернии, и путеводители называли эти края «русской теплицей»⁷¹. Усадьба на берегу реки Ликовы имела достойный вид и богатую родословную, что не могло не привлечь коммерсанта, желавшего обзавестись «майоратом».

Название «Валуево» существовало уже в XVI–XVII вв. и восходило к фамилии одного из первых владельцев вотчины – дьяка Г.Л. Валуева, который был соратником полководца князя М.В. Скопина-Шуйского. При покупке имения самой старой постройкой оказалась каменная церковь середины XVIII в., построенная другим владельцем «Валуева» – обер-гофмаршалом Д.А. Шепелевым. В усадьбе им был разбит тогда и регулярный парк на склоне, спускавшемся к реке.

В конце XVIII в. «Валуево» перешло во владение рода Мусиных-Пушкиных и было обустроено известным историком, археографом и собирателем русских древностей графом Алексеем Ивановичем. Унаследовавший «Валуево», его сын В.А. Мусин-Пушкин провел в имении годы ссылки: за участие в заговоре декабристов он был осужден, затем находился под наблюдением властей и кроме Москвы ему было разрешено жить только в родовом поместье. Владимир Алексеевич томился уединением и находил развлечение в карточной игре с соседями-помещиками. Игрок он был неистовый, и это еще более усугубляло непрочное финансовое положение семьи. Накануне отмены крепостного права имение находилось под залогом, из которого Мусины-Пушкины так и не смогли его выкупить.

В 1856 г. долговые обязательства владельцев «Валуева» принял на себя купивший имение сосед – князь Б.А. Святополк-Четвертинский⁷², но его наследники, оказавшись не в силах нести расходы, решили его продать богатому фабриканту Лепешкину. При этом имение, оцененное в 1879 г. в 40 тыс. руб., они отдали в два раза дешевле, стремясь выручить за него хоть какие-то деньги⁷³.

Вступив во владение «Валуевом», Лепешкин некоторое время выжидал, оценивая масштабы предполагаемых в имении нововведений. Обретенная земельная собственность представляла собой запущенный, но все еще прекрасный в своей строгости, классический архитектурно-парковый

ансамбль, сложившийся в 1810–1811 гг. По обеим сторонам ограды парадного двора высились круглые краснокирпичные «готические» башни с декоративными деталями из белого камня. Усадьба сохранила следы регулярной планировки эпохи просвещения. В ее глубине стоял господский деревянный дом с флигелями. Восьмигранный бельведер украшал классическое здание, над которым высился шестиколонный ионический портик.

Открытые галереи-колоннады соединяли дом с флигелями. В левом — находилась кухня, на его втором этаже когда-то жила крепостная прислуга. Правый флигель был предназначен для домашнего театра Мусиных-Пушкиных, но давно обветшал. Каменные каре конного и скотного дворов располагались симметрично по сторонам двора-курдонера. Неподалеку от них находились контора и дом управляющего, выстроенные по одному проекту. Украшением этих зданий служили лаконичные мезонины и крыльца с колоннами.

Главный дом отделял регулярный парк от пейзажного. Сквозь открытые галереи просматривались его живописные природные картины. Извилистые дорожки огибали группы деревьев, которые давно не подвергались стрижке и сильно разрослись. Каскадные пруды, устроенные с учетом рельефа местности и с использованием старинной насосной системы, имели каждый свое название — «Красный», «Золотой» и «Темный». Церковь и три маленьких домика для церковного причта были почти скрыты от людских глаз кронами лип и вязов и посаженным декоративным кустарником.

В западной части парка над искусственным гротом высился когда-то нежно-голубой «Храм воздуха», переименованный затем Лепешкиными в «Охотничий домик». От него спускалась к реке белокаменная лестница к мостику, ведущему на остров. Внутри господский дом имел анфиладное расположение комнат как на первом, парадном этаже, так и на втором, где располагались спальни и детские⁷⁴. Интерьеры сильно нуждались в ремонте, но в залах, которые свидетельствовали о былом великолепии этого загородного пристанища муз и учености, сохранилось немало мраморных изваяний и скульптурных групп, живописных полотен старых мастеров и давно не чищенной бронзы.

Став ареной приложения сил энергичного предпринимателя, имение «Валуево» начало меняться. Внутренняя отделка парадных залов главного дома получила помпезное дополнение в виде новых колонн, лепных карнизов, каминов с зеркалами, декорированными искусственным мрамором. Желая создать вокруг себя «дворцовый» блеск, Дмитрий Семенович наполнил комнаты многочисленными предметами роскоши, привезенными им из Европы и купленными у антиквариев. В имении был сооружен ряд хозяйственных построек, баня и водонапорная башня, что было данью техническому прогрессу. Старинную оранжерею модернизировали с сохранением прежней архитектуры. До станции «Одинцово» проложили частное шоссе.

Дмитрий Семенович привык действовать с большим размахом и все задуманные им работы проводил с расчетом на будущее. Через два года после приобретения «Валуева» он стал заводить в имении пашенное хозяйство, хотя ранее ничем подобным не занимался. В 1884 г. на 15 дес. велась обработка земли. О севообороте хозяева пока и понятия не имели, но планировали устройство небольшого молочного хозяйства для семейных надобностей, понимая, что без кормов не обойтись. В 1883 г. были закуплены восемь коров «тирольской» породы и бык-«альгоф», а также шесть романовских овец. С крестьянами стали заключать договоры на заготовку трав, расплачиваясь деньгами, а чаще — водкой. В имении начали возводить современную мельницу⁷⁵.

Затевая устройство сельской «экономии», Лепешкин из-за границы привез большое количество инвентаря для полеводства. Внучка владельца М.В. Лепешкина вспоминала, что в «Валуеве» был целый парк сельскохозяйственных машин — сенокосилок, веялок и молотилок, которые тогда представляли собой последнее слово техники. Однако механизмы эти так никогда и не были пущены в дело, поскольку оказалось, что обработка угодий усилиями окрестных крестьян, пусть даже имеющих на вооружении деревянные бороны и обычные косы, стоила дешевле и не требовала никаких забот.

В начале 1890-х гг. Лепешкин все же создал в «Валуеве» благоустроенный скотный двор, где в отдельных стойлах находилось до двадцати голов молочного скота. В новом птичнике обитали куры заграничных пород. Оранжереи обеспечивали обитателей «Валуева» лимонами, абрикосами, персиками, а в грунтовых сараях росли вишни. Фруктовый сад был обновлен. Им, как и всем садовым и оранжерейным хозяйством, руководил немец, большой специалист в этой области, который все держал в образцовом порядке.

Особое место занимал на карте Московской губернии Московский уезд, где на земельном рынке «вращались» сотни мелких участков. О землевладении в этом ближайшем к городу поясе экономист Каблуков написал еще в 1870-е гг.: «Оно обуславливается не столько причинами, лежащими в условиях сельскохозяйственного производства, сколько различными социальными явлениями, производимыми частью центральным положением Москвы и скученностью ее населения, что ведет к развитию дачной жизни и увеличению тех мелких участков, которые покупаются под дачи и ежегодно охватывают все больший район вокруг Москвы»⁷⁶.

Московский уезд обрамлял город кольцом в 10–12 верст. Купить усадьбу там всегда было сложно, так как в радиусе 20 верст от застав десятина стоила дорого. К концу XIX в. цена на землю стала еще выше, попав в зависимость от близости к шоссе или железнодорожной станции. Характерное для того времени газетное объявление начала XX в. достаточно точно иллюстрировало затруднения горожан: «Гвоздь сезо-

А.Н. Лепешкина
и ее родственница
перебирают
яблоки для варенья
в усадьбе «Валуево»
Подольского уезда.
Начало XX в.
Семейный архив
Карповых

на! Поднимитесь на воздушном шаре аэроклуба! Широко, беспредельно раскинулась вокруг Москвы панорама продающихся этой весной имений. Сотни тысяч покупателей разъезжают по ж.д. в погоне за “синей птицей”. Кое-где вдали мелькают дивные, ценные уголки... А если и промелькнет перед печальным взором покупателя какой-либо оазис, тотчас появится неумолимая завеса и запретная надпись “не продается”. И только тяжелое, роковое обстоятельство сдернуло эту завесу с чудного, прелестного имения, расположенного у самой платформы...», а далее следовало описание⁷⁷.

Сразу же за городскими заставами начинались излюбленные места летнего отдыха москвичей – Петровский парк, Сокольническая роща или Воробьевы горы, где Городская управа продавала земельные участки горожанам, не желающим надолго расставаться с благами цивилизации. Местность от Тверской заставы до Петровского дворца – резиденции русских государей – соединяла в себе луга и рощицы, и тут же высился затейливый «вокзал» со сценой для концертов. Вокруг театра, украшенного «греческим» портиком, прогуливались любители «пленэра». На лужайках выступали хор цыган и народные песенники, а к вечеру по Тверской в Петровский

парк неслись упряжки с бубенцами, доставляя желающих в многочисленные рестораны. «Жизнь в парке весела, шумна и разнообразна, — повествовал один из московских путеводителей 1880 г., — даже зимою прокачиваются в заманчивые приюты его бешеные тройки с гуляками пассажирами, из которых некоторые доходят до бешенства. Пусть всякий судит сам, можно ли летнюю жизнь в парке назвать дачною?»⁷⁸.

Издавна имений в Петровском парке было немало, а некоторые представляли собой замечательные, новые комплексы, выстроенные с учетом требований комфорта и красоты. Одним из таких загородных приютов была «дача» И. В. Морозова, директора Товарищества мануфактур В. Морозова с сыновьями. По его заказу в 1895 г. архитектором Ф. О. Шехтелем была построена усадьба в духе русских теремных дворцов, включавшая в себя внушительные ворота, жилой дом, конюшню с манежем и другие необходимые для жизни за городом службы. Иван Видулов был известным коннозаводчиком, а посему он проводил в своем ближнем к Москве имении достаточно много времени, где и держал лучших своих метисов-рысаков.

По желанию промышленника, архитектор спроектировал конный двор недалеко от «терема», объединив их общим художественным замыслом. Усадьба выглядела живописно, с шатровыми крышами хозяйственных строений, башенками ограды и самого дома, построенного из дерева и кирпича. Весь этот сказочный «городок» радовал глаз, а хозяйственный двор напоминал театральную декорацию, на фоне которой проходила повседневная жизнь хозяев.

Некоторые из построек соединяли в себе несколько функций. Так, птичник, располагавшийся вдалеке от господского дома, представлял собой живописный терем с башенкой-«гульбищем». Такие площадки еще во времена русского средневековья служили местом отдохновения бояр и царей. При этом строение было утилитарным и предназначалось для содержания птицы, но вместе с тем скрывало в своих недрах «ледник», необходимый для хранения провизии.

Старинным местом загородного строительства была также Сокольническая роща, куда в конце XIX в. можно было добраться на конке. Увеселительная жизнь отдохавших в Сокольниках горожан не нарушала уединения и спокойствия, царившего в небольших имениях, которых в этой местности было немало: еще Дворцовое ведомство начало сдавать участки на Сокольническом поле под застройку, а в 1875 г. Городская управа сдала в аренду на 48 лет, по крайней мере, сотню участков и предполагала распродать еще около пятисот. Муниципальные власти установили льготы для арендаторов, ведущих строительство, и хозяева дач могли выкупить землю и строения досрочно, заплатив городу компенсацию⁷⁹. В Сокольниках расположенные по лучевым просекам дачи скорее представляли собой виллы и коттеджи с небольшими живописными садиками.

Дача М.П. Азанчевского в Сокольниках. Архитектор В.П. Загорский. 1900-е гг.

В Московском уезде сохранялось достаточное количество старинных усадеб, которые арендовались горожанами, не имевшими средств на то, чтобы купить имение или построить дачу на собственном участке. Первоначально многие представители деловой верхушки Москвы снимали усадьбы, принадлежавшие старинным дворянским родам, для летнего отдыха своих семей из года в год. Впоследствии они так привыкли к жизни в усадьбе, что при первой же возможности покупали землю с усадьбой или строили усадьбы на приобретенных десятинах. Например, В.Е. Морозов, до того как отстроил себе грандиозное имение

«Одинцово-Архангельское», арендовал в течение многих лет в том же Подольском уезде «Старо-Никольское» у графа И.И. Мусина-Пушкина или «Петровское» Московского уезда у князя В.И. Барятинского.

Семейство В.С. Алексеева, деда Станиславского, в летние месяцы пользовалось «Елизаветинским ванным домиком» в имении «Покровское-Стрешнево» Московского уезда, заключив договор о его долгосрочной аренде с княгиней Е.Ф. Шаховской-Глебовой-Стрешневой. «Домик в “Елисаветине” является чистейшим образцом павильона, возведенного в стиле Людовика XVI: двухэтажный, с невысокими окнами, он соединялся невысокими колоннадами с маленькими флигельками, образующими “почетный двор”» — так описывал эту усадьбу-«игрушку» современник⁸⁰. На террасе этого паркового павильона XVIII в. Алексеевы устраивали семейные обеды, в многокомнатной анфиладе — балы, на которые съезжалось до 200 человек, а на дорожках и лужайках пейзажного парка — танцы и фейерверки.

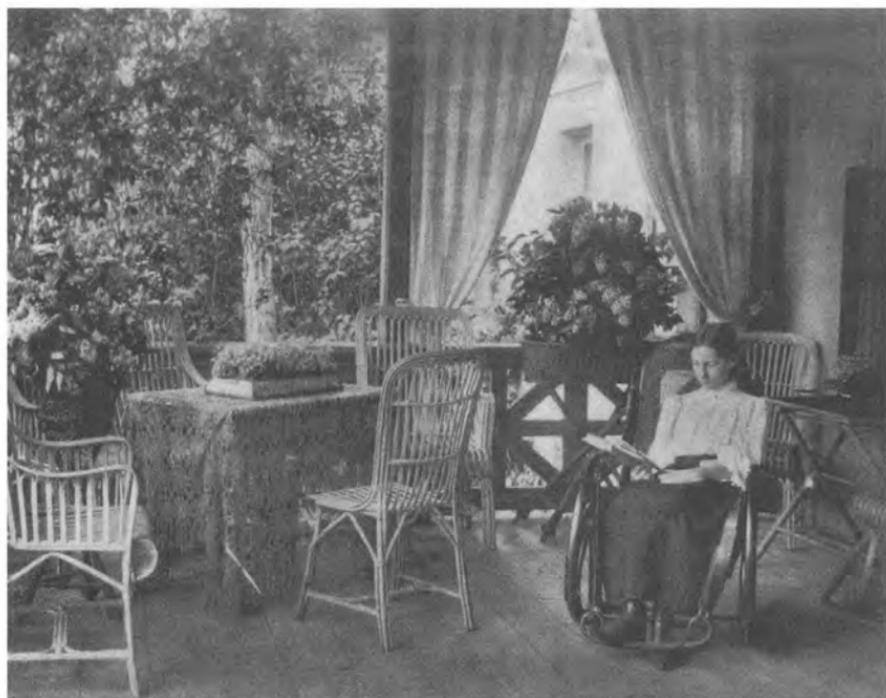
Официально земля по линиям железных дорог оценивалась 25–60 коп. за дес. Но в реальности снять дачу вблизи Москвы было нелегко. Чувствуя наживу, даже окрестные крестьяне в летние месяцы со всеми чадами и домочадцами перебирались в сараи и риги, сдавая свои избы с садами под дачи или продавая свои участки под строительство от 240 до 400 руб. за дес.⁸¹

Развитие железнодорожного сообщения только ускорило развитие дачного строительства и всех связанных с ним отраслей индустрии и вызвало появление нового типа поселений в окрестностях Москвы — дачных поселков. Чаще всего такие земельные владения принадлежали людям с большими средствами, так как создание «дачного курорта» требовало прокладки шоссе, перепланировки парка, устройства различных коммуникаций и в большинстве случаев — получения разрешения на открытие на рельсовом пути полустанка или поста.

Лесные угодья и старинные парки дворянских имений нередко также становились местом первых дачных городков. В 1870-е гг. дворец князей Юсуповых в имении «Архангельское» пустовал: старая владелица жила за границей и в Петербурге. Но дом содержался в полном порядке, вверенный заботам сторожа и смотрителя здания. Между парком и землями местной церкви было семь дач, приспособленных к сдаче в наем, из старинных построек разного назначения. Особенно хороша была «розовая дача», белая балюстрада которой утопала в зарослях сирени. Дачники жили и в помещениях готической каменной кладовой у оврага, которая представляла собой башню с входом, украшенным скульптурами, олицетворявшими страны света. «Остальные дачи не представляли ничего особенного. Это были построенные по единообразному плану дома, одноэтажные с мезонином, с итальянским окном в средней комнате, выходящей на передний фасад. Все одинаково окрашены в серую краску», — вспоминала одна из отдыхающих⁸².

«Жить в усадьбе, как на даче» — эта фраза из записной книжки А.П. Чехова отражала желания прогрессивной элиты России. Сам же Антон Павлович гостил во многих имениях. О своем пребывании в усадьбе помещиков Киселевых «Бабкино» он писал брату Михаилу: «Двери дачи были не заперты... Не беспокоя хозяев мы вошли, зажгли лампу и узрели нечто такое, что превышало всякие наши ожидания. Комнаты громадны, мебели больше, чем следует... Такая дача под Москвой, по крайней мере, 500 руб. стоит...»⁸³.

Некоторые москвичи старались снять дачу в усадьбе с богатой историей. Известные земские деятели и экономисты И.И. Янжул и А.И. Чупров приезжали в имение фабриканта М.С. Мазурина «Сokolovo» Московского уезда не только потому, что места эти, с легкой руки писателя П.Д. Боборыкина, окрестили «маленьким московским Шварцвальдом», но и потому, что там когда-то проводили летние месяцы Белинский, Грановский и Герцен. «Мы отыскиали этот прелестный уголок, облюбовали его, несмотря на относительную дороговизну тамошних дач для профессорского кармана... Я помещался в маленьком деревянном флигеле, занимаемом когда-то, по преданию, Белинским, а потом Грановским, а Чупров жил в большом каменном доме,

Т.Г. Герасимова на террасе в усадьбе «Горки» Подольского уезда. 1900-е гг. ФМЛ ГИМ

в былое время обитаемом Герценом. Тени великих покойников, так сказать, витали между нами и составляли нередко тему бесед и разговоров в «Соколове»⁸⁴.

В начале XX в. московское общество, уже ощущающее на себе угнетающее давление большого города, захватила популярная в Европе идея создания в пригородах «городов-садов», сочетавших близость к природе и городской комфорт. В России создание такого рода поселений началось только в Крыму и в Подмоскowie, но за рубежом они давно получили самое горячее признание. «Город-сад» в границах одного имения представлял собой синтез города и усадьбы, причем хозяева земли заблаговременно устраивали водопровод, налаживали электрическое освещение, телефонную и телеграфную связь, необходимые для создания комфортной жизни обитателям дачного поселка. Усадьба с господским домом владельца находилась в отдалении, а парк и водоем становились общественными.

Подобных дачных поселков в Подмоскowie было множество, и каждый имел определенный круг обитателей. Излюбленными местами летнего отдыха представителей торгово-промышленной среды были окрестности Архангельского, Покровского-Стрешнева, Кунцева, местности за Спасской и за Сокольничьей заставами и дачи вдоль Московско-Нижегородской железной дороги.

Так, имение потомственной почетной гражданки Е.Г. Торлецкой «Гиреево» Московского уезда имело площадь почти 240 дес. Оно было организовано согласно описанию эталона среди «городов-садов» – при-

Усадьба Д.П. Бахрушина «Ясеньки» Московского уезда. 1900-е гг. Семейный архив Бахрушиных

города Хемпстеда в Англии. Внутри имения Торлецкой была в 1907 г. выделена живописная местность со старинной дубовой рощей, оставшейся от вотчины Голицыных, на которой землю разбили на 500 дачных участков.

Торлецкие заблаговременно провели электричество, водопровод и канализацию. Для дачников построили почтовую, телеграфную и телефонную станции, несколько спортплощадок, а рынок образовался сам. Все улицы в поселке были замощены. От Москвы в поселок Новогиреево ходил трамвай, а от станции Московско-Нижегородской железной дороги — конка⁸⁵. Дорога была проложена через сосновый бор и шла мимо двух огромных прудов, где обитали дикие утки и жирные караси.

На берегу еще одного пруда жила сама Е.Г. Торлецкая в построенном в конце XVIII в. деревянном усадебном доме, в окружении цветников, оранжерей и сада. Ее сын Иван Александрович также возвел себе отдельный загородный дом — английский коттедж с современным интерьером и последними достижениями санитарии и гигиены. В этой стороне располагались службы, скотные дворы, амбары и птичники, откуда дачники могли получать продукты питания.

Дачи в Новогирееве снимали ежегодно одни и те же семьи выходцев из купеческой среды⁸⁶. Стоимость участка вдоль «проспектов» составляла 1400 руб., а если случайно освобождалась деревянная дачка в старой части имения, то ее можно было арендовать и за 400 руб.

Этот дачный поселок находился в одной версте от Кускова, и объявления о выставленных на продажу имениях и предлагаемых дачах не обходились без упоминания о родовом поместье Шереметевых. В 1875 г. при селе Кускове 3247 дес. 1522 саж. числились за графом С.Д. Шереметевым, одним из крупнейших землевладельцев России, другом юности императора Александра III, членом Государственного Совета, археографом и историком⁸⁷.

В начале 1880-х гг. граф Шереметев, учитывая потребности времени, приспособил под дачный поселок 92 дес. с садом. Землю он сдавал в аренду таким образом: первые 15 лет — по 5 коп. с сажени в год, а следующие 12 лет — по 8 коп., что давало хороший доход. Сдавались и три усадебных флигеля по 1000 руб. за лето⁸⁸. Для удобства горожан в 1900-е гг. от станции до поселка проложили шоссе. Как сообщал справочник «Населенные местности Московской губернии» за 1911 г., в имении «Кусково» тогда уже были почтовая и телеграфная контора, квартира урядника, летний театр, три трактира, три пивные лавки и аптекарский магазин⁸⁹.

Некоторые имения московской буржуазии вблизи Москвы пользовались репутацией мест, где предлагались не только комфортные условия жизни за городом, но и определенный круг общения. Так, «Дачное обозрение» еще в 1899 г. сообщало о местностях вдоль Ярославской (Северной) железной дороги: «Места по этой железной дороге издавна

пользуются прекрасной репутацией в гигиеническом отношении. Полное отсутствие сырости в большей части из них, обилие рек и прудов для купания, красота местоположения, разнообразие пейзажа, — все это делает жизнь здесь крайне привлекательной... Дачи, правда, не отличаются дешевизной, и некоторые места считаются даже аристократическими по дороговизне помещений, но зато всегда [можно] иметь вполне комфортабельные и основательно выстроенные дачи. Контингент дачников — преимущественно из финансового и биржевого мира, а также много и представителей высшего общества Москвы».

Репутация прекрасного дачного поселка была у имения потомственного дворянина, чаеоторговца Н.С. Перлова, отстроенного им в 1880-е гг. Арендовав у Удельного ведомства, распорядившегося государственными землями в России, 850 дес. земли, миллионер построил дома для зимнего и летнего проживания, оснастив их необходимыми удобствами и телефоном. В имении «Перловка» для развлечения проживающих были летний театр, кегельбан, бильярдная, зал для занятий гимнастикой, танцевальный «круг», где временами также выступали приезжавшие из Москвы музыканты. Платформа «Перловская» была одной из наиболее оживленных по этому направлению.

Хозяин имения жил в «Перловке» с многочисленной семьей в большом двухэтажном деревянном доме. Внутри загородное жилище Перлова было довольно оригинально: каждая комната имела свое неповторимое оформление в японском, китайском, русском, малороссийском и других стилях⁹⁰. Территория усадьбы была спланирована и застроена так, чтобы создать условия для отдыха на свежем воздухе и воспитания потомства владельца имения.

В начале XX в. создание образцовых «городов-курортов» стало популярной сферой вложения капитала. Для примера можно привести имение «Кучино» потомственной почетной гражданки Евф.П. Носовой (урожд. Рябушинской) при одноименной платформе Московско-Нижегородской железной дороги, выделенное ей по семейному разделу. Принадлежавшая к купеческой элите Первопрестольной, супруга суконного фабриканта планировала устроить дачный поселок на своем участке, оставив часть земли под свою собственную усадьбу. Идея нового поселения, воплощенная в представленном ею проекте, была рассчитана на потребности интеллигентных горожан, поэтому проект включал в себя создание общего парка, культурного центра и фермы для обслуживания поселка продуктами сельского хозяйства⁹¹.

Возникавшие под воздействием требований жизни и поставленные на коммерческие рельсы новые типы загородных усадеб продолжали оставаться особым видом поселения, без которого невозможно было себе представить картину российской действительности. Крепостная помещичья Россия осталась в прошлом, но усадебная культура не остановилась в своем развитии, засверкав сотнями новых граней.

2. СЕЛЬСКИЕ ИМЕНΙΑ МОСКОВСКОЙ БУРЖУАЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

«Немые» памятники суть непосредственно данные нам элементы культуры, не преломленные чужим сознанием. Они дают нам наиболее осязаемое представление о своем времени.

Н. П. Анциферов

В пореформенный период экономический строй дворянской и купеческой усадеб был близок. Формировался, по существу, единый тип «культурного хозяйства», независимый от сословия его собственника. При этом ценностно-мотивационные компоненты продолжали определять различие усадеб московской буржуазии между собой.

Тип подмосковной усадьбы второй половины XIX – начала XX в. архитекторами и искусствоведами достаточно часто классифицируется на основе планировочного решения всего ансамбля. При этом не принимается во внимание социокультурная составляющая этого явления⁹². Разумеется, это справедливо, если смотреть на объект исследования с точки зрения «художественной».

Если смотреть на «купеческую» усадьбу с точки зрения социально-психологической, то можно предложить другую классификацию, базирующуюся на так называемой «философии хозяйства». Это понятие, рожденное концепцией С. Н. Булгакова, имеет глубокое содержание. «Хозяйство, – писал мыслитель, – есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту – он творит культуру, как гласит распространенная формула наших дней. Рядом с миром “естественным” создается мир искусственный, творение человека, и этот мир новых сил и новых ценностей увеличивается от поколения к поколению...»⁹³.

Заметим, что сама личность «творца» в социальном плане находилась в тот период в неустойчивой стадии. В начале XX в. обозначился процесс формирования новой элиты российского общества, в состав

которой входили как представители «привилегированных», так и «низших» сословий. Процесс этот затронул и усадебную культуру, где прослеживается эволюция образа жизни обитателей «купеческой» усадьбы от патриархального, по сути крестьянского, бытового уклада к «интеллигентскому», свойственному «образованным предпринимателям».

Это было время, когда место «большого света» как центра притяжения дореформенной дворянско-чиновничьей элиты заняла «интеллигенция» как некая внесловная общность, принадлежность к которой (по уровню образования, типу мышления и жизненному укладу) определяла самоидентификацию верхнего слоя российского общества⁹⁴. Усадебное хозяйство в конце XIX — начале XX в. отразило эти социальные процессы, равно как и другие виды индивидуального творчества.

Типология сельских усадеб в пореформенной России была детерминирована совокупностью многих составляющих. Учитывая индивидуальные проявления хозяйственной деятельности владельцев имений, можно выделить следующие типы сельских усадеб московских предпринимателей.

1. Усадьба — «дворянское гнездо»

Имение приобреталось целиком со всеми угодьями и с сохранением господского дома. Владельцы придерживались уклада старой дворянской усадьбы. В ряде случаев он искусственно воссоздавался и становился нормой поведения «в деревне». В имении все производилось «для собственного потребления» как во время пребывания семьи владельца в усадьбе, так и в городе.

Одним из примеров этого типа может служить усадьба «Введенское» в Звенигородском уезде владельца кирпичных заводов близ Одинцова, потомственного дворянина, коммерции советника, 1-й гильдии купца В.И. Якунчикова, приобретшего ее в середине 1860-х гг. у барона Штакельберга. Выстроенная в XVIII в. отцом фаворитки Павла I князем П.В. Лопухиным в духе дворцовых резиденций, усадьба была удивительным памятником ушедшей эпохи.

В 1860 г. Якунчиков, красивый и образованный «англоман», вдовец с тремя детьми, женился на шестнадцатилетней З.Н. Мамонтовой, и «Введенское» стало более чем на двадцать лет их семейным гнездом. Деревянный дом с шестиколонным портиком и галереями стоял на возвышенности и был, по свидетельству современников, одним из самых красивых в окрестностях Москвы.

В.П. Третьякова (в замужестве Зилоти), доводившаяся жене владельца усадьбы племянницей, вспоминала об этом прелестном уголке: «Ехали в “Введенское” по Московско-Брестской железной дороге. От станции “Голицыно” на лошадях, обычно на дрогах, верст пятнадцать среди полей и лугов. За версту до усадьбы въезжали в большую березовую ал-

Главный дом в имении графини М.С. Гудович «Введенское» Звенигородского уезда. 1916 г.

лею. Аллея вела во двор, где в ограде, под тенью деревьев, стояла церковь. Посреди двора была громадная овальная лужайка, дорога шла вокруг нее, сбоку стояли флигели, а в глубине — большой белый дом с колоннами и с полукруглыми “крыльями” по бокам. Вход вел по массивной чугунной лестнице, полукругом наружу, в “диванную”, из нее в длинную столовую с окнами и громадной дверью в центре, выходящими на чугунный полукруглый балкон с колоннами, с которого в обе стороны спускались чугунные ступеньки вдоль фасада на длинную-длинную площадку, окаймленную грядкой чудесных цветов. От площадки вниз спускался луг до самой Москвы-реки»⁹⁵.

Из окон дома открывались чудные виды: вправо — на Звенигород, влево — на Саввино-Сторожевский монастырь. Якунчиковы умышленно поддерживали «аристократический» уклад жизни, который им казался единственно возможным в имении. Столовую и гостиную украшали старинные портреты, оставленные здесь прежними владельцами усадьбы. Один из флигелей был театральным, и там проходили любительские спектакли, в которых участвовали молодые Якунчиковы, их кузены Мамонтовы, Алексеевы, Сапожниковы и Третьяковы.

На фортепьянные вечера с участием А.Г. и Н.Г. Рубинштейнов приезжали из Москвы. В имении гостили П.И. Чайковский и А.П. Чехов. Дочь хозяина, талантливая художница М.В. Якунчикова-Вебер, создала в усадьбе замечательные работы, навеянные дыханием прошлого. Для живописца В.Э. Борисова-Мусатова «Введенское» стало собирательным

образом уходящего в прошлое поэтического мира старины. «Любили мы «Введенское» и его помещичий уклад жизни!» — писала В.П. Зилоти⁹⁶.

Нельзя сказать, что в имении Василия Ивановича не велось никакого хозяйства. Скорее, во «Введенском» ему не придавали особого значения. Из площади в 2388 дес. пашню возделывали только на 28 дес. Сажали рожь, овес и кормовые травы для нужд маленькой фермы, где в 1883 г. держали 20 коров, нескольких телят, 10 овец и 2 свиньи.

Молоко и другие продукты собственного хозяйства использовали в имении. Рабочих было всего пятеро, а вот лесников — тринадцать, причем на охрану леса Якунчиковы тратили до 900 руб. в год⁹⁷. Выгодное в этом уезде лесное хозяйство только начинало устанавливаться, но и при следующей хозяйке — М.С. Гудович (урожд. Шереметева) — эта политика в отношении лесоразведения была продолжена.

Отец Марии Сергеевны, граф С.Д. Шереметев, крупнейший землевладелец в Российской империи, в 1884 г. выкупил усадьбу у Якунчикова за 100 тыс. руб., отдав затем имение дочери в приданое. Бывая во «Введенском» гостем или проезжая мимо него в свои вотчины, он всегда восхищался гармонией старинного дома, построенного по канонам века

Семья графа С.Д. Шереметева на веранде главного дома в усадьбе «Михайловское» 1880-е гг. Семейный архив Шереметевых

Просвещения. «Бывают местности, совершенно неизвестные, но при виде которых что-то вспоминается из пережитого и виденного, словно вы тут когда-то жили, а между тем вы впервые видите эти места. Такое впечатление вынес я, когда я впервые увидел “Введенское”», — писал он, имея в виду «родовую память» о дворянском прошлом, которая жила в этом имении⁹⁸.

2. «Сельскохозяйственная экономия»

Имение с усадебным домом, представляющее собой многоотраслевое сельскохозяйственное предприятие, работающее на рынок и имеющее вспомогательные технические производства.

Вот как происходило формирование «сельскохозяйственной экономии» во владении И.А. Прокофьева при деревне Горки Подольского уезда. Имение пришло было в совершенное запустение, попав в 1872 г. в собственность торговцев лесом купцов Сушкиных. Вконец обветшавшее, оно в 1889 г. перешло в руки коммерсанта Прокофьева. Представитель воскресенского купечества, новый хозяин возглавлял косметическое производство «С.А. Прокофьев и К^о», был совладельцем первой русской парфюмерной фабрики «Северная Флора». Имея сеть розничных магазинов в Москве и Петербурге, фирма продавала мыло, духи и одеколон, а также «народную парфюмерию».

Когда Иван Александрович приобрел усадьбу «Горки», в ее окружной меже состояло 348 дес. разного рода угодий⁹⁹. Основное внимание владелец уделял хозяйственным службам, желая наладить экономическую жизнь в поместье: восстановил скотный двор и конюшни, отремонтировал теплицы, разбил яблоневый сад. В хозяйстве выращивали рожь, озимую и яровую пшеницу, овес и картофель для себя. Огородное же производство давало доход от капусты, огурцов, которые продавали местным крестьянам прямо «на грядках».

В специально построенной оранжерее нанятые Прокофьевым специалисты начали разводить для продажи в Москве цветы, получая урожай до 50 пудов. Одна десятая земли была выделена под культивирование резеды для своей парфюмерной фабрики. В усадьбе круглый год жил сторож и несколько рабочих, но сами хозяева бывали в «Горках» редко. Дом, построенный в 1820-е гг. одним из владельцев «Горок» — поклонником изящного слога и просветителем А.А. Писаревым, — пустовал. Тем не менее Прокофьев его изредка ремонтировал и старался содержать в порядке.

Приусадебный парк был в те годы расчищен, а в главную липовую аллею посадили еще деревья, продлив ее до господского дома. Северная въездная дорога была обсажена до Старо-Каширского тракта березами, в южной же части усадьбы появилась еловая аллея, ведущая в сторону реки Пахры. Такое внимание Прокофьева к благоустройству своего

Северный флигель в усадьбе Герасимовых «Горки» Подольского уезда. 1900-е гг.
ФМЛ ГИМ

владения можно объяснить тем, что парк и старинный дом были весьма привлекательны для первых в «Горках» дачников. В 1895 г. на территории усадьбы уже имелись две дачи, которые сдавались горожанам за 400 руб. в год¹⁰⁰. На большее рассчитывать Прокофьеву не приходилось: в этих, не охваченных железнодорожным строительством местах дачник мог довольствоваться лишь перевозданным отдыхом у рыбного пруда да сбором грибов и ягод.

3. «Лесная дача»

Имение с жилым комплексом и лесной территорией, на которой развито рациональное лесное хозяйство и лесопромышленное производство.

Образцом подобного коммерческого предприятия представляется лесное хозяйство действительной статской советницы А.Т. Карповой «Брыково». Дочь владельца Никольской мануфактуры Т.С. Морозова, Анна Тимофеевна, получила потомственное дворянство благодаря своему браку с профессором Московского университета Г.Ф. Карповым, а в 1874 г. она приобрела на имя Карпова свое первое имение «Брыково» у коллежского регистратора М.П. Кильдюшевского за 20 тыс. руб.

Имение представляло собой 664 дес. 1854 саж. земли, помещичий дом со службами и мукомольной мельницей, не приносящей никако-

го дохода¹⁰¹. Имение было записано за мужем, который таким образом стал помещиком Звенигородского уезда. Однако особым пунктом в купчей было оговорено, что весь лес, находящийся на территории имения, принадлежит «жене доктора русской истории»¹⁰².

Для управления «Брыковым» был нанят крестьянин Рязанской губернии, которому было поручено следить за сохранностью дома и построек, оберегать окрестные леса от порубок, а поля и луга — от потрав. Ему было указано без особого распоряжения «не рубить ни одного дерева», не допускать посторонних «до осмотра» лесов или охоты. Управляющему доверялось нанимать лесников и рабочих и наблюдать за тем, чтобы они строго исполняли свои обязанности.

После смерти мужа в 1890 г. А.Т. Карпова приняла во владение недвижимое имение, фактически и ранее бывшее ее собственностью¹⁰³. На протяжении следующих нескольких лет она скупала участки и обменивала пустоши в окрестностях «Брыкова», договариваясь с крестьянскими обществами. К началу XX в. в Звенигородском уезде Карпова владела уже 3239 дес. 28 саж. лесных угодий, уступив безвозмездно в 1905 г. участок в 5 дес. Обществу Московско-Виндавской железной дороги, а 598 саж. отдав под постройку шоссейной дороги, соединившей усадьбу с Московско-Волоколамским шоссе¹⁰⁴.

Лесное хозяйство Карповой простиралось и по другую сторону шоссе, постепенно поглощая наделы местных крестьян. Позже некоторые из своих земель в Звенигородском уезде Карпова подарила сыновьям Тимофею и Александру, но «Брыковскую дачу» сохранила за собой, где и разместила главную усадьбу прилегающих лесных хозяйств. В усадебном доме была устроена контора лесхоза, который год от года увеличивал свою территорию. «Брыковская дача» продавала строевой и дровяной лес, тес, слези, доски, березовые, еловые и осинового дрова, горбыль и сучья. Мельница также находилась в многолетней аренде. С крестьян, уступивших пахотные земли, теперь Карпова взимала деньги за покосы в оврагах, на вырубках, в саду и парке.

Поставив хозяйство на капиталистические рельсы, она занялась и лесоразведением. Ежегодно в марте нанимала крестьянских баб с детишками для сбора сосновых и еловых шишек, из которых затем добывали семена. Для их сушки были построены специальные помещения с печами. На разбитых на квадраты землях закладывали питомники, а до этого надо было несколько лет землю на этом месте пахать и засеивать рожью или овсом, как требовала немецкая технология.

В Отделе письменных источников ГИМ хранится сделанный на заказ в 1913 г. в ателье московского фотографа М.И. Грибова альбом фотографий лесной дачи «Филатово», которая была одним из участков «Брыкова»¹⁰⁵. Альбом служил, по-видимому, презентационным целям: на фотографиях запечатлены образцовые участки молодого леса, лесопилки, лесные склады, питомники.

Крестьянки на току в имении А.Т. Карповой «Филатово» Звенигородского уезда. 1914 г.
ОПИ ГИМ. Публикуется впервые

Лесопилка в имении А.Т. Карповой «Филатово» Звенигородского уезда. 1914 г.
ОПИ ГИМ. Публикуется впервые

Относясь к «Брыковской даче», как к предприятию, пайщица Никольской мануфактуры во всем следовала коммерческому расчету. В 1911 г. предводитель дворянства Рузского уезда, камергер, лесопромышленник и давний знакомый Карповых князь П.Д. Долгоруков арендовал у нее «Брыково» на шесть лет. Сделка была для хозяйки выгодной: ежегодно князь должен был уплачивать Карповой 360 руб., построив в усадьбе за свой счет склады лесных материалов и дров для отправки в Москву. Он обязался получить от Управления Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги разрешение на устройство погрузочного тупика и построить рельсовую ветку. Ради этого ей пришлось пожертвовать старым парком, на месте которого стали возводиться сарай для хранения лесного товара и навесы, которые по окончании договора должны были стать ее собственностью¹⁰⁶.

4. «Усадьба мецената»

Имение, задуманное и используемое владельцами как культурный центр или, в силу определенных обстоятельств, превратившееся в очаг духовной жизни представителей литературы и искусства, что не исключало достаточно развитого частного хозяйства.

Одним из самых ярких примеров усадеб подобного вида является имение потомственной почетной гражданки Е.Г. Мамонтовой «Абрамцево», где творили художники М.А. Врубель, И.И. Левитан, В.А. Серов, М.В. Нестеров и многие другие, включая и самого хозяина – председателя правления Московско-Ярославской и Курской железных дорог, члена правления Купеческого банка, коммерции-советника С.И. Мамонтова.

«Абрамцево», бывшее имение писателя С.Т. Аксакова, представлялось жившим в атмосфере искусства гостям «лучшей в мире дачей». Для хозяев оно было воплощением мечты о собственной усадьбе с поэтическим прошлым. Переписка Аксакова с женой оставила нам описание этого уголка на берегу реки Вори: «Дом сам по себе хорош, поместителен и удобен... Как только ты войдешь в дом и выйдешь на большой балкон из гостиной, перед тобой открывается чудесный вид; тут ты увидишь, что стоишь на высокой горе, которая перед домом скрыта в три больших уступа, на которых расположены цветники и собственно сад, влево примыкающий к прекрасной роще с большими деревьями, с дорожками, идущими вдоль берега... Цветник наш очень порядочен... Ни цветник наш, ни роща – ничто не огорожено, а все совершенно сливается с полями, лесами...»¹⁰⁷.

Дом в «Абрамцево» понравился и Мамонтовым, и они за 15 тыс. руб. купили усадьбу, где, кроме литературного шлейфа, были «осевшие» террасы дома, один – «ветхий» флигель, а другой – «очень симпатичный»; кухня – «совсем развалина», сарай с амбаром – «совершенно гнилой» и

В саду усадьбы «Абрамцево». Слева направо: В.А. Серов, М.А. Поленова, М.М. Антокольский, Е.Г. Мамонтова, П.А. Спиро, И.С. Остроухов, С.И. Мамонтов, Е.Д. Поленова, Н.В. Поленова. 1880-е гг.

неплохая конюшня. Но супруги не унывали. «Жизнь вдруг наполнилась приятной и веселой заботой, как устроиться, что чинить, строить, переделывать. Кажется, нет счастливее и забавнее заботы в жизни, чем устраивать свое гнездо», — восклицал Мамонтов, стремясь вдохнуть жизнь в опустевшую усадьбу¹⁰⁸.

В мае 1870 г. Мамонтовы переехали в «Абрамцево». Ремонт и переделка дома завершились к началу июля, а впоследствии в усадьбе возве-

ли новую «людскую», затем две оранжереи, теплицу, баню, ледник, сараи и амбар. Дорогу от усадьбы до Хотькова, которая была в самом плачевном состоянии, отремонтировали, а через овраг сделали мост. Постепенно имение Мамонтовых «обросло» новыми хозяйственными службами, приобретая функции «экономии». У верхнего пруда, названного «Пололкиным», был отстроен скотный двор с молочной в голландском стиле. Часть имения отвели под пашню.

В 1882 г. в «Абрамцево» появилась церковь в стиле «старых русских соборов», которую возводили по проекту В.М. Васнецова и эскизам В.Д. Polenova. «Мы чертили фасады, орнаменты, составляли рисунки, писали образа, — рассказывал Васнецов, — а дамы наши вышивали хоругви, пелены и даже на лесах около церкви высекали по камню орнаменты, как настоящие каменотесы... Подъем энергии и художественного творчества был необыкновенный»¹⁰⁹.

Церковь помимо обитателей усадьбы посещали жители окрестных селений. Елизавета Григорьевна, заботясь о просвещении и здоровье крестьян, организовала на границе имения «культурный поселок», где работали школа и лечебница. Ее увлечение народным творчеством привело к созданию в имении столярной мастерской, где изготавливали предметы народных промыслов и мебель для продажи в Москве.

Церковь с часовней в имении Е.Г. и С.И. Мамонтовых «Абрамцево». Начало 1900-х гг. Семейный архив Мамонтовых

Мастерская работала по заказам частных лиц. Среди заказчиков мебели числились московские помещики — княгиня М.Г. Голицына, граф С.Д. Шереметев, Б.Д. Востряков, семья Вогау и другие¹¹⁰.

Е.Г. Мамонтова организовала также в «Абрамцево» керамическую мастерскую и мастерскую женских рукоделий. Продукция этих предприятий продавалась в магазине при Кустарном музее Московского земства, на «Складе резных по дереву вещей учеников столярной мастерской сельца Абрамцева», а затем — в «Магазине русских работ» в Москве. В имении завели скот, выращивали хлеб, в оранжерее собирали сливы и персики, а в саду — смородину, малину и клубнику. В огороде росли овощи и редкая в те времена спаржа.

Гостеприимное «Абрамцево» с радостью принимало гостей — художников, писателей, философов. Зодчие Гартман и Ропет создали здесь свои первые постройки в национальном русском духе, а живописцы имели возможность для свободного творчества в среде единомышленников. Но жизнь этого «культурного гнезда» обеспечивали не столько капиталы Саввы Ивановича, сколько неустанные заботы его жены, владелицы «Абрамцева».

Художник М.В. Нестеров так охарактеризовал уклад жизни в имении: «Там иная жизнь... Жизнь, с одной стороны, трудовая... заботы о школе, об Абрамцевской мастерской... занятия самой Елизаветы Григорьевны... С другой стороны — приезды великолепного Саввы Ивановича, его затеи, бросание денег, пикники, кавалькады, праздность, его окружение художниками, разными артистами — все это так разнилось от первого... Два быта, две жизни открылись моим глазам»¹¹¹.

Мамонтова была не формальной, а подлинной хозяйкой имения, всячески его развивавшей и благоустраивавшей. При этом идея «отрадного в жизни», о которой долго спорили в «Абрамцево» философы, не противоречила коммерческому подходу к делу: в конце XIX в. Елизавета Григорьевна владела несколькими десятками земельных участков вдоль Ярославской железной дороги, где близ платформы «Мамонтовская» стал создаваться доходный дачный поселок.

5. Усадьба — «научная лаборатория»

Имеющее устойчивую экономическую базу имение, где владельцы устраивали научные, экспериментальные и просветительские центры в разных областях человеческих знаний.

Этот тип имения встречался в Московской губернии довольно часто. На рубеже XIX—XX вв. появились имения, культурная жизнь которых предусматривала не только проведение научно-исследовательской деятельности, но и создание музейных коллекций с экспозициями и образцовыми природными зонами. Например, в 1884 г. московский фармацевт, потомственный почетный гражданин В.К. Феррейн купил за 18,5

тыс. руб. 58 дес. земли при селе Михайловском Подольского уезда. Владелец знаменитой аптеки на Никольской улице, магистр фармации, он завел в имении ботанический сад, где росли лекарственные травы со всех концов света. В усадьбе существовали оранжереи и питомники для выращивания лекарственных растений и обширный дендрарий, где специалисты-ботаники проводили опыты по адаптации редких видов к условиям России.

В близлежащей деревне Нижние Котлы Феррейн построил фармацевтический завод, а в аптекарских магазинах столицы бойко шла продажа не только косметических, парфюмерных и фотографических товаров его фирмы, но и лечебных препаратов, составленных на основе заготовленных в имении «Михайловское» растений.

В другом «Михайловском» того же уезда графиня Е. П. Шереметева более двадцати лет своей жизни посвятила созданию уникального естественно-исторического музея. Все началось с обычных прогулок с детьми в окрестностях усадьбы и интереса к окружающей природе. Сбор гербариев, птичьих гнезд, грибов, наблюдение за насекомыми требовали обращения к определителям и каталогам. Постепенно желание собрать «все, что растет и живет в Подольском уезде», захватило и детей, и взрослых.

Впоследствии к собиранию коллекций подмосковной флоры, минералов и почв, их описанию Екатерина Павловна привлекала ученых Ф. В. Бухгольца, Б. Б. Гриневицкого, Н. А. Мосолова и других. Для музея было построено специальное помещение с кабинетом для научных занятий. Зоологическая коллекция включала в себя несколько сотен чучел птиц, небольшое собрание рептилий, моллюсков, ракообразных и рыб. Богатые собрания насекомых и бабочек, около двух десятков чучел животных, археологические находки и многое другое составляли колоссальный научный фонд усадебного музея.

В имении проводились экскурсии, а исследователи имели возможность работать с его материалами. На средства владелицы выпускались в течение двух десятилетий «Издание естественно-исторического музея гр. Е. П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губернии» и «Естественно-историческая коллекция гр. Е. П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губернии», в которых публиковались важные научные данные, определители и статьи. Научный центр, созданный Екатериной Павловной, сыграл важную роль в подготовке целого поколения ученых-биологов, в просвещении и образовании в этой области знаний.

Бухголец составил по просьбе Шереметевой особый проект устройства ботанического сада при музее. Расположенный на участке парка, сад делился на две части. В одной, разделенной дорожками, — находились клумбы, предназначенные для различных семейств растений. В маленьком пруду разводили водные растения. Канавки служили для болотной флоры. На отдельных участках выращивали разные виды мхов.

Парковый фасад
главного дома в усадьбе
С.Д. Шереметева
«Михайловское»
Подольского уезда.
Конец XIX в.
Семейный архив
Шереметевых

Графиня Е.П. Шереметева
и ее дочь Анна на террасе
дома в «Михайловском».
1880-е гг. Семейный архив
Шереметевых

На орошаемых «горках» росли папоротники. Украшением сада была редкая орхидея, которая произрастала только в двух местах Московской губернии. В другой части сада были устроены грядки для проведения экспериментов и получения семенного материала¹¹². В планах графини Шереметевой было создание в имении заповедника подмосковной флоры.

6. Усадьба — «обитель милосердия и благотворительности»

Имение, содержащееся на частные средства и добровольные пожертвования, служащее целям общественного призрения, нравственного воспитания и милосердия.

Подобного рода имения, служащие филантропическим целям, встречались в окрестностях Москвы все чаще по мере движения Российской империи к гражданскому обществу. Их возникновение было сегментированным, а деятельность определялась разными обстоятельствами, среди которых отмечались стремление благотворителей к росту общественного авторитета, влияние умонастроений культурной среды, личное желание совершенствовать общество.

Усадьба Е.Н. Рукавишниковой вблизи платформы «Крюково» Николаевской железной дороги. Начало XX в. Семейный архив Рукавишниковых

В качестве примера усадьбы подобного типа можно привести летнюю колонию Рукавишниковского исправительного приюта для малолетних, находящаяся в тюрьме и под следствием. Этот первый в России такого рода приют был создан в 1864 г. по инициативе председательницы Общества распространения полезных книг А.Н. Стрекаловой, а в 1870 г. его директором стал Н.В. Рукавишников, который лично жертвовал этому заведению крупные суммы. Неожиданная смерть любимого педагога, воспитателя и благотворителя в возрасте 24 лет в 1875 г. поставила приют в сложное положение, однако семья покойного сделала в пользу приюта крупные пожертвования и приобрела для него дом на Смоленской площади за 120 тыс. руб. Попечителем исправительного заведения стал К.В. Рукавишников, который вкладывал в дело не только средства, но и душу. В 1904 г. на станции «Икша» для приюта были построены помещения для летней колонии. На территории усадьбы находились деревянные жилые постройки, классы, мастерские, поля и огороды.

Детскую воспитательную и оздоровительную колонию для малоимущих подростков создал в 1905 г. на своей даче в Шелкове педагог С.Т. Шацкий. Его единомышленник архитектор А.У. Зеленко в Сокольниках, на Оленьем валу, построил дом-дачу, где жил сам и сдавал квартиры жильцам с детьми. Его усадьба называлась «Детский городок» и включала в себя флигель для занятий, детский театр, опытный огород и студию живописи¹¹³.

7. «Усадьба-дача»

Неустойчивый вид, характеристиками которого являются временность проживания владельцев и нестабильность хозяйственной компоненты. Обычно расположенные в ближайших окрестностях столицы усадьбы-дачи либо развивались в полноценные усадьбы с какой-либо экономической деятельностью, либо сохраняли свой дачный характер, все более приближаясь к городской культуре по уровню комфорта и благоустройства.

Примеров подобного вида имений обнаружилось множество на территории Московского уезда, который земские статистики даже не стремились обследовать из-за его типично «дачного» характера. Неспешную жизнь на природе вели обитатели подмосковных ансамблей дворцового типа и небольших среднепоместных усадеб, разбросанных по всему ближайшему пригороду. Пустующие усадьбы сдавались под дачи, о чем свидетельствовали многие современники.

Происходившая из семьи богатых торговцев, Е.А. Андреева-Бальмонт вспоминала: «...Я прожила 12 лет в разных старинных усадьбах, одна красивее другой. Так как семья наша была большая, то дом требовался поместительный, и непременно условиями при съеме стави-

лись, чтобы местность была красивая, чтобы была река, лес, прогулка... Нам дом сдавали на лето со всей обстановкой: с картинами, статуями, библиотекой, с бильярдом, а иногда и с роялем даже. Цена такого дома была от 700 до 1000 р. Некоторые хозяева этих усадеб оставляли себе в доме две-три комнаты, где проводили лето»¹¹⁴.

Отдельные «усадьбы-дачи» более напоминали городские дома с садом, чем загородные поместья. К примеру, находившаяся в Петровском парке вилла Н.П. Рябушинского «Черный лебедь», перестроенная согласно вкусам нового владельца в стильный приют московской богемы, на своей территории сохранила остатки парковой структуры прошлого. В то же время ее система прудов, яблоневый сад и липовые аллеи служили лишь изящной декорацией для шумных празднеств столичной аристократии денег.

Еще одним вариантом этого вида усадеб стала так называемая «новая дача», которая в перспективе готова была развиваться в усадьбу. В одноименном рассказе А.П. Чехова можно найти описание подобного имения: «Купили двадцать десятин земли и на высоком берегу, на полянке, где раньше бродили обрубчановские коровы, построили красивый двухэтажный дом с террасой и балконом, с башней и со шпилем, на котором по воскресеньям взвивался флаг, — построили в какие-нибудь три месяца, и потом всю зиму сажали большие деревья, и когда наступила весна и все зазеленело кругом, в новой усадьбе уже были аллеи, садовник и двое рабочих в белых фартуках копались около дома, бил фонтанчик...»¹¹⁵.

Этот литературный эскиз можно отнести к «дачам-усадьбам» дочерей фабриканта В.А. Бахрушина — Н.В. Урусовой, М.В. Щеславской и Л.В. Челноковой, построенным в 1903—1913 гг. на землях, арендованных у З.Г. Морозовой-Рейнбот в имении «Горки». Вызывает удивление, как быстро там на каждой частной территории сформировались элементы усадебной культуры: общая организация окружавшего ландшафта, постройка вблизи господских домов хозяйственных служб и помещений для птицы и домашних животных¹¹⁶.

Указанный выше тип с легкостью эволюционировал как в сторону городской культуры, когда на спланированной территории возникало дачное сообщество, называемое «городом-садом», так и в сторону сельской культуры, когда усадьба существовала как оазис городского комфорта на фоне аграрного ландшафта.

Потребность горожан «взять воздуха» указывала владельцам находящихся вблизи Москвы усадеб, независимо от их сословного происхождения, разные пути повышения доходности своих имений. Известный владелец торговой галереи коллежский асессор К.Н. Голофтеев одним из первых стал вести массовую дачную застройку в Московской губернии. «Голофтеевские дачи» были рассчитаны на людей с разными материальными возможностями. Конон Никонович обладал капиталом

Главный дом в имении Н.К. Голофтеева «Люблино» Московского уезда. 1910 г.

в несколько миллионов рублей и в создание дачного городка вкладывал крупные средства. За свою землю он, как все землевладельцы в Российской империи, платил земские сборы. Например, в 1872 г. вся земля в его собственности была поделена на три категории по уровню доходности: с 13,7 дес. он выплачивал 11 руб. 30¹/₄ коп. с десятины; с 74,3 дес. — 2 руб. 43¹/₄ коп. с десятины; с 2,4 дес. — 2 руб. 33 коп. с десятины. По сравнению с доходом от сдачи помещений в наем это были небольшие суммы. Голофтеев активно застраивал свое имение. Когда в 1899 г. проходила оценка недвижимости в «Люблине», то оказалось, что стоимость имения составляла 358 427 руб.¹¹⁷

Предприниматель уделял большое внимание эстетике жилых построек. Ряд живописных летних строений Голофтеевым был приобретен на Политехнической выставке в Москве в 1872 г. Вот описание образцового сельского домика, построенного по проекту архитектора К.Ю. Шульца, которое помещено в «Обзоре архитектурной части Политехнической выставки» журнала «Зодчий»: «Постройка эта простой, но хорошей архитектуры. Стены дома без обшивки, покрыты масляной краской в один цвет; с внутренней стороны они частью оклеены обоями, частью же обшиты досками; крыша железная, полы в парадных помещениях — из соснового паркета; мебель — тоже из соснового дерева... В доме помещены все предметы домашнего комфорта...»¹¹⁸.

Благодаря близости к городу, живописности места, наличию прудов с купальнями, достаточно высокой комфортности жилищ и тому, что продукты питания и вообще все необходимое можно было купить у разносчиков, дачи в Люблине никогда не пустовали. В 1872 г. на Политехнической выставке Конон Никонович купил для своего поселка деревянную разборную церковь «миловидной архитектуры», выполненную по проекту архитектора Н.А. Шохина. Голофтеева волновало, что в имении нет храма, и в «Люблине» вскоре была возведена церковь Петра и Павла, которую стали посещать дачники и местные жители.

Здание было выполнено в популярном в то время русском стиле: «Снаружи церковь расписана масляной краской и орнаментирована с большим вкусом; внутри же ее отделка не соответствует наружной: она уж слишком скромна; гладкие стены без всякого украшения, не покрытые даже краской... Иконостас очень недурен; в нем резная работа на царских дверях заменена цементными накладными украшениями, которые потом окрашены и покрыты позолотой»¹¹⁹.

Приобретение Голофтеевым культовой постройки нового типа, за которую архитектор был удостоен Большой золотой медали, было свидетельством достаточно широких его взглядов и понимания новых тенденций в архитектуре и строительстве. Впоследствии предприниматель затратил немало средств на обустройство храма в «Люблине», приобрел для него церковную утварь и необходимые принадлежности.

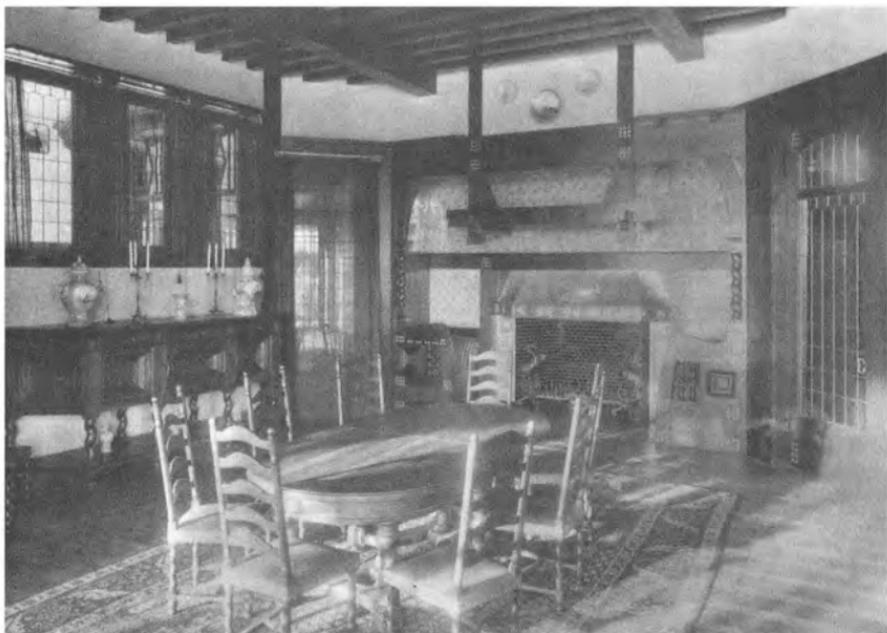
Заметим, что сельские усадьбы высокого уровня комфортности появились в России незадолго до Первой мировой войны и были немногочисленны. Одним из ярких примеров подобных поместий служило имение директора Богородско-Глуховской мануфактуры Н.Д. Морозова при селе Льялове в Московском уезде, благоустройство которого завершилось в 1912 г. Архитектура усадебных построек, выполненных талантливым зодчим А.В. Кузнецовым в 1906–1910 гг., соединяла в себе рациональность, удобство и декоративность. Парк, спроектированный директором Ботанического сада при Московском университете ботаником А.Э. Регелем, был образцом «изящного садоводства». Дендрологические редкости привозились из-за границы, а парковая архитектура включала в себя гроты, родники, водопады.

Интерьеры дома с бронзовыми люстрами, светильниками, художественной коллекцией, музыкальными инструментами, собранием книг и нот в 1915 г. в Северном Страховом обществе были оценены в 66 750 руб. Сохранились также страховые полисы на движимое имущество в конюшенном сарае на сумму в 15 350 руб. и на оборудование электростанции — на сумму 10 тыс. руб. В 1917 г. недвижимость в «Льялове» была оценена в 151 650 руб.¹²⁰

В конце XIX — начале XX в. для московских жителей понятие «дача» и «усадьба» были почти синонимами. Об имении графа А.С. Киселева при селе Бабкине живший там в 1885 г. на отдыхе А.П. Чехов писал:

Усадьба Н.Д. Морозова «Льялово» Московского уезда. Архитектор А.В. Кузнецов. 1911 г.

Голландская столовая в усадьбе Н.Д. Морозова «Льялово» Московского уезда. Архитектор А.В. Кузнецов. 1911 г.

«Усадьба очень красивая, стоит на крутом берегу.. Около дачи оранже-реи, клумбы». Жена Сав.Т. Морозова Зинаида Григорьевна в 1902 г. принимала семью Чеховых в своей усадьбе «Покровское-Рубцово» в надежде, что им понравится продававшаяся неподалеку «дача» — дворянское имение «Дергайково» В.А. Маклакова. Объявление в одной из московских газет сообщало, что в Подольском уезде предприимчивый помещик М.М. Петров организовал «подмосковный курорт-поселок» в нескольких верстах от станции «Белые Столбы», где кроме участков земли «в вечное владение» продавал «готовые, вновь выстроенные усадьбы»¹²¹.

8. Усадьба с фабрикой

Имение, включающее в себя фабрику или иное промышленное производство, помещение для рабочих и другие необходимые сооружения. При значительной доли фабричного комплекса в усадьбе главное место отводилось господскому дому со службами. Являясь составной частью имения, фабрика располагалась вблизи владельческой усадьбы, иногда имела общее архитектурное решение с главными постройками, с окружающим ландшафтом.

Со второй половины XVIII в. наблюдалось приобретение предпринимателями, а с конца XIX в. — ассоциированными владельцами земель с фабричными постройками и создание вблизи них усадьбы или группы усадеб руководителей предприятия. Такие имения находились в одной-двух верстах от мануфактуры. Пространство между фабрикой и господскими строениями вскоре начинало свободно застраиваться. В ряде случаев владельцы по плану строили рабочий поселок, состоящий из множества мелких усадеб.

Одно из таких имений находилось во владении московского купца И.И. Баскакова и располагалось при деревне Рязаново Подольского

Прядильные и ткацкие фабрики Товарищества мануфактуры «Эмиль Циндель» в селе Наро-Фоминском. Начало XX в.

уезда. Шерстопрядильная и ткацкая фабрики были куплены им в 1878 г. и занимали около 10 дес. земли на обоих берегах реки Десны вблизи деревни. Новый владелец предпринял перестройку старых и строительство современных корпусов для трепального, ткацкого и прядильного цехов. При фабрике функционировал еще главный корпус с мастерскими. Вблизи находились красильня с баней, кузница, кирпичные амбары, сушильня и жилые дома для рабочих. На некотором расстоянии, выше по реке, располагались усадебный дом владельца, два дома для мастеров и служащих¹²².

Подобных имений были сотни на территории Московской губернии, которая была местом концентрации фабричного строительства. Заметим, что существовала и еще одна разновидность – первоначально возникала усадьба, а затем в ее структуре создавалось промышленное предприятие, впоследствии ставшее градообразующим фактором.

Фабричные усадьбы в начале XX в. стали приобретать черты городской застройки, а в их структуре появились лечебницы, богадельни, родильные дома и ясли, школы и народные дома, спортивные площадки, театры и прочее. Примером этого могут служить фабричные поселки Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» в Никольском Владимирской губернии¹²³, Богородско-Глуховской мануфактуры в Богородске Московской губернии¹²⁴ и прочие.

Процесс складывания усадьбы московского предпринимателя не завершился, и это создает объективные трудности в ее типологизации. Изучение экономического материала с социально-психологической точки зрения позволило выделить среди владельческих хозяйств конца XIX – начала XX в. основные типы, которые, на наш взгляд, определяли культуру пореформенной усадьбы.

В условиях рынка владение имением стало родом предпринимательства, новаторской экономической деятельностью, где главную роль играла личность владельца. Каждая социальная группа собственников, при общих экономических факторах, имела свой социальный опыт, который так или иначе проявлялся в «философии хозяйства» владельца усадьбы и в микромире его поместья. Но ответить на вопрос: «как торгово-промышленная буржуазия Москвы проявляла себя в условиях частного имения?» – оказалось не так легко.

3. ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ИМЕНИЯХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

...В земледелии главным и незаменимым двигателем является хозяин.

А.А. Фет

В 1890 г. на выставке Товарищества передвижников большой общественный резонанс вызвало живописное полотно Н.П. Богданова-Бельского «Новые хозяева». «Эпоха обнищания, разорения дворянства прекрасно передана в литературе... И картина Н.П. Богданова-Бельского еще резче, характерней подчеркнула бы эту эпоху, — вспоминал художник В.Н. Бакшеев. — Действие происходит в одной из зал старинного барского дома; среди залы на первом плане — овальный стол красного дерева; на нем стоит медный самовар, лежат огурцы, черный хлеб, на тарелке — селедка; за столом сидит хозяин в розовой рубашке, в жилете, через который тянется золотая цепь, лет пятидесяти, с большой рыжей бородой, пьет с блюдечка чай. Рядом с ним — старший сын... налево, в профиль, сидит хозяйка в повойнике и разливает чай, рядом с ней — дочь. Сидят в креслах красного дерева, часть кресла покрыта золотом»¹²⁵. Зрители то и дело останавливались у картины, спорили. Одни увидели в главном персонаже купца, другие — разбогатевшего крестьянина-кулака, вторгшегося в чужое гнездо.

Художественный образ, созданный живописцем-демократом, был, однако, далек от своего прототипа. В конце XIX в. выходцы из среды московского купечества, а это было уже третье или даже четвертое поколение основателей фамильных династий, по своему образованию и внешнему облику совсем не отличались от представителей дворянства. «Вообще крупный русский капиталист уже не олицетворяет фигурой “чумазого”. Это часто европеец и даже джентльмен, — замечал в журнале «Русские записки» В.Г. Короленко. — А относительно более широкого слоя торгово-промышленной демократии еще 20 лет назад мне приходилось отмечать роль ее во многих случаях, где она идет на смену столбовому дворянству...»¹²⁶

На рубеже XIX—XX вв. буквально на глазах одного поколения россиян распалось сословное ранжирование общества, совершенно теряя свое значение применительно к крупной буржуазии. Не только в финансово-банковской и промышленной среде, но и в землевладении традиционному купцу-буржуа, еще сохранявшему свои позиции, приходилось соседствовать и сотрудничать с «благородными» бизнесменами или дельцами, которые были не обременены еще ни солидными личными капиталами, ни семейными предпринимательскими традициями, но обладали деловой хваткой и умело манипулировали фиктивным капиталом.

Экономические условия Российской империи обуславливали взаимозависимость дельцов из «низших» сословий и дельцов-дворян, объединенных общей потребностью войти в мир прибылей и слой социальных лидеров. Однако и в начале XX в. представитель Москвы купеческой оставался одинокой фигурой, не имеющей общественной поддержки за пределами своей среды¹²⁷. Это в какой-то степени и толкало его к поиску новых видов деятельности, имеющих большой социальный престиж.

В российском обществе было хорошим тоном пренебрежительно относиться к «московским толстосумам», впрочем, принимая как должное их церковные пожертвования и благотворительные акции. Но, как часто бывает, находясь у истоков явления, общество первоначально не осознает его характера и значения. Сегодня мы уже представляем себе мощный вклад московского купечества в промышленный прогресс России, размах его социальной деятельности. Купеческое коллекционирование реально поддержало новые направления в русском искусстве. Свою лепту в развитие отечественной культуры внесла и «купеческая» усадьба, один из самых загадочных феноменов в жизни России.

Московские предприниматели вкладывали в развитие своих имений капиталы, полученные от торгово-промышленной, а позже — от акционерной деятельности. Финансовая свобода давала им возможность творчески проявить себя в обустройстве усадеб, тем более что, став сельскими хозяевами, они снова почувствовали себя стоящими у истоков нового, никем не опробованного «дела».

В 1896 г. обозреватель журнала «Хозяин», рассчитанного на широкий круг российских землевладельцев, отмечал: «В настоящее время от щедрот России с излишеством наделены всеми благами мира процента три населения, а пожалуй, и того меньше; в изобилии, очень близком к излишеству, живут не более трех процентов. Эти приблизительно шесть процентов населения до пресыщения наслаждаются на жизненном пиру России: у них в руках вся индустрия, сосредоточены все капиталы; они руководят всей внутренней и внешней торговлей; за ними все должности; пути сообщения, горная промышленность и прочее у них в руках; весь рынок со ста с лишним миллионным населением

Вид со стороны пруда на главный дом в имении В.И. Якунчикова «Черемушки» Московского уезда. Начало XX в.

служит им ареной для их торговли и промышленности». Рассматривая далее отношение разных категорий городского населения к деревне, столичный публицист пришел к выводу, что именно эти «лэндлорды новейшей формации» более всех других слоев общества с ней «соприкасаются», зная сельское хозяйство, «как доходную статью, оправдывающую себя без труда»¹²⁸.

Заметим, что утверждение журналиста о численности крупных капиталистов оказывается не вполне верным для Москвы и Московской губернии. Количество предпринимателей согласно сведениям, собранным в 1909 г. Департаментом окладных сборов Министерства финансов, показали более значительную долю лиц с высоким доходом в этом регионе. В то время как по России в целом насчитывалось менее 5% средних и крупных налогоплательщиков, в Москве их было 10%, и это притом, что часть дохода от денежных капиталов «ускользнула» при регистрации¹²⁹.

В среде наиболее состоятельной городской элиты лидерство принадлежало активно функционирующим предпринимателям, крупным рантье и домовладельцам. Московские богачи с годовым доходом свыше 10 тыс. руб. владели свыше $\frac{2}{3}$ всех доходов по Москве, что объясняется ее положением как всероссийского торгово-промышленного центра, где накапливались особо крупные состояния. При этом для крупной буржуазии совершенно не имел значения доход от земли, зато другие виды дохода получили преимущественное развитие¹³⁰.

Интенсивное помещение капиталов буржуазии в недвижимость было закономерным в условиях развивающегося капитализма. Обобщение данных о купеческом землевладении в целом заставляет говорить о тенденциях, проявивших себя в пореформенный период: оно постепенно вытесняло дворянское землевладение из общего земельного фонда, способствовало разрушению сословного характера поземельной собственности и формированию бессословного земельного рынка.

В состав московской деловой элиты вливались различные социальные слои, которые оказывали влияние на ее противоречивое внутреннее развитие. Теряя облик патриархального купечества, она хранила признаки сословной ограниченности, религиозные традиции и черты быта, вынесенные из крестьянского прошлого своих предков. И если в городе эти черты проявлялись, в основном, в обстановке замкнутого мира семьи, то на уровне частного хозяйства в загородном имении личность хозяина и особенности менталитета его сословия выдвигались на первый план.

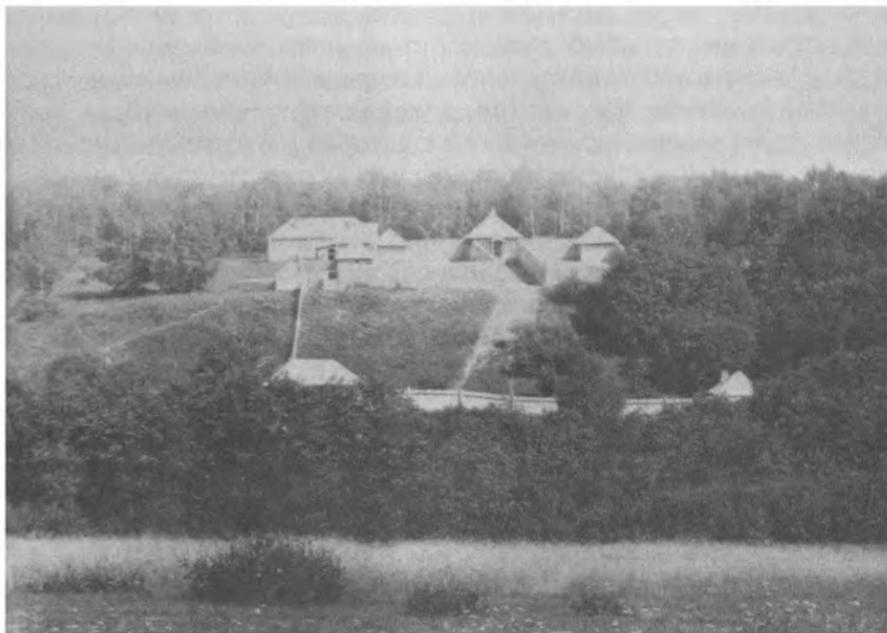
Стремясь стать владельцами сельских угодий, московские предприниматели сыграли существенную роль в землепользовании в Московской губернии. Их земельная собственность имела коммерческий характер. На первых порах они получали доход не за счет земельных перепродаж, а за счет сдачи своих владений арендаторам.

Движимые целью формирования рационального землевладения, соответствовавшего предполагаемой специализации будущего хозяйства, предприниматели пускали в продажу только чересполосные с крестьянами земли или неудобные им по каким-то причинам угодья, приобретая прилегавшие к рекам и транспортным магистралям имения и лесные участки. Вложение капитала в земельную собственность продолжалось длительное время, но это в купеческой среде не было свидетельством регресса, а, наоборот, создавало базу для устойчивых капиталистических имений.

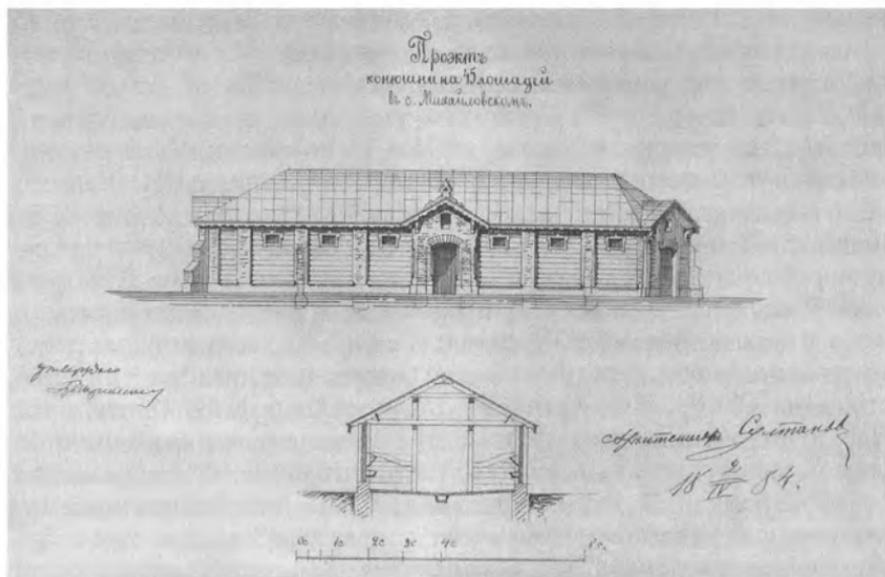
Как уже упоминалось, реконструировать внутреннюю жизнь пореформенного имения сложно. Общая картина складывается из множества, на первый взгляд, разрозненных фактов и сведений, которые требуют интерпретации с точки зрения не только экономической, но и социально-психологической.

В земских книжках, составленных в конце 1890-х гг. служащими Московской губернской земской управы при посещении наиболее примечательных усадеб Московской губернии, мы находим сведения о прогрессивных и даже образцовых усадьбах, владельцами которых были представители московской буржуазии. Здесь в одном ряду с крупнейшими помещичьими латифундиями графа С.Д. Шереметева «Михайловское» в Подольском уезде, графа В.А. Орлова-Давыдова «Отрада» в Серпуховском уезде, князя Н.Н. Гагарина «Никольское» в Рузском уезде, князя С.М. Голицына «Кузьминки» Московского уезда и «Дубровицы» Подольского уезда, князя Н.П. Трубецкого «Узкое» Московского уезда и другие названы 15 усадеб представителей московской буржуазии.

Среди них оказались: «Быковка» Подольского уезда члена правления Торгово-промышленного товарищества «Бландовы бр. В. и А.» Н.И. Бландова; «Горки» Подольского уезда владельца косметического производства, воскресенского купца И.А. Прокофьева; «Кленово» Подольского уезда потомственного почетного гражданина А.И. Шамшина, совладельца меднопрокатного и кабельного заводов «Алексеев В., Вишняков П. и Шамшин А.»; «Неклюдово» Московского уезда потомственной почетной гражданки А.Р. Вогау, жены владельца Торгового дома «Вогау и К^о»; «Осташево» Можайского уезда потомственного почетного гражданина А.Г. Кузнецова; «Вешки» Московского уезда потомственного почетного гражданина, совладельца предприятий Товарищества «В. Третьякова вдова с сыновьями» К.В. Третьякова; «Черемушки» Московского уезда фабриканта и владельца кирпичных заводов, члена совета Купеческого, Учетного банков, члена правления Торгового банка В.И. Якунчикова; «Киреево» Московского уезда потомственного почетного гражданина, основателя Закаспийского торгового товарищества, железнодорожного предпринимателя И.Ф. Мамонтова; «Дурино» Подольского уезда потомственного почетного гражданина, домовладелицы, супруги основателя Даниловской

Собачатник в имении графа С.Д. Шереметева «Михайловское» Подольского уезда. 1900-е гг. Семейный архив Шереметевых

Проект конюшни в имении графа С.Д. Шереметева «Михайловское» Подольского уезда. Архитектор Н.В. Султанов. 1884 г. РГАЛИ

мануфактуры в Москве М.Я. Мещериной; «Троице-Лыково» Московского уезда Ю.М. Карзинкиной, вдовы 1-й гильдии купца, директора правления Товарищества Ярославской Большой мануфактуры; «Шумово» Можайского уезда совладельца предприятий Торгового дома «Редлих Александр» А.А. Редлиха.

«Интересные» хозяйства московской буржуазии отличались между собой достаточно сильно по специализации, методам организации производства, доле наемного труда, степени распространения в них аренды и другим показателям. Каждое из них фактически представляло собой самостоятельную единицу, строй жизни которой отличался от других.

Владения московских капиталистов никак нельзя отнести к мелким, хотя в период их складывания земля часто покупалась небольшими участками. Кстати, это большое количество перепродаж мелких земельных наделов, став обезличенными статистическими данными, сильно увеличивало показатели мелкого землевладения в Московской губернии. Поясним, что мелкими имениями считались владения, имевшие в своей окружной меже 50–100 дес., средними – от 100 до 500 дес., а крупными – свыше 500 дес.¹³¹

Если говорить об имениях московских дельцов как о хозяйственных единицах, то можно их отнести к средним или крупным, т.е. превышающим 100 дес. При этом в начальный период своего существования эти владения уже имели тенденцию к укрупнению. Воспользовавшись разрозненными сведениями об имениях Московской губернии и их описаниями, находящимися в самых разнообразных источниках, попытаемся обобщить информацию о положении усадеб московской буржуазии в конце 1890-х гг., дополнив эти сведения имеющимися в нашем распоряжении данными о владельцах.

Обычно поместье в Московской губернии на своих землях имело усадьбу, т.е. дом со всеми хозяйственными постройками. Однако если в эпоху классицизма владелец создавал усадьбу, следуя традициям и исходя из законов гармонии единения человека и природы, то в жесткое время индустриализации деловые люди подчинялись рынку и тем обстоятельствам, в которые поставила их сама жизнь.

Отдельные владения нового времени представляли собой странное сочетание купленных в разное время участков земли, на которых еще сохранялись остатки опустевших и обветшавших усадеб, мельниц, лесных сторожек. М.А. Добровейн вспоминала об имении «Архангельское» при селце Тюрикове банкира Марка: «На территории земель дедушки были еще две бывшие усадьбы. В одной, которая называлась “Заболотье”, были остатки фундаментов и даже фундамента маленького театра, был большой очень мрачный парк, в котором сохранились мощные дорожки и, конечно, было озеро, очень заросшее»¹³².

В эти причудливые по своим очертаниям землевладения денежной аристократии клиньями вторгались земли крестьянских обществ или

Владелец имения «Тимофеевка» Д. И. Четвериков на огороде. 1900-е гг. Семейный архив Четвериковых. Публикуется впервые

соседские угодья. Именно таким было находившееся в восьми верстах от станции «Кунцево» Московско-Брестской железной дороги имение Ю.М. Карзинкиной при селе Троицком (Лыкове) площадью 776 дес., единоличной хозяйкой которого она стала в 1889 г.¹³³

Стоимость владения потомственной почетной гражданки, вдовы купца 1-й гильдии, директора правления Товарищества Ярославской Большой мануфактуры С.И. Карзинкина, составляла в общей сложности 173 тыс. руб. Свообразием своих очертаний имение отражало все этапы его формирования с тех пор, как в 1876 г. свекор Юлии Матвеевны, И.И. Карзинкин, стал хозяином усадьбы «Троице-Лыково»¹³⁴. В центре владений Карзинкиной располагалось крестьянское поле, а вокруг живописным веером раскинулись ее пашни, сенокосные луга, болота, сосновый бор, березовые рощи, смешанный лес.

Усадьба Карзинкиной с трехэтажным домом, службами и двухсотлетним парком находилась на высоком берегу Москвы-реки, в трех верстах от всех остальных участков. Расположенная там нарядная церковь в стиле барокко была построена в конце XVII в. Нарышкиными. Другая – Успенская церковь напоминала о роде Бутурлиных, владевшим этим имением в середине XVIII в. В главном доме набожная хозяйка устроила собственную домовую церковь.

Когда после смерти супруга С.И. Карзинкина вдова разделила имение с сыном Сергеем, в глубине сада для его семьи был возведен другой дом, в русском стиле по проекту архитектора И.П. Ропета. Один из флигелей в саду Карзинкина сдавала под дачу за 150 руб. в год.

В имении хозяйка развивала скотоводство и коневодство. Для этого были построены несколько скотных дворов с выгонами, молочная кладовая, сарай для хранения сена, весовая для кормов. При конном дворе находилась кузница, мастерские, каретный сарай. Для хозяйства было закуплено 39 коров «вестермаркской» породы, 15 овец, несколько свиней с поросятами. В хозяйских конюшнях содержали 5 племенных, 12 рабочих лошадей и 10 мерин, также приобретенных на конных заводах.

27 дес. пашни были разделены на обычные для Подмосковья три поля. Карзинкина сажала рожь и овес, выращивала картофель, а иногда сеяла гречиху. Все, что производило хозяйство, владелица имения использовала для своей семьи, питания прислуги, работников, обитателей приюта и богадельни. Окрестных жителей на работы не нанимали, но иногда продавали им тальник для плетения корзин или саженцы плодовых деревьев из своего сада¹³⁵.

Юлия Матвеевна тратила много средств на филантропическую деятельность: содержала переправу через Москву-реку и паром, открыла школу, лечебницу, сиротский приют и богадельню. В своём имении Карзинкина в начале XX в. не только расширила Успенский храм, но и стала создавать Свято-Троицкую женскую общину, которая после смерти

благотворительницы в 1915 г. унаследовала недвижимость в имении «Троице-Лыково».

В подмосковных имениях купечества всегда находились места для хозяйственных экспериментов. Удивительным образом жизнь в усадьбе была наполнена и сельскими заботами, и всевозможными увлечениями, и нравственными поисками.

На 20-й версте Петербургского шоссе, в Черкизовской волости Московского уезда, небольшое имение при селе Киреево принадлежало человеку очень известному в России — И.Ф. Мамонтову¹³⁶. Как рассказывали современники, Мамонтов, будучи родом из Сибири, появился в Первопрестольной уже человеком богатым. Вместе с братьями он нашёл состояние на винных откупах в ряде губерний России. В 1857 г. Иван Федорович выступил соучредителем Закаспийского торгового товарищества, осуществлявшего операции с шелком, а также был домовладельцем. Одна из первых в России железных дорог до Троице-Сергиевой лавры строилась при участии его капиталов.

Мамонтов часто бывал в Европе, увлекался коллекционированием, в своем доме в Москве он устраивал обеды и балы для именитого купечества. Любитель музыки, близкий друг промышленника, мецената и собирателя В.А. Кокорева, он был своим человеком в литературных, художественных и театральных кругах. Имение Мамонтов купил у своего близкого знакомого, композитора А.Н. Верстовского. К Ивану Федоровичу в «Киреево» приезжали погостить художники К.А. Трутовский и Н.В. Неврев. В 1865 г. в усадьбе состоялась свадьба П.М. Третьякова и В.Н. Мамонтовой, племянницы хозяина «Киреева», бывшего к тому же крестным отцом невесты.

Общая площадь «Киреева» составляла 302 дес. 1431 саж., при этом под усадьбу было отведено 13 дес. 1560 саж., под пашню — 59 дес. 1200 саж., для сенных покосов — 34 дес. 1520 саж., под огород — 3 дес. 1460 саж., под лес — 139 дес. 2260 саж., остальные угодья лежали под вырубками и «неудобьями». Границы имения продолжали расширяться: по данным Оценочного отделения, буквально через несколько месяцев после покупки имения за И.Ф. Мамонтовым числилось уже 325 дес. 464 саж. земли¹³⁷.

О «Кирееве», находящемся с 1889 г. в единоличной собственности И.Ф. Мамонтова, в земской книжке сделана запись: «Есть претензии на правильное ведение дела на научных основаниях». И действительно, у Мамонтова практиковался восьмипольный севооборот, что встречалось у сельских хозяев крайне редко. В имении выращивали рожь, овес, корнеплоды, чередуя их с клевером и паром. Молодой, закончивший земледельческую школу управляющий использовал в хозяйстве современную технику: шведскую сеялку, жнейку, борону Говарда, хотя вязкой снопов крестьянки занимались вручную.

В хозяйстве земли не сдавались в аренду, но само имение было заложено в банке. Лесные угодья не рубили, а прореживали для собствен-

ных хозяйственных нужд. Один участок в 5 дес. был отведен под питомник и засажен елью. В 1896 г. было получено 11 тыс. пуд. сена, 296 пуд. клевера и 94 пуд. овса, которые были проданы на московском рынке. Что касается молочных продуктов и даров сада и огорода, то их потребляла семья Мамонтова¹³⁸. Известно, что в «Кирееве» разводили коров «ярославской» и «холмогорской» пород, которых продавали в другие хозяйства¹³⁹.

Отдельные представители предпринимательского класса, не оставляя свою основную деятельность, достигали замечательных успехов в сельскохозяйственном производстве. В их усадьбах на рубеже XIX–XX вв. возникали научные центры и лаборатории. Так, опытные поля для выращивания зерновых культур имел у себя в «Вешках» Московского уезда фабрикант К. В. Третьяков.

Имение находилось в четырех верстах от Дмитровского тракта. Потомственный почетный гражданин, мануфактур советник К. В. Третьяков купил его в 1882 г. у капитан-лейтенанта А. К. Еремеева, причем 228 дес. 2309 саж. усадебной, полевой и лесной земли обошлись ему в 44 тыс. руб.¹⁴⁰ Несмотря на обветшалость построек, усадьба была одним из самых прелестных уголков в этих краях.

Барский дом, построенный бригадиром П. Н. Алмазовым, владевшим «Вешками» в начале XIX в., был поэтическим напоминанием об эпохе Александра I. Будучи родственником Шереметевых, женатый на М. Б. Голицыной, Алмазов был богат, образован и склонен к романтическому восприятию мира. В своей усадьбе он построил маленькую копию итальянской «виллы древних», применив естественный для подмосковных мест материал — дерево.

Центральная часть дома, обшитого тесом, с колонным портиком, поддерживавшим балкон, была украшена мезонином. К двум боковым флигелькам полукругами отходили маленькие галереи. Сквозь ряды деревянных колонн, поддерживающих крыши галереек, просматривались картины старинного парка. Узкие аллеи с разросшимися деревьями стали к концу века «темными». Кроны лип смыкались в вышине, оставляя сад в вечном полумраке.

В этой части усадьбы сохранился небольшой пруд, а на границе имения — деревянная Ильинская церковь с колокольней, построенная в 1767–1769 гг. прежним владельцем имения — дворянином А. А. Савеловым¹⁴¹. С годами некрашенные постройки засеребрились и кое-где потемнели, и весь ансамбль напоминал изысканную миниатюру на металле, покрытую патиной. Таким было имение «Вешки», когда Третьяков решил сделать его своей центральной усадьбой.

В те годы Константин Владимирович хотя и продолжал числиться в купеческом звании, но торговой деятельностью на Чижовском подворье уже не занимался. Торговец, промышленник, кавалер, дворянин «за заслуги», он до середины 1880-х гг. держал семейное дело «В. Третьякова

Главный дом в имении К.В. Третьякова «Вешки» Московского уезда. 1918 г.
ГИМЗ «Горки Ленинские». Публикуется впервые

вдова с сыновьями». Его фабрики — бумаготкацкая при деревне Скрыль в Серпуховском уезде и набивная при селе Горенки в Московском уезде приносили устойчивый доход, позволявший Третьякову называться миллионером. Он был крупным московским домовладельцем и не менее значительным благотворителем. Третьяков жертвовал десятки тысяч рублей на помощь бедным семействам, выдачу пособий, постройку лечебных учреждений¹⁴².

Бог не дал ему наследников, и Константин Владимирович, обладая достаточным капиталом и высоким положением в торгово-промышленной сфере, со временем решил продать свое дело. Деньги предприниматель вложил в собственное имение за городом. Действуя в традициях своего сословия, он купил в окрестностях станции «Петровское-Разумовское» по Савеловской железной дороге несколько дворянских имений. Объединяя их в единое целое, он приобретал наделы у жителей деревень Кожино, Вешки и Парфенки. В 1896 г. в границах имения находилось 547 дес. усадебной, полевой и лесной земли.

Предприниматель развернул на купленных угодьях колоссальное строительство и затратил почти 115 тыс. руб. В итоге в имении были устроены два скотных двора, телятник, овчарня, три конюшни с манежем, кузница, два свинарника «с двориками», амбары с погребями, весовая, молочная кладовая, сеной сарай, зерносушилка, «прекрасный птичий двор», жилой флигель для рабочих, изба для старосты, баня,

школа и амбулатория. Для сельскохозяйственных работ куплен был новый инвентарь, и более 2 тыс. руб. пошло на пожарное оборудование. Всеми работами и обустройством имения руководил сам владелец, который считал себя «больше спортсменом, чем хозяином»¹⁴³.

Поля в имении занимали почти 100 дес., и на них Константин Владимирович, который был незаурядным агрономом, постоянно экспериментировал. Он придерживался шестипольного оборота и, хотя выращивал обычные для этих мест культуры, добивался невиданных показателей. У него урожаи ржи достигали уровня от «сам 16» до «сам 31», озимой пшеницы — от «сам 4» до «сам 29», пшеницы яровой — от «сам 3» до «сам 10».

Лес в имении хозяин не вырубал, а, наоборот, проводил работы по посадке хвойных деревьев. При имении был огород и маленькая ферма, откуда вся продукция поступала в московский дом Третьякова, но некоторое количество молока и масла продавалось и местным жителям. Третьяков не только добился высоких урожаев, но и стремился популяризировать свой опыт среди окрестных землепашцев, причем делал это весьма хитроумно.

Потомок крестьян Калужской губернии, он понимал народную психологию. В 1886 г. он получил прекрасный урожай ржи и распорядился бесплатно дать крестьянам по одной мере. В итоге сельяне получили урожай в 12–17 раз больше, чем посеяли. С тех пор во всех селах рожь принято было покупать только у Третьякова по рублю за меру.

В образцовой «экономии» Третьякова использовались удобрения, проводилась мелиорация земель. «Вешки» неоднократно являлись экспонатом сельскохозяйственных выставок в Москве, на которых демонстрировался и продавался выращенный там молочный скот. Увлеченный сельскохозяйственной деятельностью, Константин Владимирович до конца жизни занимался развитием и совершенствованием своего детища. После его смерти, по завещанию, в 1909 г. имение с опытными полями перешло в собственность Московского общества сельского хозяйства¹⁴⁴. А чудесный барский дом был забыт. В его комнатах, украшенных выцветшими плафонами и росписями в окружении античных розеток, гирлянд и венков из листьев аканта, царило запустение. Обитатели соседних усадеб, «Архангельского» и «Неклюдова», бродя по окрестностям, любовались старым домом, как исторической реликвией.

Интересной категорией сельских хозяев в Российской империи были иностранные подданные, которые составляли немалый процент в группе московских предпринимателей. Издревле Москва была городом многонациональным. Пестрая по своему составу московская буржуазия была влиятельной силой во всех сферах жизни российского общества. Долгое время российское законодательство ограничивало право иностранцев на приобретение имений, но в конце XIX в. у них появилась возможность стать землевладельцами. При этом среди сельских помещиков

особенно выделилась группа «московских немцев», внесшая в усадебную культуру немало европейского рационализма.

Когда «иностранные подданные» получили возможность покупать имения, Московский уезд, наиболее привлекательный для этой категории населения, был достаточно заселенным. Однако еще существовали уголки, где усадьбу с лесными угодьями можно было купить сравнительно недорого. Например, местность к северу от Троицкой дороги долгое время не пользовалась спросом у любителей загородного времяпрепровождения, хотя и привлекала речками и лесными озерами. Вокруг тянулись леса, перемежающиеся лесными полянами, но добраться туда было нелегко при отсутствии удобных транспортных магистралей.

В 1902 г., когда была открыта Савеловская железная дорога, эти участки мгновенно стали востребованы земельными собственниками. На рубеже XIX—XX вв., выкупив из частных рук окружавшие столицу рельсовые линии, государство принялось активно торговать остановочными пунктами вдоль магистралей. Многие представители деловой элиты увековечили свои имена в названиях полустанков и «постов» в окрестностях Москвы. Среди них оказался и крупный банковский делец М. Ф. Марк.

Саксен-кобурготский подданный, он происходил из семьи немецкого торговца, ведущего дела в Петербурге и Одессе. Удачно женившись на дочери одного из основателей Торгового дома «Вогау и К^о», торгующего колониальным и химическим товаром по всей России, он стал одним из руководителей фирмы. Высокое положение совладельца фирмы и выборного Московского биржевого общества требовало покупки престижного городского особняка и загородного имения. Это, заметим, совпадало и с личными желаниями представителя клана, который контролировал тринадцать российских торгово-промышленных компаний, а еще восемь банковских и страховых имели с ним общие интересы¹⁴⁵.

По его указанию в 1878 г. супруга Софья Карловна, которая, кстати, доводилась мужу кузиной, приобрела имение «Архангельское-Тюриково» у генерал-майора А. А. Шулепникова, вступив во владение 172 дес. земли¹⁴⁶. В 1878—1882 гг. она оформила еще шесть купчих на прилежащие к ее владению «оскудевшие» усадьбы. Таким образом, имение Марков стало одним из самых крупных в этом уезде и составляло к началу XX в. не менее 600 дес.¹⁴⁷

Выбрав из всех приобретенных имений «Архангельское» для постройки усадьбы, Марк возвел двухэтажный деревянный дом с просторными террасами и с пристройкой-кухней. Вот как его описывала внучка Марка — М. А. Добровейн: «На первом этаже дачи был славный белый зал, большая гостиная, дедушкин кабинет, столовая. Наверху были спальня для детей, гувернанток, приживалок и гостей. Электричества в “Архангельском” не было, только керосиновые лампы.

...Зато был телефон, одна главная линия для всех дач, а распределитель помещался в доме управляющего на скотном дворе»¹⁴⁸.

В имении были ферма, две конюшни, дома для работников, птичник и оранжерея, где поспевали вишни и персики. Украшением усадьбы служила белокаменная церковь Успения Пресвятой Богородицы, возведенная в 1758 г. при графине Е.Р. Скавронской. В старом парке с тенистыми аллеями было во времена Марков два пруда: один — близ скотного двора для хозяйственных нужд, а другой — с островом, был местом отдыха владельцев. Кроме главного дома в имении были и другие летние постройки, где всем домочадцам и гостям находилось место.

По мере того как дети вырастали, глава семейного клана выделял им участки на своем владении, с тем чтобы те строили свои усадьбы. Сын его Гуго, унаследовавший позже и «Архангельское», и пост в семейном предприятии Вогау, поднялся до положения члена совета Частного банка, директора правления Московского металлического завода, латунного и меднопрокатного заводов в городе Кольчугине, акционерного общества Московского электролитного завода, Московского сахарорафинадного завода и других.

Угодья Марков были обширны. Все дни, кроме воскресенья, отцы семейств ранним утром уезжали на лошадях до устроенной ими платформы, а затем по железной дороге в Москву в контору Вогау.

Кстати, и сами Вогау жили тут же неподалеку в имении «Неклюдово». Потомственная почетная гражданка Э.Ф. Вогау в 1876 г. купила около 370 дес. земли у купца Н.Г. Куманина. Несколько столетий назад «Неклюдово» находилось во владении семьи бояр Морозовых. Переходя из рук в руки, усадьба попала к князю С.М. Голицыну. Построенный им в 1804 г. храм Владимирской Богородицы находился недалеко от владельческих строений. Последующие хозяева «проживали» свою собственность: имение перепродавалось и даже выставлялось на аукцион. Во второй половине XIX в. оно было в довольно запущенном состоянии¹⁴⁹. Купив «Неклюдово», Вогау наладили за городом молочное хозяйство и держали на скотном дворе 60 коров, а кроме того, супруга директора Торгового дома, оборот которого к концу XIX в. достиг 40 млн руб., торговала лесом и занималась лесоразведением.

Породнившись, династии «московских немцев» укрепили свои позиции как на финансовом рынке, так и на земельном. В своих имениях родственники общались исключительно семейным кругом, играли в теннис или катались верхом. Иногда охотились на лисиц и зайцев в бывшем имении А.Д. Дыргант, приобретенном С.К. Марк «на будущее» для своей дочери Фанни. Для молодого поколения этих семей развалины старинных домов, заросшие травой белокаменные лестницы, ведущие к покрытым ряской прудам с замшелыми гротами, были «древними руинами» — непременным атрибутом усадебных парков старины, которые существовали в их обширных владениях сами по себе.

Рассматривая социальные параметры предпринимательской элиты конца XIX – начала XX в., нельзя не заметить наличия в ее среде носителей различных гражданских, военных и придворных званий. Уже в 1860–1870-е гг. намечилось сближение интересов дворянско-бюрократических и купеческо-предпринимательских кругов. В «Дневнике писателя за 1876 г.» Ф.М. Достоевский отмечал: «Прежние рамки прежнего купца вдруг страшно раздвигаются в наше время. С ним вдруг роднится европейский спекулянт, на Руси еще прежде неведомый, и биржевой игрок. Современному купцу уже не надо получать к себе на обед “особу” и давать ей балы; он уже роднится и братается с особой на бирже, в акционерном собрании, в устроенном вместе с особой банке: он уже теперь сам лицо, сам особа»¹⁵⁰.

Гости в имении А.Т. Карповой «Сушнево» Владимирской губернии. Начало XX в. Семейный архив Карповых. Публикуется впервые

Действительно, одной из составляющих крупнобуржуазного слоя было дворянство, вовлечение которого в сферу предпринимательства началось задолго до XX в.¹⁵¹ Полностью выявить весь контингент дворян, входивших в состав директоратов и советы акционерных ассоциаций, в правления различных компаний, промышленных предприятий, невозможно: так высока была степень интегрирования титулованных предпринимателей в деловые круги.

Участие в акционировании фирм, связанных с обработкой сельскохозяйственной продукции, производством сахара, виноводочных, пищевкусовых изделий, было особенно распространено среди «высшего сословия». Интересно, что значительную часть «благородных» буржуа составляли выходцы из губерний Царства Польского или другие иностранные подданные, которые вошли в правления торговых домов или финансово-промышленных групп. Как землевладельцы они стали проявлять себя несколько позднее именитого купечества, поскольку существовали ограничения на их владение имениями, но к концу XIX в. усадьбы таких хозяев стали заметным явлением в Московской губернии.

Когда представители Московской губернской земской управы в 1889 г. наведались в усадьбу заседателя дворянской опеки А.А. Редлиха при селе Шумово Можайского уезда, их поразила «отрадная картина» постановки лесного и полевого дела¹⁵². О владельце имения было известно, что он происходил из военной среды — дед его получил дворянский титул во время войны с Наполеоном, сражаясь в Ганзейском легионе Ф.К. Теттенборна.

Отец же «образцового помещика» Можайского уезда, А.Ф. Редлих, был человеком знаменитым в Москве: врач Старо-Екатерининской больницы, владелец первой в Москве водолечебницы и клиники лечебной гимнастики. Нижние этажи своего доходного дома на Страстном бульваре Адольф Федорович сдавал Гимнастическому обществу, которое посещали любители померяться силами, а богатые купцы только платили взносы, но считали престижным в этом Обществе состоять.

Сыновья известного медика оказались еще более предприимчивыми и основали производство «зельтерской», фруктовой и содовой воды, которую разливали в пузатые бутылки с вытесненной надписью «Доктор Редлих». Воду продавали в городских аптеках, подавали в кафешантанах, ресторациях и ротондах увеселительных парков — и дело семейства Редлих процветало.

Альфред Адольфович, владелец «Шумова», входил в правление Торгового дома «Редлих Александр», был московским домовладельцем. Имение в Можайском уезде располагалось в 130 верстах от Москвы и занимало 533 дес. 1800 саж. земли. Между тем в 1883 г. о Редлихе как о Можайском землевладельце имелись такие сведения: в собственности — 6426 дес. земли, причем под его усадьбой тогда состояло 16 дес.; пахотной земли —

418 дес., сенокосы и запущенная пашня с кустарником составляли 3095 дес., строевой лес — 23 дес., дровяной — 324 дес., а остальные угодья представляли собой «сечу», т.е. землю с вырубленным лесом, кустарник по вырубкам и неудобные земли.

На полях по 8 дес. владелец ввел девятипольный севооборот, чередуя пар, рожь, горох, овес, клевер и лен. Его урожаем обычно составлял: рожь — «сам 12», овес — «сам 5», горох — «сам 10», картофель — «сам 10». Льна получали 40 пуд. семени и 35 пуд. волокна, а клевера — до 250 пуд. В имении продавались «на сторону» рожь, льняное семя, горох. Основными покупателями у Редлиха были крестьяне. Льняное волокно скупали купцы из города Гжатска по 3 руб. за пуд. Ежегодно хозяйством реализовалось до 2 тыс. пуд. сена.

Местные жители «за угодья» обрабатывали поле, убирали яровой и озимый хлеб, косили клевер. В имении выращивали рожь, овес, гречиху, горох, кормовые травы. На скотном дворе держали 51 рабочую лошадь, 3 выездные, 241 голову крупного рогатого скота, среди них 129 дойных коров «местной породы» и 74 теленка. Молока продавали на 3200 руб. Начала работать сыроварня. Охраной леса занимались 13 лесников. В аренде у Редлиха находились 3 дес. земли под огороды за 270 руб. в год, до 2000 дес. отдавалось мелким арендаторам и крестьянам за 680 руб. и «под работу». Получал Редлих доход и от «держания кабака» — до 600 руб.¹⁵³

Уборку урожая производили за отработки местные крестьяне, которые жали рожь, косили клевер и овес. Они же сушили в риге собранный хлеб, молотили его цепами и сортировали. Лесные угодья у Редлиха представляли собой три участка со смешанным лесом, где отдельные делянки вырубались полностью. Сруб 1 дес. приносил чистого дохода хозяину до 250 руб. Редлих продавал хворост и сучья по 60 коп. за воз. За предоставление лесных полян для пастбы скота хозяин требовал от крестьян выполнения разных работ по хозяйству и в садоводстве. При имении был построен кирпичный завод, вырабатывающий до 80 тыс. штук кирпича.

Итак, хозяйство Редлиха существенно изменилось за несколько лет. Его площадь сократилась в 11,6 раз. Владелец продал неудобную и ненужную ему землю, оставив за собой лучшие пахотные угодья, сенокосы и лес. К концу 1890-х гг. от скотоводства он также отказался, а занялся полеводством, льноводством и лесоводством. Его владение представляло собой три участка, из которых два ежегодно сдавались в пользование крестьянам, а на примыкающем к усадьбе участке велось хозяйство, которым управлял сам владелец¹⁵⁴.

В 1880-е гг. достаточная часть перешедших в руки московского купечества имений представляла собой огромные, но нерационально организованные хозяйства, тем не менее достаточно прибыльные для хозяев за счет варварского использования земли. Например, в Карачаровской

Приезд лавки в имение князя С.Н. Трубецкого «Меньшово» Подольского уезда. 1880-е гг. Семейный архив Комаровских

волости Можайского уезда владение купца 1-й гильдии В.И. Ананьина занимало в общей сложности 6886 дес. земли, заключенной в участках при разных деревнях. Его усадьба при селе Большече была ветхой и запущенной. Лес, вырубленный практически полностью до покупки имения в 1882 г., хозяином не восстанавливался. Сад на 3 дес. сдавался ежегодно в аренду за 200 руб., огород в 5 дес. за 95 руб. также использовался окрестными крестьянами.

Ананьин сдавал местным жителям покосы и выгоны, за которые они работали на его пашне с собственным инвентарем. Небольшое количество патриархальных орудий имелось и в хозяйстве имения: ветхие деревянные бороны и плуги. Землепашество велось «по крестьянской схеме»: выращивали рожь, овес и клевер. Продукция шла на нужды «конного завода», но научная постановка дела там отсутствовала.

Построенный на одном из участков кирпичный завод давал хозяину доход около 100 тыс. руб. при продаже продукции на месте. В собственности Ананьина находился трактир, приносящий до 700 руб. в год. Имение было заложено за 150 тыс. руб. Со слов управляющего стало известно, что хозяйство «дает доход 15 тыс. руб. от конного завода, лугов, полей и молочного хозяйства». Однако в книжке указано, что на ферме дела идут плохо и падеж скота достигает 5% из-за плохих кормов.

В заключение осмотра земский корреспондент подвел итог: «Не затрачивают ничего, а взять стараются все»¹⁵⁵.

В практике подмосковного землевладения нередко встречались случаи, когда имение организовывалось на земле, арендованной у крестьянского общества. Например, в Подольском уезде таким частным хозяйством было имение «Дугино» М.Я. Мещериной.

Вдова главы Даниловской мануфактуры вела хозяйство экономно и, можно сказать, по-крестьянски. В имении, насчитывавшем 426 дес. разного рода земли, возделывали 40 дес. пашни, засевая овес, рожь, картофель, горох и гречиху. Для земледельческих работ приглашали все тех же крестьян, т.е. собственников земли, расплачиваясь с ними деньгами, а часто — зерном, правом на покосы или выпас скота в дугинских рощах.

Вышедшая из народной среды владелица заключала с работниками уговор: «заходи, а потом еще возьми», что означало выдачу муки до начала работ и окончательный расчет мукой же — по окончании страды, это давало ей возможность заранее нанять нужное количество рабочей силы.

Для работы на пашне крестьян нанимали со своими лошадьми, деревянными плугами и сохами. Сеяли работники вручную, и так же убирали урожай. Единственное, что имелось в патриархальном хозяйстве Мещериной, — это молотилка. Но потом зерно просто сушили на солнце, как столетия назад. Луга и лесные поляны в хозяйстве выкашивались полностью, а сено, примерно 2000 пуд., и даже солому с полей отправляли в Москву для собственных нужд и продажи, отчего крестьяне «роптали». Мещерины держали лошадей для поездок по городу и в имение, а сено стоило дорого. На покосе помимо поденной платы в 45 коп. наемные работники получали ежедневно «хозяйский» завтрак, два стакана вина и пять раз пили чай. Своих покосов Мещериным постоянно не хватало, их арендовали у священника села Колычева, сами же в аренду земли они не сдавали.

В «Дугине» первоначально построек было немного. Кроме господского дома, возведенного в 1880 г., Мещерины построили избу для рабочих, баню, скотный двор, ригу для хранения зерна и несколько сараев. С годами владение развилось в хорошо налаженное хозяйство, где все производилось «для своего обихода»¹⁵⁶. После смерти матери благоустройством имения занимался один из наследников — Н.В. Мещерин. По его указанию были разбиты молодые липовые аллеи, формирующие новый усадебный парк, где были высажены голубые ели и кедры, жасмин, ирга и другие декоративные кустарники. На лесной поляне у большого оврага устроили пчельник и рядом с ним — на значительном удалении от дома — свиарник, конюшню и помещение для овец. Ближе к дому возвели оранжерею и парник. А в 1910-е гг. были построены водонапорная башня и электростанция¹⁵⁷.

На содержание «Дугина» шли средства, получаемые от торговой деятельности «Мещеринского подворья» — торгово-гостиничного комплекса

В.Е. Мешерин – владелец
Даниловской мануфактуры.
Фотография Ф. Опитца.
1880-е гг. Семейный архив
Грабарь

Внутренний двор усадьбы
наследников В.Е. Мешерина
«Дугино» Подольского уезда.
1910-е гг. Семейный архив
Грабарь

в деловой части города. К тому же Мещерины были состоятельными московскими домовладельцами. Живший постоянно в имении, Николай Васильевич был художником-любителем и хлебосольным хозяином, к которому приезжали гостить практически все русские «пензенцы». Для них в «Дугине» была построена отдельная мастерская, а проживание в усадьбе не требовало от живописцев никаких расходов.

История купеческого землевладения знала случаи, когда великолепное имение оказывалось в собственности всей семьи фабрикантов вследствие невыплаченной закладной. Такое неожиданное «счастье» досталось семье Бахрушиных. В 1894 г. во владение Товарищества кожевенной и суконной мануфактур Алексея Бахрушина сыновей перешло имение «Ивановское» в Подольском уезде, находившееся в собственности графини С.В. Келлер¹⁵⁸. Грандиозный дворцовый комплекс она приобрела в 1873 г. у А.Ф. Закревской, которая более уже не могла содержать дворец своего отца — сенатора, графа Ф.А. Толстого.

Одна из самых роскошных «подмосковных» включала в себя трехэтажный «ампирный» господский дом с флигелями, театром и службами. Возвышаясь на берегу реки Пахры, «Ивановское» было знаменито своим садом, оранжереями и богатой историей. На рубеже XVIII—XIX вв. архитектурный ансамбль создавался по канонам классицизма: парадный фасад дворца и фасады флигелей перекликались вертикалями колоннад; низкие галереи соединяли их с главным домом, образуя в совокупности парадный двор. Со стороны паркового фасада загородный дворец был не менее красив. С его лоджий и балконов открывался вид на террасный спуск к реке, украшенный цветниками и розарием, и на фонтаны, которые возносили к небу свои струи. Особый переход связывал эту часть дома с театром, в двусветном зале которого когда-то шли представления крепостного театра.

Когда графиня Закревская рассталась с «Ивановским», ее поместье представляло собой 424 дес. земли, господский дом с домовою церковью и театральным павильоном, роскошный сад с оранжереями и суконную фабрику, которая уже находилась в аренде у купца В.В. Алексева¹⁵⁹. Новая владелица, графиня С.В. Келлер, купила его вместе со всеми долговыми и арендными обязательствами.

Софья Васильевна, жившая в обеих столицах светской жизнью, известная дама-благотворительница, приобретя такое огромное имение, переоценила свои силы. Она старалась содержать усадьбу, получив средства у совладельцев Товарищества кожевенной и суконной мануфактур Алексея Бахрушина сыновей под закладную. Семья Келлер попыталась использовать «Ивановское» как дачу и сдавала флигеля для летнего отдыха московским аристократам. Но подошел срок выплаты процентов, а деньги Бахрушиными так и не были выплачены.

В 1895 г. Товарищество обратилось в суд, требуя оплаты векселей¹⁶⁰. Графиня думала найти поддержку и деньги у своих великосветских зна-

Парадный фасад главного дома в имении «Ивановское» Подольского уезда. 1925 г.
ГЦТМ

комых, но безуспешно. Вынесенное на торги «Ивановское» было передано Бахрушиным, которые, однако, вовсе не обрадовались такому подарку.

Тем более оказалось, что изысканные интерьеры и предметы убранства многочисленных залов продолжали оставаться за Софьей Васильевной. В гневе и отчаянии графиня, не сумев распродать или вывезти своего огромного имущества, велела управляющему распахнуть двери дворца и позволить местным жителям брать все, что им понравится.

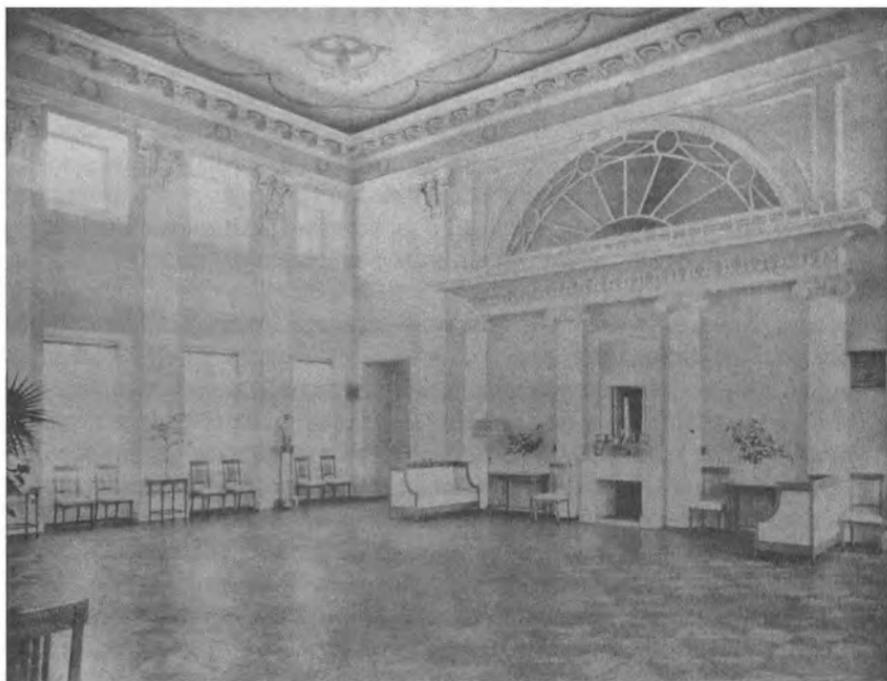
В.А. Бахрушин, присутствовавший при передаче имения, был потрясен: «Окрестные крестьяне наваливали на свои подводы столы с крышками из цельного малахита и ляпис-лазури, огромные, в человеческий рост, фарфоровые вазы Императорского завода — подарки императора Николая I своему верному сатрапу, музейную мебель красного дерева и карельской березы, столовую посуду»¹⁶¹.

Перегруженные телеги медленно выползали с парадного двора и по осеннему бездорожью двигались по проселкам к близлежащим селам и деревням. Вдруг на каком-то ухабе один из возов опрокидывался —

драгоценные столешницы и уникальный фарфор разбивались и оставались лежать в грязи, под колесами подвод других счастливых обладателей барского добра.

Освободив залы таким образом, графиня Келлер не захотела оставить ничего из бывшего великолепия богатейшей оранжереи. «Там в парном воздухе теплиц в грунте росли столетние померанцы, персиковые деревья со стволами в человеческую руку, тропические пышные ананасы и причудливые бананы», — рассказывал один из Бахрушиных. Когда наступил срок покидать имение, бывшая хозяйка велела открыть окна оранжерей и теплиц ноябрьскому холоду, собственноручно погубив плоды векового труда сотен крепостных.

Став обладателями грандиозного имения, Бахрушины также оказались неспособными найти ему применение. Пустые огромные залы ужасали — допущенные внутрь дома крестьяне отбили бронзовые накладки каминов и дверей, вырвали с корнем декоративные панели из ценного камня. В доме было более двухсот комнат, театральная зала могла вместить около трехсот человек. Обследовав имение, новые хозяева обнаружили «затейливую» ванную комнату с бассейном, отделанную туфом и перламутром, созданную еще для пленительной графини Закревской.

Парадный зал в главном доме усадьбы В.А. Бахрушина «Ивановское» Подольского уезда. 1910-е гг.

Подземный ход из этого «святилища неги» вел в грот, расположенный на берегу Пахры, где в летнюю жару можно было отдыхать и купаться.

Парк был огромен, павильон «Чайный домик» сильно обветшал, а садовая скульптура почти не сохранилась. Лишь полуразрушенный памятник фельдмаршалу Каменскому одиноко стоял среди деревьев. Но многочисленные хозяйственные постройки были в порядке, и первое, что предприняли Бахрушины, это стали сдавать их под дачи¹⁶². Сами они также стали дачниками в доме-дворце. Решив создать новые интерьеры, они заказали диваны, стулья и прочие предметы обстановки в фирме «Мюр и Мерилиз», но от этого залы так и не приобрели былого величия и красоты.

Как правило, многочисленная семья Бахрушиных приезжала в имение под праздник или под выходные к вечеру. Все занимали свои постоянные комнаты, разбросанные по всему дому. Гости прибывали группами и так же, компаниями, проводили досуг. Не менее двадцати человек гостили в «Ивановском» — ездили на пикники, ходили за грибами, устраивали чаепития на лоне природы. По вечерам домочадцы и их друзья собирались на любительские спектакли, которые всех веселили, хотя и не отличались глубиной режиссуры.

По воскресеньям утро начиналось обедней в домовая церкв, куда допускались и крестьяне из близлежащих селений. Богослужение вел прибывший из Подольска священник, старый знакомый семьи. Завтрак, полуденный и вечерний чай накрывали в столовой, и каждый мог наведываться туда в определенные часы. На обед или ужин всех собирал хриплый звук велосипедного рожка, который раздавался в урочное время с балкона дома. Стол сервировался на западной террасе, чтобы можно было любоваться живописными далями. Зимой огромный дом пустовал, а для молодежи, которая наезжала иногда в Святки или на Масленицу, протапливали один из флигелей.

В 1903 г. Василий Алексеевич Бахрушин, полагая, что в «Ивановском» все же должен быть один хозяин, выкупил у братьев их доли и передал имение своему племяннику Владимиру Александровичу, который и раньше более других занимался его благоустройством¹⁶³. Однако содержание поместья требовало непомерных расходов, которые все время росли. В конце концов в 1916 г. было решено передать имение Московской городской управе для устройства детской оздоровительной «колонии». Впрочем, часть дома была сохранена для дачного отдыха Бахрушиных, которые так и не смогли наполнить теплом и семейным уютом покинутое «дворянское гнездо».

К концу XIX в. рыночное перераспределение дворянской земли в Московской губернии практически завершилось, о чем говорит резкое увеличение ее стоимости: в 1883—1887 гг. она была 71 руб. за десятину, а в 1898—1902 гг. увеличилась до 183 руб., т.е. в 2,6 раза¹⁶⁴. На земельном рынке вращались или средние имения «на ходу», или маленькие участки,

причем в купле-продаже, при доминирующей роли дворянства, участвовали представители разных сословий¹⁶⁵.

Спрос на сельскую недвижимость продолжал оставаться высоким в среде городской буржуазии, в ряды которой вливались разные категории предпринимателей¹⁶⁶. Специальные издания знакомили покупателей с выставленными на продажу усадьбами. Обратившись к такому богатому источнику, как «Торгово-промышленный листок объявлений», который издавался в 1892—1913 гг., можно узнать много и о самих имениях и о потенциальных покупателях.

За годы существования издание поместило на своих страницах около 15 тыс. описаний имений, которые были сделаны доверенными Московской комиссионной конторы¹⁶⁷. Газета в 1902 г. считала, что отразила все потребности спроса, предлагая подписчикам выбрать себе имение из «заявленных на много миллионов рублей», а именно:

«с огромными торфяными залежами, блестящая и полезная будущность которых ныне уже ни в ком не возбуждает сомнений;

с винокурными заводами, о доходности которых мы не рискуем распространяться;

без всяких заводов, с одним хлебным хозяйством, оплачивающим благородный труд сельского хозяина хотя и не столь высоко, как фабричное дело, но все же настолько, что многие лица, получающие большие оклады, предпочитают, при первом же удобном случае, променять эти оклады на предпринимательскую прибыль сельского хозяина;

небольшие, для лиц, желающих прожить безбедно и спокойно в тиши и вдали от шума городского и житейских треволнений;

маленькие, для лиц, ищущих доходов при участии в деле личного физического труда;

имения-дачи для людей труда, скопивших небольшой капиталец;

имения-дачи для людей со средствами, с изысканным вкусом и без оного, желающим пожить в свое удовольствие на лоне природы;

имения с дворцами в 100—200 комнат, отделанных в разных стилях, начиная с мрачного и неуклюжего староанглийского и оканчивая кокетливым французским рококо»¹⁶⁸.

Рекламное издание позволяет увидеть конечный результат преобразования московской буржуазией своих поместий, некогда попавших к ним в руки, но теперь, по разным причинам, вновь вынесенных на земельный рынок.

Приведем как пример усадьбу «Свистуха» потомственного почетного гражданина, московского купца и фабриканта К.В. Осипова, которую он создал на участке пустоши на берегу реки Клязьмы в Озерцкой волости Московского уезда, купленном им в 1890 г. От станции «Сходня» Николаевской железной дороги до имения было восемь верст езды по владельческой дороге. Владения Осипова занимали 214 дес., из которых 86 дес. было под лесом, 52 дес. — под покосом и заливными

лугами, 44 дес. — под пашней, 15 дес. — под усадьбой с парком, а 17 дес. занимали река, дороги и прочее.

На реке была построена мельница с домом для мельника, а рядом — молочная ферма с необходимыми производствами. На ферме — всего 23 строения, в том числе при ней были устроены жилые отделения для скотницы и пастуха, молочная, сепараторная. Отдельно расположена кухня для рабочих фермы, погреб, конюшня для рабочих лошадей, молотильный сарай, баня и прочее. Там же — дом управляющего. В 1902 г. им являлся немец, имевший сельскохозяйственное образование.

Из 32 голов рогатого скота, содержащегося на ферме, числилось 16 дойных коров. Хозяйственные инструменты самых новых образцов: жнейка Дези, молотилка и веялка Липгарта, косилка Мак-Кормика, сортировка и другие. При построенной специально при ферме кузнице — дом кузнеца.

Собственно господская усадьба находилась поодаль на возвышенности. Двухэтажный деревянный барский дом с балконами и террасами имел паркетные полы, камин, голландские печи, «воздушные звонки», ванны, ватерклозеты. Под домом был подвал с бетонными полами.

Другое строение представляло собой благоустроенный гостевой флигель с голландскими печами и с водной системой отопления. В третьем — было восемь комнат для прислуги, господская и «людская» кухни, пекарня, подвалы для продуктов. Флигели были соединены с главным домом «говорильными трубами». С Москвой существовала телефонная связь.

Парк и цветники в «Свистухе» были спланированы архитектором. В парке — несколько дачных построек. Хозяйственные службы включали в себя большую конюшню, амбар, погреб, сараи, прекрасные оранжереи и в значительном отдалении — птичник. Отдельно построенная баня имела пристройку-прачечную. При усадьбе был пожарный сарай с «машиной Листа». На реке устроена купальня и лодочная станция. Имение было застраховано в Московском страховом от огня обществе. Владелец оценивал его в 130 тыс. руб.¹⁶⁹

Из «Торгово-промышленного листка объявлений» можно узнать и о судьбе тех усадеб, которым земские статистики предрекали гибель в 1870—1880-е гг. Так, купец Аигин, который попал тогда в число нерачительных хозяев, не только сохранил усадьбу князей Гагариных «Богословское-Могильцы» в Дмитровском уезде, но и превратил ее в «роскошное дачное имение» с великолепным парком, прудами, модернизированным и богато обставленным домом, флигелями, службами, оранжереями и фруктовым садом. Заметим, что площадь имения уменьшилась с 2000 дес. в 1872 г. до 86 дес. в 1901 г. За годы, которые прошли с момента покупки предпринимателем имения, произошла его трансформация из гигантской латифундии в роскошную усадьбу-дачу¹⁷⁰. Но на этом история усадьбы предпринимателя не закончилась. Купленная фабрикантами Армандами, она приобрела

новые черты своего быта, детерминированные новыми владельцами и новой эпохой XX в.

Московская буржуазия оказалась достаточно стабильной в помещичьем мире — она постоянно увеличивала и развивала свои хозяйства, делая их более рациональными, организуя технические производства, работавшие на рынок. Свидетель указанных процессов, экономист А.В. Шестаков замечал: «Земля тянулась к крепкому хозяину с капиталом, с умелой организацией хозяйства, независимо от того, “барин” это или “мужик”. И капитал в результате занял почти все экономические высоты в сельском хозяйстве, овладев в значительной степени лучшими участками “удобной” земли, обеспечив за собою также всевозрастающую эксплуатацию лесов и вод, которую он всюду или “прибрал к рукам”, или невозбранно хозяйничал в них “снимая сливки”»¹⁷¹.

При всем разнообразии типов хозяйств деловой элиты в период с 1870-х гг. до начала XX в. можно заметить в этих частных землевладениях некоторые объединяющие их черты:

1. Имена московской буржуазии относились в массе своей к средним и крупным и тяготели к укрупнению со временем. Но это было не слепое накапливание земельной собственности, а разумное «складывание» рационального земельного участка, пригодного для правильного ведения экономической деятельности.

2. Вся постановка хозяйства определялась самим владельцем, который непосредственно управлял имением и другими своими предприятиями.

3. Методы землепользования диктовали в значительной мере материальное обеспечение имения.

4. В большинстве случаев наблюдалось современное оснащение хозяйств инвентарем и семенным материалом, обеспечение необходимых санитарных и гигиенических условий для жизни и работы постоянных рабочих. Новые владельцы подводили к своим усадьбам частные шоссе, соединенные с трактами и железными дорогами. Они строили «остановочные» пункты на проходящих мимо рельсовых магистралях.

5. Имена предпринимателей финансировались за счет капиталов из доходов, полученных в других сферах коммерческой, торговой и банковской деятельности.

6. В земледелии новые помещики предпринимали сокращение неэффективной в условиях Московской губернии запашки, но вводили многополье, внедряли современные агрикультурные знания, использовали удобрения и проводили мелиорацию.

7. Значительные средства вкладывались в модернизацию старинных усадеб, где строились водонапорные башни, электрифицированные фермы и конные дворы, парники, оранжереи и грунтовые сараи. Стро-

ительство новых усадеб предпринималось с учетом требований санитарии и комфорта.

Среди имений московского купечества в конце XIX в. трудно было встретить многопрофильные «экономии», но они все же существовали. Однако развитие всех видов сельского производства свойственно было купеческим имениям лишь на ранних этапах, когда они пытались копировать «дворянские гнезда». В начале XX в. такая система существовала лишь в небольшой степени для снабжения своей семьи. Но буквально в предреволюционные годы возникла тенденция создания многоотраслевых латифундий. Процесс их формирования наметился, но не завершился, как это было в имении З.Г. Морозовой-Рейнбот «Горки» в 1914–1917 гг.

Обычно же выделялось какое-то одно или два направления, которые получали преимущественное развитие. Для купеческих «экономий» это — лесоводство и лесоразведение, мясомолочное и молочное хозяйства с элементами полеводства и луговодства в той степени, в какой это было необходимо для создания кормовой базы. Также предпочтением пользовались в имениях буржуазии коневодство и садоводство, но более как «спорт», т.е. как увлечение владельцев.

Не все частные землевладельцы стремились сразу сделать свое хозяйство прибыльным, поскольку доход, получаемый от владения землей, был выше дохода от землепользования. В конце 1870-х гг. о землевладельцах из купеческой среды современник замечал: «Даже те из членов этого сословия, которые сами вышли из крестьян-земледельцев, вышли именно потому, что предпочитали торговое занятие земледельческому труду, и потому не имеют ни охоты, ни привычки к земледелию»¹⁷².

Тот, кто стремился добиться в имении коммерческой прибыли, не всегда достигал этой цели. Помещичье хозяйство развивалось в условиях сложных аграрных отношений в России и было неустойчивым. К тому же эволюция имений предпринимателей была прервана социальными катаклизмами в первое десятилетие XX в. Вместе с тем экономическая независимость поместий буржуазии позволила им сделаться примером использования современных сельскохозяйственных технологий, внедрения новых моделей взаимоотношений между хозяином и работником и способствовала проникновению элементов городской культуры в быт крестьянского окружения усадьбы.

«Непрочность положения промышленника в крестьянской стране», о которой говорил Сав.Т. Морозов в беседе с Максимом Горьким¹⁷³, проявила себя в полной мере при первом же соприкосновении новых помещиков с сельской Россией. Нужно было время, чтобы начали возникать новые законы в отношении земельной собственности и положения, регулирующие права и обязанности владельца и наемного работника.

Это время наступило в конце XIX в. Оно вызвало к жизни появление целого ряда новых имений с усадьбами, каждое из которых представляло собой обусловленную многими географическими, экономическими и социальными причинами систему.

О «судьбах русского хозяина» в конце XIX – начале XX в. много говорили философы, литераторы, историки. Размышляя на эту тему, промышленник, банкир и старообрядец В.П. Рябушинский выделил одно из преимуществ «хозяина»: «Он может смело ошибаться, никому не давая ни отчета, ни объяснений...»¹⁷⁴.

В самом деле, свобода и организационное новаторство являются основой любого вида предпринимательской деятельности. В этом смысле приобретение имения с усадьбой, создание новой усадьбы на собственной земле нельзя расценить иначе как хозяйственное творчество. Не отрицая важности исследования землевладения московской буржуазии в широком плане, мы считаем важным показать устройство отдельных имений представителей торгово-промышленного класса, так как это сможет добавить новые факты в историю развития предпринимательства в России.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

¹ *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969.

² *Проскуракова Н.А.* Статистика землевладения и землепользования // *Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма.* М., 1979.

³ *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России в конце XIX – начале XX в. 1861–1904. М., 1979.

⁴ *Минарик Л.А.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М., 1971.

⁵ Там же. С. 13–14.

⁶ *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 288.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы изучения. М., 1982. С. 4, 6.

¹⁰ *Эртель А.И.* Записки Степняка. М., 1958. С. 162.

¹¹ *Никифоров Д.И.* Москва в царствование императора Александра II. М., 1904. С. 137.

¹² *Дружинин Н.М.* Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. (по данным Валуевской комиссии 1872–1873 гг.) // *Исторические записки.* Т. 89. М., 1972. С. 195.

¹³ *Атава (Терпигорев) С.Н.* Оскудение: очерки и записки Тамбовского помещика // *Избранное.* Тамбов, 1958. С. 17–18.

¹⁴ *Чехов А.П.* *Избранное.* Л., 1982. С. 698.

¹⁵ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 1. Вып. 1. Московский уезд. Статистические сведения о хозяйственном положении Московского уезда / Сост. В. Орлов. М., 1877. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 13–14.

¹⁷ В переводе с французского – беда, несчастье.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2458. Л. 323.

¹⁹ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. Очерк хозяйства частных землевладельцев / Сост. Н. Каблуков. М., 1879. С. 31, 35–36.

²⁰ Там же. С. 35.

²¹ Там же.

- ²² Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. С. 35–36.
- ²³ Там же. Т. 1. Вып. 1. М., 1877. С. 45, 48.
- ²⁴ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2447. Л. 170.
- ²⁵ Там же. Л. 122.
- ²⁶ Там же. Д. 2456. Л. 256 об.
- ²⁷ *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 531–532.
- ²⁸ Там же. С. 535.
- ²⁹ Там же. С. 529.
- ³⁰ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2456. Л. 256 об.
- ³¹ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. С. 115.
- ³² *Анзимиров В.* Мое хозяйство // *Хозяин*. 1903. № 3. Стб. 180.
- ³³ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел сельскохозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 2. Хозяйства частных землевладельцев Московской губернии. Уезды: Можайский, Волоколамский, Рузский, Звенигородский, Верейский и Бронницкий / Сост. К. Вернер. М., 1883. С. 94.
- ³⁴ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. С. 95.
- ³⁵ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 1053, 1075, 1092, 1154, 1155, 1178, 1307, 1938.
- ³⁶ Там же. Л. 1543.
- ³⁷ Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. М., 1899. С. 477.
- ³⁸ Любимовка // *Столица и усадьба*. 1916. № 64, 65. С. 17.
- ³⁹ Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 85.
- ⁴⁰ *Литуев В.Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997. С. 54–84.
- ⁴¹ Там же. С. 62.
- ⁴² Так в документе.
- ⁴³ *Фет А.А.* Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 60–61.
- ⁴⁴ *Вишняков Н.П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. Ч. 3. М., 1911. С. 57.
- ⁴⁵ *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 120–121.
- ⁴⁶ *Рябушинский В.П.* Купечество московское // *Старообрядчество и русское религиозное чувство*. М.; Иерусалим, 1994. С. 144.
- ⁴⁷ *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века. М., 2002.
- ⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 449. Л. 86–87.
- ⁴⁹ Там же. Л. 130–131.
- ⁵⁰ Там же. Д. 49. Л. 447–448.
- ⁵¹ *Нужды деревни*. 1906. № 2. С. 74–75.
- ⁵² *Елатъевский С.Я.* Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 29, 43–44.
- ⁵³ *Четвериков С.И.* Невозвратное прошлое. М., 2001. С. 18.
- ⁵⁴ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 49. Л. 517.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 10. Д. 2447. Л. 231–234.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ *Четвериков С.И.* Указ. соч. С. 89.
- ⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 49. Л. 818.

⁶⁰ Штеккер Е.Д. Воспоминания о Е.М. Алексеевой. Рукопись из семейного архива Четвериковых предоставлена автору Н.А. Добрыниной.

⁶¹ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 49. Л. 134, 135, 206.

⁶² Там же. Д. 499.

⁶³ Там же. Оп. 10. Д. 2460. Л. 117–164; Там же. Оп. 9. Д. 679. Л. 58, 59, 83, 125.

⁶⁴ Там же. Оп. 10. Д. 2457а. Л. 464.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Л. 468.

⁶⁷ Там же. Ф. 164. Оп. 9. Д. 679.

⁶⁸ Там же. Ф. 184. Оп. 9. Д. 679. Л. 88, 130, 145, 149, 150, 154, 194, 321, 715, 716.

⁶⁹ Здесь и далее использованы сведения из воспоминаний М.В. Лепешкиной, опубликованные Н.А. Филаткиной. См.: *Филаткина Н.А.* Валуево в воспоминаниях последних владельцев // *Русская усадьба. Сборник ОИРУ.* Вып. 8(24). М., 2002. С. 353–358.

⁷⁰ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 679. Л. 430.

⁷¹ *Любецкий С.М.* Окрестности Москвы в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гулянья. М., 1880.

⁷² См.: *Дмитриева Е.Б.* Усадьба «Валуево» и Мусины-Пушкины // *Усадьбы Южного Подмосковья.* М., 2000. С. 136–154.

⁷³ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 679. Л. 321.

⁷⁴ См. подробнее: Мусины-Пушкины. Ярославль, 1996; Памятники архитектуры Московской области. Вып. 3. М., 1999. С. 160–163.

⁷⁵ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2457а. Л. 121–124 об.

⁷⁶ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. С. 31.

⁷⁷ Торгово-промышленный листок объявлений. 1909. № 628.

⁷⁸ *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 18.

⁷⁹ *Говоренкова Т.* Земельная собственность // XX век. Строители Москвы. М., 2001. С. 439–440.

⁸⁰ *Греч А.* Покровское-Стрешнево // Подмосковные музеи. М., 1925. Вып. 2. С. 87.

⁸¹ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 1. Вып. 1.

⁸² *Харузина В.Н.* Прошлое. М., 1999. С. 271.

⁸³ *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 1. 1875–1886. М., 1974. С. 153.

⁸⁴ *Янжул И.И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 21–22.

⁸⁵ *Романюк С.К.* По землям московских сел и слобод. Т. 2. М., 1999. С. 306–307; *Пашенин А.М.* Гиреево и Новогиреево. М., 1995; ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 180.

⁸⁶ *Нащокина М.В.* Дачные пригороды Москвы // *Архитектура и строительство Москвы.* 1990. № 9. С. 31; *Бахрушин Ю.А.* Воспоминания. М., 1994. С. 103–107.

⁸⁷ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 1360.

⁸⁸ Там же. Оп. 10. Д. 2460. Л. 123.

⁸⁹ Населенные местности Московской губернии: приложение к Памятной книжке Московской губернии на 1912 г. М., 1911. С. 15.

⁹⁰ *Ульянова Г.Н.* Подмосковье: от мамонтов до среднего класса // *Недвижимость в России и за рубежом.* 2004. № 11(45). С. 109.

- ⁹¹ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 24. Д. 116. Л. 59 об; Там же. Ф. 449. Оп. 1. Д. 34. Л. 1, 3, 4–5.
- ⁹² *Каждан Т.П.* Некоторые особенности русской купеческой усадьбы конца XIX – начала XX в. // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 2(18). М., 1996. С. 81–83; *Зозуля Л.И.* Купеческая усадьба во второй половине XIX – начале XX в. // *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России в XVI–XX вв.* М., 2001. С. 555.
- ⁹³ *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990. С. 94.
- ⁹⁴ *Петров Ю.А., Савинова Е.Н.* Купеческая усадьба: пора расстаться с «синдромом Лопухина» // *Отечественная история.* 2002. № 6. С. 150–153.
- ⁹⁵ *Зилоти В.П.* В доме Третьякова. М., 1998. С. 67–68.
- ⁹⁶ Там же. С. 68.
- ⁹⁷ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. С. 82–85.
- ⁹⁸ *Шереметев С.Д.* Введенское. М., 1900. С. 3.
- ⁹⁹ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 679. Л. 630.
- ¹⁰⁰ Там же. Оп. 10. Д. 2460. Л. 166–218.
- ¹⁰¹ ОПИ ГИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1. Л. 73–75.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же. Л. 9, 15, 73–75, 85–86.
- ¹⁰⁴ Подсчет площади земельных владений произведен автором на основе различных имущественных документов личного архива Карповых.
- ¹⁰⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 28.
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 16. Л. 145–149.
- ¹⁰⁷ Цит. по: Проект восстановления и благоустройства музея-заповедника «Абрамцево». Кн. 1. 1980. С. 55–56. Музей Абрамцева (МА).
- ¹⁰⁸ Музей Абрамцева (МА). Рук. 36. *Мамонтов С.И.* Летопись сельца Абрамцева. Л. 3.
- ¹⁰⁹ Цит. по: *Арзуманова О.И.* Музей-заповедник «Абрамцево». М., 1984. С. 89.
- ¹¹⁰ Музей Абрамцева (МА). № КП-6181. Рук. 1479 (Записная книжка мастера Зеленова. 1912 г.).
- ¹¹¹ *Нестеров М.В.* Воспоминания. М., 1989. С. 102–103.
- ¹¹² *Бухгольц Ф.В.* Список семенных и высших споровых растений // Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губернии. М., 1900.
- ¹¹³ *Мельникова Н.В.* Архитектор Александр Устинович Зеленко (1871–1952) // Самарский краевед. Ч. 2. Вып. 2. Самара, 1991. С. 105–122.
- ¹¹⁴ ОР ГБЛ. Ф. 374. К. 2. Ед. хр. 7. Л. 84.
- ¹¹⁵ *Чехов А.П.* Новая дача // Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1970. С. 356.
- ¹¹⁶ *Савинова Е.Н.* Дачная жизнь имения «Горки» // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 8(24). М., 2003. С. 123–143.
- ¹¹⁷ *Ульянова Г.Н.* Именья, дачи и поместья по Курскому направлению и их обитатели 100 лет назад // Недвижимость за рубежом и в России. 2004. № 4(49). С. 106.
- ¹¹⁸ Зодчий. 1872. № 8, 9. С. 139.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ ЦИАМ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 327. Л. 3, 6–8, 13, 40–43.
- ¹²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 402 (Старая Москва). Оп. 1. Д. 446. Л. 20.
- ¹²² Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 3. Вып. 8. Санитарное исследование фабричных заведений Подольского уезда Е.М. Дементьева. М., 1883. С. 162–168.

- ¹²³ Поткина И.В. На Олимпе делового успеха. М., 2004. С. 161–220.
- ¹²⁴ Черкасов Г.Н. Архитектура Морозовских фабрик и селений после 1905 г. // Морозовы и Москва: Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» (Морозовские чтения). М., 1998. С. 143–150.
- ¹²⁵ Бакшеев В.Н. Воспоминания. М., 1961. С. 77.
- ¹²⁶ Короленко В.Г. Старые традиции и новый орган // Русские записки. 1916. № 8. С. 255.
- ¹²⁷ Подробнее о месте крупной буржуазии в сословно-иерархической системе Российской империи см.: Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1992.
- ¹²⁸ Хозяин. 1896. № 9. С. 164.
- ¹²⁹ Петров Ю.А. Указ. соч. С. 40.
- ¹³⁰ Там же. С. 41, 43–44.
- ¹³¹ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 21.
- ¹³² Добровейн М.А. На рубеже двух эпох. М., 2001. С. 19.
- ¹³³ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 995.
- ¹³⁴ Бялая Г.Р. Троице-Лыково // История московских районов. Энциклопедия. М., 2005. С. 261.
- ¹³⁵ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2460. Л. 1216–1266.
- ¹³⁶ Судьба усадьбы «Киреево» и его владельцев. М., 2003. С. 19.
- ¹³⁷ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 994.
- ¹³⁸ Там же. Оп. 10. Д. 2460. Л. 1069–1115.
- ¹³⁹ Московский листок. 22 ноября 1895 г.
- ¹⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 1939.
- ¹⁴¹ Греч А.Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества. 1994. № 32. С. 101–102; Молева Н.М. Земля и годы. М., 1990. С. 14–47.
- ¹⁴² Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999. С. 467.
- ¹⁴³ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2460. Л. 973–1022.
- ¹⁴⁴ Чижков А.Б. Подмосковные усадьбы сегодня: Путеводитель с картой-схемой. М., 2002. С. 54.
- ¹⁴⁵ Петров Ю.А. Указ. соч. С. 195.
- ¹⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 672. Л. 12–13.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 23, 1539, 1694, 1794, 1862, 1865, 1874; Добровейн М.А. Указ. соч. С. 17–21.
- ¹⁴⁸ Добровейн М.А. Указ. соч. С. 19–20.
- ¹⁴⁹ Русина О.Н. Архангельское-Тюриково, Неклюдово, Вешки... // Московский журнал. 1992. № 32. С. 53–57.
- ¹⁵⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. СПб., 1883. С. 332.
- ¹⁵¹ Корелин А.П. Указ. соч. С. 106–122.
- ¹⁵² ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2460. Л. 829–876.
- ¹⁵³ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 2. Таблица 2. С. 6–8.
- ¹⁵⁴ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2460. Л. 828–876.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 622–673.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 1116–1161.
- ¹⁵⁷ Сведения об устройстве хозяйства Н.В. Мещерина получены от краеведа А.Г. Антоновой и сопоставлены с планом имения «Дугино», построенном на основе рассказов старожилов и натуральных исследований 2004 г.
- ¹⁵⁸ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 679. Л. 184.

¹⁵⁹ Поцелуев В.А., Петреев И.В. Подольск и окрестности. М., 1999. С. 383; ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 679. Л. 184.

¹⁶⁰ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 4. Д. 1510.

¹⁶¹ Бахрушин Ю.А. Указ. соч. С. 372.

¹⁶² Поцелуев В.А., Петреев И.В. Указ. соч. С. 491.

¹⁶³ Бахрушин Ю.А. Указ. соч. С. 373.

¹⁶⁴ Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII. Погубернские итоги мобилизации земель и средние земельные цены за 40-летие. 1868–1902 гг. СПб., 1907. Гл. III. С. XVI.

¹⁶⁵ Проскуракова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1973. № 1. С. 65; Литуев В.Н. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997. С. 128–136.

¹⁶⁶ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9 (Оценочное отделение Московской губернской земской управы. Нотариальные акты о переходах земли в Московской губернии. 1825–1917 гг.).

¹⁶⁷ Цит. по: Фролов А.И. Подмосковные усадьбы на страницах «Торгово-промышленного листка объявлений» // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 7(23). М., 2001. С. 84.

¹⁶⁸ Торгово-промышленный листок объявлений. 1902. 11 марта. № 125. С. 1

¹⁶⁹ Там же. 21 февраля. № 119. С. 2–3.

¹⁷⁰ Там же. 1901. 13 марта. № 34. С. 1.

¹⁷¹ Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства России (от Реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924. С. 39.

¹⁷² Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. С. 120.

¹⁷³ Горький М. Собр. соч.: В 18 т. Т. 18. М., 1963. С. 221.

¹⁷⁴ Рябушинский В.П. Указ. соч. С. 147.

Глава III

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ КАК СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИН

1. УСАДЬБА «КУЧИНО» Н.Г. РЮМИНА – А.В. АЛЕКСЕЕВА – П.М. РЯБУШИНСКОГО: ЭВОЛЮЦИЯ И МЕТАМОРФОЗЫ ОДНОГО ИМЕНИЯ

...Возможность не бояться ошибок дает громадное преимущество единоличному хозяину: он смел, предприимчив, гибок...

В.П. Рябушинский

В 1914 г. издававшийся в Санкт-Петербурге журнал «Столица и усадьба» удостоил своим вниманием имение «Кучино» Московского уезда, сообщив читателям: «Кучино лежит в 19 верстах от Москвы по Московско-Нижегородской железной дороге. Теперь против “Кучина” устроена платформа того же имени, и оно часто упоминается в печати, так как теперешние владельцы “Кучина” устроили у себя аэродром»¹.

Однако не только появление подмосковного «воздушного парка» вызывало интерес публики. Имение принадлежало наследникам почетной потомственной гражданки А.С. Рябушинской, олицетворяющим собой высшие круги торгово-промышленной и банковской Москвы. Тринадцать детей основателя Товарищества мануфактур П.М. Рябушинского с сыновьями получили после смерти матери в 1901 г. наследство, которое включало и имение «Кучино» площадью 539 дес. 420 саж. и стоимостью 764,8 тыс. руб.²

Разумеется, это была лишь часть от 20 млн руб., которые оставил Рябушинским умерший ранее родитель³. Совладельцы приняли решение разделить земельное владение и каждому взять причитающуюся ему долю. В 1909 г. дело о разделе «Кучина» рассматривал Московский окружной суд: необходимо было разбить имение с лесными угодьями на отдельные владения, но так, чтобы каждая из пяти дочерей получила бы $\frac{1}{14}$ часть недвижимого и $\frac{1}{13}$ часть движимого имущества, а каждый из восьми сыновей — соответственно $\frac{9}{12}$ и $\frac{1}{13}$ части. В результате разбирательства, где достоинства каждого уголка имения учитывались в денежном эквиваленте, «Кучино» поделили между несколькими хозяевами, каждый из которых имел далеко иду-

шие планы на развитие своего участка. Так, единое имение распалось на тринадцать владений.

Старинное «Кучино» ожидало решения своей участи, сохраняя память о прошлом. Расположенное вдоль железнодорожного полотна между станцией «Обираловка» и платформой «Кучино», «общее имущество» охватывало большой лесной массив, соприкасаясь с Владимирским шоссе. Имение со строевым и смешанным лесом в нагорной части и обширными лугами — в низменной прорезала река Пехорка и ее притоки.

С холма, где стоял господский дом, открывался живописный вид на каскад искусственных прудов. Подъездная дорога шла по плотине и, обогнув холм, переходила в центральную парковую аллею, ведущую к усадьбе. На зеленом склоне перед домом — роскошная парадная лестница. У ее подножия расстился заросший сорной травой партер, главным украшением которого был мраморный фонтан, построенный еще первыми владельцами усадьбы. В начале XX в. «Кучино» все еще хранило особый, давно замеченный современниками отпечаток старых «подмосковных»: «Отпечаток этот чисто духовный и заключается в впечатлении необыкновенного мира и покоя, который они навевают...»⁴.

Первое упоминание об усадьбе близ деревни Кучино относится к XVI в., когда вотчиной владел князь Л.А. Салтыков. Но начало истории

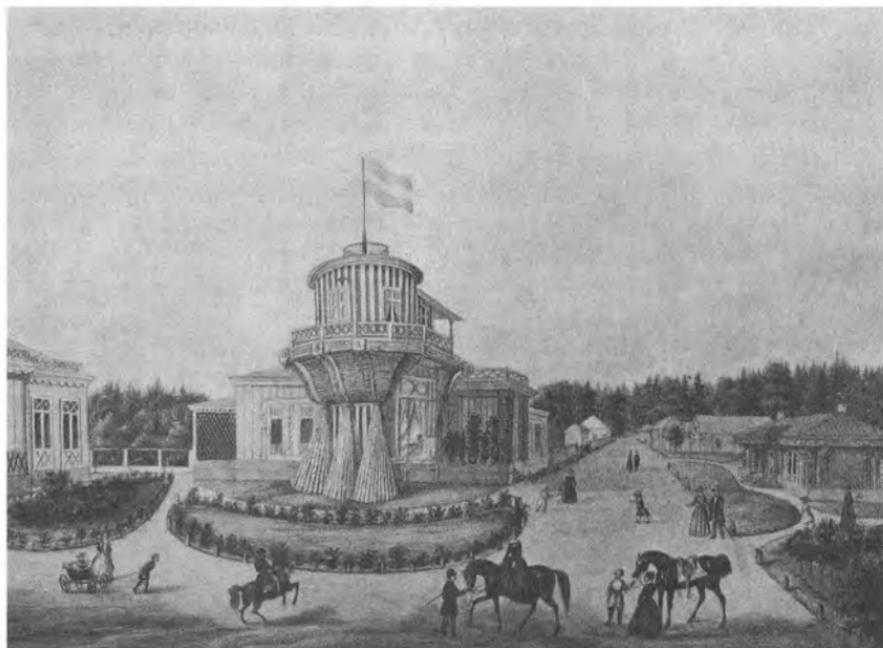

Вид на главный дом в имении «Кучино» со стороны подъездной дороги и реки Пехорки. 1860-е гг.

интересующей нас части имения приходится на 1833 г., когда крестник императора Николая I, крупный землевладелец в Московской губернии, надворный советник Н.Г. Рюмин приобрел землю на Пехорке⁵. Богатый царедворец, пожалованный за работу в Экспедиции государственных доходов бриллиантовым перстнем с государевым вензелем, Рюмин в чине тайного советника ушел в отставку и обосновался в Москве.

Владелец десятков деревень и тысяч крепостных, он вел широкий образ жизни, и дом его «был поставлен удивительно тщательно». В городе Рюмины держали «открытый стол» и устраивали балы, подобно вельможам предыдущего века. «В течение десятилетий тут веселилась Москва весь зимний сезон. Всякий четверг танцевали и всякое воскресенье знакомые без особого зова ожидали к обеду», — вспоминал один из гостей⁶. Усиленная демонстрация своего «благородного» положения в значительной степени была вызвана тем, что отец Рюмина, Г.В. Рюмин, выходец из мещан Рязанской губернии, составил состояние на винных откупах и получил в 1799 г. дворянский титул за пожертвование в 20 тыс. руб. на государственные нужды⁷.

Унаследовав после смерти отца внушительный капитал, Н.Г. Рюмин вложил его в земельную собственность: он был землевладельцем Рязан-

Парадный двор усадьбы Н.Г. Рюмина «Кучино» Московского уезда. Репродукция с акварели 1860-х гг.

ской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской и Московской губерний. Отойдя от дел, он решил построить в «Кучине» «увеселительную» усадьбу. Для обустройства имения он пригласил французского архитектора Ж. Тибо. Биограф Рюминых, Е.Н. Погожев, так описывал архитектурный ансамбль усадьбы: «На холме, господствующим над рекой и всей местностью, Тибо создал прелестный дом — “чертоги светлые”... В сосновом лесу разработали парк с широкими дорогами, вокруг дома разбили цветники, расставили тут и там службы, другие жилые и хозяйственные постройки: вышла чрезвычайно уютная и нарядная усадьба». Мемуаристу барский дом со множеством веранд и большими окнами казался «радостной сказкой»⁸. От дома к реке вела белокаменная лестница. В нижнем парке над родником появилась беседка, кровлю которой поддерживали мраморные кариатиды.

В господском доме Рюминых все было устроено «изящно». В парадной гостиной одна из стен была полностью застеклена, и гости могли сверху любоваться каскадом прудов. Легкие, белые с золотом колонны с капителями держали свод, но казалось — сами парили в воздухе. Бархатные драпировки еще более подчеркивали театральность интерьера. Вечером в зале зажигали свечи десятков канделябров, и тогда дом с газонов нижнего парка представлял собой волшебное зрелище⁹.

Семья Рюминых на лужайке рядом с барским домом «Кучино» Московского уезда. 1860-е гг.

«Шегольская отделка» усадьбы вызвала интерес не только у соседей-помещиков, но и в обеих столицах. По торжественным случаям в усадьбе палили из небольших орудий, установленных на смотровой площадке. Современники отзывались о кучинских затеях, как о «прихоти миллионера-мещанина во дворянстве»¹⁰.

Стремление владельцев к оригинальности чувствовалось в облике всех усадебных строений. Когда в середине XIX в. в Москве стала распространяться фотография, Рюмины, пригласив фотографа, с удовольствием позировали на фоне своего усадебного дома, составленного из замысловато украшенных пристроек, веранд, террас, галерей¹¹. Излишняя декоративность между тем была свойственна только парадной части имения, где шла праздная жизнь хозяев и их окружения. Построенный на значительном удалении от главного дома конный завод с каменными конюшнями отличался добротностью и рационализмом: там Рюмины разводили отменных рысаков, которые отправлялись в их городские конюшни.

В пореформенное время вдова тайного советника Е.Ф. Рюмина стала испытывать трудности с содержанием имения и в 1872 г. вынуждена была продать усадьбу за 350 тыс. руб. серебром главе Товарищества «Владимир Алексеев», совладельцу золотоканительной фабрики, хлопкоочистительных заводов, мануфактур-советнику, потомственному почетному гражданину, купцу 1-й гильдии А.В. Алексееву.

Его отец, внук крепостного, В.С. Алексеев, оставил наследникам 29 торговых лавок, 13 амбаров и 4 городских дома¹². В преклонные годы он приобрел повадки респектабельного барина. Званием купеческим глава фамилии тем не менее гордился и приобщал сыновей к семейному производству смолоду. Работа в амбаре, в конторе фабрики, участие в закупке и сортировке товаров, поездки по стране и за границу – все это составляло важную часть их жизни. В городском особняке на Большой Алексеевской царил достаток. Летом семейство выезжало в усадьбу «Покровское-Стрешнево» в Московском уезде. Ежегодно в день своего рождения Алексеев в «Елизаветинском ванном домике» XVIII в. давал бал, на который съезжалось до двухсот гостей разных рангов и состояний. В этот день молодые Алексеевы облачались во фраки¹³. «Бал был превосходный: две музыки (бальная и полковая)... Пиршество продолжалось до пяти утра. В воскресенье была музыка в оранжерее, и я до того танцевал – передать трудно» – так описывал семейное торжество один из них¹⁴.

В 1862 г., когда А.В. Алексеев возглавил фабрику в Рогожской части, ее торговый оборот составлял около 1 млн руб. Став во главе семейного дела, он женился на Е.М. Бостанжогло, дочери табачного фабриканта, и обзавелся собственным домом на Пречистенке, который супруга также держала на аристократический лад. Привыкнув проводить лето в «Елизаветино», Алексеевы купили собственную усадьбу. В 1874 г. граф

М.Д. Бутурлин, побывавший в «Кучине» в отсутствие хозяев, так его описывал: «Все постройки были деревянные, сшитые на живую нитку, вроде балаганов... Домики были покрыты множеством изысканных “цац”... то в индостанском или мавританском, то в русском деревенском стиле; иные домики были из березовых бревен с их белой корою...»¹⁵.

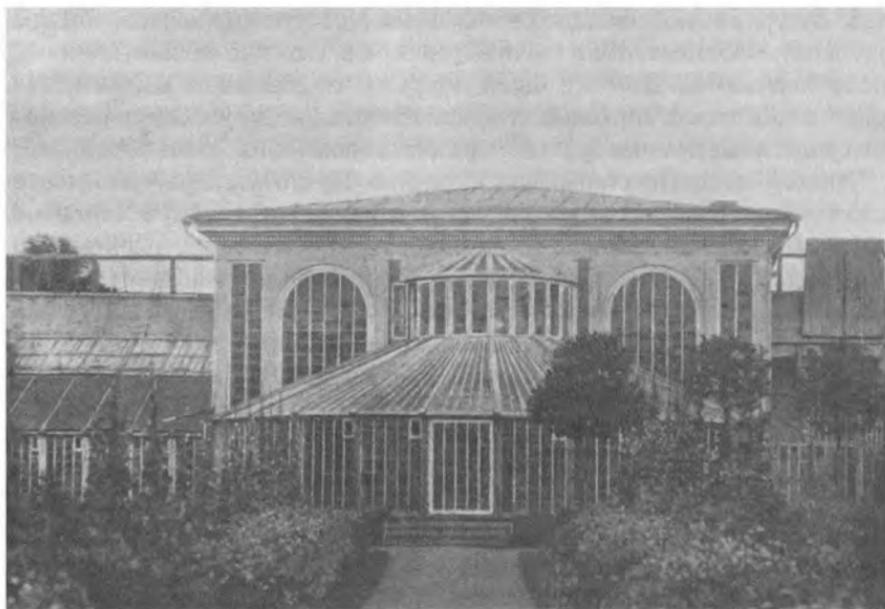
Алексеевы снесли старый дом Рюминых. На его месте на фундаменте белого камня было возведено несимметричное бревенчатое, обшито тесом здание. Оно состояло из разных пристроек в один, два и даже в три этажа. Снаружи оштукатуренное, а местами покрашенное масляной краской, строение имело некоторые «классические» архитектурные детали: фронтоны, колонны, террасы с балюстрадами.

Между тем внутренняя отделка этого внешне непрезентабельного сооружения отвечала самым высоким стандартам: стены комнат покрыты обоями «под штоф», залы имели камины и изразцовые печи, двери сверкали медными «приборами», рядом с будуаром хозяйки находилась ванная с мраморным бассейном. Дубовый паркет довершал внутреннее убранство помещений. В пристройку с мезонином вела дубовая лестница. В этой части дома на каждом этаже находилось по десятку комнат со всеми удобствами¹⁶.

Для Е.М. Алексеевой «Кучино» было не более чем местом загородного отдыха. Ее стихией были летние праздники, «живые картины» и другие увеселения, которые она умела хорошо устраивать. «Я помню эти балы, — вспоминал Станиславский. — Приглашенные приезжали чуть ли не цугом, со своей прислугой, в парадных ливреях на козлах и сзади на запятках. ...Щеголяли цветами, нарядами»¹⁷. Хозяйственная жизнь «Кучина» Алексееву не интересовала, но его быт она наладила прекрасно. Вместе с владельцами приезжала в «Кучино» хорошо «воспитанная» городская прислуга. «Горе лакею или буфетной девушке, если даже не в самой столовой, а в буфетной стукнет тарелка, упадет вилка и т.д. Сейчас же бабушкин окрик, и испуганный лакей лепечет: “Извините-с”», — вспоминала внучка Алексеевой, Е.Д. Штеккер¹⁸.

С постельным и столовым бельем Алексеевы управлялись, построив прачечную с сушилкой и гладильней. Во флигеле-теремке разместилась кухня с подвалом. Кушанья носили в дом по крытой галерее, соединявшей его с кухней. Пакеты с провизией в усадьбу доставляли из московских магазинов. Алексеевы сохранили некоторые строения Рюминых, дав им новое назначение. Так, «графский флигель» со стенами, крытыми березовой корой, превратился в кладовую. Другие постройки были отведены под квартиру для управляющего, комнаты — для садовников, рабочих и лакеев. В глубине сада стояла прекрасная оранжерея — одно из творений Тибо.

А.В. Алексеев вложил немалые средства в постройку нового загородного дома, оборудовав его всеми возможными за городом удобствами. В год покупки «Кучина» Алексеевы первыми в Москве начали

Оранжерея в имении «Кучино» Московского уезда. 1860-е гг.

перевод своей фабрики на паровые двигатели, и сразу же это нововведение появилось в усадьбе. Во всех строениях в имении был водопровод, для чего в дальней части парка возвели двухэтажную водонапорную башню. На верхнем этаже, куда вела каменная лестница, был установлен резервуар, а внизу паровая машина качала воду, обеспечивая ею не только жилые помещения и службы, но и оранжерею, фонтаны, конюшни, скотный двор и птичник¹⁹.

Приобретя имение, Алексеев проявил себя как рачительный сельский хозяин. В 1876 г. он сообщал в Земскую губернскую управу, что в его имении принят трехпольный оборот и на 10 дес. чередуют гречу — по 8 мер на десятину, картофель и капусту²⁰. Кроме того, 4 дес. занимал огород. В старинных конюшнях Алексеев держал 19 «заводских» лошадей, оборудовав верхний этаж старого здания под сеновалы. В это время появилась построенная в русском стиле ферма: теплый коровник, где уже находилось 20 голов крупного рогатого скота, и все было устроено для получения породистого стада. Овцы и свиньи — всего 15 — были закуплены в племенных хозяйствах.

Для обработки полей и огорода использовали «своих» лошадей и рабочих. Владелец сообщал в управу: «Так как имение это существует лишь для дачной жизни владельца, то и рабочие состоят лишь из прислуги, садовников, пололок и проч., и проч.». Во время сенокоса хозяин нанимал рабочих, расплачиваясь с ними по 7—10 коп. за пуд сена. Свои

земельные угодья Алексеев в аренду не сдавал, предоставляя пашне и вырубкам зарастать лесом. Мукомольную же мельницу на реке Пехорке он сдал в аренду за 2800 руб. в год.

Согласно плану владения имение в 1876 г. занимало площадь 514 дес., с которых владелец платил 38 руб. 89 коп. государственных сборов и 51 руб. 23 коп. земских. Кроме того, ежегодно выплачивались сбор с оценки недвижимого имущества — 92 руб. 75 коп. — и сбор с оценки мельницы — 120 руб.²¹ Хозяйством в имении Алексеев управлял сам и, по-видимому, предполагал развивать молочное скотоводство, сохранив часть земли под огородные культуры.

Большая часть его владения была занята лесом и кустарником, который уже тогда был, по расчетам владельца, старше 10 лет. Алексеев не предполагал пахать земли, давая расти новому лесу. Интересными в этой связи представляются рассуждения В.П. Рябушинского, который жил в детстве в «Кучине»: «...От леса шаг к сельскому хозяйству. Мальчишками шлялись мы летом, на каникулах, верхами по нашим лесам, и тут часто в глухих углах, у заброшенных дворов и усадеб натыкались вдруг рядом с обычной дичью и зарослью на участки молодого леса: ровного, здорового, ничем не заглушаемого. ...Вид этих участков был прямым указанием, что в оборот правильного лесного хозяйства у нас нужно было вводить несколько лет пашни, которая уничтожала сорные семена»²².

Воплотить свои планы по устройству имения А.В. Алексеев не успел. В 1882 г. он умер, и «Кучино» унаследовал его единственный сын Н.А. Алексеев, который проявил себя больше на ниве общественной деятельности. Не прошло и трех лет, как он был избран московским городским головой. Его деятельной натуре претила спокойная жизнь в имении, и в 1892 г. оно было продано жене директора-распорядителя Товарищества мануфактур П.М. Рябушинского с сыновьями — А.С. Рябушинской.

Приобретая имение в Московском уезде на имя своей жены, отец многочисленного семейства П.М. Рябушинский заботился о сохранении земельной собственности в случае непредвиденного финансового краха. Такая осторожность 72-летнего главы крупного торгово-промышленного дела отнюдь не была лишней: в его коммерческой жизни было немало взлетов и падений. Знакомые объясняли эту покупку стремлением главы фамилии создать условия для приложения энергии своих многочисленных детей: парфорсная охота, верховая езда, рыбная ловля — любимые занятия Рябушинских в деревне²³.

Начиная с конца 1860-х гг. Рябушинский постоянно приобретал земельные угодья, заботясь об обеспечении своих фабрик древесным топливом, но благоустроенное «Кучино» было его первым собственным имением. В силу преклонного возраста он передал бразды правления в Товариществе старшему сыну Павлу.

П. М. Рябушинский на балконе главного дома в имении «Кучино». Конец XIX в.

П. М. Рябушинский с женой проводил в «Кучине» достаточно много времени вплоть до своей смерти в 1899 г. Однако в имении в этот период не возводилось никаких новых построек, и заброшенные пашни продолжали зарастать молодым лесом. Коровник и птичник, построенные Алексеевыми, пустовали. И только на территории конного двора жизнь была ключом: там продолжали держать выездных лошадей английской породы.

Павел Михайлович питал интерес и к плодовому садоводству: усадебная оранжерея Рюминых вновь обрела свое первоначальное назначение. Как рассказывали, Рябушинский сам отвозил в московские магазины фрукты на продажу, когда ехал в город по торговым и банковским делам²⁴.

После смерти А. С. Рябушинской в 1901 г. тринадцать детей основателя Товарищества мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями получили «Кучино» в составе другого недвижимого имущества, причем теперь оно было оценено в 764 тыс. 800 руб.²⁵ В декабре 1902 г. Московский окружной суд ввел наследников во владение общим имением²⁶. Между тем каждый из Рябушинских, обладая частью «Кучино», имел на него свои виды.

Павел и Владимир предполагали создать «правильное лесное хозяйство»²⁷, но какое-то время этот проект обдумывали, так как отношения между ними всегда строились на деловой почве. Занявший место главы

семьи, крупнейший промышленник России Павел Павлович стал опекуном несовершеннолетних сестер, оберегая до поры до времени их части земельной собственности. Сам он в 1911 г. купил у помещика А.В. Всеволожского имение «Александровское» в Московском уезде, куда перевез свою библиотеку и коллекцию старинных портретов. Со временем и он, и Сергей Павлович, живший тогда в Вышнем Волочке и управлявший там родовой фабрикой, и руководитель банковского отдела фирмы Владимир Павлович отказались от своего проекта в отношении «Кучина», отдавшись служению фамильному делу, коллекционированию и меценатству. В эти же годы Владимир Павлович приобрел старинную усадьбу князей Прозоровских «Никольское».

Что касается других наследников, то в 1903 г. из общего владения вышла сестра Е.П. Карпова, продав свою долю в имении брату Степану. Н.П. Рябушинский не участвовал в решении судьбы «Кучина», поскольку находился под опекой братьев Павла и Владимира, опасавшихся как бы его расточительная жизнь не отразилась неблагоприятно на делах фирмы²⁸.

Добавим, что в 1908 г. Николай продал свою долю имения сестре Евфимии и посвятил себя творчеству и меценатству. Самобытный художник и литератор, творивший под псевдонимом Н. Шинский, редактор и издатель изысканного журнала «Золотое руно», он на своей вилле «Черный лебедь» в Петровском парке жил с большим размахом, собирая там московскую богему. Знарок художественной Москвы князь С.А. Щербатов, рисуя в мемуарах образ этого «молодого и шалого мецената», не мог не заметить его несомненной талантливости, которая «...расплескивалась по-московски в проявлениях всяких экстравагантных затей с ориентацией на красоту. Последнюю он чувствовал интуитивно, подчас довольно метко...»²⁹.

Иногда Николай привозил своих друзей в имение «Кучино». Апофеозом красивой жизни и последним торжеством в пока еще едином имении стал устроенный им летом 1907 г. «Праздник роз». Это произошло сразу же после успеха выставки «Голубая роза», где среди работ московских символистов экспонировались и картины Н.П. Рябушинского.

В тот день, казалось, вся богемная Москва собралась на дебаркадере Нижегородского вокзала. Приглашенных доставил в «Кучино» специальный экспресс, состоящий из нескольких салон-вагонов. На станции гостей ждало несколько десятков лучших троек «от Ечкина». В имении на просторном газоне заранее возвели беседки, столбы которых были увиты темно-красными розами. Розы стояли на всех столах, свисали гирляндами из корзин под потолком, красовались на изящном меню праздничного обеда.

Несколько оркестров негромко играли, не мешая друг другу. Потом были прогулки по парку, ужин, а когда стемнело, в небо взвились сотни огней фейерверка. «Это было так волшебно, такая была красота, чудо

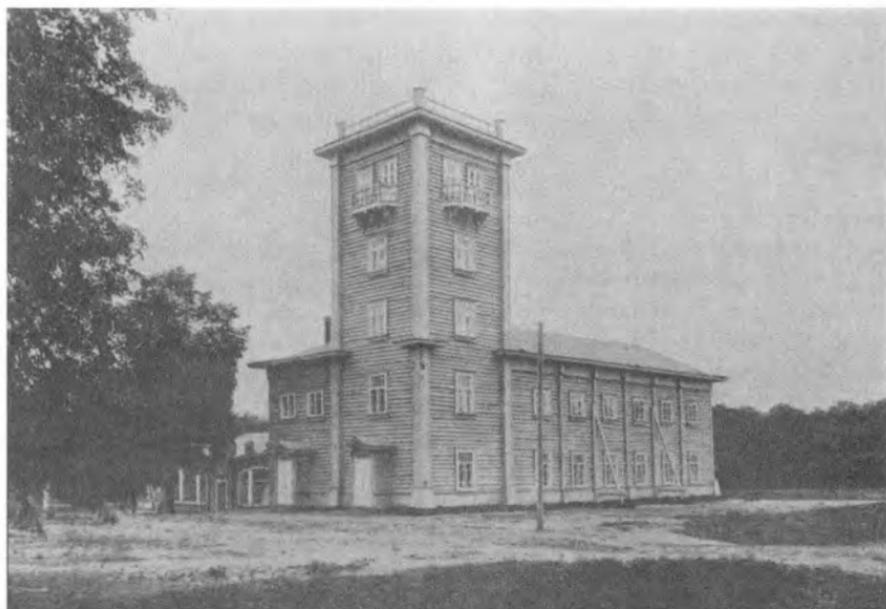
из чудес! И долго-долго огненная сказка делала эту ночь фантастичной...» — вспоминал художник С.А. Виноградов³⁰.

В декабре 1904 г. все совладельцы имения «Кучино» собрались в нотариальной конторе Московского окружного суда по важному поводу. Интересы потерявшего доверие Николая представляли опекуны, а права несовершеннолетних Федора, Надежды и Александры — глава семьи Павел Павлович. Предметом столь широкого представительства стал договор на аренду центральной части имения и усадебного дома, который заключал с родственниками Д.П. Рябушинский, поставивший целью создать в «Кучине» исследовательскую аэродинамическую лабораторию с «воздухоплавательным парком». Когда в 1904 г. он начал организовывать в «Кучине» собственный институт, ему было 22 года. Находясь под впечатлением первых полетов биплана братьев Райт и лекций профессора Московского университета Н.Е. Жуковского, Д.П. Рябушинский поверил в будущее авиации и в ее коммерческое использование.

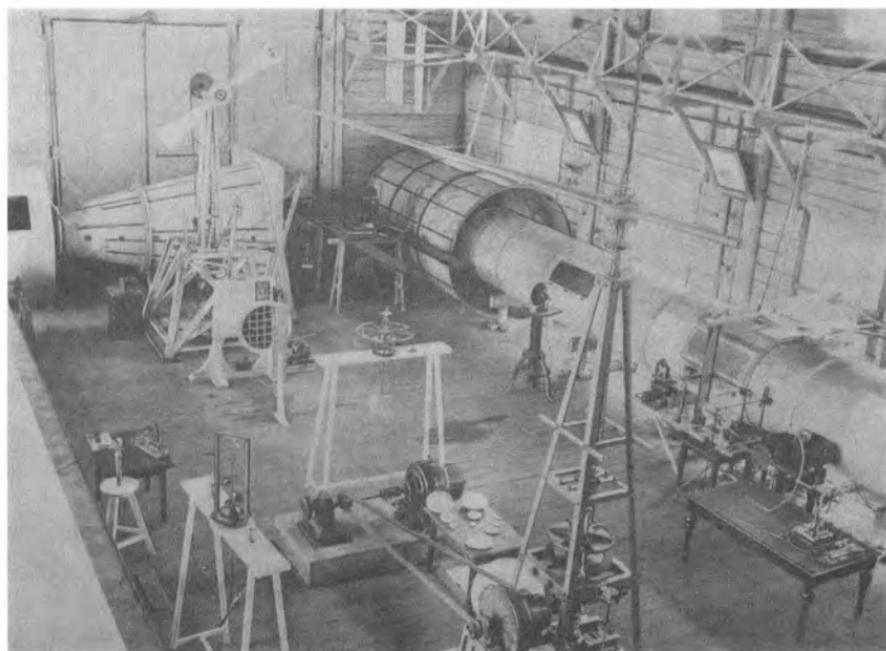
Сооружение в имении необычного здания с вышкой было поручено инженеру К.А. Есипову и его помощникам. Горя нетерпением скорее начать эксперименты, Дмитрий Рябушинский решил закончить строительство в трехмесячный срок и немедленно приступить к оборудованию института новейшими приборами, установками и механизмами. Одновременно при лаборатории формировалась научная библиотека, а ученики Жуковского приступили к созданию большой аэродинамической трубы, где могли бы создаваться искусственные вихри.

Любопытно, что наблюдение Д.П. Рябушинского и Н.Е. Жуковского за парящими на осеннем ветру воздушными змеями позволило профессору сформулировать основные законы аэродинамики. Впоследствии созданные в лабораториях института уникальные «коробчатые» змеи и змеи-мельницы постоянно висели в небе над «Кучиным», забавляя дачников и помогая ученым выявлять скорость и природу ветра. С 1906 г. кучинский институт издавал «Бюллетень» на принятом во всем мире в научных публикациях французском языке. Осенью 1913 г. заслуги его основателя и директора Д.П. Рябушинского были отмечены золотым почетным знаком «За успехи в воздухоплавательном деле»³¹.

Энтузиаст воздухоплавания не только финансировал работу своего научного детища, но и выплачивал ежегодно 1130 руб. за аренду центральной усадьбы в пользу братьев и сестер, которые при заключении с ним контракта оговорили многочисленные требования. При возведении механических и других мастерских ему не позволялось нанимать более 200 рабочих. Посторонние не должны были гулять в усадебном парке и «ходить вообще за черту реки». Пользоваться рекой Д.П. Рябушинский мог в границах арендуемого участка, в то время как его родственники оставили за собой право кататься на лодках и заниматься рыбной ловлей по всей Пехорке. Ему предписывалось не препятствовать проходу и

Здание Аэродинамического института, организованного Д.П. Рябушинским в имении «Кучино». 1914 г.

Аэродинамическая труба в большом зале кучинского института. 1914 г.

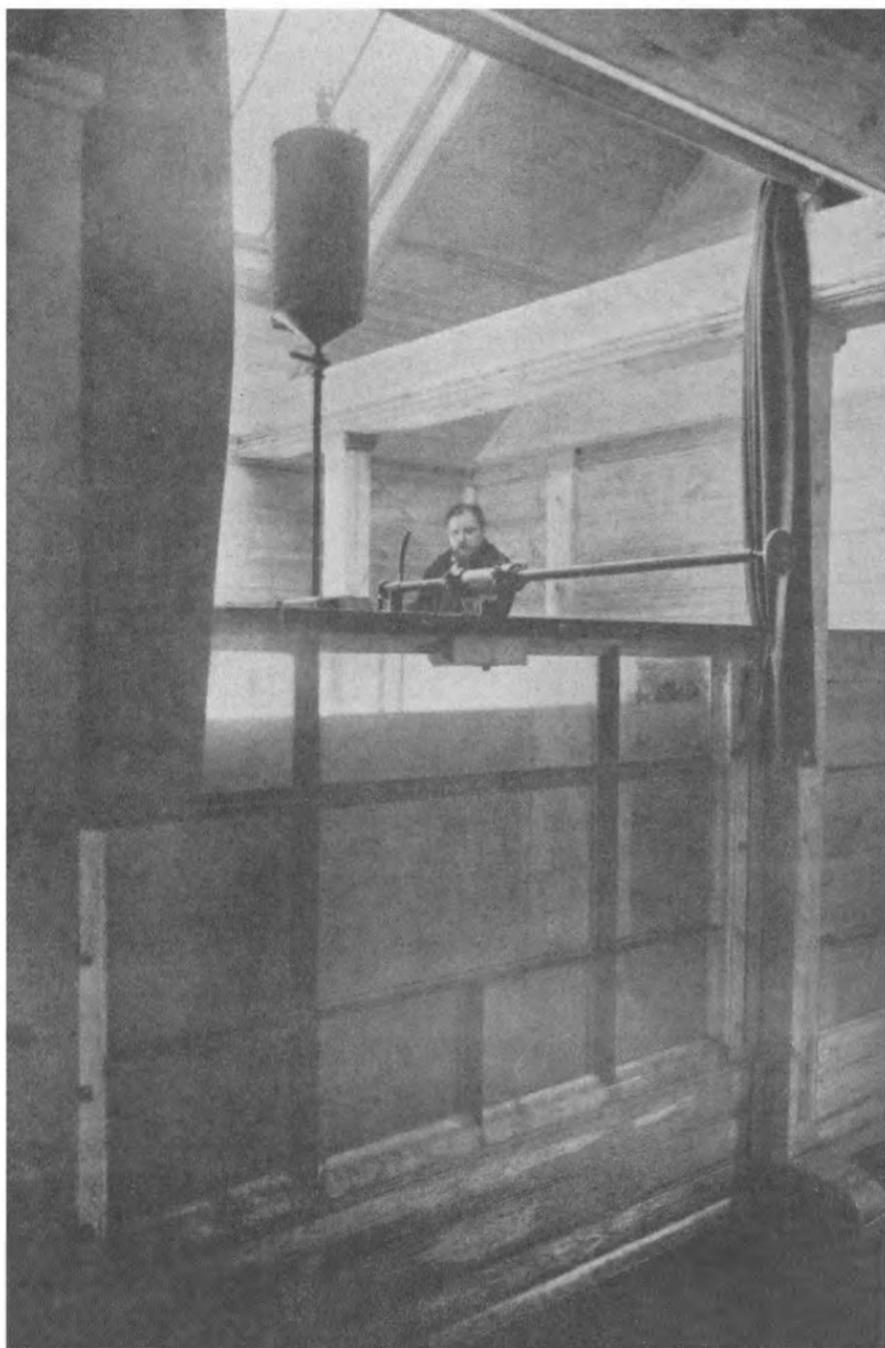
проезду родных и их гостей по дороге, увольнять замеченных «в беспорядках» рабочих, страховать строения от пожара и не производить в арендуемых зданиях переделок, уменьшающих их стоимость. По окончании договора постройки института требовалось снести, а землю выровнять³².

Все эти условия осложняли работу института и жизнь молодого ученого. Вновь и вновь он требовал раздела имения, для того чтобы развернуть научную деятельность лаборатории в более широком масштабе. В 1909 г. по его настоянию дело о разделе «Кучина» рассматривал третейский суд, по решению которого оно было поделено между Степаном, Михаилом, Дмитрием, Федором, Евгенией, Евфимией и Надеждой Рябушинскими.

На левом, высоком, берегу реки рядом с плотиной стоял добротный дом прежних владельцев Алексеевых. Он посещался иногда окрестными дачниками по разрешению сторожа, но оставлял грустное впечатление. «Помню бесконечную анфиладу комнат, полупустых, мертвых и неприветливых», — вспоминал случайный экскурсант³³. Дом этот и арендовал у других членов семьи Д.П. Рябушинский. А на участке, где находился Аэродинамический институт, он задумал разбить новый пейзажный парк. Его «План развития имения», преследующий, как он указал, «чисто эстетические цели», в 1911 г. был утвержден Московским Лесоохранительным комитетом³⁴. Вскоре вдоль просек, отходящих от здания лаборатории с жилым флигелем, появились ряды елей и лиственниц, а на вновь образованных участках — посадки туи, пихты, кедра и других хвойных деревьев.

Самый младший из восьми братьев, Ф.П. Рябушинский, получил по разделу участок, также задумал создать в своей усадьбе научный центр. В «Кучине» он построил для себя и своей маленькой семьи бревенчатый дом и несколько флигелей. Как рассказывали, его кабинет в усадебном доме стал координационным центром организованной им камчатской экспедиции³⁵. В усадьбу приезжали вернувшиеся с Дальнего Востока исследователи, здесь хранились привезенные ими материалы и коллекции. Федор Павлович в 1910 г. умер в «Кучине» в возрасте 24 лет, успев завещать свое научное собрание Русскому Географическому обществу, но не успев завершить создание первого в России исследовательского географического центра с архивом и музеем.

В ходе длившегося годами рассмотрения судебного дела о разделе «Кучина» дважды проводилась оценка всего имения с лесными, луговыми и водными угодьями. При этом особо оговаривалось, что стоимость земли значительно возросла с постройкой на линии Нижегородской железной дороги платформы «Кучино» и прокладкой частного шоссе до усадьбы. Близость к Москве, удачное расположение близ Владимирского шоссе, живописный сосновый бор, река с прудами — все это превращало «Кучино» в привлекательную для дачного отдыха местность.

Д. П. Рябушинский в лаборатории для гидродинамических исследований, расположенной на реке Пехорке. 1914 г.

Даже по самым низким расценкам 1 кв. саж. земли стоила здесь 10 коп., что могло бы принести владельцу доход в 4 тыс. 800 руб., как подсчитали при оценке доходности имения при рассмотрении дела³⁶. Поневоле вспоминаются слова героя не сходившего с московской сцены «Вишневого сада»: «Вот мой проект! ... Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если... землю на реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода»³⁷. Такой проект оказался привлекательным для супруги Д.П. Рябушинского — Веры Сергеевны, для которой он купил землю близ реки Пехорки у окрестных крестьян. Там она развернула работы по созданию дачного поселка³⁸.

Ведущая жизнь дачницы в своем имении, Евг.П. Рябушинская, в замужестве Смирнова, не решалась на подобные кардинальные поступки. Обустроив свою часть владения, она проводила в нем только летние месяцы. Но в течение всего года родниковая вода из старинного источника увозилась по ее указанию в Москву для водочного производства супруга.

М.П. Рябушинский до поры до времени вовсе отложил решение вопроса об использовании своего землевладения. Директор правления Харьковского земельного и Московского коммерческого банков, «балетоман» и коллекционер, он был занят устройством своего семейного дома в Москве. Женившись на танцовщице кордебалета, признанной красавице Т.Ф. Примаковой, он в те годы приобрел знаменитый особняк Морозовых на Спиридоновке со всеми его богатейшими интерьерами.

В «Кучине» его пустующий участок примыкал к землям сестры Евфимии, которая задумала реализовать на своей территории популярную в те годы идею «города-сада». Однако в ее интерпретации эта идея модерна приобрела прагматическое, «фермерское» содержание. Евф.П. Носова (урожд. Рябушинская) планировала устроить дачный поселок, рассчитывая «на извлечение наибольшей доходности из имения»³⁹.

Для удобства жителей она решила оставить часть соснового леса в качестве общего парка, который бы объединял все дачное сообщество. Большой участок земли предлагалось употребить под хозяйственный комплекс «для снабжения дачников жизненными припасами». Молочное, огородное, полевое и цветочное производства могли бы отвечать потребностям состоятельных и интеллигентных горожан⁴⁰. Получив разрешение на осуществление своего проекта в 1911 г., Носова впоследствии потеряла интерес к «Кучину», так и не реализовав намеченное.

Поскольку все наследники, кроме Д.П. Рябушинского, обрели во владение лесные участки, им приходилось обсуждать любые нововведения на своей земле с Московским лесоохранительным комитетом.

Портрет Евф. П. Носовой работы художника А. Я. Головина. 1916 г. Государственная Третьяковская галерея

В 1910 г. Ст.П. Рябушинский обратился туда с прошением: «Мне крайне необходимо устроить усадьбу и при ней цветники, парк, фруктовый сад, огород, пруд, и кроме того, имея намерение завести конный завод, мне необходимо на том же участке устроить хотя бы в небольшом размере полевое и луговое хозяйство»⁴¹.

Разрешение не заставило себя ждать, учитывая влияние заявителя в деловых и общественных кругах города. Возглавляя торговую часть семейной фирмы, он являлся также одним из самых уважаемых членов Рогожской старообрядческой общины. Рябушинский первым стал собирать древнерусскую икону, и его собрание было лучшим в России. Человек высокой культуры, он задумывался о создании старообрядческого института, где предполагалось давать не только духовную подготовку, но и сельскохозяйственные знания. Его мысли о том, чтобы соединить труд на земле и «древнее благочестие», стали, по-видимому, толчком к устройству на Нижегородской железной дороге имения, где эти навыки учащиеся могли бы применить.

В 1912 г. среди столетних сосен появилась новая усадьба с названием «Степино». Выстроенный зодчими В.М. Маятом и В.Д. Адамовичем двухэтажный дом стоял на самом высоком месте участка. Возведенный

Парадный фасад главного дома в имении Ст.П. Рябушинского «Степино» Московского уезда. Архитекторы В.М. Маят и В.Д. Адамович. 1912 г.

из сосновых бревен с изящной мансардой он снаружи был оштукатурен, напоминая городские особняки нового поколения, которые появились в Москве в конце XIX в. Внутри все было устроено по городским стандартам: паркетные полы, обитые тканью стены, рациональное расположение помещений первого и второго этажей, соединенных главной дубовой лестницей.

На чердаке дома был установлен бак, куда поступала вода, необходимая для обеспечения потребностей жителей усадьбы. Близ дома было возведено каменное здание электрической станции, снабжавшей все имение энергией. Особым переходом дом был связан с кухней, составляющей с домом единую композицию.

В соответствии с английскими образцами «усадеб-ферм» хозяйственный двор от дома отделяла изысканная ограда и только что посаженный сад. У въездных ворот стояли дом управляющего и жилой флигель для служащих. Слева размещалась конюшня, соединенная с помещением для хранения техники и с гаражом. Отдельный вход был в пристройку, где находились баня и прачечная.

Другая часть хозяйственного двора была отведена под молочное производство: теплый коровник, маленькая конюшня для рабочих лошадей, погреб с ледником для хранения продукции и специальное помещение молочной. На значительном отдалении в роще был построен птичник, для потребностей лесного хозяйства — сторожка. Общая стоимость усадебных строений в незавершенном виде составляла 72 тыс. руб.⁴² Ст.П. Рябушинский следил за ходом строительства, приезжая в имение по выходным. В остальное время в усадьбе жил управляющий.

Еще одним проектом создания усадьбы в «Кучине» было имение Н.П. Рябушинской. У дороги, проходящей через все владения, в 1910 г. был возведен деревянный дом с террасой, двухэтажный в одной части и одноэтажный — в другой. Маленький переход связывал дом с кладовыми и погребом. Кухня находилась отдельно и представляла собой удобный деревянный флигель с застекленной верандой. На этой же стороне дороги был каретный сарай. По другую сторону построили прачечную с сушилкой, погреба и птичник с башенкой.

В лесном массиве расположились главные хозяйственные службы. Сложной архитектуры застекленная теплица, с одной стороны которой было помещение для рабочих, а с другой — небольшая конюшня, тянулась параллельно оранжерее, рассчитанной на работу круглый год. Оборудование усадьбы не было завершено, но ее планировка свидетельствовала о далеко идущих планах по развитию имения⁴³.

За неполный век своего существования имение «Кучино» прошло путь от расцвета во времена дореформенной России до полного упадка в начале XX в., чтобы вновь возродиться в облике целого ряда усадеб нового типа.

2. «ПОПОВСКАЯ ЭКОНОМИЯ» Н.К. И П.П. БОТКИНЫХ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ДАННЫМ ПРИХОДНО-РАСХОДНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

...Реформа всех уравнила и пожаловала в черепахи, и присмотритесь, с каким напряжением и ловкостью новые черепахи поползли к благосостоянию.

А.А. Фет

Сложность изучения усадебной культуры, и особенно культуры недолго существовавшей сельской усадьбы русской буржуазии, заключается в том, что подчас единственными «немыми» памятниками этой «цивилизации» оказываются остатки парковых ландшафтов начала XX в. В настоящее время от имения «Поповка» директора одной из крупнейших в России чаеоторговых фирм «П. Боткина сыновья» П.П. Боткина, что находилось в Павловской волости Звенигородского уезда на берегу Москвы-реки при деревне Раздоры, сохранились лишь заброшенный парк с липовыми, лиственничными и березовыми аллеями и обмелевший пруд.

Эти места в окрестностях великолепного Архангельского издавна пленяли горожан. Москва-река когда-то изменила здесь русло, и остался обрывистый древний берег с вековыми соснами наверху. Всюду царил простор — среди лугов и полей плавно текла река, вокруг открывались широкие дали. Изредка луга были окружены лесом, где было много цветов и ягод: пахли белые фиалки, среди высокой травы качались лиловые колокольчики, кустарники малины и «волчьей ягоды» росли вдоль ручьев и вокруг лесных озер.

Вдоль реки шла проселочная дорога, связывая близлежащие деревеньки, вытянувшиеся по косогору. Заливные луга перемежались крестьянскими огородами и чересполосицей пашен. Весной нивы были ярко-зелеными, позднее — желтели. В ржанных полях всюду мелькали синие васильки, а в овсяных — малиновые мелкие гвоздики. Участок земли в этих краях и купил у обедневшего помещика И.И. Сарычева потомственный почетный гражданин, коммерции советник П.П. Боткин.

Исследовать «жизненный обиход» московского купца в загородном имении непросто. «Легче показать широкую картину общественной деятельности купечества, чем скрытый от посторонних глаз мир купеческой семьи», — замечал один из первых исследователей русской буржуазии А. Рибер⁴⁴. В данном случае источниковой базой для воссоздания картины землевладения в имении П.П. Боткина стала бухгалтерская и отчетная документация «Поповской экономии» и фотодокументы из семейного архива Боткиных — Гучковых⁴⁵.

Усадьба предпринимателя являлась частным пространством, а потому помимо экономических факторов ее быт и постановка хозяйства были определены воспитанием, образованием и нравственными принципами собственника. В целом уклад жизни московского купечества мог называться патриархальным. «Сидели в своих особняках-усадьбах, как западные средневековые феодалы в замках, конечно, с необходимыми поправками на Россию XIX в.», — замечал об особенностях самосознания своего класса В.П. Рябушинский⁴⁶.

Н.К. и П.П. Боткины в имении «Поповка» Звенигородского уезда. 1890-е гг. Семейный архив Гучковых

Владелец «Поповки» П.П. Боткин принадлежал к одной из самых замечательных семей в купеческой Москве. Его отец, основатель фирмы, «деятельный и далеко не заурядный человек», П.К. Боткин, был выходцем из города Торопца⁴⁷. Перейдя в купечество и перебравшись в Москву, он быстро достиг успеха в торговле, став одним из пионеров чайного дела в России. От двух браков у Петра Кононовича было 25 детей, из которых выжило только 12. Всем им он дал хорошее образование, хотя и был представителем той среды, где не образование, а деловая практика считалась самой лучшей школой жизни.

После его смерти в 1853 г. оказалось, что, по завещанию, только по двое старших сыновей от каждого брака становились во главе торгового дела. Им в равных долях доставались отцовский дом и весь капитал, из которого они должны были выделить по 20 тыс. руб. оставшимся братьям и сестрам. Из основных наследников своими деловыми качествами выделялся Петр. Вместе с братьями Василием, Николаем, Дмитрием он возглавил фамильное предприятие.

Все Боткины были людьми замечательными. Василий Петрович, литератор и коммерсант, блестяще знал французский, немецкий, английский, итальянский и испанский языки и объездил всю Европу. Он был другом Тургенева, Герцена, Огарева, Некрасова, Фета. Последний о нем писал: «Западник, только на русской подкладке из ярославской овчины, которую при наших морозах покидать трудно»⁴⁸.

Николай Петрович проводил годы в заграничных путешествиях. Для русской культуры он сделал немало, материально поддерживая писателя Н.В. Гоголя. Сергей Петрович стал лейб-медиком, основателем клинической школы. Его труды по инфекционной и сердечно-сосудистой патологии были признаны классическими в мировой медицине. Такую же карьеру выбрал и его сын Евгений Сергеевич, в дальнейшем лечивший царскую семью.

Михаил Петрович, коллекционер и меценат, занимал видное положение в Академии художеств, Археологической комиссии и многих других российских и зарубежных организациях и обществах. Его уникальное собрание произведений старых мастеров и работ художника А.А. Иванова, находящееся в петербургском доме, было общедоступно. Наряду с коллекционированием и общественной деятельностью Михаил Петрович продолжал заниматься коммерцией и был членом совета Петербургского банка.

В 1854 г. семейная фирма была преобразована в Торговый дом, а в 1893 г. возникло паевое Товарищество с основным капиталом в 1,2 млн руб., где почти все паи принадлежали семействам Боткиных и их партнерам — Гучковым и Остроуховым. Товарищество чайной торговли «П. Боткина сыновья» вело розничную и оптовую торговлю чаем, кофе, рафинадом и сахарным песком. С 1869 г. Боткины имели чаеразвесоч-

ную фабрику в Москве и торговые заведения во многих городах страны. В 1882 г. в Курской губернии Товарищество приобрело имение «Ново-Таволжанка», где был устроен свеклосахарный завод, при котором разрабатывались большие сельскохозяйственные площади⁴⁹.

Держась особняком, но все же оставаясь внутри семейного клана, члены которого составляли цвет просвещенной, литературной, художественной и интеллигентской Москвы, Боткины были связаны родственными узами с купеческими семьями Мазуриных, Третьяковых, Щукиных, Гучковых, Остроуховых и другими, а также с дворянскими родами.

П.П. Боткин более всех братьев занимался коммерческими операциями. Он был колоритной московской фигурой: образованный европеец, знающий свое дело, галантный; не носил усов и бороды в отличие от других представителей торгового сословия. Семейные предания гласили, что далекие корни их фамилии действительно вели в Шотландию. Боткин прекрасно знал и особенности разных сортов чая, и привычки постоянных клиентов. Вспоминали, что он «отличался большой любезностью и обходительностью со всеми», показывая, что встреча и беседа с каждым доставляет ему удовольствие⁵⁰. Боткин находил время для церковно-приходской деятельности — был церковным старостой в церкви Успения на Покровке и Архангельского собора, а затем и храма Христа Спасителя⁵¹.

При всей кажущейся лояльности П.П. Боткин был опытным и расчетливым коммерсантом. В его семейных делах также присутствовал расчет. Его дочери вышли замуж за представителей купеческих династий: Вера — за Н.И. Гучкова, старшего сына фабриканта И.Е. Гучкова; Надежда — за сотрудника фирмы Боткиных И.С. Остроухова; а Анна — за купца В.А. Андреева. Когда же Андреев оказался неспособным продолжать унаследованное им торговое дело, то Боткин поддержал развод супругов, а приданое в 200 тыс. руб. немедленно забрал из его фирмы⁵².

Пока П.П. Боткин стоял во главе Товарищества чайной торговли «П. Боткина сыновья», фамильные предприятия расширялись и процветали. Сахарное дело в имении «Ново-Таволжанка» тоже находилось под его неусыпным вниманием: завод был переоборудован современной техникой, а свекловичные плантации расширялись⁵³. В конце 1880-х гг. зять Боткина, Н.И. Гучков, стал директором Товарищества, разделив с тестем и Д.П. Боткиным заботы по управлению курским имением⁵⁴. Когда П.П. Боткин умер в 1907 г., его состояние составляло 2 млн 75,4 тыс. руб. в наличных деньгах и паях предприятий фирмы, кроме того, наследники получили недвижимость на сумму 266 тыс. руб., где числились дом в Москве, торговые помещения в Петербурге и Нижнем Новгороде и имение «Поповка» в Звенигородском уезде Московской губернии⁵⁵.

С 1907 г. имение, которым П.П. Боткин владел в течение 17 лет, было переименовано в «Поповскую экономию», его новым хозяином стала

Вид на парк и пойму реки Москвы со стороны усадьбы «Поповка». 1912 г. Семейный архив Гучковых

дочь — В.П. Гучкова, а фактически — Н.И. Гучков, в то время находившийся на посту московского городского головы. С этого времени вся отчетная документация управляющего имением стала направляться на имя Гучкова. Месячные отчеты по имению содержали: «Ведомость по кассе», где были указаны расходы и приход помесячно и за год; «Ведомость содержания служащих и рабочих срочных и поденных», где были приведены фамилии и имена всех, кто работал в имении, и время, затраченное ими на выполнение работ; «Ведомость травяных, хлебных и огородных растений», в которой числился приход-расход урожая; «Ведомость освещения, содержания прачечной и других хозяйственных принадлежностей», в которой указывались затраты по отоплению и освещению конторы, прачечной, оранжереи, фермы и бани; «Ведомость молочных продуктов» с указанием видов молочной продукции и ее распределения; «Ведомость материалов, провизии и инвентаря», где фиксировался приход сельскохозяйственной продукции и ее расход по имению в целом.

Отчетность в имении была налажена с 1894 г., что говорит о зарождении в нем сельскохозяйственных производств. В письме от 13 октября 1894 г. управляющий П.З. Киселев обсуждал с хозяином, как оформлять «отчетные бланки», и сообщал, что необходимы книги «по птичнику и молочному хозяйству», в то время как «по другим они имеются»⁵⁶.

Судя по полису Страхового общества «Якорь», заключенному 26 апреля 1900 г. еще П.П. Боткиным, в имении «Поповка» существовали три деревянные крытые железом «дачи», с оценкой строений 29 200 руб.,

6500 руб. и 5900 руб. Поясним, что речь идет о домах, предназначенных для самого Боткина и его дочерей Веры и Надежды с семьями. При первых двух имелись кухни в отдельных строениях (по оценке 5050 руб. и 1900 руб.).

Один деревянный большой дом (по оценке 21 тыс. 300 руб.) и при нем отдельная кухня (по оценке 6 тыс. руб.) находился поодаль от других, в роше. На территории имения построены были еще две деревянные дачи — одна под деревянной крышей, другая — под железной (по оценке 1 тыс. 960 руб. и 2 тыс. руб.). На границе парка и луга стояла беседка (по оценке 400 руб.).

Несколько в стороне от владельческих строений стоял «дом для прачек» (по оценке 1 тыс. 500 руб.). Это был жилой флигель для работниц. Рядом с ним была построена прачечная с «сушильной» — сараем для сушки белья со стенами-жалюзи (по оценке 2 тыс. 400 руб.). У прачечной сооружен колодец.

Квитанция Страхового общества «Якорь» о получении денег от Н.К. Боткиной за страхование строений в имении «Ромашково» Звенигородского уезда. 1899 г. ОПИ ГИМ

Дачная постройка в имени «Поповка», которую занимала семья Н.И. Гучкова. Начало XX в.

Хозяйственный двор усадьбы «Поповка» включал в себя: деревянные конюшню (по оценке 2 тыс. 500 руб.) и коровник, где часть помещения была занята каретным сараем (по оценке 2 тыс. 600 руб.); молочную со сторожкой при ней (по оценке 1 тыс. 500 руб.) и погребом (по оценке 500 руб.); весовую (по оценке 190 руб.); жилую избу для рабочих (по оценке 3 тыс. руб.) с находящейся при ней отдельной кухней (по оценке 6 тыс. руб.); баню (по оценке 1 тыс. руб.); два птичника (по оценке 1 тыс. и 450 руб.); ригу (по оценке 2 тыс. руб.), а также ретирады, несколько сараев и погребов. Имение было оценено в 103 тыс. руб.⁵⁷

Другие документы дополняют описание имения. Из них становится ясно, что в усадьбу вело частное шоссе; водопровода и электричества в 1900 г. в имении пока еще не было, но имелась телефонная связь. На реке была построена частная купальня⁵⁸.

Имение Боткина находилось в семи верстах от остановочного пункта «Немчиновский пост» Московско-Брестской железной дороги. В начале XX в. Поповка представляла собой расположенный на значительном удалении от села живописный поселок, где жилые дома и хозяйственные строения из бруса и бревен были построены в русском стиле и украшены множеством декоративных резных деталей. Главный фасад дома владельца был обращен к реке Москве. С противоположной стороны начинался парк с липовой и лиственничной аллеями. Затем шла березовая роща, в которой разбили аллеи и выкопали пруд. Естест-

венные посадки отгораживали хозяйственный двор, ферму и птичник. За рощей начиналась пашня.

Когда П. П. Боткин приобрел землю у села Поповка в 1890 г.⁵⁹, в списке «Усадьбы Звенигородского уезда» его покупка была указана как «дача Поповка», которая занимала 139 дес. сенокосной земли⁶⁰. До того времени Боткины снимали дачу в имении княгини Е. Ф. Шаховской-Глебовой-Стрешневой «Покровское-Глебово» в Московском уезде.

Боткины предпочитали арендовать один из усадебных домов в течение всего года, а для прогулок в усадебном парке ежегодно получали подписанный княгиней билет, дававший право всему семейству «на вход в сад и парк Покровское-Глебово»⁶¹. В 1874 г. Боткин арендовал участок парка в Покровском сроком на 12 лет и стал его застраивать. Он заказал проект двухэтажного дома в русском стиле сразу нескольким московским архитекторам. Планы строения, наброски с вариантами расположения комнат, эскизы с многочисленными исправлениями свидетельствуют, что проектирование происходило с участием заказчика⁶².

Вскоре дача под названием «Карлсбад» была построена. На участке появились кухня с погребом, конюшня и каретный сарай, коровник, прачечная с колодцем и беседка на искусственном холме⁶³. В 1886 г. Боткин продлил срок аренды еще на 12 лет⁶⁴, однако через четыре года купил землю в Звенигородском уезде на имя супруги, где начал строительство собственной усадьбы.

Пока строился усадебный дом в «Поповке» семья продолжала ездить в «Покровское-Глебово»⁶⁵, а затем Боткины стали сдавать дачу Якунчиковым и Сапожниковым⁶⁶. Заметим, что П. П. Боткин не стал приобретать готовой усадьбы, в чем сказались его коммерческий расчет и большой жизненный опыт. В течение четырех лет он постепенно застраивал пустошь, а кое-какие постройки перевез из «Покровского». Подряд на строительные работы в новом имении получила паровая столлярная и механическая фабрика в Нижнем Новгороде, которая представила Боткину смету на 9663 руб. 50 коп. для осуществления проекта гражданского инженера И. Г. Хворина, который в то время был архитектором ярмарочного Гостиного двора в Нижнем Новгороде⁶⁷.

В марте 1894 г. постройка усадьбы в «Поповке» подошла к концу. В имении появился управляющий Киселев, который информировал хозяина о ходе работ по разбивке парка, чистке рощи, ремонте подъездной дороги, укреплению речного берега. Киселев был одним из служащих «Таволжанки» и, став доверенным лицом хозяина в имении, столкнулся в Московской губернии со многими трудностями. К октябрю того же года он обратился с письмом к Боткину с просьбой «переманить» его. «Откровенно говоря, мне с таволжанским жалованьем жить в «Поповке» невыгодно сообразно с условиями жизни таволжанских в имении, и притом мне очень обидно перед таволжанскими товарищами, что как будто я наказан, служа 7 месяцев с таволжанским окладом

при московской жизни. ...Для Вас мы, слуги Ваши, все равны! И пусть бы другой из таволжанских служащих послужил бы на моем месте и оказал бы свою храбрость оправдать себя на деле в имении «Поповка»!»⁶⁸.

Жалованье управляющему было повышено, но в ведомостях по имени оно не зафиксировано, так как тот получал его в фирме Боткиных. Ведение хозяйства в имении началось весной с распахивания земли и посева клевера с тимофеевкой, на что хозяином было выделено 153 руб. С первого укоса собрали сена 1144 пуд. 20 ф. К концу года в имении было десять лошадей, семь коров, один бык, два теленка и птица. Оставив часть урожая на корм скоту, 90 пуд. сена отправили в дом П.П. Боткина, а 137 пуд. — в дом В.П. Гучковой в Москву⁶⁹. В имении «на харчах» жили шесть рабочих: сторож, два скотника (постоянный и временный), кучер, конюх и прачка, получая каждый по 16 коп. в день⁷⁰.

В отчете за 1895 г. сообщалось, что для озимой ржи арендовали у крестьян участок луга в 1½ дес. за 22 руб. и засеяли 15 пуд., удобнив землю навозом с собственной фермы. Наемные рабочие сеяли, убирали и молотили рожь, а затем сушили ее в риге. Все расходы составили 133 руб. 80 коп. Урожая ржи собрали 135 пуд. Управляющий сообщал, что по местным ценам на семена в 70 коп. за пуд проданный урожай принесет доход 94 руб. 50 коп. Продажа соломы 4500 снопов по 10 руб. за тысячу принесет 45 руб. Отсюда — «чистая прибыль» 5 руб. 70 коп. «И кроме сего обработка под посев клевера и

ТАБЕЛЬ
СРОЧНЫМЪ РАБОЧИМЪ при имѣніи ПОПОВКИ

№ п/п	Имя	Мѣсяцы 1903 года												Всего	Примеч.		
		Янв.	Февр.	Март.	Апр.	Май.	Июнь.	Июль.	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.				
1	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
2	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
3	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
4	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
5	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
6	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
7	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
8	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
9	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
10	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
11	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
12	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
13	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
14	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
15	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
16	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
17	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
18	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
19	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
20	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
21	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
22	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
23	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
24	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
25	Сидоровъ Иванъ	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....

Табель работ в имении «Поповка». 1903 г. ОПИ ГИМ

улучшение 1¹/₂ дес. болотистого луга и очистка навоза из ямы обошлись даром», — добавлял он⁷¹.

На 1/8 дес. пустоши, заплатив крестьянам 1 руб., посеяли одну меру яровой ржи, собрав урожая шесть мер и заплатив наемным рабочим 2 руб. 50 коп. Все затраты составили 4 руб. 20 коп. Подсчитав доход от продажи ржи по 60 коп. и 200 снопов по 2 руб., Киселев планировал получение «от урожая» 5 руб. 60 коп. и соответственно 1 руб. 40 коп. чистой прибыли⁷².

Овес в имении посеяли на 7¹/₂ дес. неудобной земли, заплатив ренты крестьянам 112 руб. 50 коп. Вспашка 2 дес. «по сосняку» и посев обошлись дорого — в 70 руб., 2 дес. болота с посевом стоили 50 руб., остальная земля была луговой и обработка ее с посевом составила 52 руб. 50 коп. На уборку, молотьбу, перевозку снопов в ригу, вместе с доставкой семян из Москвы и накладными расходами затратили 538 руб. 92 коп. Овса получили 851 пуд. 20 ф., который предполагалось продать по 50 коп. за пуд. Вместе с 184 копнами овсяной соломы по 60 коп. за копну и 10 возами «хоботья» хозяйство рассчитывало получить дохода 548 руб. 65 коп., с чего прибыль составила бы 9 руб. 73 коп.

Второй укос клевера дал 1132 пуд. сена, который управляющий «обсчитывал» по 25 коп. с копны, после чего получалось, что, вычтя за его уборку 133 руб., можно было бы почти восполнить затраты прошлого года на покупку семян. Таким образом, если руководствоваться этими данными, мы получаем следующий результат: в имении за 1895 г. получилось дохода от полеводства 13 руб. 82 коп.⁷³ Однако мизерная прибыль не остановила Боткина в его желании вести полеводческое хозяйство, зерно и солома от которого использовались не только в усадьбе, но и в городе.

О других доходах, которые давала «Поповка» в 1894—1895 гг., из сохранившихся рукописных отчетов составить впечатление нелегко, так как не все части ведомостей сохранились. Однако удалось установить, используя разрозненные помесячные «табели», что к числу постоянных рабочих в имении прибавилось в 1895 г. еще два кучера, необходимых для постоянных поездок в Москву⁷⁴: в господские дома везли на подводах овес, сено и чистое белье, выстиранное в поповской прачечной, а в «Поповку» — керосин, кокс и корзины с бельем для прачечной из домов отца семейства и дочерей.

Имение требовало больших затрат, о чем говорят помесячные ведомости расхода денег. Например, только за период с 24 мая по 22 июня 1895 г. этот расход составил 206 руб. 37 коп. Деньги ушли на устройство купальни наемными плотниками, строительство дороги через усадьбу в лес и посадку деревьев вдоль нее, выплату задатка крестьянскому обществу на косьбу луга, оплату работы 85 косцам, покупку лекарств для служащих, карболки для мусорной ямы, 14 молочных крынок для фермы. Пока птицеводство было не налажено, яйца покупали у крестьян. Из ведомости расходов можно узнать, что для московского доктора был

приобретен абонементный билет для проезда по железной дороге до «Немчиновского поста». В усадьбе работы производили водопроводчики, трубочист и кузнец. Деревенские бабы чистили лес от мусора и собирали гусениц с посевов. Отдельными строками были помечены перевоз через реку на пароме и выплаты «на чай»⁷⁵.

Заметим, что за этими расходами только в течение одного месяца скрыта полная неустанных забот жизнь сельского имения, с которого владелец не спускал хозяйского глаза. Письма управляющего о выполнении важных мероприятий, табели работ, отчеты по расходованию денег посылались хозяину еженедельно, а иногда и ежедневно, и не только в Москву, но и за границу.

На этих многочисленных документах с годами становилось все меньше пометок Боткина, что говорит о сложившейся системе хозяйствования в «Поповке» к концу 1890-х гг., налаживании быта ее постоянных обитателей и ровных взаимоотношениях с окружающим имение крестьянским миром деревень Раздоры, Лохино, Ромашково, Милово, Черепково. Управляющий не решал никаких дел без резолюции Боткина, посылая вдогонку за еженедельными отчетами письма-запросы. «Черепковские крестьяне, которые убирали сено за последние три года на Ваших лугах, — писал он в мае 1897 г., — и предлагали взяться убирать сено в этом году. Как прикажете?»⁷⁶

В этой связи представляется важным привести здесь размышления родственника П.П. Боткина А.А. Фета, неожиданно для всех в 1860 г. ставшего помещиком и получившего изрядный опыт ведения хозяйства в имении «Степановка» Орловской губернии. В публикуемых «Русским вестником» очерках «Из деревни» Фет не только высказал взгляд современника на землевладение, но и мнение человека из круга Боткиных. «Крестьянская реформа, железные дороги и новое судопроизводство до того изменили коренные условия нашего земледелия, что его без преувеличения можно назвать делом новым, — писал Фет. — За последние 10 лет оно кидается по всем направлениям, отыскивая новых путей, и не только не отыскало их окончательно, как по отношению производства, так и по отношению к сбыту, но едва ли еще настало время определить эти пути в будущем». Он объяснял, что пора новым помещикам понять ту «простую истину», что арендатор или приказчик «могут только быть посредствующими орудиями хозяина», и в этом он видел «цивилизующее призвание землевладельческой среды»⁷⁷.

Экономическая жизнь «Поповки» постепенно набирала темпы, развиваясь в традициях патриархальности. Боткины не приобретали современного сельскохозяйственного инвентаря, не заводили вспомогательных производств, новейшие достижения агротехники не коснулись имения. В сложных агрономических вопросах они руководствовались материалами журнала «Сельский хозяин», подписывались на который ежегодно, а затем переплетали.

Отношения с крестьянами строились на признании патронажа помещика, который проявлял заботу о своих «подданных». В укладе «Поповки» чувствовалось сильное влияние Н.К. Боткиной — религиозного человека, сторонящегося большого общества и умеющего правильно наладить быт имения. Управляющий Киселев фактически выполнял ее указания, когда планировал в «Поповке» заведение нового производства или нанимал людей для благоустройства усадьбы. Даже недовольный своим жалованием в 1894 г., он из уважения к хозяйке решил повременить с уходом, объясняя: «Мне много еще предстоит дела по назначению и желанию нашей дорогой и неоцененной барыни Надежды Кондратьевны!»⁷⁸

Вопрос о роли женщин-предпринимательниц в культуре русской усадьбы до сих пор не поднимался исследователями, хотя, на наш взгляд, накоплен уже значительный материал, позволяющий провести анализ собранных фактов с гендерной точки зрения. В контексте нашей работы интересные идеи высказала Г.Н. Ульянова, затронув проблему об имущественном праве женщин из купеческой среды и их независимом материальном положении, которое определяло свободу «купчих» в сфере благотворительности⁷⁹. Заметим, самостоятельное распоряжение имуществом способствовало независимости супруг из среды московского купечества как в ведении городского дома, так и сельского. Сама усадьба, а часто и все имение находилось под их неустанным вниманием, становясь для владеющих личным капиталом почетных гражданок и купчих сферой предпринимательства.

Уже в отчете за период с 14 декабря 1895 г. по 9 января 1896 г. можно найти факты проявления благотворительной и просветительской деятельности Н.К. Боткиной. Отмечено, что в усадьбу привезли икону Николая Чудотворца из храма села Архангельское Павловской волости, за что священнику было уплачено 50 коп. По 1 руб. управляющий выдавал ежемесячно «пансионеркам» — «старухе Серебряных» и другим. Скотник за благополучно отелившуюся корову получил премию — 25 коп.⁸⁰ Дочь управляющего Киселева училась в Басманном приюте на средства Боткиных⁸¹. В деревне Ромашкове под попечительством Н.К. Боткиной было организовано училище; в телеграмме управляющий сообщал хозяйке, что 2 января 1899 г. там будет устроена Елка⁸².

В Ромашкове Боткина построила в 1897 г. лечебницу, в штат которой входили доктор, фельдшер, акушерка, сиделка, кухарка и сторож. Годовой расход составлял 3977 руб.⁸³ Боткина финансировала работу лечебницы и контролировала расходы по ее благоустройству. При больнице был разбит сад, на огороде выращивали овощи и картофель для питания пациентов, для выезда за больными в окрестные деревни нанимали возчиков за хозяйский счет⁸⁴. Управляющий в 1902 г. сообщал Н.К. Боткиной: «В имении все благополучно и все здоровы. В больнице

Н.К. и П.П. Боткины на аллее в имении «Поповка» Звенигородского уезда. Начало XX в. Семейный архив Гучковых

тоже все хорошо и все в порядке. Доктор человек внимательный и трудолюбивый, и население им довольно»⁸⁵.

К началу XX в. усадьба имела достаточно налаженное хозяйство. К сожалению, кассовая документация «Поповки» не всегда сохранялась полностью за весь год: часть ведомостей утрачена. Но за период с 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г. мы имеем «Сведения о суммах, затраченных по имению “Поповка”. Они позволяют установить, что затраты на содержание имения вылились в 25 467 руб. 71 коп.⁸⁶ Приход имения составляла продукция молочного хозяйства, птичника, огорода, а также сено и картофель. Время от времени в приходно-расходных ведомостях встречаются указания на суммы, выдаваемые П.П. Боткиным управляющему на ведение хозяйства в имении, так как расходы по имению были несоразмерны доходам.

В 1900 г. в имении существовала трехпольная система, когда посеы ржи и овса чередовались с клевером. Крестьян для работ в поле нанимали в окрестных деревнях, но серпы, косы и вилы им выдавали хозяйские, а плуги и бороны работники использовали свои. Чтобы заранее обеспечить хозяйство рабочей силой, еще зимой заключали соглашения с сельскими обществами и платили им аванс.

На огороде выращивали картофель, петрушку, свеклу, морковь и сельдерей. В саду и парке среди ягодников и плодовых деревьев распихивали поляны и сеяли клевер с тимopheевкой. В садоводстве трудились наемные «пололки», которые согласно договору получали жалованье всей группой. В 1900 г. их труд был оплачен суммой в 293 руб. 90 коп., да «чаевые» составили 75 коп. Удачная работа садовника премировалась суммой до 3 руб.

Расходы по содержанию конюшни, фермы, птичника включали в себя не только корм скоту и птице, но лекарства, услуги ветеринара, одежду для служащих — птичницы, скотников, кучеров и конюхов. Прачечная требовала большого расхода дров, затрат на жалованье и продовольствие прачкам. Поскольку в имении не было дровяного леса, то осиновые дрова закупали на стороне, чаще всего — в соседнем имении при селе Иславском у потомственного почетного гражданина М.И. Алексева.

Столовое и постельное белье возили в прачечную «Поповки» из Москвы и обратно в корзинах. Расходы на отопление конторы, домов и служб были немалыми — 797 руб. 38 коп. Отдельные статьи предусматривали социальные выплаты — премии за удачно выполненные поручения, наградные в день ангела, чаевые. В имении платили содержание старым служащим и вдовам. Вместе с расходами на помощь бедным, погорельцам, нищим, монахиням и странникам эта статья расхода была около 80 руб. в год.

«Церковные расходы» составили в «Поповке» 48 руб. 55 коп., включая прием в усадьбе Иверской иконы Божией Матери в Святые дни и помощь сборщикам на храмы. Из ведомости ясно, что расходы по

каждой даче регистрировались отдельно. Они составили 1068 руб. 54 коп. по счетам П.П. Боткина, 295 руб. 93 коп. по счетам В.П. Гучковой и 277 руб. 35 коп. по счетам Н.П. Остроуховой. Отдельным списком указаны были заготовки на зиму: сироп из черной смородины; желе из красной смородины; варенье из черники, земляники, малины, брусники, вишни, сливы; салаты; «сухое варенье» из яблок⁸⁷.

На «птичном дворе» обитали в 1901 г. индюшки, гуси, утки, куры, цесарки. Их количество постоянно менялось, так как птица и яйца еженедельно отправлялись в Москву или потреблялись на месте. Ферма производила молочные скопы только для собственных нужд. Так, в мае 1901 г. это были: 28½ бутылки сливок, 17 крынок молока, 2 пуда 17½ ф. сливочного масла, 4 ф. чухонского масла, 17½ ф. сметаны, 6 пуд. 17 ф. творога⁸⁸ (таблица 1).

Сложившийся в конце XIX в. уклад ведения хозяйства в «Поповке» сохранялся и в дальнейшем, когда хозяйкой имения стала дочь Боткина Вера Петровна, а фактически Н.И. Гучков, который повел дело более жестко, сократив расходы на оплату работ. Ведомости содержат много его пометок и исправлений, а иногда выговоры. «Нахожу этот расход совершенно излишним, — написал он на кассовой ведомости за март 1908 г. о найме крестьян для чистки крыш от снега зимой. — Эту работу могли и должны делать сторожа. Сообщить Морозову (новому управляющему имением. — Е.С.), что если он позволит себе что-нибудь подобное в будущем, то расход будет отнесен на его счет»⁸⁹.

Но занятость промышленной, банковской и общественной деятельностью не давала новому хозяину возможности входить в дела имения так, как это было при Боткине, или предпринимать там даже небольшие преобразования. Характерно в этом отношении письмо Гучкову от прислуги от 12 июня 1908 г. «Обратите свое Божеское внимание на “Поповку”, что Ваша верная прислуга в сильном находится прискорбии», — писали служащие, обеспокоенные сменой управляющего и неосведомленностью назначенного лица в ведении дела⁹⁰.

Старые порядки, заведенные Боткиным, входили в конфликт с новой действительностью в деревне, к которой оказались не готовы как помещик, так и рабочие, привыкшие жить на иждивении «барина». Другое письмо рисует печальную картину жизненных конфликтов внутри усадебного сообщества: пьянство управляющего, забитость сельских жителей, которые во всем полагались на хозяина имения. «Николай Иванович, неужели Вы так довели? Нет, батюшка барин, хотя я и ушел, позабочусь об других, — пишет крестьянин, — потому что они проели все жалованье свое, и время теперь такое, ушел, да нигде не поступишь»⁹¹.

Количество постоянных рабочих в имении менялось, что также сказывалось на взаимоотношениях внутри усадьбы. В августе 1908 г. это были: садовник, огородник, плотник, кучер, двое извозчиков, скотник,

Л. Н. Гучкова с сеттером Борькой на прогулке в окрестностях имения «Поповка» Звенигородского уезда. Начало XX в. Семейный архив Гучковых. Публикуется впервые

Таблица 1

Суммы, затраченные по имению «Поповка» П.П. Боткина
в период с 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г.⁹²

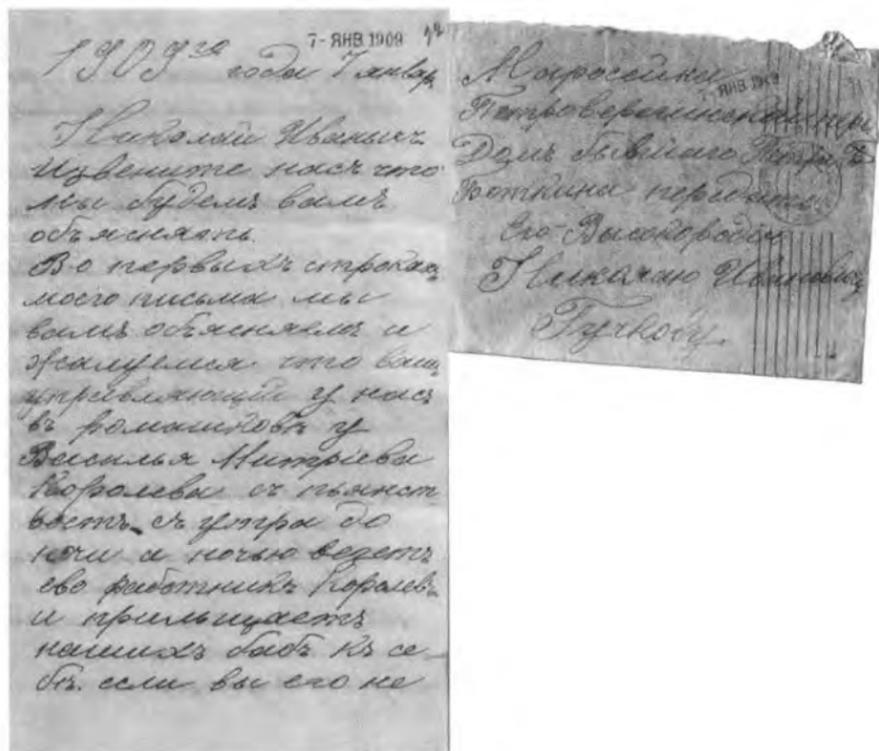
№ п/п	Статья расхода	Сумма
1	Полевые работы: обработка полей, посев хлеба и трав, косьба, уборка и возка урожая	1 764 руб. 12 коп.
2	Ремонт и благоустройство дач и служб	6 576 руб. 57 коп.
3	Ремонт мостов и плотин	40 руб. 02 коп.
4	Ремонт дорог и парковых дорожек	2 295 руб. 90 коп.
5	Содержание сада, огородов и парка	1 980 руб. 36 коп.
6	Содержание лошадей и их лечение	2 829 руб. 23 коп.
7	Содержание коров, быка и телок	903 руб. 40 коп.
8	Содержание птичника	240 руб. 78 коп.
9	Содержание конюшни и персонала	906 руб. 34 коп.
10	Содержание скотного двора с молочной	441 руб. 85 коп.
11	Содержание прачечной	721 руб. 35 коп.
12	Содержание прислуги	363 руб. 12 коп.
13	Содержание и ремонт экипажей и сбруи	152 руб. 18 коп.
14	Отопление конторы, квартир и служб	797 руб. 38 коп.
15	Церковные расходы	48 руб. 55 коп.
16	На вспомоществование и подаяние	80 руб. 77 коп.
17	Расходы по дому и даче П.П. Боткина	1 068 руб. 54 коп.
18	Расходы по дому и даче В.П. Гучковой	295 руб. 93 коп.
19	Расходы по дому и даче Н.П. Остроуховой	277 руб. 35 коп.
20	Расходы по ремонту лечебницы	7 руб. 10 коп.
21	Общие расходы по имению	3 612 руб. 95 коп.
	Всего	25 476 руб. 71 коп.

Дети занимаются рисованием на даче в «Поповке». Слева направо: Вера, Надя, Петя, Люба и Соня Гучковы. 1902 г. Семейный архив Гучковых. Публикуется впервые

две скотницы, шесть сторожей, семь прачек, четверо рабочих, столяр, водопроводчик с помощником, двое драпировщиков, кухарка, птичница и печник, а всего 34 человека, которые получали в месяц от 2 руб. 34 коп. до 10 руб. 03 коп.⁹³ В августе 1909 г. «на харчах» в «Поповке» числились 70 человек⁹⁴. В зимние месяцы количество постоянных рабочих сокращалось до 20–25 человек.

Пашенные работы в имении продолжали выполнять крестьяне местных сельских обществ, у которых арендовали землю. В дни уборки урожая нанимали поденных рабочих, в день от 10 до 17 человек, рассчитываясь с женщинами по 40–50 коп., а с мужчинами по 80 коп. за сезон⁹⁵. С 1908 г. для работ на покосе стали брать крестьян из других губерний — Тульской, Рязанской, Смоленской. Для возки камня и леса приглашали крестьян со своими лошадьми и подводами, составляя с каждым подрядный договор⁹⁶.

Письмо служащих имения «Поповка» Н.И. Гучкову с жалобами на управляющего. 1909 г. ОПИ ГИМ

Доклады управляющего, исправленные Н.И. Гучковым, показывают, что хозяева не рассчитывали менять что-либо в укладе имения. В результате, хозяйство не могло существовать без регулярных вложений средств из других источников капитала. Ежемесячно Николай Иванович вкладывал в содержание «Поповки» от 150 до 400 руб.⁹⁷ При такой постановке дела имение «Поповка» оставалось замкнутым производством, работавшим для собственного потребления владельца⁹⁸.

На примере имения П.П. Боткина легко проследить некоторые тенденции в развитии купеческого землевладения. Приобретенное для организации дачного отдыха семейного клана Боткиных оно сразу же превратилось в усадьбу с садом и огородом, со службами и угодьями. Аренда угодий у крестьян облегчала владельцам имения обработку земли и наем рабочей силы, не требуя приобретения сельскохозяйственного инвентаря.

Для уборки урожая и других работ по благоустройству имения Боткины нанимали рабочих за плату, заключая с ними соглашения, причем хозяева им инвентаря не предоставляли. Боткины – Гучковы не стреми-

лись к реформированию своих производств, так как использовать крестьянский труд было дешевле, чем развивать механизацию.

Сельскохозяйственный уклад имения «Поповка» при достаточно заметных капиталистических чертах — выплате денег за аренду земель у крестьян, денежной оплате всех видов труда сельскими рабочими — в то же время был довольно патриархальным. Заметим, что он десятилетиями удовлетворял владельцев, в городе стремящихся к модернизации своих предприятий.

Наличие собственного сельскохозяйственного производства, дававшего необходимые продукты питания, удешевляло жизнь семьи в городе. Стремление «сэкономить копейку» наглядно проявилось в развитии и усовершенствовании прачечной в усадьбе, которая полностью обслуживала городские усадьбы Боткиных, а затраты на нее были мизерными. Например, в январе 1908 г. — 40 руб. 82 коп., включая жалованье

А.И. и Н.И. Гучковы на прогулке в имении «Поповка». Начало XX в. Семейный архив Гучковых

шести прачек, покупку мыла, синьки, керосина и спичек⁹⁹. Эта пригородная специализация была характерной для многих других подобных частных землевладений.

Находясь вблизи от Москвы, «Поповка», с одной стороны, была выгодной дачей, создающей для многочисленной семьи Боткиных возможность летнего отдыха, а с другой — имением с усадьбой, где существовало замкнутое сельскохозяйственное производство, работающее для потребностей владельца и полностью им финансируемое. Благополучие «Поповки» покоилось на частном капитале земельного собственника, хорошо умевшего приспособить к своим нуждам и местные условия, и сложность аграрных отношений в стране.

3. ИМЕНИЕ «КУНЦЕВО» К.Т. СОЛДАТЁНКОВА: ОТ УСАДЬБЫ К ДАЧЕ

...Руки, подхватившие Осиновки и Ивановки, которые мы «бросали» на аренду или вовсе на «вечные времена», были вначале руки по преимуществу купеческие... Что же начали делать эти руки, когда они подхватили Осиновки и Ивановки?

С.Н. Терпигорев

Лежавшее в семи верстах от Дорогомиловской заставы село Кунцево во второй половине XIX в. было чрезвычайно живописным. Расположенное на северном склоне высокого берега Москвы-реки, русло которой здесь образовывало почти кольцо, Кунцево представляло собой замечательную картину сельского пейзажа. У реки зеленели заливные луга. Вдоль берега протянулись маленькие лиственные рощи, сквозь которые вились прогулочные тропинки. По сторонам ведущей к селу дороги шли овражки, болотца и поляны, заросшие сладко пахнущими травами и цветами. Летом Кунцево было очаровательно и прекрасно. К тому же, находясь на возвышенности, оно славилось чистым и прозрачным воздухом.

Наверху, на ровной площадке стояла усадьба в окружении садов, оранжерей, искусственных рощ, составленных из разных деревьев. Центром поместья был громадный дом с флигелями, перед которым на подъездном «кругу» возвышалась мраморная колонна с вензелем Екатерины Великой, установленная здесь в 1769 г. «Не только в детстве Кунцево казалось мне сказкой, — признавалась дочь Павла Михайловича Третьякова, Вера Павловна, — но и сейчас, после прожитых на свете многих десятков лет, представляется мне олицетворением дивной, романтической красоты нашей подмосковной флоры и природы...»¹⁰⁰ Этот уголок Московской губернии и в самом деле был уникальным природным «амфитеатром», а горожанам, в течение десятков лет приезжающим в имение на летний отдых, пребывание в «Кунцево» по прошествии времени виделось вечным праздником.

Вид на дом К.Т. Солдатёнка в имении «Кунцево» со стороны реки Москвы. 1900-е гг.

Грот в имении «Кунцево». Начало XX в.

С незапамятных времен эти уголья принадлежали роду Нарышкиных, которые позволяли москвичам приезжать в их вотчины на гулянье и «чаепития». В ризнице церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы, построенной в 1744 г., хранились полотенца, вышитые царицей Натальей Кирилловной, а среди святых даров было Евангелие XVI в. Москвичи прогуливались по парку, заходили молиться в храм, отдыхали у пруда. Вокруг царило такое спокойствие, какое только могло быть в удаленной от проезжих дорог деревне.

В середине XIX в. князь Л. К. Нарышкин стал сдавать отдельные строения под дачи состоятельным горожанам. Это были люди разных сословий, но все — ценители тишины и размеренного образа жизни. В главном доме сначала поселился военный губернатор граф С. Г. Строганов. Потом дворец брали в аренду попеременно богатый откупщик Иван Алексеевич Кононов, фабрикант Иван Иванович Бутиков, совладелец Даниловской и Кренгольмской мануфактур Козьма Терентьевич Солдатёнков.

Тогда же стали снимать дачи в имении «Кунцево» семьи Шукиных и Боткиных, которые не изменяли этой привычке почти четверть века. В 1865 г. К. Т. Солдатёнков купил у Нарышкина 120 десятин земли с Большим домом, а остальную часть приобрели купцы братья Солодовниковы. Новые владельцы были людьми одного торгово-промышленного круга, но их духовные интересы относились к разным сферам. Так, имение «Кунцево» было разделено на части, причем каждый из собственников стремился к получению дохода через устройство дачного поселка.

Доступ посторонних в частные владения вскоре был ограничен, в связи с чем путеводитель «Окрестности Москвы в историческом отношении и в современном их виде. Для выбора дач и гулянья» сообщал: «Долго “Кунцево” принадлежало фамилии Нарышкиных, которые гостеприимно пускали в него всех для прогулки в садах и по рощам. Теперь же эта лучшая местность в окрестностях Москвы перешла во владение нескольких хозяев, и вход в некоторые части местного сада эгоистически возбранен»¹⁰¹.

С открытием в 1870 г. станций «Фили» и «Кунцево» на Московско-Брестской железной дороге земли в их черте повысились в цене и приобрели славу лучших подмосковных дачных мест. Учитывая это, Солдатёнков построил на территории парка пятнадцать бревенчатых флигелей, где проводили лето связанные тесными родственными и деловыми узами семьи московского купечества: Морозовы, Крестовниковы, Милиотти и другие.

Владения Солодовниковых были ограждены забором с тяжелой калиткой и, хотя там находился небольшой «рыбный» пруд, не отличались красотой пейзажа. Вследствие неуживчивости характеров хозяева жили замкнуто на своей даче «Дубовая роща». К тому же они

придерживались строгих религиозных принципов и были «скопцами», обрекшими себя на безбрачие во имя веры. Они не строили дач сами, а передавали землю в долгосрочную аренду под застройку. В результате на их участке оказалось восемь маленьких усадеб с палисадниками.

На земле Солодовниковых построил себе дом Д.П. Боткин. В этой части имения одно время жил И.С. Аксаков со своей супругой Анной Федоровной (урожд. Тютчевой). Семья В.Д. Коншина ежегодно собиралась на даче 15 июля, чтобы отметить день рождения отца семейства. К праздничному столу, накрытому в саду перед домом, милый и сентиментальный виновник торжества приглашал всех отдыхающих. Сестра Солодовниковых Анна Герасимовна на лето приезжала в «Кунцево» с тремя дочками-барышнями. А в летнем доме П.М. Третьякова проводила лето не только его семья, но гостили и его племянники.

Жизнь молодого поколения в 1870–1890-е гг. на даче была полна нехитрых развлечений. В пруду у деревни Мазилово ловили карасей, используя большую плетеную корзину в качестве невода. На Москве-реке ставили верши, куда попадались не только ерши и пескари, но щуки и налимы. Особой страстью молодежи были фейерверки. Вечерами взле-

Семья архитектора А.Э. Эрихсона во время катания на моторной лодке на даче в Кунцево. Начало XX в. Семейный архив Шехтель

тали над деревьями ракеты, а поляны озарялись светом бенгальских огней, «римских свечей» и «мельниц». На верандах музицировали и танцевали. «Жить было привольно», — вспоминал П. И. Щукин, который провел детство в «Кунцеве»¹⁰².

В этом едином мире родных и знакомых все дачники вели схожий образ жизни. Утро начиналось с купания в реке. У каждой семьи стояла на берегу запирающаяся на ключ купальня: крытый ящик, плавающий на бочках. День проходил в прогулках, обсуждении газетных новостей и литературных новинок.

В означенный час обитатели «Кунцева» пили минеральные воды — популярные «Виши» и «Эмс». Степенность и достаток были отличительной чертой дачников в этих местах. Юная москвичка, приехавшая погостить, вспоминала: «Мы носились по “Кунцеву” мимо богатых, казавшихся нам торжественными, дач, избегали дорожки, именованной в те времена “Страшным судом”, потому что гулявших по ней критиковали чинно сидевшие на скамейках разряженные и скучающие дачники, зато с тем большим удовольствием скатывались по крутому берегу вниз к Москве-реке, бродили по лесной чаще...»¹⁰³.

Первые годы после покупки участка в «Кунцеве» Солдатёнков пытался сохранить традицию народных «чаепитий» в липовой роще. Издавна румяные «самоварницы» предлагали там свой «кипящий товар» приехавшим на прогулку горожанам. Но звуки гармоники и шумные голоса гуляющих нарушали покой арендаторов, и, по воле хозяина, «чайникам», так называли проезжающих, пришлось из окрестностей усадьбы ретироваться.

В той части «Кунцева», которая была под властью «Кузьмы Медици» — такое прозвище получил Солдатёнков у молодежи, сочетались черты уходящего прошлого, причуды большого помещика, обычаи народной старины и веяния европейской культуры. Внушительный нарышкинский дворец, в котором жил Козьма Терентьевич, был окружен садом и парком, скрывавшими своей густой листвой большие оранжереи, парники, грунтовые сараи со шпанскими вишнями, грушами и персиками.

В доме, где сохранился куртуазный интерьер XVIII в., а также вещи более позднего времени, Козьма Терентьевич обитал один с двумя лакеями и камердинером. Когда-то с ним вместе проживал его племянник и воспитанник Василий Иванович, но, заведя семью, он поселился в отдельном летнем доме. Между тем хозяйские покои не пустовали. Солдатёнков за городом вел жизнь праздного и хлебосольного барина, устраивавшего «лукулловские» пиры для своих друзей, среди которых были люди искусства, литературы и предпринимательского мира.

Стол накрывали в просторной зале, уставленной цветами. Расположившись вокруг стола на бархатной с золотом мебели, гости становились участниками тщательно продуманного церемониала. Лакеи во

К.Т. Солдатёнков на отдыхе в усадьбе «Кунцево». 1890-е гг.

фраках подавали к столу изысканные яства. «Необыкновенный, “на воде”, суп тихо разносил лакей помоложе, а постарше — подавал пирожки. Козьма Терентьевич внимательно следил за происходящим и настоятельно требовал, чтобы попробовали пирожков двух сортов: с мозгами — рессолей и слоеных со свежими грибами и укропом. Так же серьезно относясь к следующему блюду, Козьма Терентьевич наливал красное вино, про которое говорил, что оно мягкое, как бархат... Обед кончился как священнодействие», — вспоминала одна из приглашенных¹⁰⁴.

У Солдатёнова в имении гостили И.С. Тургенев, переводчик Шекспира К.Х. Кетчер, историк И.Е. Забелин, художники В.Д. Поленов, И.Е. Репин, артисты Малого театра. Из Рима ежегодно приезжал в «Кунцево» на отдых живописец и его старинный приятель А.А. Риццони с друзьями, а позже — с супругой.

Козьма Терентьевич вырос в купеческой старообрядческой семье и уже с малых лет начал работать в торговой лавке отца, а затем прошел путь от приказчика в фамильной фирме до главы предприятия и стал одним из богатых людей в Москве. Не получив достаточного образования, Солдатёнков и в старости писал с грамматическими ошибками. Однако интерес к книгам и театру привел его в кружок московских интеллектуалов-западников, где на него большое воздействие оказали либеральные идеи профессора Московского университета Т.Н. Грановского.

Обладая природным умом и своеобразным социальным опытом, Солдатёнков из скромного торговца скоро превратился в крупного деятеля российского просвещения. Он не побоялся материально поддерживать в ссылке Н.Г. Чернышевского. Одним из первых он стал собирать русское искусство, причем здесь его консультировал художник А.А. Иванов, и меценат оказывал автору «Явления Христа народу» помощь, оплачивая его посредничество. Если бы Солдатёнков не охладел к собирательству, его коллекция была бы значительнее, чем у П.М. Третьякова. Но он был импульсивной натурой, и наряду с полотнами высокого уровня в его собрании встречались любительские работы, созвучные его мировосприятию.

Занявшись издательской деятельностью, Козьма Терентьевич первым познакомил русское общество с романом «Отцы и дети» И.С. Тургенева, стихами А.А. Фета, С.Я. Надсона; он предпринял публикацию произведений У. Шекспира, поэзии Саади, философских трактатов Д. Рикардо и Д. Юма. Его издательство печатало труды по разным областям знания, и вряд ли кто в России мог сравниться с Солдатёнковым по высоте поставленных целей.

Он был удачливым предпринимателем, вложившим свои капиталы в железнодорожное строительство, техническое переоборудование крупнейших производств; по его инициативе создан Московский учетный

К.Т. Солдатёнков (справа) с художником А.А. Риçони на прогулке в имении «Кунцево» Московского уезда. 1890-е гг.

банк и Московское страховое общество. Его состояние оценивалось примерно в 8 млн руб. При этом его сердце, как писал Риццони, «всегда отзывалось на добро».

И даже относившиеся с предубеждением к купеческому сословию люди не могли не видеть самобытности этой личности. Князь В. М. Голицын так охарактеризовал Солдатёнова: «Высокого ума, широко образованный, чрезвычайно приветливый, он превосходно умел ценить и сплачивать вокруг себя культурные силы, поддерживать начинающих литераторов и ученых»¹⁰⁵.

Поднявшись выше других представителей своего круга в стремлении обогатить русское общество ценностями мировой культуры, Козьма Терентьевич не только был приверженцем «древлего благочестия» — он являлся одним из «столпов» старообрядчества, поддерживавшим Рогожскую общину. В его московском особняке на Мясницкой была старообрядческая молельня, однако сам дом при этом был храмом искусства, где более двухсот редких полотен украшали стены «помпейской», «византийской», «мавританской» и «русской» комнат. Козьма Терентьевич в этой музейной обстановке чувствовал себя прекрасно. Его кухня, напротив, впервые оказавшись в изысканной зале, где среди полотен Риццони с изображением римских кардиналов стояла мраморная скульптура Дианы, смутилась и произнесла: «Ты бы, Кузюшка, велел ей юбочку сшить!»¹⁰⁶.

В своем «любимом “Кунцеве”» Козьма Терентьевич жил сибаритом. Он ходил «в деревне» в элегантном сюртуке и в шляпе с широкими полями. При этом его длинные волосы, небольшая бородка и выразительное лицо с умными глазами заставляли видеть в нем человека необычайного, с большой внутренней силой. В его натуре было много непредсказуемого. «На даче» его забавляла пиротехника, и перед домом часто устраивались роскошные иллюминации, причем принадлежности для фейерверков привозили на нескольких возах солдаты артиллерийской лаборатории¹⁰⁷.

В одной из комнат нарышкинского дворца летом жил художник В. Е. Раев, которому покровительствовал Козьма Терентьевич. Человек восторженный и склонный к фантазии, Раев украсил парк «Кунцева» многочисленными беседками и вазами на постаментах в традициях античности.

Хотя Солдатёнов был старообрядцем, это не мешало ему, оставаясь неженатым, иметь многолетние нежные отношения с французенкой Клеманс Карловной Дюпуи. При этом Солдатёнов не говорил по-французски, а она не знала русского. Для своей «Клемансы», как он ее называл, он построил в «Кунцеве» домик у оранжереи, где та чувствовала себя полной хозяйкой, между тем как сам хозяин проживал в главном доме. Клеманс Карловна сопровождала промышленника во всех поездках за границу, где была незаменимой подругой во всех интересных

затях. Однажды в Константинополе они решили посетить гарем, куда Солдатёноква, конечно, не пустили. Решительная мадам Дюпуи отважилась пойти в сераль одна, прислав с евнухом банку розового варенья ожидавшему ее Солдатёнкуву.

В «Кунцево» Козьма Терентьевич общения с дачниками себя не лишал, а иногда навещал их вместе со своими гостями. Особенно часто бывал во флигеле Третьякова. В день приезда И.С. Тургенева в имение он привел писателя к Третьяковым. Вся семья пила чай на открытой террасе, заставленной цветами в горшках. Тургенев шутил и острил, и всем было весело. «Козьма Терентьевич смеялся не переставая, громко и раскатисто, а Павел Михайлович заливался до “всхлипывания” и до слез»¹⁰⁸. Однако если Козьма Терентьевич считал себя равным аристократу, то дворянское сословие этого мнения не разделяло.

Когда вышел роман Тургенева «Новь», в одном из его персонажей — Капитоне Голушкине — многие, как им казалось, узнали Солдатёнкува, настолько это была колоритная фигура. Герой произведения, купец Голушкин, был сыном разбогатевшего торговца из староверов. Сойдясь с «нигилистами», он высказывал самые «крайние мнения»; «ел в пост скоромное»; играл в карты; был одинок и жил в большом богатом, но «пре-скверно» обставленном доме. Вокруг него ютились ждущие его щедрости люди, которым он помогал «из популярничанья». О себе Голушкин сообщает, что «он из самодуров вышел давно... что хотя он собственно торговлю бросил и занимается банковскими операциями — для наращивания капитала — но это только для того, чтоб капитал сей в данную минуту мог послужить — в пользу.. в пользу — так сказать — народу; а что он, Голушкин, в сущности, презирает капитал!» Надеяя купца «неуклюжими ужимками», любовью к французской кухне, длинным модным пальто и сигарой, Тургенев не скрывает своего пренебрежительного отношения к герою. «Этот самодур ...высыпал пригоршню рублей и кричит — “жертвую!” И требует благодарности; лаврового венка ожидает — подлец!», — говорит один из гостей Голушкина, фактически излагая мнение писателя¹⁰⁹.

Как бы то ни было, Солдатёнков любил «Кунцево» и способствовал его благоустройству. Он тратил до 15 тыс. руб. в год на содержание имения, в котором, пока он был помоложе, проживали облагодетельствованные им художники, ученые и литераторы, а затем поселился сам, выезжая на зиму за границу. По его просьбе И.Е. Забелин предпринял исследование истории этих мест и написал книгу «Кунцево и древний Сетунский стан».

Согласно его дозволению обитатели «Кунцева» и их гости свободно прогуливались по парку, где было немало достопримечательностей. За барским домом стояла мраморная скульптура «Похищение Прозерпины Плутоном», на парадном дворе — памятник с надписью «1818 года, июля 4 дня король Прусский Фридрих Вильгельм III, узрев из Кунцева

Москву, благодарил ее за спасение своего государства»¹¹⁰. А однажды произошло в «Кунцеве» такое событие: один из старых вязов упал, и в его дупле нашли каменную фигуру языческой богини. «Бабу» установили близ кургана, который местные крестьяне иначе как «проклятое место» не называли.

В Петров день, после окончания сенокоса, все окрестное крестьянское население собиралось на площадке перед Большим домом. Крестьяне водили хороводы, пели под гармошку. Солдатёнков щедро одаривал местных жителей и предлагал отведать свое угощение. Его средства шли на содержание местной школы, в которой обучалось 60 детей, и это попечительство было искренним желанием мецената содействовать просвещению народа. Впрочем, он все делал по желанию. В преклонные годы он признавался: «При моем последнем вздохе я скажу, что в жизни ни в чем себе не отказывал»¹¹¹.

В своем завещании он распорядился истратить на свои похороны 100 тыс. руб.: чтобы на помин души было роздано больше денег. Своему наследнику он оставил сравнительно немного, а основная часть капитала Солдатёнкова пошла на благотворительные цели — на строительство бесплатной городской больницы для «всех бедных», «без различий званий, сословий и религий», на помощь жителям родной

Н. И. Шукин на даче в Кунцеве. 1900-е гг.

деревни Прокудино и другие нужды. Его коллекция, включая и произведения из дворца в «Кунцево», была завещана Румянцевскому музею¹¹².

Со смертью Солдатёноква в 1901 г. жизнь в «Кунцево» продолжалась, но протекать она стала более обыденно. Наследники, проживавшие в Петербурге, сдавали имение под дачи, не уделяя внимания его развитию. Любимый племянник мецената в частном письме замечал: «Если б “Кунцево” в состоянии было заговорить, оно, наверное, сказало бы: “Да! Теперь уж я не то Кунцево...”»¹¹³. В 1912 г., побывав в местах, где прошло детство, П.И. Щукин был потрясен запущенностью сада. Старинной каменной церкви уже не существовало, а строилась маленькая часовня, из-за чего парк вокруг был завален мусором. Аллеи разрослись, дорожки давно никто не чистил, и они поросли травой.

Главный дом с бельведером стоял с заколоченными окнами и дверями. В некоторых дачах жили, другие — стояли обветшавшими. На берегу Москвы-реки не было ни одной купальни, поскольку простота нравов теперь позволяла купаться здесь «открыто». Прекрасная скульптура «Похищение Прозерпины Плутоном» была изуродована. Лишенная настоящего хозяина усадьба приходила в запустение. Если раньше в этих местах можно было видеть художников, писавших с натуры пейзажи, то теперь вдохновения в «Кунцево» никто не искал. Участок Солодовниковых, перешедший в руки госпожи Е.И. Смирновой, от любопытных глаз был скрыт высокой железной оградой.

С возвышенности было хорошо видно, как пространство вдоль шоссе и Брестской железной дороги заполнилось дачными поселками, вытесняющими из окружающего ландшафта луговины, рощи и леса. Москва неумолимо надвигалась на «Кунцево», чтобы через несколько лет обратить его в один из своих пригородов.

4. ВДОХНОВИВШИСЬ ОБРАЗЦАМИ СТАРЫХ УСАДЕБ: ИМЕНИЕ «СЕВЕРСКОЕ» А.А. НАЙДЕНОВА

Серьезное и прихоть, дилетантизм и баловство, искреннее увлечение и мода, подражательство и дерзкое новаторство шли у нас рука об руку.

Князь С.А. Щербатов

В начале 1880-х гг. реестр землевладельцев Коломенского уезда Сандыревской волости пополнился новым именем. Старинную усадьбу близ села Северское купил А.А. Найденев, принадлежавший к одной из самых влиятельных в торгово-промышленной Москве династий. Во всяком случае, летописец предпринимательской Москвы П.А. Бурышкин называл семью Найденевых в числе пяти фамилий, принадлежащих к верхам делового мира Первопрестольной¹¹⁴.

Новый хозяин «Северского» был личностью весьма заметной и неоднозначной. Автор «Москвы купеческой» высоко ценил деловые качества этого человека, который принимал большое участие в промышленной и банковской жизни города¹¹⁵. Потомственный почетный гражданин, мануфактур советник А.А. Найденев был совладельцем Торгового дома «А. Найденев сын», который основал в 1863 г. вместе с братьями Виктором и Николаем — председателем Московского биржевого комитета, историком и общественным деятелем.

Позже А.А. Найденев стал директором правлений Северного страхового общества и Товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики «Братья А. и Г. Хлудовы». Последнее было следствием его женитьбы в 1876 г. на дочери Г.И. Хлудова — Александре.

А.А. Найденев был человеком того времени, когда молодая буржуазия, укрепившись в экономической жизни Москвы, стала выдвигаться на первый план в культурной и социальной сферах, изменяя на свой вкус облик старой столицы, как бы «оценивая» культурное наследие русского барства, «отбирая» из него то, что соответствовало собственным жизненным и духовным потребностям. Когда в 1877 г. у Найденевых родился сын Александр, а через три года дочь Ксения, встал вопрос о

Гости в имении А.Г. и А.А. Найденовых «Северское» Коломенского уезда: Ф.А. Ганешин (первый слева), Г.А. Найденов (третий слева), Н.А. Найденова (четвертая слева), Е.А. Найденова (пятая слева), К.А. Найденова (шестая справа), Т.А. Найденова (седьмая справа). Фотография А.А. Найденова. Начало XX в. Семейный архив Найденовых. Публикуется впервые

покупке загородного дома, что было естественно для семьи такого общественного и имущественного уровня.

Свой выбор Найденов остановил на имении, достаточно отдаленном от Москвы. Но если учесть, что он не предполагал прерывать свою финансовую и общественную деятельность в столице и промышленную в Егорьевске, выбор его можно назвать замечательным. По-видимому, некоторое участие при покупке имения «Северское» оказал городской голова Егорьевска и деловой партнер Хлудовых Н.М. Бардыгин, у которого были землевладения в Коломенском уезде.

Недалеко от станции «Пески» Московско-Казанской железной дороги на публичные торги вынесли усадьбу при селе Северском, построенную во второй половине XVIII в. генералом П.И. Измайловым. Она, хотя и имела довольно запущенный господский дом, была привлекательна старым пейзажным парком, о котором когда-то писали, что он «для Коломны подлинно удивления достойный»¹¹⁶.

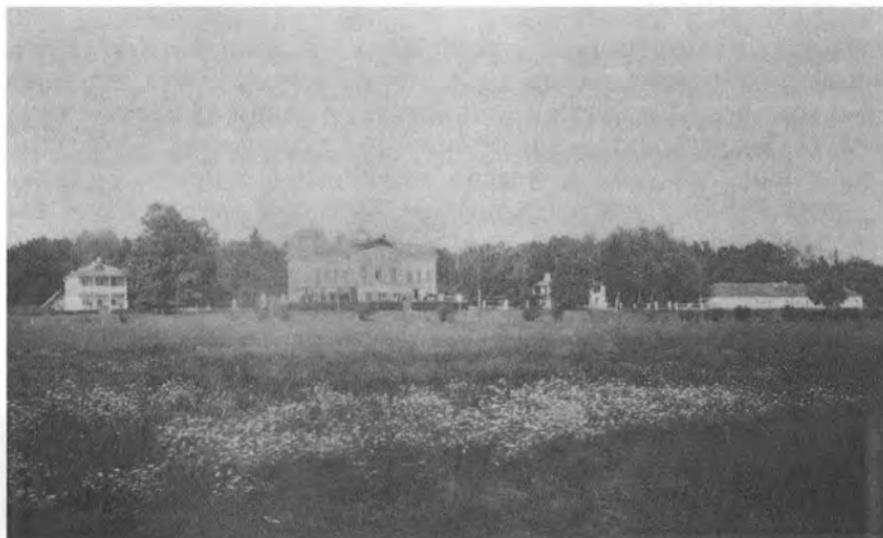
В начале XIX в. следующие владельцы парк расширили и придали новой его части регулярный характер, создав боскеты, разбив множество еловых и лиственных прямых, косых и даже диагонально-скрещенных аллей. В расположенном рядом селе стояла выстроенная при

П.И. Измайлове в 1787 г. Никитская церковь. Широкая в этом месте река Москва и просторы заливных цветущих лугов составляли истинно русский пейзаж.

42 дес. усадебной земли оценивались в 1800 руб.¹¹⁷, несмотря на то что постройки в имении в пореформенное время пришли в запущенное состояние. Купив «Северское», Найденов по собственному проекту основательно перестроил барский дом. Сохранив его центральную часть с кованой ажурной лестницей, он перепланировал помещения второго этажа и надстроил третий, устроив небольшие комнаты с невысокими потолками для всех членов семьи и многочисленных гостей-родственников. «Александр Александрович сочинил небольшой фонарик (бельведер) для обзора окрестностей, вдохновившись образцами старых усадеб», — вспоминала одна из его внучек, Е.Б. Новикова, жившая в «Северском» в детстве¹¹⁸.

Дом в «Северском» подвергся не только перепланировке, но получил новые интерьеры, придуманные хозяевами: крутую лестницу теперь завершали колонны коринфского ордера, отделанные искусственным мрамором. На нижнем этаже разместились столовая и малая гостиная, оформленные в духе классицизма.

Найденов, создавая собственный «дом с мезонином», тяготел к стилю ампира. На втором этаже над столовой была устроена большая двухсветная гостиная с примыкающей к ней библиотекой. Впоследствии в имение были перевезены рояли для гостиных первого и второго этажей,

Вид на усадьбу «Северское» со стороны реки Северки. Фотография А.А. Найденова. 1894 г. Семейный архив Найденовых. Публикуется впервые

Парадный фасад главного дома в имении «Северское». Фотография А.А. Найденова. 1908 г. Семейный архив Найденовых. Публикуется впервые

поскольку в семье любили музыку. Жена А.А. Найденова Анна Григорьевна принимала участие в устройстве интерьеров и налаживании быта усадьбы. Спустя годы, дочь Татьяна в одном из писем к мужу Б.М. Новикову писала: «Я мечтаю уехать в “Северское”... Только теперь я ценю, как там все чудесно, хозяйственно и просто устроено, никакой роскоши, никаких конюшен, а все-таки всегда все есть. Все так удобно и складно»¹¹⁹.

Как оказалось, А.А. Найденов, сдержанный и авторитетный в деловой среде промышленник и финансист, отличался сильным стремлением к искусству и творчеству, что проявилось в закрытой для посторонних глаз его частной жизни. Любитель музыки, он по слуху подбирал «на фисгармонии» нравившиеся ему произведения¹²⁰. Он почитал науку и интересовался новыми техническими изобретениями. Увлекаясь фотографией, Найденов запечатлел в любительской съемке разные события из жизни своей многочисленной семьи¹²¹, в которой было восемь детей.

Другим увлечением главы семейства было благоустройство своей усадьбы. Приезжая в имение по выходным, он постоянно что-то проек-

Гости Найденовых в «Северском». На заднем плане – фотографический павильон. Фотография А.А. Найденова. 1892 г. Семейный архив Найденовых. Публикуется впервые

тировал. В отдельно расположенном флигеле Найденов оборудовал кабинет-мастерскую, где работал над своими архитектурными проектами. В шкафах стояли необходимые ему книги по искусству и строительные справочники. Помимо этого здесь же находились фотолаборатория и спальня.

По эскизам владельца «Северского» на территории имения были построены летние флигеля, каретный сарай с небольшой конюшней. Хозяйственный флигель соединяло «крыло» деревянной галерейки, которое можно видеть на фотографиях усадьбы 1890-х гг. Строительная фантазия Найденова была ключом и воплощалась в новых сооружениях. Так, достопримечательностью парка была завершающая главную липовую аллею «белоколонная» беседка. Она представляла собой оригинальный по конструкции летний павильон. Восьмиугольное пространство было ограничено «колоннами» из стволов берез. Нижний ярус постройки был обшит деревом и оклеен берестой. Наверх вела легкая лестница из тонких березовых слег, а там уже можно было отдыхать в окружении более тонких березовых «колонн», на которых покоилась крыша, крытая соломой.

В начале XX в. в парке имения появились кегельбан и теннисный корт. Поблизости стояло еще одно творение архитектора-дилетанта – беседка «Белый гриб», любимое место отдыха дмочадцев. Старый парк в «Северском» сохранил свои тенистые липовые и еловые аллеи, но вокруг господского дома все было организовано по-новому сразу после покупки усадьбы. Перед парадным фасадом был устроен партер. Прекрасно дренированные, разной конфигурации дорожки были сделаны по всем правилам: с водостоками, укатанные розовым гранитным песком. Вдоль главной дороги, идущей к реке и купальне, были посажены кусты роз. «Аллея роз» соединяла дом с флигелем, где жил и работал хозяин.

Садово-парковые идеи владельцев «Северского» неожиданны и романтичны. На фотографиях, сделанных А.А. Найденовым, можно видеть, как его супруга, занимавшаяся садоводством, пыталась создать в глуши Коломенского уезда «маленький Версаль». Небольшой круглый фонтан представлял собой, как и в парке французских королей, «корзину» цветов и растений. «Фигурные» деревья, стриженные ряды кустарников, расставленные вдоль прогулочных дорожек кадки с аккуратно сформированными деревцами, симметрия в расположении круглых клумб – все это было, по-видимому, откликом на ее парижские впечатления.

Однако русская действительность вносила в планировку ландшафта свои коррективы. Усадьба была ограждена забором от проезжей дороги, идущей вдоль реки по заливному лугу, а ее внутренний двор с выходом в старый парк окружала решетчатая ограда. Там проходила жизнь семьи, и вторгаться в этот мир дозволялось только родным.

Некоторое время жители ближайшей деревни Подлужье и села Северского лишь издали наблюдали за жизнью поместья, хозяев которого они видели проезжающими в экипаже со станции и обратно. На высоких козлах сидел кучер, подпоясанный знаменитым «хлудовским» шелковым кушаком – в память о кушаках, с которых началось «дело» Ивана Хлудова. И для обитателей имения крестьянский мир долгое время был естественной частью русского пейзажа. Но в конце 1890-х гг. при Никитском храме была создана церковно-приходская школа, попечительницей которой стала А.Г. Найденова, а А.А. Найденов в то же время являлся попечителем церковно-приходских школ всего Коломенского уезда.

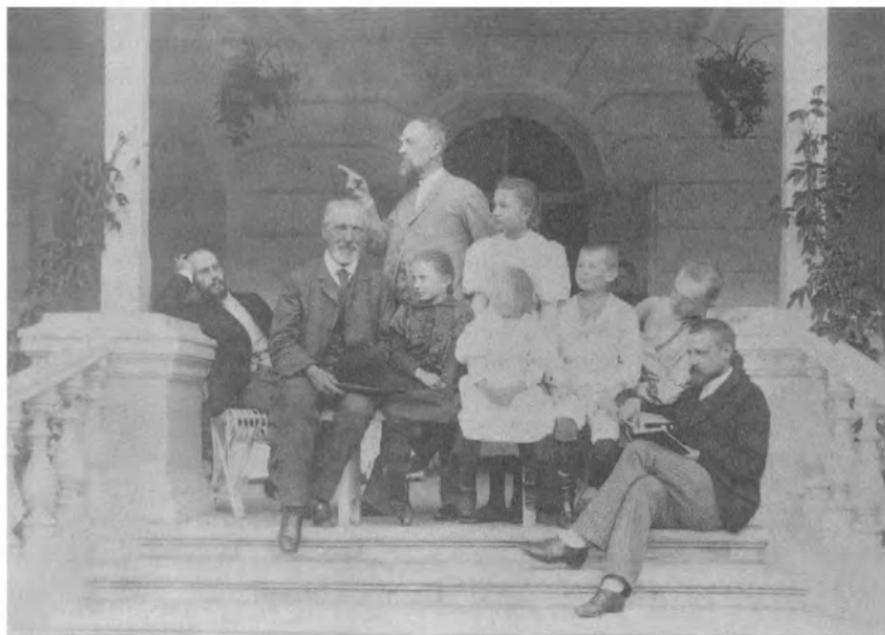
«Северское» во многом жило своим внутренним миром: летний отдых и досуг детей, общение в семейном кругу, который, кстати сказать, отнюдь не был узким. Находящееся по соседству имение «Черкизово» принадлежало кузену А.Г. Найденовой – В.А. Хлудову, который приезжал сюда со своими детьми. Со временем стали подрастать дети Найденовых, создавая свои семьи и переплетая свои судьбы с «Северским». В имении было создано все для развлечения взрослых и детей:

Аллея парка в усадьбе «Северское». Фотография А.А. Найденова. 1890-е гг.
Семейный архив Найденовых. Публикуется впервые

Церковно-приходская школа, попечительницей которой была А.Г. Найденова. Фотография А.А. Найденова. 1893 г. Семейный архив Найденовых. Публикуется впервые

А.А. Найденов (второй слева) с детьми и гостями на веранде в усадьбе «Северское». Фотография А.А. Найденова. 1890-е гг. Семейный архив Найденовых. Публикуется впервые

на конюшне жил ослик, который катал малышей в крошечном экипаже, на садовых дорожках разыгрывались партии в популярный в 1880-е гг. крокет.

За те четверть века, что Найденовы жили в «Северском», в имении появилась водонапорная башня — это сделало жизнь обитателей за городом комфортнее; было проведено электричество, причем не только в дом, но и в парк, где молодежь проводила время на теннисном корте. На реке близ купальни стояли лодки для водных прогулок.

За городом Найденовы следовали заведенному ими «помещичьему» укладу жизни. В назначенное время все собирались за семейным столом, накрытым в столовой или на затененной веранде: А.А. Найденов в светлом чесучовом костюме и его супруга в нарядном летнем туалете, а с ними человек до двадцати родственников. Атмосферу дома воспроизводят воспоминания Е.Б. Новиковой: «Подает лакей Василий. ...Он в легком пикежном пиджаке в тонкую голубую с белым полосочку, в черном галстучке бабочкой, что придает ему торжественность. Гладко причесанный на пробор, с усами, торчащими щеткой. ...Утренний завтрак дополняют звуки оживленного разговора взрослых. Детям полагается молчать. ...После завтрака все незаметно расходятся. Слышится игра на рояле... Кто-то идет гулять, слышен стук теннисных мячей. ...День проходит незаметно»¹²².

В эволюции возрожденного к жизни «Северского», где следовали внешним традициям русского барства, не последнюю роль играло «увлечение», став своеобразной двигательной силой. Пытаясь охарактеризовать полную «переливчатых красок и тонов» новую, еще не сформировавшуюся среду московской буржуазии, князь Щербатов замечал по этому поводу: «Мы много раз приводим слово “увлечение”, свойство чисто русское, и особенно в среде купечества, в силу своей особой психологии, являющееся результатом кризиса, испытываемого в этом словии. Этот кризис, болезненный и интересный для близкого изучения, был обусловлен ...резким переломом, отходом от старого и жадным устремлением к новой культуре»¹²³.

Материальная независимость владельцев, не придававших значения доходам от землепользования в имении, способствовала развитию в этой усадьбе определенного микромира. «Северское», восприняв некоторые черты дворянского поместья, оставалось изолированной «городской средой» на фоне архаического пейзажа чуждой ему аграрной России, встреча с которой в октябре 1917 г. оказалась для него губительной.

**5. «УГОЛ РАЯ» В КЛИНСКОМ УЕЗДЕ:
ИМЕНИЕ «ШАХМАТОВО» ПРОФЕССОРА САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А.Н. БЕКЕТОВА**

*...Дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень.
Туда, где вьется пестрым лугом
Дороги узкой колея...*

А.А. Блок

На наш взгляд, трудно рассматривать историю любого имения вне общей картины экономической и общественной жизни России. Как уже говорилось, в процесс перераспределения дворянского земельного фонда оказались втянутыми лица самых разных классов, сословий и слоев общества, встав, таким образом, на путь земельного предпринимательства. В этой связи интересно проследить судьбу такого необычного имения, каким является «Шахматово» петербургского ученого-ботаника А.Н. Бекетова.

В литературе имение профессора Санкт-Петербургского университета Бекетова «Шахматово», связанное с творчеством поэта А.А. Блока, традиционно рассматривается с точки зрения «мира художественного»¹²⁴. Формированию возвышенного образа этой усадьбы в немалой степени способствовали воспоминания М.А. Бекетовой, В.М. Ходасевича, Андрея Белого, а также творчество самого Блока, проникнутое поэтическим восприятием усадебного мира.

Для гостей поместья Бекетовых даже окружающий ландшафт «веял строчкой Блока»¹²⁵. Поэт определил «романтическое» осознание действительности его близкими, создавшими мифологию этого имения, где хозяевам были свойственны «беспомощный гуманизм», «интеллигентская неприспособленность», ведение хозяйства «через окно», т.е. не проявляя к нему особого интереса. М.А. Бекетова вспоминала: «Мы родились и выросли в атмосфере романтизма. Общим свойством моих

родителей было пренебрежение к земным благам и уважение к духовным ценностям»¹²⁶.

Однако существование русской усадьбы во второй половине XIX — начале XX в. было подчинено отнюдь не законам искусства, а деятельность владельцев «Шахматова» определялась как реалиями пореформенного времени в России, так и личной философией хозяев — представителей интеллигентской среды Санкт-Петербурга.

Имение находилось в одном из самых «дворянских» уездов Московской губернии. После 1861 г. его судьба была незавидной. 14 января 1869 г. «Шахматово» Клинского уезда, площадью 144 дес. 1868 саж., с усадебным домом, «строениями и заведениями» и сельскохозяйственными орудиями за 3 тыс. руб. дворянка О.П. Страхова продала надворной советнице Е.И. Богенгардт. А 20 ноября того же года купчиха А.Ф. Романова купила «Шахматово» и еще два имения у Страховой всего за 7 тыс. руб.

Спустя два года, 16 августа 1871 г., Романова продала все три владения — при селах Никольское, Шахматово и Осинки — жене губернского секретаря А.В. Андреевской. От Никольского Андреевская избавилась менее чем через месяц, а остальную собственность 5 февраля 1873 г. у нее купила жена капитана О.Н. Языкова. Вот у нее 23 октября 1874 г. и приобрел сельца Шахматово и Осинки действительный статский советник А.Н. Бекетов за 5 тыс. руб. При этом площадь его землевладения в Московской губернии составила 120 дес. 368 саж.¹²⁷

За все эти трудные пореформенные годы первоначальные очертания имения «Шахматово» изменились: оно потеряло часть своих лесных и пашенных угодий. По московским меркам, это было среднее по размерам имение, а по петербургским — достаточно большое и весьма недорогое.

Покупка представлялась профессору выгодной, так как капитанша Языкова продавала имение «Шахматово» вместе с мебелью, инвентарем, скотом и всем недвижимым имуществом, что было привлекательно для семейства из северной столицы, которое не могло везти с собой в деревню много вещей.

Москвичу эта небольшая усадьба в 68 верстах от города показалась бы слишком удаленной. До ближайшей почтовой станции «Подсолнечная» Николаевской железной дороги, с большим селом, где проходили крестьянские ярмарки и существовала земская больница, надо было проделать 18 верст по колеистой проселочной дороге. До Петербургского шоссе также предстояло ехать лесом 17 верст. Таким образом, часто навещаться из усадьбы в город Бекетовым не было никакой возможности.

Однако это не остановило профессора — для него покупка уголка помещичьей жизни была осенена высоким смыслом возвращения к традициям прошлого. Он собирался жить в усадьбе как помещик, невзирая

Семья А. Н. Бекетова в «Шахматове». Слева направо: А. А. Блок, А. А. Кублицкая-Пиоттух, А. Н. Бекетов, Н. М. Бекетов, Е. Г. Бекетова, М. А. Бекетова. 1894 г.

на реалии времени. К тому же неподалеку уже находились имения его родственников — «Дедово» и «Трубицино», а также имения научных коллег, и среди них — усадьба «Боблово» Д. И. Менделеева.

Профессор Бекетов выбрал имение при селце Шахматове не только потому, что оно стоило дешевле, чем другие, но, по его мнению, оно было более «удачно для житья»¹²⁸. Его дочь Мария Андреевна вспоминала, что «имение привлекло отца именно красотой дальних видов». Стоящий на возвышенности помещичий дом с мезонином и террасой «был невелик, но крепок», в нем нашлось кое-что из старинной мебели, и все службы оказались в порядке.

Следует заметить, что мотивация покупки этого имения у жителя северной столицы А. Н. Бекетова, очевидно, была иной, чем у москвича. Он хотел организовать многоотраслевое хозяйство, которое сможет обеспечить потребности большой семьи как летом в имении, так и в период ее жизни в Петербурге. Таким образом, модель «дворянского гнезда» была взята владельцами усадьбы за основу.

Неоконченная поэма А. А. Блока «Возмездие» раскрывает душевные переживания Бекетовых, оказавшихся в собственном поместье:

*...Коляска подкатилась к дому,
И сразу стало все знакомо,
Как будто длилось много лет, —
И серый дом, и в мезонине
Венецианское окно.
Цвет стекол — красный, желтый, синий,
Как будто так и быть должно.
Ключом старинным дом открыли...
И тишины не возмутили...*

Семья ездила в имение по Николаевской, правительственной, железной дороге, и поездка была достаточно комфортной. Елизавета Григорьевна, мать семейства, уезжала в «Шахматово» в начале мая, а Андрей Николаевич отправлялся туда спустя пару недель с четырьмя дочерьми, прислугой и большим багажом. Поезд прибывал в пункт назначения ранним утром. Вещи с сопровождением отправляли на подводах в имение, а Бекетовы экипажами ехали следом живописной дорогой мимо озера Сенеж и казенного леса Прасолово.

«Шахматово» долго хранило облик усадьбы начала XIX в. Бекетовы с годами так и не расширили имения, и можно положиться на сведения Елизаветы Григорьевны, сообщенные ею в статистический Земский комитет в 1887 г. Она указала, что под усадьбой, садом и огородом находилось 7 дес., пахотной земли было 10 дес., сенокосной земли — 41 дес., при этом 11 дес. были заняты заливными лугами. Кроме того, 12 дес. были под выгонами, а 50 дес. — под лесом.

Со стороны двора деревянный серый дом с мезонином под зеленой крышей имел два одинаковых крыльца. Он был сложен из крепких сосновых бревен и обшит тесом.

О том, каким было «Шахматово», говорят строки поэмы:

*...За грош купили угол рая
Неподалеку от Москвы.
Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор.
Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт,
Здесь можно было ясно слышать,
Как тишина цветет и спит.¹²⁹*

Около дома был большой сад, перед крыльцом разбиты цветники, затем начинался старинный пейзажный парк, посаженный еще прежними поколениями хозяев, с вековыми липовыми аллеями. В парке

М.А. Бекетова (сидит справа) и А.Ф. Кублицкий-Пиоттух, муж С.А. Бекетовой (стоит) на крыльце дома в усадьбе «Шахматово». В окне — А.А. Блок. 1894 г.

выделялись посадки сирени, черемухи, розовых и белых роз, нарциссов и лиловых ирисов. Одна из березовых аллей вела от дома к калитке, за которой уже начиналась старая еловая аллея, ведущая к пруду¹³⁰.

К садовому фасаду примыкала терраса, кровля которой была украшена резными деревянными фестонами. Двустворчатые окна в первом этаже и мезонине — с добавочными цветными стеклами: голубыми, темно-лиловыми и желтыми.

В усадебном доме оказалось семь жилых комнат с деревянными крашеными полами на первом этаже, и две — в мезонине. Первое время Бекетовы сохраняли прежнее убранство. К «белой зале» примыкали «красная» и «синяя» гостиные — по цвету имевшихся в них обоев — с ломберными столами, канапе, банкетками и простеночными зеркалами в рамках красного и орехового дерева. «Цвет этих обоев, а по возможности и узор, мы сохраняли в неприкосновенности при дальнейших ремонтах», — вспоминала Мария Андреевна¹³¹.

С течением лет Бекетовы придали своим комнатам в усадебном доме индивидуальные черты, но гостям «Шахматово» было памятно светлое впечатление, которое они производили. Андрей Белый замечал, что это была «обстановка ... столь мною любимых небольших домов, где все вело и скромностью старой дворянской культуры и быта, и вместе с тем безбытностью: ... не было ничего специфически старого, портретов пред-

ков, мебели и т.д., создающих душность и унылость многих помещичьих усадеб...»¹³².

В «Шахматове» Бекетовы продолжали следовать петербургскому укладу жизни и городскому распорядку дня: день начинался с чая, к которому все выходили в разное время; завтрак накрывался в час дня, обед — в шесть вечера, причем заказывалось по меньшей мере три блюда. Андрей Николаевич любил хорошую кухню, поэтому нанимали «с большим разбором» опытную кухарку. Поздний обед требовал от нее немалых усилий, ибо в семье существовал культ гастрономии. Заметим, что гости в имении бывали редко, так как хозяева новых знакомств не поддерживали.

Управление имением Бекетов возложил на жену Елизавету Григорьевну, усилиями которой хозяйство наладилось. Однако хозяйство «Шахматова» практически не эволюционировало: в 1887 г. в имении все еще пользовались дореформенными ледником, каретным сараем, хлебным амбаром с полукруглой аркой над входной дверью. Гостевой флигель обветшал, но служил хозяевам верой и правдой. Эксперименты в полеводстве в «Шахматове» как-то не прививались. На трех полях чередовали рожь, овес или ячмень. Иногда на одном из полей сажали капусту

За чайным столом. Слева направо: М.А. Бекетова, Л.Д. Блок, С.А. Кублицкая-Пиоттух, А.А. Кублицкая-Пиоттух, Ф.А. Кублицкий-Пиоттух, А.А. Кублицкий-Пиоттух, И.Д. Менделеев, А.А. Блок. 1909 г.

или «пробные семена» — кукурузу, вику или зерновые культуры новых сортов. «Дом и усадьба постепенно расширяются, — считала хозяйка, признаваясь, что особого капитала на имение не затрачивается. — Это просто барская усадьба и при ней — небольшая ферма».

Для дочерей и внука поля, луга и лес вокруг усадьбы были бесконечным источником радостных переживаний:

*...По холмам и по ложбинам,
Меж полосами светлой ржи,
Бегут, сбегаются к овинам
Темно-зеленые межи.
Стада пасутся, серебрятся
Далекой речки рукава...
...И видная едва
Белеет церковь над рекою,
За ней опять — леса, поля...*

В письмах маленького «Сашуры» 1890—1892 гг. можно обнаружить зарисовки «шахматовского рая»: «В Шахматове все время чудная погода. Шиповники отцветают, а серебрянка в полном цвету.. Везде такая прелесть!» В другой раз он сообщал: «Перед моим окном распускаются розы... Сегодня встал в седьмом часу, гулял с бабушкой... Сегодня был около елки и сидели на гумне... Каждый принес свое занятие; я принес марки и рисование... Перед завтраком ходили в орешник и, возвратясь, снова сидели на гумне...»¹³³.

Для Елизаветы Григорьевны в сельской жизни поэзии было немного. Весной надо было вовремя нанять рабочих. Местные крестьяне с их вековыми сохами, боровами и косами приходили, но работали неспешно. В сердцах хозяйка писала: «Мне известно, что, работая на себя, крестьянин вспахивает десятину в два дня, жница может убрать десятину в восемь дней, косец выкашивает в день до 2 дес.; но по найму невозможно даже приблизительно этого добиться».

Бекетовы имели постоянных рабочих при скотном дворе: женщину-скотницу за 36 руб. в год и двух мужчин — за 50 руб. в год. Скрупулезно учитывались расходы по их содержанию зимой (10—12 руб.) и летом (15 руб.). Кроме того, с 20 апреля по 1 ноября на лето нанимали пастуха за 35 руб. Эти «свои» рабочие не только работали «на ферме», но и косили траву в усадьбе, работали в саду и в огороде. Они проводили вырубку и возку леса на дрова для нужд хозяев.

Годовым работникам вменялось в обязанность охранять господский лес, но работу эту они выполняли плохо: порубки случались постоянно и оставались безнаказанными, и не потому, что Бекетовы были гуманны к крестьянам, а потому, что российское законодательство на этот счет было настолько сложным, что решать судебные тяжбы с крестьянами

для помещиков было очень затруднительно, тем более в таком удаленном от полицейской управы имении, как «Шахматово».

На остальные работы нанимали крестьян окрестных деревень поденно, нередко со своей лошадей и на «их харчах». В день женщинам платили от 20 коп. весной до 75 коп. в жатву, а мужчинам — от 50 до 80 коп.

В Московской губернии, где было особенно сильно развито фабричное производство и существовал сильный отток населения из деревень в города, наемный труд стоил дорого. Бекетовы с удовольствием брали крестьян из Рязанской губернии, так как их труд стоил дешевле, а вовсе не из-за их «ловкого и симпатичного» внешнего вида, как это утверждала Мария Андреевна.

«Рязанцы» молотили хлеб цепами и выполняли многочисленные сельские работы.

*...Уж осень, хлеб обмолотили.
И, к стенке прислонив цепи,
Рязанцы к веялке сложили...
...Потом зерно в мешки ссыпают,
Белеющие от муки,
В телеги валят...*

Чтобы оградиться от местных жителей, которые постоянно вторгались в пределы имения, пашни и гумно Бекетовы обнесли изгородью, да и сама усадьба с садом были укрыты за высоким забором. Однако эти меры не помогали защититься от воровства. «Воруют же решительно все, что растет, — сетовала Елизавета Григорьевна. — В окрестностях ужасная бедность...»

Хозяйка тщательно планировала расходы по имению. Небольшой доход семейству приносил сад, но больше он приносил радости. В нем не было беседок и мостиков, а водоотводные канавки давно уже заросли бурьяном. В саду Елизавета Григорьевна посадила цветы: розы, таволгу и красные лилии; часть сада занимали яблони и вишни. Затем шли огороды, парники и огороженные плетнем с калиткой гряды клубники. Отдельно располагался ягодник: крыжовник и смородина «всех цветов».

Далее расстилался луг, на краю которого стояли хозяйственные постройки, хлебный амбар и гумно. Вдали темнели сараи скотного двора. Небольшое количество скота и птицы было в «Шахматове» в момент его покупки. Елизавета Григорьевна оставила одну, но лучшую, корову и через несколько лет получила молочный скот, которым была довольна. В 1887 г. в имении держали семь лошадей, шесть коров, одного быка и несколько голов молодняка. Были в хозяйстве двадцать кур с петухом и четыре утки с селезнем.

В период пребывания хозяев в имении все, что производилось, шло к столу. С октября по апрель продукция имения направлялась в

Сцена из спектакля «Гамлет», поставленного в имении Д.И. Менделеева «Боблово»:
А.А. Блок в роли принца датского, в роли королевы Гертруды С.Д. Менделеева.
1898 г.

Л.Д. Менделеева в роли Офелии в домашнем спектакле «Гамлет», поставленном в имении «Боблово». 1898 г.

Петербург в городской дом Бекетовых: «чухонское» и топленое масло, сметана и творог, соленья и варенье.

В «Шахматове» расход всегда превышал доходы: в 1885 г. это было 720 руб., не считая затрат на ремонт строений, в то время как продажей зерна Елизавета Григорьевна получила только 120 руб. Она вынуждена была признать: ««Шахматово» не может быть причислено ни к доходным, ни к образцовым, но, пожалуй, к типическим мелкопоместным имениям».

Отсутствие достаточного капитала не позволяло Бекетовым укреплять и развивать усадьбное хозяйство, а стремление владельцев экономить на найме и инвентаре вело его к упадку. К 1890 г. имение было уже заложено. Позже часть лесных угодий была продана, а хозяйственные постройки сданы в аренду управляющему.

В письмах Александра Блока матери и тете, унаследовавшим имение после смерти профессора Бекетова, можно обнаружить сведения о положении дел в усадьбе: «5 сентября 1900 г. В «Шахматове», по обыкновению, замечательно красивая, хотя сероватая осень... Рожь убрана

прекрасно, овес немногим хуже, но урожай ниже среднего (сам 5). Теперь работы кончены. С Иваном (постоянный рабочий), который остался на зиму, заключен... юридический акт, именно составлен инвентарь... При ближайшем рассмотрении все оказывается сложным для неопытных людей, и шахматовское хозяйство требует любви и труда...»

Поэт в одном из своих писем 1904 г. рассуждал о перспективах имения, частично арендованного управляющим Марином: «...У Дарьи (жена арендатора) родились 16 ...поросят, сосуших двух превосходных свиней. ...Мартин собирается предложить купить лошадь. Он истратил на все (жалованье, сарай и пр., и пр.) около 250 руб., еще остаются повинности... Обещает упорно, что “Шахматово” окупит себя... предлагает продать тот кусок земли, что к Фоминскому, на котором у нас Негин купил лес (купец-мясник). Дадут рублей 500–600... Пока траты могут быть покрыты поросятами. Осенью 5 руб. штука, а потом, м[ожет] б[ыть], хлебом».

«Мне представляется вообще положение “Шахматова” хорошим, — заверял Блок мать, жившую в Петербурге, — только нужно непременно сделать несколько оборотов с землей... Эти обороты окупят все необходимое... Леса можно продать дальний участок к Осинкам, где все равно за ним не умотришь. Я уверен, что “Шахматово” можно вполне окупить»¹³⁴.

В 1897 г. «Шахматово» было застраховано в Московском страховом от огня обществе с оценкой в 8400 руб. Из описания строений ясно, что

Дом в имении «Шахматово» со стороны парка и сада. Начало XX в.

в усадьбе кроме господского дома с мезонином, крыльцом и террасой тогда существовали деревянная кухня с русской печью и погребом для продуктов; каретный сарай с деревянным полом; хлебный амбар с семью закромами, к которому примыкали два сарая; отдельный флигель с террасой и ретирадой; людская изба с русской печью, два погреба, деревянные конюшня и коровник, сенной сарай, сарай для хлеба, зерновая рига с кирпичной сушильной печью и баня. Изучая страховое дело 1914 г., можно заметить, что владельцы убрали ветхие строения, а перестройка дома повысила оценку до 11 тыс. руб.¹³⁵

Как это часто бывало, постоянно растущие цены на землю в Московской губернии помогали Бекетовым, как и многим другим землевладельцам, свести концы с концами. Само владение землей и ее заклад приносили прибыль. Проценты, получаемые в банке под залог земли, были весомой статьей в строке дохода этой семьи¹³⁶.

При этом денег хватало лишь на поддержание все того же, принятого в имении изначально, стародворянского образа жизни. Гостивший в 1904 г. в «Шахматове» Андрей Белый вспоминал: «Просыпались с ленцою часам к девяти; опускались часам к десяти; пили кофе со сливками... Блоки являлись в двенадцатом: А[лександр] А[лександрович] – в рубашке с пурпуровыми лебедями; в широком и “бледно-заревом, пламезарном” капоте – Л[юбовь] Д[митриевна]; после кофе ленились в уютной и светлой гостиной; во всем – своя форма; всему – свое время...»¹³⁷.

«Шахматово» десятилетиями хранило замкнутость своего внутреннего мира, не желая следовать неумолимым законам наступившего «века акций, рент и облигаций». Сочетание «барственности» и «демократичности», свойственное образу жизни Бекетовых и Блоков в столице, многие годы отличало их быт и в подмосковной усадьбе. В ее укладе, определяемом людьми своего круга, до начала XX в. остались неизменными традиции русской дворянской усадьбы, которые практически не затронул «мировой водоворот».

Связанное незримыми духовными нитями с Санкт-Петербургом, «Шахматово» выделялось среди других имений своей необычной внутренней природой. В середине 1870-х гг. Бекетовы предполагали возродить в имении помещичье хозяйство старого образца. В эту модель жизнь постоянно вносила свои коррективы, заставляя хозяев невольно следовать законам рынка. Рисуя в поэме «Возмездие» историю своей семьи, Блок писал: «Путем катастроф и падений мои “Rougon-Macquart’ы”¹³⁸ постепенно освобождаются от русско-дворянского education sentimentale¹³⁹, “уголь превращается в алмаз”, Россия – в новую Америку». «Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал», – заключает поэт, сознавая неотвратимость общественных и экономических перемен.

6. СЕМЕЙНОЕ ГНЕЗДО «ТИМОФЕЕВКА» Д.И. И А.А. ЧЕТВЕРИКОВЫХ

*Когда чрез много, много лет
Раскроешь ты листки альбома,
То вспомнишь тех, кого уж нет,
И вместе с ними — облик дома,
Весны душистой аромат,
Зеленый луг, тенистый сад,
Где льется песня соловья,
Где юность протекла твоя.*

А.А. Четверикова

В начале 1870-х гг. в Богородском уезде лесные и пашенные угодья на пересечении Стромьинского тракта с рекой Клязьмой стали приобретать у помещиков Рахмановых, Арсеньевых и Калужских члены семьи Четвериковых, владевших расположенной в двух верстах фабрикой. В 1879 г. фактический глава предприятия С.И. Четвериков, обзаведясь семьей, решил обосноваться поближе к производству.

Его супруга Мария Александровна, дочь А.В. Алексеева, оформила тогда купчую на 170 дес. земли в пустоши Кашинцево при селе Анискине¹⁴⁰, где Четвериковы стали строить деревянный дом. Неся на себе заботы о восстановлении славы фамильного дела, которое находилось после смерти отца в весьма расстроенном состоянии, предприниматель обеспечивал благополучие всех членов семьи.

У своего брата Дмитрия, который был много младше, он пользовался почти отцовским авторитетом. Когда, закончив юридический факультет Московского университета, Дмитрий получил степень кандидата прав, С.И. Четвериков ввел его в состав директоров Товарищества Городищенской суконной фабрики, но интереса к предпринимательству Дмитрий не питал. На предприятии он, не проявляя большой инициативы и рвения в управлении, занимался вопросами быта и образования рабочих. На этом поприще Д.И. Четвериков и в дальнейшем показал себя как справедливый и заботливый хозяин, поскольку человеком он был душевным, порядочным и отзывчивым. Нравственные качества

младшего Четверикова были очень высокими, и это благотворно сказалось на моральном уровне фабричных рабочих.

В 1884 г. Д.И. Четвериков женился на А.А. Алексеевой, а Сергей Иванович, заботясь о молодой семье, купил тогда же для них при селе Анискине (оно также называлось Тимофеевским) небольшое имение с помещичьим домом. Полюбив имение «Тимофеевка», Дмитрий Иванович так и не завел собственного особняка в Москве. Сергей Иванович замечал, что, будучи из чисто купеческой среды, младший Четвериков оказался типичным «дворянином-помещиком»: «Видный общественный деятель, несменяемый член педагогического и врачебного советов земства, устроитель и попечитель многих земских школ и больниц, страстный охотник, любитель и знаток в собаках и лошадях, хлебосол, державший в образцовом порядке свой маленький клочок земли. Ему вместе с тем были присущи и все слабые стороны этого класса людей. В нем совершенно отсутствовала жилка “жизненной борьбы”»¹⁴¹.

Что касается Александры Александровны, то она, сохранив яркость своей личности, стала хорошей хозяйкой и прекрасной матерью для своих восьмерых детей, которых она «водила по жизненному пути». Близко ее знавшие вспоминали ее горячий нрав, энергию, добродушие, мягкий юмор и «чарующее влияние ее личности». Она много читала, состояла в переписке с Л.Н. Толстым, была азартной в охоте и в ужении рыбы, умела править санями или тарантасом и лихо скакала верхом. «Брат буквально молился на нее», — вспоминал Сергей Иванович об этой замечательной женщине.

Начиная с 1885 г. Четвериковы стали налаживать жизнь своего имения. Через год на высоком берегу Клязьмы Дмитрий Иванович отстроил новый бревенчатый дом с террасой и завел небольшое хозяйство. Поскольку почвы в этих краях были песчаные, решили ограничиться скромным огородом да посевом клевера на корм корове и лошадям: двум верховым, четырем упряжным и двум — для сельскохозяйственных и других работ. В черте имения, а оно насчитывало 52 дес., находился смешанный лесок, где и паслась эта единственная корова, дававшая 250 ведер молока в год.

Первое время вся живность помещалась в отремонтированной конюшне, оставшейся от прежних хозяев. Там же, в пристройке, хранились нужные для пахоты плуги и борона. В страду владелец «Тимофеевки» нанимал крестьян со своими лошадьми, вдвое увеличивая обычную оплату труда. Получать 1,5 руб. ежедневно охотников находилось немало, так что никто не был обижен — ни хозяин, ни работники.

Первые два года Д.И. Четвериков занимался планировкой усадьбы и строительством. Помимо жилого дома и конюшни в «Тимофеевке» возвели деревянный флигель с кухней, устроили погреб с кладовой, хранилище для картофеля, сарай для хранения клевера. Появился в имении и деревянный сарай с весами, необходимый каждому сельскому

Д.И. Четвериков – директор Товарищества Городищенской суконной фабрики, владелец имения «Тимофеевка» Богородского уезда Московской губернии. Начало XX в. Семейный архив Четвериковых

хозяину: на груженных подводах взвешивали клевер на корм скоту или навоз для удобрения огорода¹⁴².

Для прислуги было построено отдельное помещение, одну часть которого занимала прачечная¹⁴³. В усадьбе возвели было домик управляющего, но Четвериков стал сам вести хозяйство, поэтому появился еще один флигель для многочисленных московских друзей и знакомых.

В 1886 г. в семье Четвериковых родился первенец Ваня, получивший прозвище «Арапчик» за кудрявость волос, а за ним – Александр, по-домашнему «Буся» – от «Бусинка». Детские прозвища были в ходу в этой семье, нередко подменяя собой имена. Так, перенеся какое-то детское заболевание, Сергей навеки получил семейное прозвище «Желтый», к которому все так привыкли, что иначе и не называли. Дети рож-

дались почти ежегодно: Дмитрий, Анна, Сергей, Тата, Катя... Сначала их препоручали няням, которые катали коляски, пестовали малышей, гуляли с ними, рассказывали сказки и со своей, народной, точки зрения объясняли события жизни. Некоторые из них жили в «Тимофеевке» десятилетиями. Не имея кормильцев, они, состарившись, обосновывались в какой-либо из богаделен, но были желанными гостями в семье Четвериковых, приезжая сюда погостить и полюбоваться на своих ставших взрослыми «деток». Похоже, что их приездам дети радовались больше, чем визитам строгой бабушки Елизаветы Михайловны Алексеевой, не терпевшей никаких возражений и шалостей.

Садовник катает в тачке внуков Д.И. Четверикова. 1910-е гг. Семейный архив Четвериковых. Публикуется впервые

Воспитание мальчиков в «Тимофеевке» было доверено гувернеру А.И. Гардену, не только дававшему знания, но и занимавшемуся с ними гимнастикой, верховой ездой и стрельбой. Юные Четвериковы проводили в усадьбе детство, любя и понимая природу. «Дорогая мама, — писал из «Тимофеевки» в Италию Александре Александровне сын Сергей, — у вас там, небось, жара, а у нас здесь собачий холод, 3° тепла, и идет целый день снег. Из птиц прилетели: грачи, жаворонки, трясогузки и скворцы. Тетерева начинают токовать...»

Детей в этой семье не баловали, считая, что привычка к труду должна быть у каждого. Зимой, например, в обязанности мальчиков входила чистка дороги от усадьбы до Стромьинского тракта. Девочек «наставляли» бонна Матильдочка или учительница Иллариya Васильевна Иваниц-

Няня в имении Д.И. Четверикова «Тимофеевка». 1890-е гг. Семейный архив Четвериковых. Публикуется впервые.

кая. Занятия малышей чтением и счетом проходили в отдельной классной комнате. Дети получали музыкальную подготовку под руководством А.Ф. Гедике, ставшего впоследствии профессором Московской консерватории. В имении были устроены теннисный корт, площадки для игр, построены «детские» домики.

На «семейной сцене», а вернее — на террасе дома, ставили любительские спектакли, для которых специально шили костюмы. Бывало, что не только обитатели «Тимофеевки», но и гости участвовали в постановке. Домашнее образование продолжалось до 13 лет, а затем дети заканчивали обучение в Москве в лучших гимназиях.

В усадьбе выходила рукописная газета «Тимофеевские ведомости», откликавшаяся на насущные вопросы «внутренней» и «внешней» жизни. Так, экстренный выпуск в 1905 г. сообщал:

«На днях приезжал губернатор Джунковский в Шелково, в Анискино. Ваня ждал его на фабрику. Приготовил обед. Выставил пожарную дружину. Вычинил мост. Исправил дорогу. А губернатор не заехал.

Театр и музыка. Ежедневно исполняются солистами и хором поселян ария из оперы “Игорь” (“О, дайте, дайте мне свободу”) и хор из “Жизни за царя” (“Продрогли мы”). Нередко также исполняется ария Сусанина “Ты взойдешь моя заря”. В недалеком будущем опера готовится к постановке.

Дядя Сергей очень озабочен. “Союз 17 октября” что-то затеял из другой оперы. Какой-то там Гучков хочет взять высокую ноту.

Официальный отдел. Ее коровье величество Пестрянка благополучно разрешилась от бремени сыном. Здоровье августейшей родительницы и высоконоворожденного вполне удовлетворительное.

Печальное недоразумение. Министр двора, д.с.с. Жулик¹⁴⁴, случайно зайдя в сарай в сумерки, был по крайней небрежности сопровождавшего его сторожа заперт в нем на ночь. К счастью, здоровье министра не пострадало. Сторож привлечен к суду.

Вниманию туристов. Отель “Тимофеевка”, в прекрасной местности, четыре версты от станции ж[елезной] д[ороги], помещения на разные цены, посредственный стол и, по желанию, за особенную плату, утром мутный чай и возмутительный кофе».

Поскольку Дмитрий Иванович был заядлым охотником и, кроме того, обладателем лучшей своры гончих в Московской губернии, в «Тимофеевке» процветала охота. Московские знакомые — предприниматели Аванцо, Востряковы, Живаго, Дунаевы, Лемерсье, Пельтцеры — приезжали в конце недели на тягу или ток. Птицы в окрестностях усадьбы было много, и охотники оставались в имении до понедельника.

«Шумно и весело проходили эти воскресные вечера. Оживленные споры и разговоры по злободневным вопросам, охотничьи переживания за ужином и пение и пляс после него — все это вносило какое-то светлое, жизнерадостное настроение, — вспоминал С.И. Четвериков, который

Дети Д.И. Четверикова во главе со своим гувернером А.И. Гарденом чистят подъездную дорогу к усадьбе. Конец 1890-х гг. Семейный архив Четвериковых. Публикуется впервые

любил бывать в «Тимофеевке», получая там душевный покой и разнообразие впечатлений. — Брат ...превосходно играл оперы, а танцы так, что когда садился за рояль и играл вальс, то в пляс пускался и млад, и стар».

«Освежающее влияние Тимофеевки» испытывали все, кто хотя бы раз провел здесь время. Несмотря на то что дом был набит до отказа и за хлебосольный стол садились десятки людей, хозяйка усадьбы была добродушно приветлива и с помощью своих «оруженосцев» — гувернантки Матильдочки, или, как ее называли еще, «Мадамочки», и кухарки по прозвищу «Не равно» — прекрасно справлялась с хозяйскими обязанностями.

В усадьбе был отстроен большой «собачатник», вокруг которого постоянно кипела жизнь. Туда спозаранку устремлялись и дети, и взрослые. Щенки разгуливали везде и были участниками детских игр и забав. Фотографии собак посылали в виде открытых писем, сообщая тимофеевские новости. Так, Дмитрий Иванович писал в 1909 г. маленькой Наташе: «Христос Воскресе, дорогая моя Поша! Смотри, какая Снегурка¹⁴⁵ красавица и какая она умная и шуткарка! Желтый стал очень важный: у него выросла борода, ровно восемь длинных белых волосьев. Жулик слу-

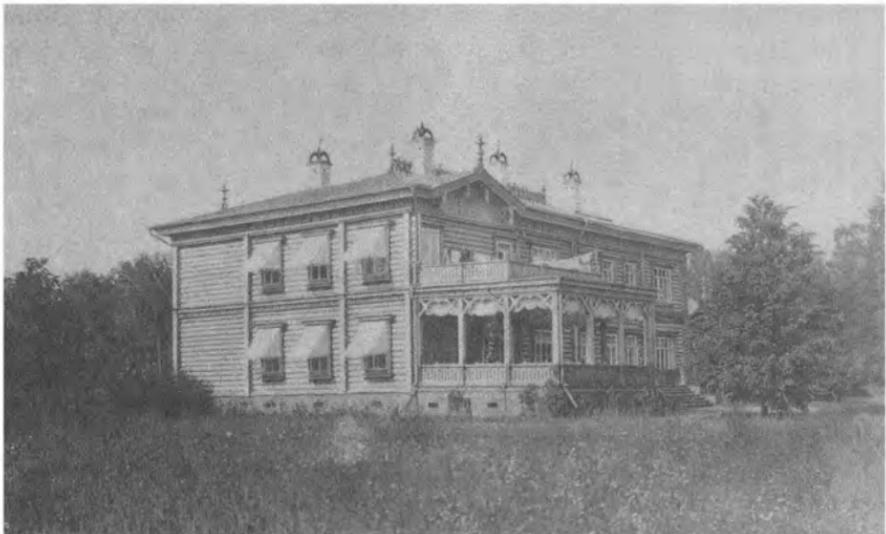
жит теперь сидя на стуле. Они очень мило возьмется со Снегуркой. Кинарейка¹⁴⁶ ваша здорова и весело трещит, когда светит солнышко».

В те же дни в письме к Тате и Катеньке отец семейства сообщал: «Огурцов я собрал 13 мер. Теперь они кончились... Ненастье губит все. Рожь, овес и ячмень стоят в поле. Кур на новоселье еще не перевел. Щенятки выросли, лают и играют. Есть новый котенок, бегаёт за мной, как собачка, далеко в поле».

А тому же «Желтому», т.е. сыну Сергею, в связи с рождением у породистой суки щенка отправлялась такая открытка: «Милый Желтый, с новорожденной тебя. В воскресенье мы с Ваней свободно могли бы убить трех беляков, но не стреляли. Сегодня открытие псовой охоты. У нас теперь девять гончих щенят... Кроликов что-то не видать. Бари и Друг¹⁴⁷ здоровы и стали многоумные. Понимаешь? Твой папа».

С 1907 г. Четвериковым часто приходилось разлучаться. Младшая дочь Наташа, родившаяся в 1902 г., в возрасте пяти лет заболела детским параличом. Родители не жалели средств и усилий, чтобы вернуть малышке здоровье. Александра Александровна возила «Поммика», как ее называли, на консультации к мировым знаменитостям. Она вместе с Наташей проводила месяцы в клиниках за границей.

В это время Четвериковы ежедневно обменивались письмами. Александра Александровна жила надеждой на выздоровление дочери и скучала о доме. В 1910 г. из Аббации она сообщала Тате и Катеньке на обороте почтовой фотографии: «Видите, как стоит Пошенька

Садовый фасад главного дома в имении «Тимофеевка» Д.И. Четверикова. 1913 г. Семейный архив Четвериковых. Публикуется впервые.

Семейство Д.И. Четверикова на пикнике. Начало XX в. Семейный архив Четвериковых

А.А. и Д.И. Четвериковы с детьми и внуками на террасе главного дома в «Тимофеевке» Богородского уезда. 1909 г. Семейный архив Четвериковых

на своих гипсовых ногах. ...Она очень просит ей прислать карточку, где мы все 13 человек сняты на балконе. Пусть Желтый отпечатает, и можно еще прислать виды нашего дома, и еще, что есть нашего, она очень просит...». Каждое из писем она заканчивала приветом всем родным, домочадцам, а затем — прислуге, т.е. «всему дому: “мужичищам” и бабью».

В ответ она получала весточки от каждого из детей и отдельно — от мужа. «Пишу тебе только для того, чтобы написать и заочно поцеловать покрепче. Нового у нас ничего особенного нет. Весна — да, несомненно, весна, но холодная и еще без всякой охоты. Проклятый юго-восток сгоняет снег, но душу леденит, — писал Дмитрий Иванович супруге в Италию в апреле 1909 г. — Сегодня у нас была большая компания... Завтра все, конечно, уезжают, а с понедельника запрягусь на фабрику».

Усилия родителей и врачей оказались напрасными — Наташа осталась инвалидом. Это было настоящее семейное горе. Александру Александровну не покидала тревога за судьбу больной дочери. Старшие дети выросли, заводили семьи, а в усадьбе заметную роль стал играть врач А.Н. Алексин, знакомый М. Горького, приобретающий все большее влияние на мать несчастного ребенка.

Желающий добра семье брата Сергей Иванович, видя, как растет расхождение между любимыми им людьми, не мог не чувствовать той душевной драмы, которая омрачила последние годы жизни Дмитрия. В 1911 г. Д.И. Четвериков умер, а через год ушла из жизни Александра Александровна. За некоторое время до ее кончины Сергей Иванович, будучи душеприказчиком Дмитрия, посоветовал ей оставить «Тимофеевку» безнадежно больной дочери, чтобы создать «центр семьи», куда могли бы в любое время приезжать братья и сестры, чувствуя себя вновь единым сообществом под этим родным кровом.

Но судьба распорядилась иначе. В 1917 г. «Тимофеевка» была потеряна Четвериковыми навсегда, а представителей этой большой и дружной семьи жизнь разметала по разным странам мира. Однако воспоминания о счастливом детстве в усадьбе на берегу Клязьмы остались связующим звеном не только для них, но и для их потомков.

**7. ЗАГОРОДНЫЙ ПРИЮТ
ПРИВЕРЖЕНЦА «ДРЕВЛЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ»:
ИМЕНИЕ «ОДИНЦОВО-АРХАНГЕЛЬСКОЕ»
В.Е. МОРОЗОВА**

Ограниченное стенами пространство жилища надо насытить богатством красок, и тогда люди должны почувствовать радость жизни; все вокруг должно ласкать их глаз, смягчать сердца и сделать их сердцебие-ние добрее.

Ф.О. Шехтель

Новая усадьба стояла на вершине холма, словно сказочный дворец, радуя глаз своими разновеликими кровлями и башенками. Подъезжая к имению, экипажи сбавляли ход, огибая холм, и за каждым поворотом дороги открывались новые чудесные картины. Непохожие друг на друга фасады главного дома, просторные террасы со спускающимися в парк лестницами, украшенными античными скульптурами и вазами с цветами, создавали, в сочетании с зеленью окружающего леса и рекой, впечатление огромного города, неожиданно возникшего в глуши Подольского уезда.

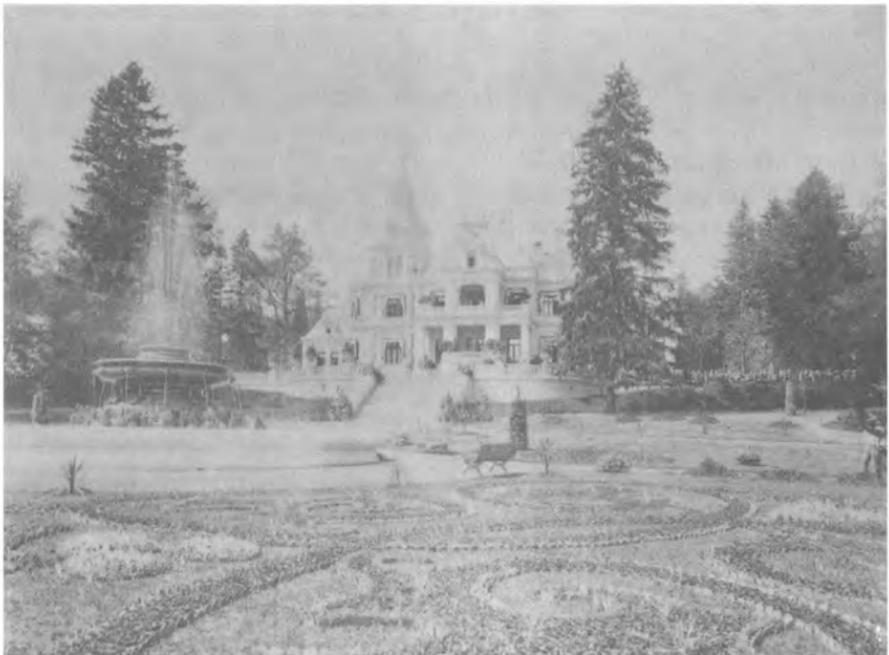
Миновав белокаменные парадные ворота, увенчанные шатровой крышей с кованым вензелем владельца, надо было еще пару верст ехать парком. Вдали за молодыми садами виднелись постройки фермы. От флигеля управляющего имением нужно было круто свернуть в сторону, чтобы, минуя цветники и лужайки, подкатить к роскошной лестнице палатцо.

Одно за другим ландо въезжали на внутренний двор, где нарядно одетых гостей встречал хозяин — знаменитый фабрикант мануфактур-советник В.Е. Морозов, устроивший 20 июля 1894 г. прием в честь завершения постройки усадьбы «Одинцово-Архангельское». Глава одной из крупнейших в России мануфактур в селе Никольском Покровского уезда Владимирской губернии был рад представившейся ему возможности показать свое новое поместье, созданное по проекту талантливого театрального декоратора Франца Шехтеля.

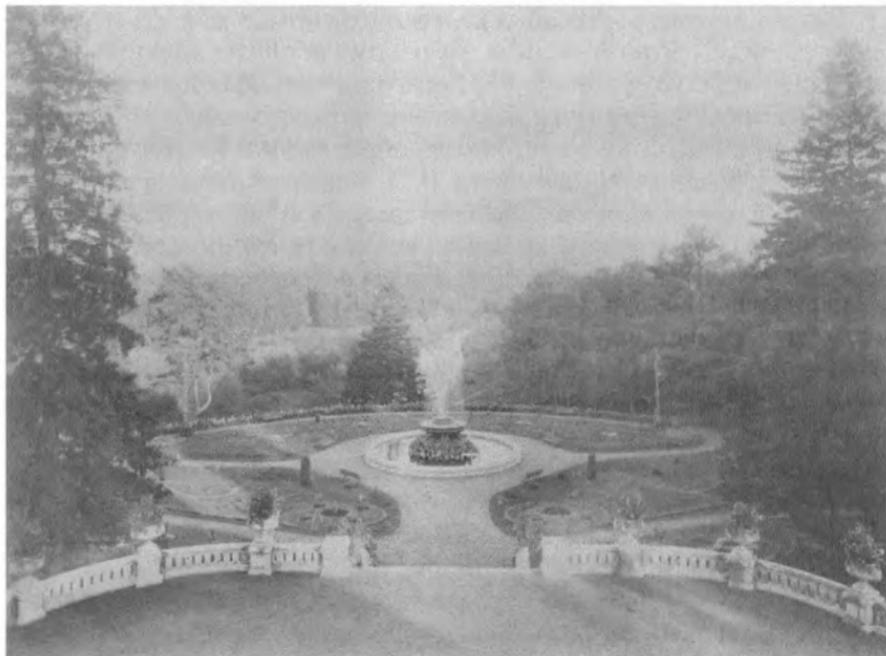
Викул Елисеевич без особых колебаний решил заказать ему постройку своей загородной усадьбы. Несколько лет назад Шехтель завершил строительство архитектурно-паркового ансамбля в имении «Кирицы» Рязанской губернии для железнодорожного «короля» С.П. фон Дервиза, человека столь же требовательного, сколь и богатого.

В Москве для сахарозаводчика П.И. Харитоненко в особняке на Софийской набережной он создал интерьеры в духе английского Средневековья, которые поражали воображение современников. Архитектор собственного дома Викула Елисеевича в Подсосенском переулке в Москве М.Н. Чичагов рекомендовал Шехтеля с самой лучшей стороны, поскольку тот в юности работал в мастерской его брата Дмитрия, где выделялся своими незаурядными способностями.

Главу основанного в 1882 г. Товарищества мануфактур В. Морозова с сыновьями не останавливало, что у Шехтеля отсутствовало официальное право на ведение архитектурной деятельности. Полные фантазии театральные феерии и новаторские сценические трюки, которые тот воплощал в увеселительном саду «Эрмитаж» М.В. Лентовского и в Большом театре, обратили на себя внимание Москвы. Викул Елисеевич, не получивший классического образования из-за необходимости вести фамильное дело, не придавал никакого значения отсутствию у Шехтеля

Усадебный дом в имении В.Е. Морозова «Одинцово-Архангельское» со стороны реки Рожай 1890-е гг. Семейный архив Морозовых

Вид от главного дома на парк и пойму реки Рожай. 1890-е гг. Семейный архив Морозовых

аттестата. Более того, он не ограничивал зодчего в средствах и позволил воплотить в своем имении при селе Архангельском его замыслы и необычные стилевые решения.

Что касается архитектора, то он вложил в осуществление этого проекта всю энергию молодости. Шехтель работал с увлечением. «Это был фонтан жизнерадостности, почти беспечного наслаждения жизнью, жизнь в нем бурлила, как бурлит бутылка откупоренного шампанского» — таким он тогда виделся окружающим¹⁴⁸. При этом он живо интересовался последними достижениями мирового искусства и архитектуры, несколько раз в году бывал в Европе, а в его рабочем кабинете всегда можно было увидеть много нового и необычного — и вещей, и книг, и картин, и рисунков¹⁴⁹.

После завершения строительства усадьбы «Одинцово-Архангельское» его коллекцию памятных вещиц пополнило меню обеда в день новоселья в «Одинцово»: фотографическая карточка главного дома, а на обороте — перечень блюд стола, который мог составить честь высокопоставленному вельможе. За супом-пюре и консоме следовало филе «Ренессанс», стерляди в белом вине, котлеты из рябчиков, жаркое из дичи. На десерт подавали пунш-банан, суфле-гляссе, фрукты. Согласно задуманному церемониалу каждому блюду соответствовали

особые французские вина. А в море шампанского, казалось, можно было утонуть.

Постепенно парадные церемонии уступили место шумному застолью и танцам, а затем и буйному веселью. Франц Шехтель позже на карточке сделал запись: «В[икул] Е[лисеевич] продолжал пьянствовать ц[елую] неделю, и оставалось с ним человек 20 гостей. Я уехал на третий день. Ф.Ш.»¹⁵⁰.

Хозяин имения, довольный окончанием колоссальных работ, собирался жить в «Одинцове» с комфортом. Московскому фабриканту на тот момент уже минуло 62 года. Его желание отойти от дел было естественным: с юных лет он вынужден был принимать непосредственное участие в управлении мануфактурой и красильней, созданными его отцом Елисеем Саввичем. Когда ему не исполнилось и двадцати лет, Викул построил в Никольском самоткацкую фабрику для выработки суровых материалов. В это время отец, старообрядец беспоповского согласия, решил всецело посвятить себя служению «древлему благочестию» и вовсе устранился от дел. Елисей Саввич занялся писанием религиозных трактатов и был настолько фанатичен, что один из самых строгих старообрядческих толков назвали «Елисовой верой».

Викул также следовал заповедям старорусского православия, правда, не с такой самоотверженностью. О его семье современник писал: «Все они (Викуловичи) были старообрядцы-беспоповцы, кажется, поморс-

Хозяин усадьбы В.Е. Морозов (первый справа) с семьей за чайным столом Слева направо. А.В. Морозов, Е.К. Вострякова, Е.Н. Морозова, Борис Морозов, Р.Д. Востряков, Саша Морозов. 1894 г. Семейный архив Морозовых

кого согласия, очень твердые в вере. Все были с большими черными бородами, не курили, ели непременно своей собственной ложкой»¹⁵¹. Как рассказывали, Викул Елисеевич был большой любитель слушать чтение Священного Писания. Первое, что начинали изучать его дети, — это «Устав» и благочестивые книги. В его особняке в Москве существовала моленная поморцев-брачников, где по торжественным случаям службу исправляли старцы Преображенской общины.

Получив бразды правления семейными предприятиями, Викул нашел поддержку в лице своей жены, также происходившей из старообрядческой купеческой семьи Кочегаровых и ставшей его помощницей. На свои фабрики Морозов принимал рабочих преимущественно своей веры. В фабричном поселке он построил казармы с бесплатным проживанием, где были электричество и водопровод. При предприятии имелись торговые лавки, хлебопекарни, фермы и огороды, а также две школы, богадельня и больница.

Выйдя из народных низов, хозяин духовно не отделял себя от своего окружения, гордясь тем, что вокруг него «кормится много народа». При фабрике существовала часовня, причем подчас богослужение там совершалось самим хозяином. Рабочие и мастера, посредники, домашние кустари николевских фабрик принадлежали старообрядческой общине. Перед началом смены все рабочие во главе с мастером становились на колени и начинали молитву. Сам Викул Елисеевич накладывал на провинившихся строгий пост или предписывал им класть земные поклоны во время обеденного перерыва или после рабочего дня¹⁵². В школах и читальнях вечерами проходили религиозные чтения, а самые ревностные в смысле веры семьи пользовались патронажем хозяина.

Вместе с тем, став обладателем большого состояния, Викул Елисеевич постепенно начал менять свой образ жизни и бытовой уклад. Побывав за границей по делам фирмы и на отдыхе, он и его семья познакомились с искусством и культурой Европы. В Москве он старался не пропускать ни одной театральной премьеры. Бывая в Санкт-Петербурге, обязательно посещал знаменитые музеи в окрестностях северной столицы.

Его сын Алексей, имевший обыкновение вести дневник, сделал в 1876—1878 гг. такие записи: «Вечером в опере. Шел “Фауст”, очень деликатная история; на меня всегда это производит впечатление, хотя в музыке я знаю что-то весьма небольшое. Мазини с чувством пел...

На прошлых Святках было решено, что я выйду из школы и буду заниматься нашим торговым делом... Ездил на фабрику, был на Нижегородской ярмарке. Хотя я особенно призвания к этому не чувствовал, но раз сознав, что это моя обязанность, был почти уверен, что в силах изучить его...

...Теперь — пост... Мне кажется неловким ехать в театр или куда-нибудь еще; нельзя идти в разрез с обычаями дома, и притом это немного

противоречит собственной совести. Вот почему жажда жизни, стремление к ней не может реализоваться. Наука купли и продажи должна вытеснить другие, более заманчивые...

Бог даст, поедем с папашей в Питер хлопотать о заграничных паспортах. ...Во вторник утром мы прибыли в Петербург. Папаша до обеда хлопотал с паспортами и отчасти ходил со мной по Питеру. ...Питер — настоящий город, наша же матушка Москва — большая деревня. Прекрасные постройки, дворцы, памятники — все это стройно, великолепно... После отличного обеда в нашей гостинице (мы остановились в “Европейской”) мы отправились *a la point*... В среду я восхищался Петергофом... В четверг поехали в Царское, чтобы оттуда пробраться в Павловск»¹⁵³.

От старшего сына Викул Елисеевич ждал многого и готовил его к роли главы Товарищества. Тот, напротив, никакого интереса к фабричному делу не испытывал. Тихий и флегматичный Алексей, хотя и помогал отцу, предпочитал мир художественных образов, увлекался поэзией, а в конторе откровенно скучал. В семье Морозова было двенадцать детей, причем дочери Викула Елисеевича вышли замуж за представителей достойных купеческих фамилий: мебельных фабрикантов Шмитов, предпринима-

Морозовы и их гости в усадьбе «Одинцово-Архангельское». Сидят (слева направо): Е.В. Морозов, А.А. Коншина (урожд. Второва), В.А. Морозова, А.В. Морозов. Стоят (слева направо): И.В. Морозов, И.А. Морозов, С.Н. Коншин, Н.И. Чечелев. Начало XX в. Семейный архив Морозовых

телей Кокоревых, Зиминых, Горбуновых, Любушкиных. Из других наследников только Иван Викулович мог повести фамильное дело надлежащим образом и стать опорой родоначальнику фамилии, а пока он получал юридическое образование в университете, занимался верховой ездой, фехтованием, стрельбой, интересовался музыкой и литературой.

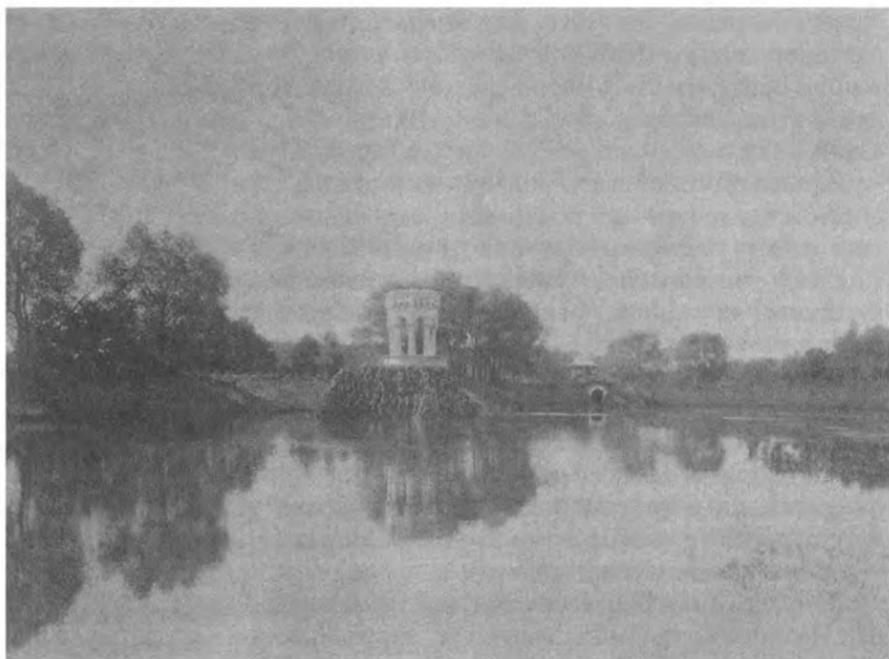
Суровый и требовательный хозяин николевских фабрик ожидал и дома беспрекословного подчинения своей воле. Жена боялась прогнать супруга неловким поступком, а дети были под присмотром воспитателей и учителей. В особняке во Введенском переулке чаще всего царил мрачная тишина, поскольку родитель был «в грозе и буре» или бил земные поклоны, замаливая грехи. Но даже его раскаяние, бывало, носило странные формы: покинув моленную, Викул Елисеевич просил подать ему мадеры, а затем беспробудно пил неделю или две. «Мнительность — наше наследственное несчастье», — выдавал в своем дневнике двадцатилетний Алексей «семейные тайны». Среди его записей много размышлений о душевной апатии, о неприятии «острого запаха “темного царства”», о необходимости доказывать собственную значимость «человеку непатентованному».

В 1891 г. Викул Елисеевич приобрел земли в Подольском уезде у дворян Ивановых, оформив купчую так, чтобы половина владения числилась за его супругой Евдокией Никифоровной¹⁵⁴. В старые годы земли к юго-востоку от Москвы принадлежали русским государям и Церкви. Затем, пожалованные дворцовым слугам, они стали вотчинами старинных благородных родов. Здесь сохранилось много помещичьих усадеб с роскошными загородными дворцами и парками, и поэтому уезд относился к разряду «дворянских».

Рязано-Уральская дорога прошла через лесные чащи и поля в этих местах только в 1900 г., а до того времени окрестности Москвы с юго-востока были еще не обжиты дачниками, и земля здесь стоила дешевле, чем в других уездах. Поэтому 795 дес. имени Морозова оценивались для взимания земского сбора только в 25 тыс. 463 руб.¹⁵⁵

Новый загородный дом был построен Викулом Елисеевичем со всеми необходимыми службами и парковым ансамблем на берегу реки Рожай. Шехтель воплотил в постройке разнообразные мотивы популярной в среде московского купечества «готики». Однако в его прочтении она приобрела «барочные» черты: яркие, помпезные, парадоксальные. Второй план восприятия охватывал здание вместе с красочным ковром партера, украшением которого служил большой фонтан. С наступлением сумерек водяные струи подсвечивались цветными электрическими лампами.

Издаലെка усадьба выглядела не менее живописно. Искусственные заводы и каналы составляли очарование пейзажного парка. На острове посередине тихого озера с плавающими там белыми и черными лебедями стоял уединенный павильон в византийском стиле.

Павильон в византийском стиле на острове среди пруда и вид на шлюз в имении «Одинцово-Архангельское». Фотография К. Фишера. 1894 г.

Комнаты в главном доме имели в парадной части анфиладное расположение, и каждая была наполнена вещами, созданными по отдельным эскизам. Соединение в одном помещении различных материалов — мрамора, дерева, металла, бархата, шелка, молочного и цветного стекла — создавало фантастические интерьеры. Архитектор полагал, что человек ищет в искусстве антитезу той скучной действительности, которая утомляет и истязает его душу, так что искусство должно давать радость и праздничное настроение «душевному глазу»¹⁵⁶. И его мысли не противоречили религиозному чувству хозяина-старообрядца.

В коридорах стены были оформлены деревянными панелями, в гостиных — расписаны по влажной штукатурке, в спальнях — обиты штофом и шелком. Антикварные напольные вазы стояли в специально для них спроектированных нишах. Наборный паркет во всех комнатах имел разный рисунок. Потолочные росписи отвечали назначению помещений, а многочисленные предметы мебели были изготовлены на заказ.

Во всем этом можно было бы увидеть некоторую зависимость обитателей новой усадьбы от воли художника. Но знаток жизни московского купечества писатель П.Д. Боборыкин в книге «Китай-город» дал другое объяснение. Рисую кабинет одного из героев, мануфактур-

Малая столовая в главном доме имения «Одинцово-Архангельское». Фотография К. Фишера. 1894 г. Публикуется впервые

советника Нетова, он замечал: «Везде обшивка резного дерева: дуба, карельской березы, ореха. Потолок весь штучный, резной, темных колеров, с переплетами и выпуклыми фигурами, стоил больших денег. ...Каждый стул, табурет, этажерка делались по рисункам архитектора. Хозяин кабинета не может никуда поглядеть, ни к чему прислониться, ни на что сесть, чтобы не почувствовать, что эта комната, да и весь дом в некотором роде — музей московско-византийского рококо. Это сознание наполняет Евлампия Григорьевича особым сладостным почтением к собственному дому»¹⁵⁷.

Заметим, что это же сознание наполняло хозяина и почтением к самому себе. Строительство «фамильного замка» было важным этапом в создании новой родословной для линии Викуловичей. Так, монограмма «ВМ», которая прочитывалась в узорах кованого завершения шатровой крыши въездных ворот, затем повторялась вновь в потолочном фризе парадной гостиной, декларируя всем собравшимся высокий статус денежного аристократа.

Вблизи дома располагался флигель для прислуги с граненой башней, увенчанной зубцами. В башне была скрыта труба находившейся в подвале здания котельной. Кирпичное и частично оштукатуренное здание со скошенными углами по своему архитектурному решению перекликалось с господским домом. Отдельно стоял флигель управляющего с удобной планировкой внутреннего дворика. Его просторные комнаты предназначались для нужд небольшой семьи. В доме были кафельные голландские печи, подвал, кладовые, несколько входов.

У реки среди зелени виднелись хозяйственные постройки: ферма, птичник, оранжерея с парниками. Электричество и техническое оснащение предполагали организацию в усадьбе современного сельского производства. Для постоянных рабочих существовал флигель, где жилые помещения находились наверху, там же была гладильня, а баня и прачечная — внизу. Для сушки белья устроен был отдельный сарай со стенами-жалюзи.

Что касается конного двора, предназначенного для верховых и ездовых лошадей, то его существование становилось «морозовской» традицией. Но если один из сыновей, Сергей Викулович, будучи знатоком и любителем русского рысака, оставался навсегда скачек и бегов, то другой, Иван Викулович, сделал много для российского коннозаводства, став основателем одного из лучших племенных заводов при селе Успенском Звенигородского уезда.

За церковью Михаила Архангела, построенной в 1800 г. Нарышкиными, лежала деревенька, внося своими серыми крышами истинно русский колорит в окружающий ландшафт. Новая усадьба уже своим существованием меняла образ жизни крестьянского мира: теснила общинные земли, превращала луговины в газоны, диктовала строгие порядки во владельческих рощах. Для работы в имении нужны были умельцы, способные

Ферма и конный двор в имении «Одинцово-Архангельское». Фотография К. Фишера. 1894 г. Публикуется впервые

Дом управляющего и контора имения «Одинцово-Архангельское». Фотография К. Фишера. 1894 г.

управляться с паровыми молотилками Эмиля Липгарта, санными прессами Генриха Ланца, косилками Мак-Кормика и прочими сельскохозяйственными механизмами. Управляющий имением нанимал местных жителей только на поденные работы в страду, а флигеля при хозяйственном дворе Морозова занимали опытные специалисты. Появление передовой техники на полях вызывало у крестьян сложные чувства. Нововведения помещика-промышленника усиливали настороженность и отчуждение крестьян. Должны были пройти годы, чтобы из воспитанников «Архангельской школы», основанной при имении в 1903 г. А.В. Морозовым, получились бы просвещенные работники¹⁵⁸.

Викул Елисеевич не успел осуществить всего задуманного им в «Одинцово-Архангельском». Осенью 1894 г. он умер, а вслед за ним и его супруга, и до совершеннолетия наследников-внуков имением управлял сын Алексей Викулович, коллекционер и знаток искусства. Не имевший собственной семьи, он подолгу не жил в усадьбе, в то время как семьи его родственников гостили с детьми и собственной прислугой на этой роскошной даче.

Внучка Викула Елисеевича Ольга вспоминала: «Огромный дом был готическим, изощренным по своему стилю, с башнями, тайными переходами, остроконечными крышами, красным и серым кирпичом и бесконечными галереями. На огромной территории, занятой лиметтами, фруктовыми садами, лужайками и тщательно возделанными огородами, юные Морозовы играли со своими братьями и сестрами или взрослыми, которые были приглашены на обед или отдых». К тому времени

Художник Н.И. Чечелев пишет портрет Оли Морозовой на балконе дома в имении «Одинцово-Архангельское». Слева – В.А. Морозова. Начало XX в. Семейный архив Морозовых

Вид главного дома в имении В. Е. Морозова «Одинцово-Архангельское» Подольского уезда со стороны подъездной аллеи. Фотография К. Фишера. 1894 г.

деревья в парке уже подросли, сформировав тенистые аллеи. Кроме цветочных клумб и бордюров вдоль аллей встречались посадки клубники¹⁵⁹. В дни семейных празднеств Алексей Викулович устраивал в имении не только фейерверк, но и театральное представление на реке. Со смотровой площадки близ дома были хорошо видны освещенные цветными огнями изгибы реки, по которой проплывали лодки со сказочными и литературными персонажами.

В 1899 г. журнал «Зодчий», издававшийся в Санкт-Петербурге, опубликовал фотографии интерьеров и фасадов созданного Шехтелем усадебного дома В. Е. Морозова¹⁶⁰. Это издание знакомило профессионалов и заказчиков с лучшими архитектурными достижениями времени. Построенная по воле фабриканта-старообрядца усадьба демонстрировалась как образец современного подхода к созданию благоустроенной загородной среды.

Франц Шехтель к этому времени выдвинулся в разряд лучших зодчих Москвы. За свою жизнь архитектору пришлось так много строить, что, составляя очередной список своих работ, он каждый раз упускал не один десяток. Но никогда он не забывал упомянуть усадьбу «Одинцово-Архангельское», владелец которой создал ему настолько свободные условия для творчества, что выплеснутые Шехтелем в этом проекте архитектурные и технические идеи составили новое направление в искусстве.

8. РАДИ СЛАВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОННОЗАВОДСТВА: ИМЕНИЕ «ИСЛАВСКОЕ» И.В. МОРОЗОВА

...Да, любили победу русские купцы и победили. Победили бедность и безвестность, буйную разногласицу чиновных мундиров и надутое чванство дешевого, сюсюкающего и картавящего «аристократизма».

Ф.И. Шаляпин

В июньские дни на московском ипподроме начиналась подготовка ежегодного «дерби». Владельцы «кандидатов» в такие дни выводили своих лошадей на круг. Трибуны пустовали, но кое-где все же сидели завсегдатаи. Вооруженные биноклями, они с интересом следили за работой наездников, негромко обмениваясь сведениями о заводах и родословных участников предстоявших состязаний.

Держатели призовых конюшен – Иван Викулович Морозов и его племянник Борис Федорович Морозовы сами нередко бывали на ипподроме, а последний даже заявил о себе как удачливый «ездок-охотник». Он выиграл по меньшей мере полтора десятка призов, выступая на лошадях своего завода – Сатире, Мегере, Необыкновенном... А началась его страсть к «рысистой охоте» в 1907 г., когда он купил для городской езды у дяди кобылку-четырёхлетку, которую тот окрестил Последней. До этого Иван Викулович выставлял ее на призы.

Все Морозовы в Москве издавна славились отличными выездами и любили лихо прокатиться. Про себя говорили, что любовь к лошадям у них в семье «врожденная». Иван Викулович был энтузиастом скрещивания орловского рысака с американским. В имении «Петровское» князей Барятинских он на арендованном участке земли построил конный двор, оборудовал ипподром и проводил свои успешные эксперименты по «метизации».

Морозов и его большой друг, известный фабрикант и заядлый «рысачник» С.Н. Коншин, придерживавшийся тех же взглядов на перспективы коннозаводства в России, подавали даже записки в Главное управление коннозаводства, обосновывая необходимость вливания свежей крови в орловских лошадей, чем вызвали страшный шум среди поклонников русской рысистой породы.

Иван Викулович все свободное время отдавал своему призовому заводу. В конюшнях он не расставался с фотоаппаратом, стараясь запечатлеть каждый этап жизни лучших питомцев. В кабинете его особняка в Леонтьевском переулке серебряными кубками — призами, выигранными лошадьми его завода, — были заполнены несколько стеклянных шкафов. На столе среди деловых бумаг и на бюро стояли миниатюрные скульптуры, передающие красоту хода рысака, и лежали альбомы с фотографиями, но не семейными, а сделанными на конюшне.

Иван Викулович давал звучные имена своим метисам, хотя иногда положение его было затруднительным: надо было, чтобы имя указывало и на мать, и на отца. Но назвать призовую лошадь Умывальником, как это сделал весельчак Борис Федорович, желая оригинально именовать сына Микулы и Убыли, ему никогда не пришло бы в голову. Рысистое дело было частью его души: свое новаторство он считал государственной задачей, а чтобы его превосходных лошадей оценили по достоинству, он делал из них «ипподромных борцов». «Мерилом достоинств лошади, — был убежден Морозов, — является ее резвость, ее первенство у призового столба»¹⁶¹.

Иван Викулович не умел заниматься делом в полсилы. Уже не первый десяток лет он возглавлял фамильную фабрику в местечке Никольском, хотя директором там и числился старший по возрасту Алексей Викулович, не имевший склонности к предпринимательству и тяготившийся

Вид от реки Москвы на усадьбу С.Т. Морозова «Успенское» Звенигородского уезда. Начало XX в. Семейный архив Морозовых

своими обязанностями. С уходом брата от дел, Иван Викулович в 1900 г. стал официальным главой Товарищества В. Морозова с сыновьями. Он постоянно модернизировал старинное текстильное производство, оборудуя его английскими станами и вводя новые технологии.

Иван Викулович был личностью цельной и самобытной, впрочем, как многие из Морозовых¹⁶². Выходец из семьи старообрядцев беспоповского согласия, он был воспитан в традициях старой веры. Образование получил блестящее: по окончании частной гимназии Креймана в 1884 г. был принят на юридический факультет Императорского Московского университета. Показав отличные успехи, был утвержден через пять лет в степени кандидата прав¹⁶³. Но заниматься юриспруденцией ему не пришлось, так как после смерти отца Викула Елисеевича ему пришлось фактически возглавлять дело.

К тому же в 1895 г., через год после смерти родителей, он смог наконец жениться на своей избраннице. Ранее сделать это и пойти против воли отца Иван Викулович не смел: В.А. Воронова была артисткой балета, что никак не вписывалось в миропонимание покойного батюшки.

Морозов, которому тогда было уже 29 лет, увидел свою будущую супругу в Большом театре на представлении и был пленен ее грацией. Невзирая на осуждение купеческой средой этого мезальянса, он сочетался

На «кругу» в имении князей Барятинских «Петровское» Московского уезда. Начало XX в. Семейный архив Морозовых

Призовые конюшни в имени И.В. Морозова «Иславское» Звенигородского уезда. 1910-е гг. Семейный архив Морозовых

Лошади из призовых конюшен И.В. Морозова на пастбище. Начало XX в. Семейный архив Морозовых

И.В. Морозов – директор правления Товарищества мануфактур В. Морозова с сыновьями, владелец имения «Иславское» Звенигородского уезда. 1890-е гг. Семейный архив Морозовых

с Варварой Александровной браком, правда, устроив дело так, чтобы венчание проходило в тихой загородной церкви: не хотелось вызывать лишних толков.

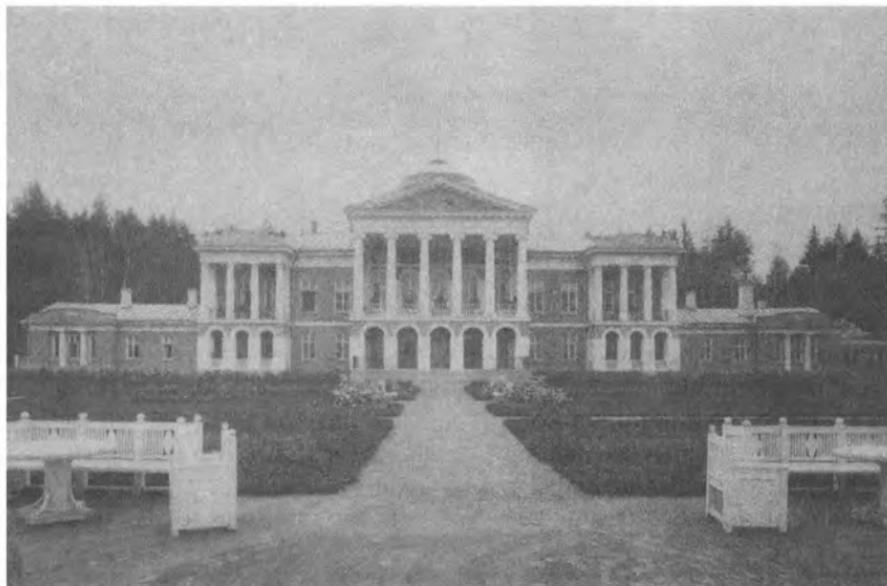
Сдержанный, если не сказать мрачный, Иван Викулович следовал в своей повседневной жизни заведенному однажды порядку. В шикарном семейном доме в центре города, перестроенном для него в 1896 г. архитектором Шехтелем, его личные апартаменты находились на втором этаже, куда входить позволялось только супруге. Дети, которых в семье было четверо, могли лишь издали наблюдать, как их элегантный отец около восьми часов утра выходил из своей спальни, следовал через галерею зимнего сада, мимо бильярдной и спускался по двухмаршевой мраморной лестнице, покрытой красным ковром, на первый этаж дома. Пройдя через большую, украшенную старинными гобеленами парадную гостиную, он устраивался в маленькой семейной столовой, куда ему приносили, вместе с утренними газетами, всегда один и тот же завтрак.

Ровно в половине десятого к дому подъезжал экипаж с кучером, одетым в зеленый кафтан с серебряными пуговицами, и Морозов отбывал в контору на Варварку. Если не приходилось ехать на фабрику в Орехово-Зуево, то к часу дня он возвращался домой обедать. В такие дни в кабинете он беседовал с управляющим своей призовой конюшни Тара-

совым, приехавшим для отчета хозяину из Петровского парка. Далее Морозов возвращался вновь в Китай-город. По возвращении домой Иван Викулович шел на другую половину дома — повидать детей. В обычный ритуал общения некоторое разнообразие вносила такая традиция: каждый из детей был собственником одной из лошадей, и если лошадь получала приз, ее «владелец» оделялся серебряным рублем на личные расходы. Варвара Александровна заходила в детские нечасто, ограничиваясь разговорами с нянями и гувернантками. Вечером детей приводили в столовую, пока родители ужинали, чтобы попрощаться на ночь.

Дочь Ивана Викуловича, Ольга, вспоминала, что воспитанию и образованию детей в семье уделяли большое внимание. Федор и Кирилл учились в гимназии Медведниковой, Ольга и Вера — у Арсеньевой. Гувернантками служили только француженки и англичанки. Но жизнь маленьких Морозовых проходила исключительно на детской половине дома и всегда под присмотром воспитателей, отчего нарастало чувство одиночества. В летние дни детей отправляли погостить в имение «Однцово-Архангельское», что сулило множество развлечений и относительную свободу. В летнее время там собиралась большая компания родственников, среди которых были любители катания на лодках, пеших прогулок, сбора гербариев, крокета и прочего.

Только в 1914 г. Иван Викулович закончил постройку собственной загородной усадьбы в Звенигородском уезде, которую замыслил как

Вид главного дома от реки Москвы в имении И.В. Морозова «Иславское». Архитекторы В.Д. Адамович и В.М. Маят. 1910-е гг.

современный центр коннозаводства. До этого он бывал в тех краях в имении двоюродного дяди Серг. Т. Морозова «Успенское», расположенном на слиянии реки Вяземец с Москвой-рекой. Места там были замечательно красивые. При приближении к Москве-реке начинались обширные заливные луга. Кое-где поднимались косягоры, на которых были размечены крестьянские пашни и кудрявились березовые рощи. Прилегающие к «Успенскому» земли при селе Иславском принадлежали потомственному почетному гражданину, старшине Московского охотничьего клуба М. И. Алексееву. Их и облюбовал Иван Викулович, сочтя пригодными для задуманного им дела.

Участок в 787 дес. включал в себя высокий берег реки, поросший лесом, и луговины — естественные пастбища для племенных лошадей. С возвышенности справа видны были готический «замок» Сергея Тимофеевича и Успенская церковь, построенная почти два века назад. Слева у реки белела Спасская церковь села Иславского, близ которой теснилось несколько крестьянских изб. У кромки берега стоял паром, которым пользовались для переправы через Москву-реку.

Решив строить новую усадьбу, Иван Викулович заказал ее проект дорогим и модным архитекторам Маяту и Адамовичу, немало построившим для московских промышленников, среди которых были семьи Карповых, Носовых, Рябушинских. Через два года на очищенной от леса площадке был разбит новый пейзажный парк и возведено величественное здание в духе Палладио. Украшенный колоннадами дворец-вилла был центром предполагаемого природно-садового «оазиса». Но ранее чем путешественник въезжал на парадный двор, он не единожды видел усадебный дом с разных точек дороги: из-за реки — белющим своими портиками; сбоку — во всем великолепии общей архитектурной композиции; в глубине въездной аллеи — манящим образом старины.

Таким же долгим, но увлекательным путешествием было движение гостя внутри дома, где первый этаж имел анфиладную планировку парадных комнат. Столовую и кабинет, богато обставленные в стиле ампир, украшали дорогие гобелены, ковры, бронзовые люстры с электрическими «свечами». У стен в гостиных стояли стилизованные диваны-лады, «классические» кресла, горки и комоды. Надо заметить, что в устройстве интерьеров Морозовы выступили в соответствии с веяниями времени.

Состоявшаяся в 1911 г. в Императорской Академии художеств «Историческая выставка архитектуры и художественной промышленности» вызвала всплеск собирательства предметов старины и изготовления имитаций под нее. «Теперь в каждой культурной семье, не желающей “отставать от века”, вы найдете несколько предметов такой мебели — и не иметь их считается признаком почти “дурного тона”», — писал современник¹⁶⁴.

Второй этаж предназначался для пребывания членов семьи и, в сущности, мало отличался по своим условиям от привычного московского особняка. Атриум в центральной части дома объединял пространство этого роскошного жилища, в обустройство которого предстояло вложить немалые суммы.

За купленное имение Ивану Викуловичу еще предстояло платить долги предыдущего владельца земли, заложенной в 1909 г. в Московском земельном банке. Взяв под гарантию земельной собственности 64 тыс. 800 руб., Алексеев с банком расплатиться не спешил. А когда подвернулся денежный покупатель на обременительное владение, он перевел долг на него. Так и пришлось уплатить Ивану Викуловичу за бывшие угодья генеральши Араповой, и баронессы Маннергейм, и частью князя Святополк-Четвертинского 325 тыс. руб.¹⁶⁵ Однако Морозов предполагал развивать «Иславское» и действовал с большим размахом.

В 1915 г. новые хозяева стали обживать имение. На парковом склоне были разбиты цветники, которые располагались террасами. Морозовы завели небольшую ферму, где Варвара Александровна стала разводить

Большая гостиная главного дома с портретом В. Е. Морозова и фотографиями лошадей рысистой породы. 1910-е гг.

коров, английских овец и породистую птицу. Сам дом она так и не полюбила: он казался слишком большим и неудобным, и ей не удавалось вдохнуть жизнь в эту «античную» виллу. В ампирных апартаментах царил дворцовый простор, а шаги немногочисленных обитателей усадьбы гулко отдавались в тишине.

Ивана Викуловича, по-видимому, отсутствие уюта ничуть не смущало. Он окружил себя фотографиями племенных метисов и их призовыми наградами. В парадном кабинете на стене повесил красивый проект своего будущего конного завода и начал строить ипподром, просторные конюшни и манеж, где следовало все устроить с разумом и пользой.

На заливных лугах в окрестностях имения паслись выведенные его заводом рысаки: серые в яблоках, чалые, игреневые, рыжие, гнедые... Закрыв свои конюшни в Петровском парке, Морозов перевел их за город, полагая, что в «Иславском» ему удастся создать современную конную ферму, которая даст стране новую русскую породу. Противников этой идеи было немало, но Иван Викулович был упорным «спортсменом» и вкладывал в развитие своего усадебного предприятия большие капиталы.

Шла Первая мировая война, во время которой мобилизации подвергались как люди, так и лошади. Русское государственное коннозаводство переживало не лучшие времена. Но в своей усадьбе «Иславское» хозяин делал все, что в его силах, чтобы возродить былую славу рысистого спорта. Он считал, что это — «вопрос принципа и охоты», а не личных интересов. Таких людей среди московских сельских землевладельцев было немного.

Вот что писал о них журнал «Хозяин»: «Устройство конского завода стоит дорого, а если и обещает в редких случаях стать прибыльным, то только в отдаленном будущем. ...Пусть богатые любители устраивают конские заводы и, не щадя трудов и средств, работают в них над созданием ценных племенных экземпляров — они окажут несомненную услугу отечественному коннозаводству, и имена их займут почетное место в его истории»¹⁶⁶.

Деятельность Ивана Викуловича Морозова в «Иславском» в самом деле принесла России мировую славу: созданный им конный завод давал призовых лошадей еще, по крайней мере, восемьдесят лет. А русские рысаки и по сей день являются отечественным достоянием.

9. ВОЗНИКШЕЕ «ПО КАПРИЗУ»: ИМЕНИЕ «ЛЮБВИНО» Л.Г. ПЫЛЬЦОВОЙ

В России богатство было индивидуальным, а не семейным. ...Если к этому прибавить, что уже давно женщины в России были совершенно свободны в распоряжении своим имуществом, то будет ясно, что там ничто не мешало употреблять нажитые средства на ту цель, которая близка сердцу.

П.А. Бурышкин

Журнал «Столица и усадьба», посвященный наиболее ярким событиям светской жизни обеих столиц, нечасто удостаивал своим вниманием усадьбы новой буржуазии. Однако в 1915 г. он поместил на своих страницах иллюстрированный очерк об имении «Любовино» в Верейском уезде Московской губернии¹⁶⁷, поставив его, таким образом, в один ряд с императорскими резиденциями и загородными дворцами высшей аристократии. При этом корреспондент изысканного издания, имевшего подзаголовок «Журнал красивой жизни», уверял, что «Любовино» было создано «по капризу» хозяйки, Любови Герасимовны Пыльцовой: «Громадные средства и энергия превратили дикий уголок в цветущий парк и возвели на искусственных площадках постройки, которые по красоте и стилю могут спорить со многими усадьбами старого времени»¹⁶⁸.

Действительно, место, где в 1912 г. раскинулся грандиозный архитектурно-парковый ансамбль, было сплошным лесным массивом, находившимся в двух верстах от станции «Тучково» Московско-Брестской железной дороги. Этот рельсовый путь связывал Москву с Европой: по нему курсировали закупленные за границей составы из Берлина, Вены, Парижа и других городов зарубежья. Брестский вокзал у Тверской заставы, перестроенный в 1910 г. и стоивший казне не менее 1 млн руб., имел значение международного. На него (по отдельной ветке) прибывал императорский поезд из северной столицы, и наличие при этом транспортном узле «Царского угла», т.е. государевых апартаментов, выделяло его среди других вокзалов и налагало отпечаток богатства и значительности.

Владеть имением в районе Московско-Брестской дороги было престижно, а путешествие первым классом становилось не только комфортным, но и занимательным: станции вызывали ассоциации с историческими событиями, а остановки сообщали имена крупных и предприимчивых помещиков в этих местах — «Немчиновский пост», «Голицыно», «Сушкинская»...

Угодья вдоль железной дороги относились к Московскому, Звенигородскому, Рузскому и Верейскому уездам, а земля в этих краях исконно московского барства стоила дорого и была доступна только людям богатым. Хозяйка имения «Любвино», младшая дочь промышленника и благотворителя Г.И. Хлудова, Л.Г. Пыльцова владела немалыми средствами. Любовь Герасимовна в 1880 г. вышла замуж за отставного поручика 1-го Уланского Санкт-Петербургского Его Величества Короля Баварского полка Н.А. Лукутина¹⁶⁹, представителя одной из старейших купеческих семей, владельца фабрики лакированных изделий из папье-маше в селе Федоскине. Благодаря браку с Любовью Герасимовной он стал членом правления Товариществ Норской и Ярцевской мануфактур.

Супруг Любви Герасимовны был незаурядным и творческим человеком. Возглавив хорошо налаженное фамильное дело на фабрике в Федоскине, он поднял производство до уровня художественного промысла, открыл на Тверской собственный магазин для продажи искусно выполненных вещиц — «папиросников», «сигарниц», шкатулок, подстаканни-

Вид с противоположного берега реки Москвы на главный дом имения Л.Г. Пыльцовой «Любвино» Верейского уезда. 1915 г.

Член правления Торгового дома
«А и Г. Ивана Хлудова сыновья»
Л. Г. Лукутина, во втором замужестве –
Пыльцова. Фотография
Р. Бродовского. 1893 г. Семейный
архив Пржевальских. Публикуется
впервые

ков, снабженных фирменным «лукутинским» гербом. Товар пользовался большой популярностью и считался московским сувениром.

Хотя Лукутин и числился в купцах 2-й гильдии, он имел чин надворного советника и являлся потомственным дворянином. Николай Александрович был попечителем Александринского детского приюта, директором глазной больницы и ктиторм при ее церкви. Он увлекался науками и вел общественную деятельность, состоял членом Общества акклиматизации животных и растений.

Получаемые от хорошо поставленного дела Хлудовых и предприятия Лукутиных доходы давали Любове Герасимовне возможность вести жизнь благородной дамы, а Николаю Александровичу тратить изрядные суммы на собираемую им коллекцию фарфора и поддержку Московского филармонического общества, находящегося под покровительством Великой княгини Елизаветы Федоровны¹⁷⁰. Состоять членом этого музыкального союза было лестно для выходцев из среды купечества. Общество устраивало концерты знаменитостей, организовывало дебюты новых исполнителей, объединяло в себе аристократическую и деловую элиту Москвы. Николай Александрович Лукутин входил в попечительский совет Филармонического общества и материально

поддерживал его деятельность. А в то время это означало, что Лукутины вращались в высших сферах Москвы.

Не упускавший случая задеть словом фабрикантов-меценатов, Вл.И. Немирович-Данченко замечал, что на этих музыкальных вечерах купеческие аристократы щеголяли своим стремлением «к цивилизации» и культуре, а их жены — туалетами из Парижа¹⁷¹. Разумеется, Любовь Герасимовна также блистала своими нарядами на благотворительных концертах и театральных премьерах.

Н.А. Лукутин искренне любил театр, и в 1888 г. стал членом Общества литературы и искусства, которое поставило целью способствовать распространению «изящных вкусов». Он не только поддерживал любительские спектакли, но и сам показал себя неплохим актером. В 1898 г. Николай Александрович стал одним из пайщиков-учредителей Московского Художественного театра — первого общедоступного театра в России.

Лукутин был человеком мягким и сердечным и не отличался крепким здоровьем. В 1902 г. он скончался. Любовь Герасимовна, которой тогда было сорок два года, осталась вдовой с тремя детьми. Младшему, Николаю, тогда только исполнился год. Судьба не щадила Любовь Герасимовну: ранее двое старших детей у нее умерли, в 1910 г. она потеряла маленького Колю, а через два года умер ее первенец Георгий.

Дочь Любовь в 1907 г. вышла замуж за юриста В.В. Пржевальского, племянника известного путешественника. По этому случаю ей отошло отцовское имение при селе Данилкове Московского уезда. Расположенное недалеко от фабрики, оно, пока были маленькими дети, служило для Лукутиных летней дачей¹⁷². Николаю Александровичу это имение досталось в 1863 г. по завещанию отца. Став главой семьи, Лукутин хотел было развить в «Данилкове» небольшое хозяйство, но дело не заладилось. А Любовь Герасимовну и вовсе жизнь в деревне не привлекала. После смерти мужа она перестала бывать на фабрике, передав управление доверенным лицам, а в 1904 г. закрыла производство.

У Любви Герасимовны был сильный характер и цепкий практический ум. Московская домовладелица, член правления Торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», она много занималась благотворительной деятельностью в Московском совете детских приютов. В Филармоническом обществе, в его попечительском совете, она заняла место супруга.

Одним из директоров Общества в то время был избран присяжный поверенный Н.М. Пыльцов¹⁷³, за которого в 1908 г. Лукутина вышла замуж. В семье Хлудовых этот брак одобрения не вызвал, тем более что Пыльцов был гораздо моложе супруги и не обладал большим состоянием. Обретя вновь семейное счастье, Любовь Герасимовна купила в Верейском уезде 83 дес. леса, задумав поселиться в загородной усадьбе. Она

Малая столовая в имении
«Любовино». 1915 г

продала принадлежавший ей лукутинский дом с магазином лаковых изделий на Тверской и доставшуюся ей по наследству от мужа коллекцию фарфора, добавив на строительство и обустройство своей резиденции собственные капиталы. Новое имение получило название «Любовино», увековечившее имя владелицы на карте уезда.

Работы по сооружению грандиозного дома были начаты в 1911 г. и велись по проекту и под надзором А.Э. Эрихсона, которому удалось создать удивительную усадьбу, напоминавшую лучшие образцы эпохи Позднего Просвещения. Зодчий, изучавший архитектуру в России и Европе, в своем творчестве ранее обращался к русскому стилю и к готическим формам, но на этот раз его вдохновил стиль ампир, провозглашавший содружество муз и благоденствие.

Загородный ансамбль, возведенный им за один год, отличали величие форм и благородство пропорций. Белый дворец представлял собой единство трех частей, где центр парадного фасада украшала полуротонда, составленная из парных ионических колонн, более вытянутых, чем этого требовали каноны чистого классицизма. Увенчанная купольной сферой полуротонда поражала богатством покрывавших ее поверхность рельефов и лепных сюжетов.

Пресса сообщала, что к работам в усадьбе были привлечены около тысячи человек, и среди них — специалисты мастерской братьев Аскерио,

отдельвавших в свое время Императорский дворец в Ливадии¹⁷⁴. Расположенные по обеим сторонам от дома флигеля соединялись с главным зданием галереями со множеством окон.

Загородная вилла возвышалась на высоком берегу, на изгибе Москвы-реки. Внутренний двор, ограниченный кованой оградой с опорами-постаментами, на которых были установлены скульптуры старых мастеров, служил смотровой площадкой, откуда открывался живописный вид. Окруженный зеленью сохраненного векового леса, устремленный ввысь дом выглядел удивительно гармонично, доминируя над окрестностями. К реке можно было спуститься по белокаменной лестнице. У искусственных руин с гротом находилась площадка для отдыха. На берегу — крытые купальни и лодочная станция.

Посмотреть модную усадьбу Пыльцовых приезжал столичный бо-монд, несмотря на то что имение располагалось в 69 верстах от Москвы. Будучи членом Московского автомобильного общества, Николай Михайлович Пыльцов предполагал использование «авто» для поездок за город, и постройку шоссе до усадьбы производили одновременно с архитектурными работами.

Прорубленная в лесном участке просека к 1912 г. превратилась в красиво спланированную подъездную аллею длиной в полторы версты, соединяющую «Любвино» со станцией. Окаймленное кустами роз и вечнозеленых альпийских растений шоссе с тротуарами напоминало открытку с видом европейского курорта. Аромат восьми тысяч штамбовых сортовых роз кружил голову. Розы обрамляли большую «английскую» клумбу перед домом. Вдоль здания были расставлены кадки с «шарами» и «пирамидами» экзотических деревьев, бронзовые вазы с цветами и изваяния мастеров Возрождения.

В парке, устроенном на основе среднерусского леса, царила прохлада. Двухрядные аллеи сибирского кедра и липы уводили путника в естественные рощи. На отдельных полянах били фонтаны, пестрели рабатки, стояли уединенные дубы и ели. «Замечательный парк! Восхитительные пейзажи!» — восклицали экскурсанты. Вечером вся территория имения освещалась десятками дуговых фонарей. Из больших окон загородного дома лился электрический свет, отбрасывая причудливые тени на парковый газон, на оставленные у портика «серполеты», «даймлеры», «бьюнки» гостей имения.

В иные вечера из гостиной доносились звуки музыки или несравненный голос Ф.И. Шаляпина, время от времени принимавшего приглашения хозяйки отдохнуть в имении. Обладавший широкой натурой и добрым юмором, Шаляпин с удовольствием пел «для Любочки большой и Любочки маленькой», сопровождая себя на пианино. Не о «Люблине» ли вспоминал великий певец, находясь в далеком зарубежье: «Я редко бывал в гостях у купцов. Но всякий раз, когда мне случилось у них бывать, я видел такую ширину размаха в приеме гостей,

Дорога от имения «Любовино» до платформы «Тучково» Московско-Брестской железной дороги. 1915 г.

«Аллея роз» и парковый фасад усадебного дома в имении «Любовино». 1915 г.

Садовая терраса в имении «Любовино» 1915 г.

Владелица имения «Любовино» Л.Г. Пыльцова с гостями на балконе усадебного дома. 1915 г.

которую трудно вообразить. Объездив почти весь мир, побывав в домах богатейших европейцев и американцев, должен сказать, что такого размаха я не видел нигде»¹⁷⁵.

Двери в вестибюль были распахнуты, и их стражи — бронзовые псы — «охраняли» покой обитателей усадьбы. В доме — анфилада стильно обставленных комнат. Их убранство покупалось у российских антикваров или за рубежом. На всем — отпечаток вкуса, который редко изменял Любви Герасимовне. Она тщательно собирала серию мраморных бюстов французской и итальянской работы для украшения садовых террас, приглашала реставраторов для их восстановления. Десятки уникальных скульптурных портретов мифологических персонажей и древних мыслителей превращали прогулку по имению в оду Просвещению.

Лесной массив скрывал поселок для обслуживавших имение работников. Отдельная дорога вела к жилым флигелям, теплицам и оранжереям. Многочисленные провода тянулись из всех уголков усадьбы к электростанции. Важные для жизни имения постройки представляли собой целый городок с центром в доме управляющего¹⁷⁶. Привычная к фабричному быту, Любовь Герасимовна и тут организовала все по-городскому, предпочитая нанимать квалифицированных работников, а не малообразованных селян.

Хозяйка мирилась с присутствием в имении посторонних, осматривающих его достопримечательности. Между тем «Любвино», в создание которого Л. Г. Пыльцова вложила все средства, было признано «удивительным случаем», когда по красоте и изяществу «ново-купеческая» усадьба стала не столько равной дворянской, но явила собой новый, не менее прекрасный образец.

Размышляя в тяжелые годы Первой мировой войны о ценности усадебной культуры для общества, главный редактор «Столицы и усадьбы» литератор и эстетик В. П. Крымов, движимый самыми лучшими чувствами, призывал современников увидеть красивое в настоящем. «Красивая жизнь доступна не всем, но она все-таки существует, — уверял он, — она создает те особые ценности, которые станут когда-нибудь общим достоянием»¹⁷⁷.

10. ИМЕНИЕ «РАЙКИ» А.Т. НЕКРАСОВОЙ В НАЧАЛЕ XX в.

...В Москве до того к купцу привыкли, что купец, стоящий за «симпатичным предприятием», никому не кажется неподходящим явлением.

Влас Дорошевич

Земли при деревне Ивановково и пустошь Отхожий лужок Гребневской волости, которые ранее составляли имение «Райково», располагались недалеко от Стромьинской дороги, на высоком берегу реки Клязьмы. По поводу названия «Райки» известна легенда, что будто бы ехала императрица Екатерина II по Стромьинскому тракту и на 28-й версте у сельца Ивановково, поразившись живописности окрестностей, воскликнула: «Райские места!» Как бы то ни было, но места здесь действительно красивые.

Во второй половине XVIII в. сельцо Ивановково принадлежало дворянам братьям Измайловым – тайному советнику Сергею Ивановичу и полковнику Петру Ивановичу – и их двоюродному брату – лейб-гвардии капитану Алексею Михайловичу¹⁷⁸. До 1780 г. владельцем «Райков» являлся С.И. Измайлов. В те годы и была заложена усадьба и разбит парк. Вероятно, с того времени имение обрело и звучное название «Райки»¹⁷⁹.

В имении изначально существовало несколько прудов с каналами. Сейчас остался один большой, причудливой формы пруд, ранее питавшийся родниками. Теперь он поддерживается за счет воды реки Клязьмы. Пруд изменил свою первоначальную конфигурацию, однако «уединенный остров», который существовал с незапамятных времен, остался. От пруда по лестнице можно взойти на «курган», где располагалась усадьба.

Старый пейзажный парк в некоторой части все еще сохранил лучевые аллеи мелколистной липы, плакучей березы и ели. Здесь встречаются старые деревья ясеня и сосны, а также посаженные в начале XX в. орех маньчжурский, каштан конский, тополь китайский, лиственница сибирская, сосна веймутова, сирень венгерская, сморо-

Парковый павильон в имени «Райки». 1900-е гг. Семейный архив Бари

дина золотистая, рябинник¹⁸⁰. В «Райках» существовали когда-то парковые строения, скульптуры и монументы. И сейчас сохранился каменный обелиск, но его историю окутывает тайна, так как все надписи на нем стерты.

В начале XIX в. имение при сельце Райково находилось в общей собственности дворянок Рахмановой, Васильчиковой и Есиповой, а в 1831 г. было куплено у них отставным подполковником П.Н. Засецким. В 1836 г. владельцем «Райков» стал статский советник А.В. Абаза, гофмейстер двора Великой княгини Елены Павловны, государственный контролер в 1871–1874 гг., председатель Департамента экономии Государственного Совета в 1874–1881 и в 1884–1892 гг., министр финансов в 1880–1881 гг., шурин военного министра Д.А. Милютина. После его смерти в 1852 г. по семейному разделу имение «Райки» получил один из его сыновей — Александр¹⁸¹.

Был у Аггея Васильевича и другой, старший сын Эраст, человек исключительной одаренности: музыкант, живописец, поэт. Но во время

Л. А. Бари у старинного обелиска в парке усадьбы «Райки». Начало XX в.
Семейный архив Бари

Севастопольской кампании он был убит при драматических обстоятельствах. В те годы, видимо, и появился в парке усадьбы «Райки» строгий обелиск из серого песчаника с медными досками, на которых был увековечен рассказ о великом подвиге.

Унаследовав усадьбу, Александр Аггеевич много времени проводил в Петербурге, поскольку занимал высокие государственные должности. Он был также тесно связан с промышленными и финансовыми кругами Москвы. В своих мемуарах С.Ю. Витте охарактеризовал Абазу как «человека выдающегося здравого рассудка». Имение в Богородском уезде не приносило Абазе большого дохода, и как только помещик закончил выкупные расчеты с крестьянами после реформы 1861 г., он продал «Райки» местному фабриканту Н.И. Кондрашеву, сыну мануфактур-советника И.М. Кондрашева, хозяина шелковой и бумажной фабрик в селе Гребневе. С 1861 г. Кондрашевы владели и самой усадьбой «Гребнево».

В имении «Райки» было тогда около 200 дес. земли и господский дом «со службами», построенный в традициях классицизма¹⁸². Есть свидетельства людей, бывавших в имении при Кондрашевых, о том, что усадебный дом был построен в стиле благородного ампира. Это было двухэтажное здание с двусветным залом и большими окнами. Кроме того, в усадьбе были театральный домик и парковый павильон.

В 1870 г. Николай Иванович продал имение родственникам Максиму Федоровичу и Никите Ивановичу за 75 тыс. руб. Известно, что в усадьбе в это время уже появилась дачная застройка¹⁸³. Трудно сказать, когда именно Кондрашевы перепродали «Райки», но только в 1899 г. владельцем имения стал потомственный почетный гражданин И.И. Некрасов¹⁸⁴.

Нижеудинский купец Некрасов в конце XIX в. был одним из крупных российских золотодобытчиков и владел, по крайней мере, пятнадцатью золотыми приисками в Сибири¹⁸⁵. Когда его предприятие приобрело всероссийский размах, миллионер открыл управление своими рудниками в Москве. Поселившись в Первопрестольной, Некрасов купил усадьбу «Райки», где занялся благоустройством построенных еще Кондрашевыми дач, считая это доходным делом. По документам Губернского земства, собственницей «Райков» числилась его жена Анна Тимофеевна.

В начале XX в. в имении было восемь летних дач и шесть домов, пригодных для проживания круглый год¹⁸⁶. Хозяева бывали в имении нечасто, и «Райки» находились в полном распоряжении дачников и гостей усадьбы, представлявших собой сообщество людей, служащих искусству и близких к нему. «Дорогая Ольга Васильевна, как чувствуете себя в “Райках”?» — писала жившей на даче О.В. Давыдовой приятельница из Бада-Киссенгена, модного курорта в центре Германии. — В Киссенгене не дурно, но в “Райках” лучше, и с каким бы удовольствием находилась бы я у вас!»¹⁸⁷

Дачный дом в имении «Райки», где жила семья художника Л.О. Пастернака. 1900-е гг. Семейный архив Бари. Публикуется впервые

На отдыхе в «Райках». Слева направо: Юрий Бари, А.А. Самойлова, дочери Л.О. Пастернака – Лидия и Жозефина, сыновья А.А. Самойловой, Р.И. Пастернак, О.А. Айзенман и няня. 1907 г. Семейный архив Бари

В 1907–1909 гг. в «Райках» снимала дачу семья профессора живописи, преподавателя Московского училища живописи, ваяния и зодчества Л.О. Пастернака. Жена Леонида Осиповича, Р.И. Кауфман, была замечательной пианисткой, и семья Пастернаков арендовала у Некрасовых большой деревянный дом с просторной гостиной, где мог уместиться рояль. Широкая веранда этого эклектического дома в стиле неогрек использовалась художником как мастерская. При первой появлявшейся возможности художник устраивался на крыльце-веранде с этюдником и ящиком с красками.

Жизнь в усадьбе для семьи Пастернаков была пропитана звуками музыки, поэзией и вдохновением. Борис, старший сын художника, впоследствии всемирно известный поэт и прозаик, впервые приехал в «Райки» в 1907 г. семнадцатилетним романтическим юношей. В детстве Борис решил стать великим музыкантом и с тех пор жил в мире звуков. Его отнюдь не угнетало пребывание вдали от города. «Что здесь, как и везде, восхитительно, это природа. Но как часто кажешься ничтожным, со всем своим исканием, со всем своим воем, перед каким-нибудь заходом солнца, когда он обдает своим последним, ровным и могучим красным дыханием... когда чувствуется присутствие “святого” – красоты»¹⁸⁸.

Юность, проведенная в «Райках», не прошла бесследно для литературного творчества Бориса Пастернака. В зрелые годы, задумав писать пьесу, он сделал наброски действия, которые озаглавил «Это свет». О содержании пьесы он тогда говорил: «Старинное имение... Тема – преемственность культуры... Я мечтаю возродить в этой пьесе забытые традиции Ибсена и Чехова. Это не реализм, а символизм, что ли?»¹⁸⁹

Хотя Борис несколько лет занимался композицией и много музицировал, именно в «Райках» в 1909 г. он пришел к решению, что музыка – не его судьба. Переписав набело свое сочинение «Соната для фортепиано», он решительно отверг прежнее увлечение, запретив себе даже прикасаться к роялю. Но и спустя годы горечь утраты «музыкального фантазирования» давала о себе знать. В одном из писем к родителям он размышлял: «Когда я начинаю вникать в “обратно”, в моем сознании вырисовывается вдруг кусочек подоконника на даче, и я слышу собственную сонату, но не это важно, а важен тот мир легендарной сказочной полноты и счастья, которыми заряжено это смолистое, яркое летнее дерево и душистый сумрак переспевавшего сада; и эти как бы распечатываемые дальними криками и свистками чистые просторы, темные, матовые, растворенные горизонтами, с воздушной позолотой мошек; эти вечера, в которые можно бесследно совать какие-то мысли, слова, намерения, ненаписанные письма и т.д. И которые тысячекратно ценны именно как эти колодцы, в которые падало столько творчества»¹⁹⁰.

Дачники (среди них сыновья Л.О. Пастернака – Борис и Александр) во время прогулки по Медвежьим озерам. 1900-е гг. Семейный архив Бари

Природа «Райков» вдохновляла юного поэта:

*Как бронзовой золой жаровень,
Жуками сылет сонный сад,
Со мной, с моей свечою вровень
Миры расцветшие висят.
И, как в неслыханную веру,
Я в эту ночь перехожу,
Где тополь обветшало-серый
Завесил лунную межу,
Где пруд, как явленная тайна,
Где шепчет яблони прибой,
Где сад висит постройкой свайной
И держит небо пред собой.¹⁹¹*

В 1907–1909 гг. в «Райки» на летний отдых приезжал с многочисленной семьей инженер А.В. Бари. Одна из его дочерей, Ольга, училась в частной школе рисования Л.О. Пастернака. Дача, в которой жили Бари, стояла над обрывом, и из окон ее бельведера открывался вид на пруд и долину Клязьмы. Справа белела церковь села Анискина. Вдалеке поднимались трубы Городищенской суконной фабрики Четвериковых – пейзаж, довольно часто встречающийся в Богородском уезде.

Дом, который А. В. Бари арендовал у Некрасовых в «Райках» для летнего отдыха семьи. Начало XX в. Семейный архив Бари

В «Райках» Ольга Бари (в замужестве Айзенман) написала несколько ярких живописных работ. Ее полотна выставлялись на вернисажах «Мира искусства», и среди них картина «Река», написанная под впечатлением летних дней в усадьбе¹⁹². Другая ученица Л. О. Пастернака, Е. В. Гольдингер, приезжала в «Райки» на этюды. В 1908 г. она жила в усадьбе с матерью, врачом З. Н. Гольдингер-Окуньковой, и четырьмя воспитанницами и занимала дачу, опоясанную террасой с белыми деревянными колоннами. Сообщая райковские новости своему приятелю П. Д. Эттингеру, Л. О. Пастернак писал о своих соседях: «М-лле Гольдингер много изводит холстов по обыкновению и много работает. Мы семьями обмениваемся чаепитиями и были “на Павла” у них на “шиколаде”»¹⁹³.

Елизавета Гольдингер в «Райках» пережила большой творческий подъем. В 1911 г. ее работы, созданные в усадьбе, были выставлены на вернисаже Союза русских художников. Особенный успех вызвала одна из картин — «Лето»: две девушки на террасе, украшенной белыми тонкими колоннами, на фоне проникнутой туманной дымкой речной долины¹⁹⁴. Ее жизнь в искусстве фактически началась с дней, проведенных в усадьбе Некрасовых.

И. И. Некрасов в «Райках» разобрал старый помещичий дом и заказал в 1900 г. строительство на том же месте фахверкового коттеджа модному зодчему Л. Н. Кекушеву. Владелец усадьбы выбрал архитектора, каждая из работ которого была созвучна общеевропейскому тону.

Дачники в «Райках». 1910-е гг. Семейный архив Бари. Публикуется впервые

Возведенное за один год строение архитектурной общественностью было признано образцом нового стиля и эталоном комфорта за городом. Только оборудование и внутренняя отделка дома обошлись Некрасову в 32 тыс. руб., не говоря уже о стоимости проекта и строительных работ¹⁹⁵. Но дело того стоило: «американский дом» прославил и архитектора, и владельца «Райков» — о нем писали модные журналы, как о новом явлении в архитектуре.

В этом коттедже подолгу жила супруга Некрасова, которая увлекалась живописью. Хозяйка имения не расставалась с мольбертом и ходила на этюды. Но войти в круг общения дачников-художников Анна Тимофеевна не стремилась, чувствуя их пренебрежительное отношение к своему сословию: хотя жили горожане у Некрасовых «как в раю», хозяев своих они недолюбливали. В одном из писем Леонид Осипович, не сумевший простить Некрасовым разрушения старинного дома, дал им такую характеристику: «Правда, не “Райки”, а рай здесь. Очень хорошо, прекрасно: дивный парк, лес, вид балкона нашего дома; во всем большой масштаб в распланировке всего посаженного здесь русскими барами, имевшими вкус и понимавшими толк в красивом. И рядом с этим, или лучше — на развалинах прошлого, строил пришедший на их место купец-кулак, с самодурно-варварским требованием “моему нраву не препятствуй...”»¹⁹⁶.

«Американский дом» в имении «Райки». Архитектор Л.Н. Кекушев 1901 г.

А.Т. Некрасова (справа) на этюдах в окрестностях имения «Райки» Богородского уезда
Начало XX в. Семейный архив Бари

Однако у Некрасовых в «Райках» был свой круг общения, отличавшийся по своему духовному миру от общества «райковчан», как называли себя Пастернаки, Бари и Гольдингеры. Владельцы «Райков» с энтузиазмом воспринимали творческие искания самобытных индивидуалистов, не примыкавших ни к какой школе, и давали им в усадьбе приют и возможность работы. На хозяйской территории в жилых флигелях отдыхали и создавали свои полотна художники, патронируемые состоятельным сибиряком.

Среди всех гостей Некрасовых особняком стоял В.И. Суриков, давний знакомый семьи. Он приезжал в «Райки» в 1901 и 1903 гг., работая над эскизами к картине «Степан Разин». Из усадьбы он сообщал в 1901 г. брату: «Мы еще на даче. 1 или 2 сентября выезжаем в город. Я ездил на Волгу, был в Астрахани и нарисовал кое-какие этюды. Я, слава Богу, здоров. Катаюсь по утрам на лодке по маленькой Клязьме-реке и вспоминаю Енисей»¹⁹⁷.

Действительно, художник в минуты душевных невзгод отправлялся на родину или искал уединения у гостеприимных друзей, среди которых был его земляк И.И. Некрасов. В его усадьбе Василий Иванович имел возможность «поработать» картину, не думая о хлебе насущном. Хозяйка дома, Анна Тимофеевна, к Сурикову относилась с большим уважением, почитая его своим наставником. Сам же художник переживал в то время большие разочарования. Он днями просиживал у воды, работая над эскизами к картине, несколько раз менял ее композицию — ему не давался образ мятежного атамана, не удавалось дать «лодке-птице» стремительный ход...

Вероятно, жил Суриков в деревянном доме с колоннами, где позже поселились Пастернаки. Во всяком случае в Минусинске в музее-усадьбе Сурикова хранится фотография дочерей Василия Ивановича, Ольги и Елены, на фоне «одноэтажного дома с большим крыльцом и колоннами». Речь может идти только об этом доме. Отсюда Василий Иванович в 1903 г. сообщал А.И. Сурикову: «Мы теперь с Леной живем там же, где и два года назад: по Ярославской ж.д., станция “Щелково”, имение “Райки” Некрасова... Здесь пишу костюмы для картины. Пиши сюда, мы пробудем до сентября»¹⁹⁸.

Культурная жизнь имения «Райки» представляла собой переплетение разных людских и творческих судеб. Самобытной фигурой был в усадьбе нелюдимый романтик В.И. Денисов, создавший в «Райках» целый ряд необыкновенных по своей колористике и содержанию работ. Не подходивший ни под какое эстетическое направление, он иногда выставлял свои произведения на вернисажах «Мира искусства» или Московского товарищества художников, и его работы вызывали бесконечные споры. Музыкант в жизни, Денисов слышал музыку в живописи, передавая «музыкальность» цвета сочными мазками, яркими сочетаниями красок. Современникам он казался загадкой. «Пишет с натуры, но так, что лишь немногие улавливают

его этюдах сходство с нею. Он погружен только в свои краски и в свои невысказанные думы»¹⁹⁹, — вспоминал Валентин Серов.

Некрасов поддерживал талантливого художника-философа, с интересом относясь к его мировоззрению. Ему импонировало, что этот человек из низов пробивался к признанию благодаря собственному таланту. Друг Денисова, живописец и театральный критик В.В. Воинов, вспоминал, что Некрасовы много помогали ему материально, а главное — предоставляли художнику во всякое время возможность жить и работать в «Райках»²⁰⁰.

Некоторые из картин Денисова, написанные в «Райках», Некрасов приобрел, желая материально поддержать живописца. Одной из таких работ была картина «На берегу озера», созданная в пуантилистической манере. Трудно сразу охватить все полотно. Постепенно глаз замечает все новые сюжеты, поражается удивительным краскам — перламутровым, пепельным, алмазно-искрящимся. Критика писала о работах Денисова: «В них есть томление по чему-то торжественному и патетическому, всеобъемлющему и хоровому»²⁰¹. Проницательные современники замечали, что «работы, где Денисов подходит к природе, особенно художественны, а в его “Прудах”, озаренных розами заката и золотом осени, слышится последний отзвук XVIII века...»²⁰².

Долго дремавшая внутренняя сила души Денисова вдруг выплеснулась в таких его работах, как «Песни Рая», «Райки. Осенние сумерки», «Гармония», «Скорбь», «Кошмар», «Сон жизни» и других таких же мистически загадочных. Сказочные озера, деревья-влюбленные, удивительные композиции, несущие глубокий философский смысл, — все это тревожило, восхищало, завораживало. Лиричность его творчества не оставляла равнодушных, хотя его непрофессионализм и вызывал скептическое отношение к нему собратьев по художественному цеху.

Вместе с тем даже соседи по даче — художники — вынуждены были признать оригинальность манеры живописца-самоучки. «Среди этюдов Денисова есть такие, удивительно нравятся, какие-то голубые или сине-оранжевые — просто оторваться не хочется, — писала Гольдингер. — И сколько он за все лето наработал! Да и не удивительно — он работает с четырех утра. Вообще в нем очень много русского художника-идеалиста»²⁰³.

Художники в имени Некрасовых жили в деревянных дачах, пользуясь гостеприимством хозяев. Интересно, что в 1915 г. сын Денисова Владимир сообщал в письме, что отец «находится в “Райках” и живет там последние дни, так как Некрасов имение продает... Как жаль расстаться с этими сроднившимися местами. Единственная была возможность для папы так встречать и провожать весну и осень»²⁰⁴.

Среди самобытных гостей имения следует назвать Н.К. Калмакова. Друг Денисова и его соавтор по декорационной работе в Театре В.Ф. Комиссаржевской, он также не получил профессионального художественного образования. Но его творчество было настолько ярким, что

предопределило его участие во многих выставках в Москве, Петербурге и за рубежом.

Внешне напоминающий импозантного иностранца, Калмаков действительно родился в Италии, а детство провел на Ривьере. Он закончил юридический факультет Петербургского университета, а затем самостоятельно постигал искусство живописи, путешествуя по Европе. Он писал в необычной манере, и его произведения имели успех на вернисажах Петербургского общества художников, «Мира искусства», Союза русских художников и других. Творчество Калмакова привлекло внимание общественности на «Выставке современных течений в искусстве» в 1908 г., а в 1913 г. в Петербурге была устроена персональная выставка художника.

Эмоциональный, порывистый, Калмаков выплескивал на свои полотна все, что отражало его внутреннее «зрение». Он был убежден, что все написанные им сюжеты — не иллюзии, а то, что он действительно «видел»²⁰⁵. Экспрессивные работы Калмакова были чрезвычайно декоративны, а некоторые из картин были навеяны «Райками». Виденные им на берегу пруда березки, склонявшиеся под напором летней грозы, на холсте вдруг превращались в «фантастические деревья на фоне красного заката». На этом полотне природные формы приобрели антропо-

Н.И. Некрасов на отдыхе в имении «Райки» 1916 г. Семейный архив Морозовых. Публикуется впервые

морфные очертания: стволы и ветви деревьев напоминали застывшие в причудливых позах фигуры людей, сопротивляющихся стихии, страдающих, преодолевающих надвигающуюся на них неотвратимую силу.

В 1915 г. усадьба «Райки» была подарена Некрасовыми сыну, Николаю Ивановичу, в связи с его предстоящим бракосочетанием. Молодой Некрасов решил имение продать, запросив за него немалую сумму — в 200 тыс. руб. Однако покупатель нашелся — им оказался сосед по имени С.И. Четвериков, глава Товарищества Городищенской суконной фабрики. Об этом событии он сообщал М.К. Морозовой: «На свете все же творятся чудеса. Вы помните, в Ваш приезд в “Кашинцево” я возил Вас на место “несбыточных мечтаний”, с которого такой чудный вид? Через три дня после Вашего посещения молодой владелец “Райков” прислал мне сказать, что он женится и ввиду этого склонен продать “Райки”. Я ухватился за этот повод и стал добиваться, чтобы он мне продал эту сечу-курбан... Не странно ли, что именно теперь, во времена безжалостного взаимного истребления, неописуемых ужасов, позорных погромов и грабежей, суждено было осуществиться такой мирной заветной мечте?»²⁰⁶.

Однако устроиться в усадьбе Четвериковым не пришлось. Сначала они разместили там госпиталь для выздоравливающих воинов, а затем грянули события 1917 г., и имение было национализировано. Сегодня на территории усадьбы осталось только два памятника эпохи модерна — владельческий дом и деревянная дача. Сохранились также уникальный парк, в котором все еще стоит мемориальный обелиск, и живописный пруд. Но, несмотря на утраты, «Райки» являются грандиозным памятником усадебной культуры эпохи символизма. Символизм, его философия и язык рождались из взаимодействия многих течений не только в художественной, но и в духовной жизни русского общества. Усадебное меценатство нарождающегося класса буржуазии — лишь один из таких факторов. Вольная или невольная тяга к искусству ищущего себя торгово-промышленного слоя выражалась в разных формах, но в любом случае способствовала возникновению многих заметных явлений в русской культуре.

«Райки» были благодатной почвой, на которой развивались и творили люди, ставшие символами своей эпохи. Усадьба дала каждому из соприкоснувшихся с ней то, в чем он более всего нуждался.

11. ОБРЕТЕНИЕ «ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА»: ИМЕНИЕ «ГОРКИ» З.Г. МОРОЗОВОЙ-РЕЙНБОТ

Какая нам нужна аристократия? Мы сами себе аристократия...

А.В. Амфитеатров

Изучение сельского имения буржуазии осложняется тем, что нелегко отыскать сведения о недвижимости предпринимателя. Исследуя личные формулярные списки о службе выборных Московского биржевого общества, Ю.А. Петров выяснил, что из 24 выборных только шестеро заявили, что имеют земельные владения²⁰⁷. Между тем среди тех, кто в 1913 г. написал «нет» в графе «имение», многие лишь формально не являлись сельскими землевладельцами, а на деле были хозяевами имений с усадьбами.

К примеру, банкир Марк не отметил своей сельской собственности²⁰⁸, но его супруга С.К. Марк купила в 1878 г. у генерал-майора А.А. Шулепникова имение «Архангельское-Тюриково» со старинной усадьбой, а это — 172 дес. 2383 саж. земли в Московском уезде. В период с 1878 до 1882 г. С.К. Марк оформила еще шесть купчих на прилежащие к ее владению земли и имения, причем делала она это по указанию своего мужа и на совместные средства²⁰⁹.

Не подтвердил наличия сельской недвижимости Г.М. Вогау²¹⁰, поскольку имение «Неклюдово» в Московском уезде было оформлено на его супругу А.Р. Вогау, которая купила его в 1876 г. у дворянина Н.Г. Куманина. Имение семейного клана Вогау с усадьбой и домом составило 369 дес. 840 саж.²¹¹

Выборный В.В. Якунчиков также не счел нужным упомянуть принадлежавшее ему «Щитово» в Подольском уезде²¹². Имением «не владел» и Сав.Т. Морозов, как он указал в составленном им формулярном списке. Однако в Звенигородском уезде на имя его супруги З.Г. Морозовой в 1890 г. было приобретено «Покровское-Рубцово», а это — 659 дес. 1615 саж. земли²¹³. Таким образом, гендерный подход к выяснению проблемы «оземеливания» русской буржуазии, на наш взгляд, представляется перспективным.

Предпринимательские качества женщин из торгово-промышленной среды были не исключением, а скорее правилом. Среди таких влиятельных фигур можно назвать М.Ф. Морозову (урожд. Симонову), В.А. Морозову (урожд. Хлудову), Н.М. Андрееву (урожд. Королеву), А.Т. Карпову (урожд. Морозову), А.И. Коншину и многих других, которые занимались коммерческой деятельностью, являлись пайщиками и акционерами многочисленных предприятий и владели личной земельной собственностью.

Одной из таких частных землевладеллиц была З.Г. Морозова-Рейнбот, которая в 1890—1916 гг. имела в собственности имение «Покровское-Рубцово», а в 1909—1918 гг. была владелицей «Горок» Подольского уезда Московской губернии. Интересно, на наш взгляд, проследить, как покупалось, благоустраивалось, управлялось и развивалось имение «Горки», которое оказалось настолько рационально организованным, что было признано «образцовым хозяйством» в первые годы советской власти и обслуживало высшие эшелоны СНК и ВЦИК десятки лет спустя.

В 1909 г. З.Г. Морозовой-Рейнбот было 42 года. Она происходила из семьи богородского купца 2-й гильдии Г.Е. Зимина, имевшего при селе Зуеве шерстоткацкую фабрику²¹⁴ и ведшего торговлю в Москве на Кокоревском подворье²¹⁵. Вдова Сав.Т. Морозова — директора Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» в 1907 г. заключила свой третий брак с генерал-майором А.А. Рейнботом, московским градоначальником (1906—1907 гг.), а в 1912 г. ее имя было внесено в Родословную книгу дворянства Московской губернии²¹⁶.

После смерти Сав.Т. Морозова Зинаида Григорьевна унаследовала значительное состояние — 1 534 349 руб. 39 коп. (две городские усадьбы в Москве на 374 347 руб. и 20 669 руб. 33 коп.; Виндаво-Вильвенский завод и Ивакинский химический завод в Пермской губернии на 127 130 руб.; имение во Владимирской губернии на 6100 руб.; имение в Пермской губернии на 300 000 руб., а также «ценные бумаги и другой капитал»)²¹⁷. На 1 марта 1914 г. счет генерального баланса Морозовой-Рейнбот представлял собой 4 419 384 руб. 55 коп. «чистого капитала» и недвижимого имущества на сумму 263 938 руб. 58 коп. Она была владелицей имения «Покровское-Рубцово» в Звенигородском уезде, дачи в Мисхоре и имения «Горки» Подольского уезда²¹⁸. «Ведомость о паях и акциях З.Г. Рейнбот» за 1913—1914 гг. показывает, что на 1 марта 1914 г. она владела ценными бумагами на сумму 16 366 414 руб. 27 коп. и получила за истекший год дивиденда и от продажи акций прибыль 293 180 руб. 87 коп.²¹⁹

Благодаря браку с А.А. Рейнботом Морозова сделала шаг вверх по социальной лестнице. Но, как писал современник, «отстав от своих и не пристав к чужим, почти окончательно порвала с московским купечеством»²²⁰. Скандал, разразившийся вокруг имени Рейнбота, обвиненного

З.Г. Морозова-Рейнбот и А.А. Рейнбот на отдыхе. Не ранее 1907 г. Семейный архив Морозовых

в 1907 г. в казнокрадстве, стал для нее большим разочарованием. Хотя в 1913 г. Анатолий Анатольевич получил «высочайшее» прощение, отношения между супругами разладились, а свою жизнь в годы разбирательства «дела Рейнбота» Морозова называла «моральной тюрьмой»²²¹.

Она была одной из немногих в «Москве купеческой», кому уделил внимание П.А. Бурышкин. «Я помню ее уже не молодой, но еще очень интересной женщиной, весьма авторитетной и скорее надменной, — вспоминал он. — Она была своего рода русским самородком»²²².

В 1907 г. Морозова-Рейнбот решила расстаться со своим готическим домом-дворцом на Спиридоновке и выставила его на продажу. Имение «Покровское-Рубцово» она предполагала передать старшему сыну Т.С. Морозову, а для себя вскоре купила «Горки» в Подольском уезде, чтобы там наладить жизнь своей новой семьи.

Заметим, что в это же время покупкой усадьбы рядом с Москвой был озабочен фабрикант и коллекционер А.А. Бахрушин, желавший «купить где-нибудь небольшой клочок земли и обосноваться на нем по-помещичьи». Он непременно условием ставил, чтобы «был удобный небольшой дом, желательнo старинный, с колоннами, чтобы он стоял на берегу реки и чтобы недалеко был лес»²²³.

Когда наследники Г.С. Герасимова, директора правления Товарищества Реутовской мануфактуры, выставили на продажу имение «Горки», которое уже девять лет использовали для летнего отдыха четырех семей, Бахрушин пытался к нему подступиться, но цена показалась ему слишком высокой, а тем временем «генеральша Рейнбот, т.е. Зинаида Григорьевна Морозова, приобрела его не торгуясь»²²⁴.

В «Горках» было 335 дес. 2317 саж. земли, барский дом с флигелями; в одном длинном строении разместились каретный сарай с конюшней, кладовые и прачечная. На отдалении был разбит сад, а за ним располагался хозяйственный двор. Деревянные конюшня, коровник, птичник, людская и баня выглядели весьма добротно²²⁵, хотя построены были в 1890-е гг. Стремясь к наиболее выгодному землепользованию, Герасимовы в 1902 г. отмежевали 50 дес. под разбивку дач по 1 дес. и приобрели право на открытие на Рязано-Уральской железнодорожной линии платформы «Герасимовская», от которой провели шоссе в усадьбу²²⁶.

Покупкой «Горок» Морозова-Рейнбот реализовала наконец свою мечту о жизни в мире дворянского имения. В мемуарах она вспоминала о своем разговоре в 1896 г. с С.Ю. Витте, которому тогда призналась: «Я никогда не жила в таких имениях, но мне кажется, что моя душа когда-то там жила»²²⁷. После того разговора Морозова прошла большой путь самообразования и самоутверждения. Теперь она вслед за героем романа А.В. Амфитеатрова «Дрогнувшая ночь», посвященного, кстати, ее второму мужу — Сав.Т. Морозову, могла бы сказать: «Какая нам нужна аристократия? Мы сами себе аристократия...»²²⁸.

Подрядчики и рабочие у строящегося Большого дома в имении З.Г. Морозовой-Рейнбот. «Горки». 1910 г. ГИМЗ «Горки Ленинские»

Первую попытку устройства «дворянского гнезда» Морозова совершила в имении «Покровское-Рубцово», однако Сав.Т. Морозов не желал становиться «барином»²²⁹. В результате имение так и осталось великолепной дачей с небольшим подсобным хозяйством, обслуживавшим Морозовых и их гостей.

После покупки «Горок» Морозова-Рейнбот сумела вернуться к прежним планам. Она развернула полную реконструкцию господского дома и окружающей территории, пригласив для этой цели архитектора Ф.О. Шехтеля, которого с семьей Морозовых связывали многолетние деловые и дружеские отношения²³⁰. Уже к 1912 г. старая усадьба приобрела новый облик. В коллекции ГИМЗ «Горки Ленинские» хранится имеющий большие утраты фотоальбом, выполненный в тот год по заказу владелицы. На фотодокументах — интерьеры отдельных комнат, фрагменты фасадов домов и хозяйственных построек, теннисный корт, сельскохозяйственная техника на полях²³¹. Таким образом, можно утверждать, что реконструкция центральной части имения к 1912 г. была завершена.

Главный дом и флигеля были перестроены в канонах классицизма. Фасад дома, обращенный к парадному двору с фонтаном и украшенный барельефами с античными сюжетами, имел шестиколонный

Зимний сад в Большом доме усадьбы З.Г. Морозовой-Рейнбот «Горки». 1910-е гг. ГИМЗ «Горки Ленинские»

Зимний сад в Большом доме усадьбы З.Г. Морозовой-Рейнбот «Горки» 1912 г. ГИМЗ «Горки Ленинские»

Гостиная в Большом доме усадьбы З.Г. Морозовой-Рейнбот «Горки». 1910-е гг. ФМЛ ГИМ

Уголок отдыха в столовой Большого дома усадьбы З.Г. Морозовой-Рейнбот «Горки». 1910-е гг. ФМЛ ГИМ

ионический портик, парковый же фасад был оформлен тосканской колоннадой. К главному дому примыкали зимний сад и веранда с возведенными над ними открытыми террасами. Дом сохранил анфиладную планировку и вызывал ассоциации с постройками начала XIX в. Но и принципы модерна — красота и удобство — были реализованы здесь в полной мере: каждый из фасадов украшали открытые веранды с нависшими над ними кронами деревьев.

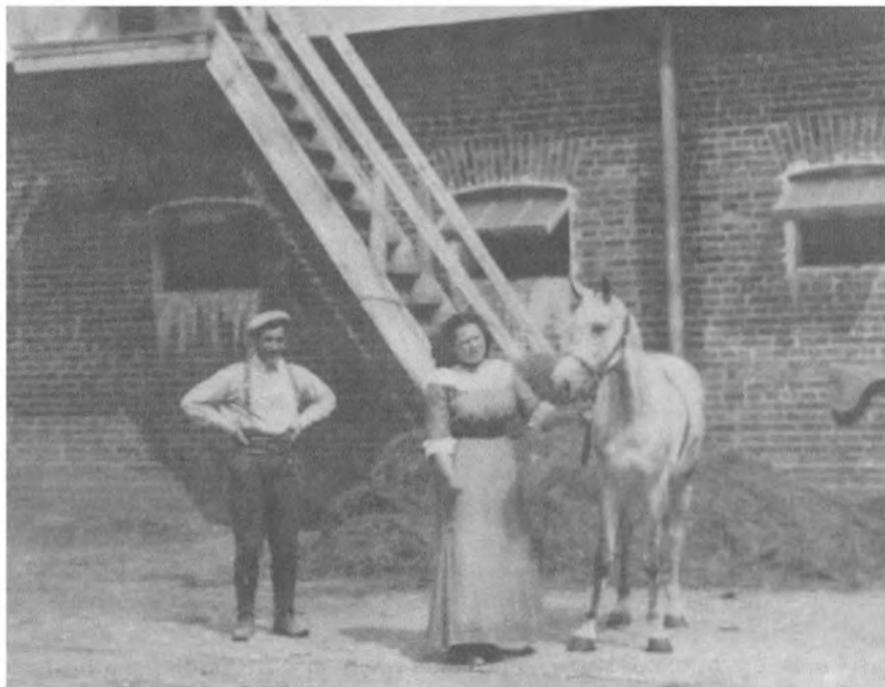
В подземную галерею, соединявшую главный дом с флигелем-кухней, дневной свет попадал через застекленные иллюминаторы в потолке. В подвальных помещениях находились все технические устройства и вспомогательные службы: бойлерная, прачечная, гладильня, автономная электростанция. Усадьба была телефонизирована и подключена к Подольскому загородному узлу. На внутреннем двореке построили каретный сарай для экипажей и автомобильный гараж. Отсюда начиналась мощеная дорога к железнодорожной платформе. Для нужд господского дома была возведена водонапорная башня с немецким двигателем. Со смотровой площадки башни открывался прекрасный вид на пойму реки Пахры.

Архитектор внес изменения в планировку парка. Сохранив регулярность его верхней части с тенистыми лиственными и еловыми аллеями, на склоне, который начинался сразу за увитой диким виноградом балюстрадой, он создал живописный парк в стиле модерн. Проложенные по склону извилистые дорожки были обсажены экзотическими кустарниками. Они спускались к белокаменным лестницам, ведущим к большому пруду с плотиной, затем огибали пруд и подводили гуляющих к беседкам и гроту. В парке появились мостики над «сухими каналами», вазы из итальянского мрамора, скамейки с изогнутыми спинками. В 1913—1915 гг. в усадьбе был построен храм Пресвятой Богородицы, который служил домашней часовней.

За главной липовой аллеей начинался фруктовый сад, засаженный кустами черной, красной и белой смородины и молодыми яблонями летних и зимних сортов. Далеко тянулись плантации клубники. В этой части имения архитектор Ф.Н. Кольбе спроектировал оранжерею с домом садовника, коровник, молочную с ледником, конюшню, кузницу и прочие хозяйственные службы²³².

Везде просматривалась аналогия с французскими и английскими типовыми проектами и применялись последние технические новшества: автоматические поилки для скота, различные подъемники, сушилки и мойки.

Здание фермы с вентиляционными трубами в виде рыцарских шлемов и с узкими окнами-бойницами выглядело небольшим, однако объединяло в себе помещения для молочного, мясного скота и молодняка. Там же была контора старшего скотника и вспомогательные службы.

Дочь З.Г. Морозовой-Рейнбот Мария у конюшни в усадьбе «Горки». 1912 г.
ГИМЗ «Горки Ленинские»

З.Г. Морозова-Рейнбот не только финансировала подрядные работы, но и была требовательной заказчицей, которая вникала в тонкости строительного дела. В ее усадебной библиотеке можно обнаружить книги по домостроительству, строительным технологиям, альбомы с образцами архитектурных деталей, листы с изображением мебели стиля ампир, изданные в Париже, и прочее. Вместе с литературой по вопросам сельского хозяйства, коневодства, лесоводства, животноводства, птицеводства и бухгалтерии эти издания показывают заинтересованность владелицы в правильной постановке дела²³³.

Счета на строительные работы, поставку материалов и оборудования для имения «Горки» говорят о масштабности проекта. Отметим, что в конце XIX в. в Москве сформировался широкий и выгодный рынок приложения капиталов московских предпринимателей, а именно усадебное и дачное строительство. Московское купечество, будучи заказчиком и потребителем товаров и услуг, само же и являлось самым активным продавцом в этой сфере (таблица 2).

Далеко не полный список фирм, участвующих в строительстве и оборудовании усадьбы «Горки» З.Г. Морозовой-Рейнбот, является тому подтверждением.

Таблица 2

Фирмы, получившие заказы на строительные и подрядные работы, поставку материалов, оборудования и других товаров в имение «Горки». 1912–1916 гг.²³⁴

№ п/п	Название фирмы	Вид работ	Место-нахождение фирмы
1	Оконные, дверные и печные приборы А.В. Карсавина	печные приборы, арматура, скобы, оборудование для котельной	Москва
2	Канатно-веревочная фабрика И.М. Юкина	рогожи, мочало, обшивки	Москва
3	Колесная, тележная и санная мастерская В.К. Левченкова	колеса тележные	Подольск
4	Шорно-седельное производство и магазины И.И. Климова	хомуты, упряжь, материалы для конюшни	Москва
5	Механический завод инженера К.Г. Линденберга	железные болты, рельсы	Москва
6	Благовещенский рудник Общества «Грушевский антрацит»	антрацит	Стахеево
7	Торговый дом «Бр. Н. и Б. Рейфман»	зеркала	Москва
8	Техническая контора инженера М. Александрова	ацетиленовая сварка	Москва
9	Механический завод О.А. Анохина	карнизы	Москва
10	Товарищество «Реддавей Ф. и К ^о »	пожарные рукава	Москва
11	Товарищество «Эмиль Липгарт и К ^о »	с/х техника	Москва
12	Акционерное общество «Сименс-Гальске»	электротехническое оборудование	Москва
13	Производство лаун-теннис «Бр. М. и М. Цыганковых»	теннисный корт	Москва

Продолжение табл. 2

№ п/п	Название фирмы	Вид работ	Место-нахождение фирмы
14	Товарищество «Работник»	семена ржи, с/х оборудование, инкубатор на 50 яиц	Москва
15	Русское электрическое общество «Динамо»	лампы, люстры, кабели	Москва
16	Газогенераторные двигатели Горнсби	оборудование	Москва
17	Торговый дом «Вогау и К°»	цемент	Москва
18	Акционерное общество «Гергард и Гей»	сепараторы, соломорезки	Москва
19	Производство штукатурных и прочих работ А.С. Овечкина	штукатурные работы, карнизы, балясины; ремонт колонн, беседки; работы в молочной, доме садовника, тоннеле Большого дома, гаражах; дымовые трубы, мосты над «сухими каналами», эл. станция	Москва
20	Торговый дом «Бр. Н. и А. Потораевы»	работы из железобетона	Москва
21	Торговля Василия Семеновича Леонова	поставка семян, леса, теса, досок, гвоздей	Москва
22	Торговый дом «А.И. Птицын с сыновьями»	портландский и романский цемент, известь, алебастр	Москва

Продолжение табл. 2

№ п/п	Название фирмы	Вид работ	Место-нахождение фирмы
23	Товарищество Никольской мануфактуры	мадаполам, бязь, репс, шевиот, дерби, миткаль, кретон	Зуево
24	Московское акционерное общество экипажно-автомобильной фабрики «П. Ильин»	ремонт автомобиля	Москва
25	Полное оборудование, отопление и вентиляция зданий Н.Т. Зарайского	отопление в оранжерее, конторе, главном доме	Москва
26	Товарищество «Шапошников, Челноков и К ^о »	дрова березовые, уголь	село Беляево, Подольский уезд
27	Продажа кирпича И.И. Мигунова	кирпич красный, известь, алебастр, войлок, пакля	село Домодедово, Подольский уезд
28	Французская мастерская вулканизации паром Л. Галли	вулканизация паром камер автомобиля	Москва
29	Подрядная контора С.И. Лавриновича	кладка скотного двора, конюшни, оранжереи; кирпичный фундамент под беседку, колодцы; бетонные полы в леднике и молочной, черный пол в беседке; строительство железобетонного фонтана и мостиков на проездах	Москва

Продолжение табл. 2

№ п/п	Название фирмы	Вид работ	Место-нахождение фирмы
30	С.С. Лалаев. Химические заводы минеральных продуктов	смазочные масла, нефть	Москва
31	Семенная торговля А.Б. Мейер	семена ландышей, садовые инструменты	Москва
32	Цветочный магазин «Printemps» Н.А. Качеровского	цветочные корзины, семена цикламена, розы	Москва
33	Садоводство А.Э. Ферингер	саженцы, туя, виноград, жасмин и др. растения	Москва
34	Садоводство Х.В. Шох	саженцы	Рига
35	Магазины Уральских заводов З.Г. Морозовой-Рейнбот	ацетон	Пермская губерния
36	Русское акционерное общество «Симменс-Шуккерт»	электрооборудование скотного двора	Москва
37	Акционерное общество «Люкс»	вентиляционные сетки, лебедка для подъема фонарей	Москва
38	Агроном А.А. Шаллер	клевер, травы, семена свеклы	Москва
39	Машиностроительные заводы «А. Заурер»	водопроводные трубы и оборудование	Москва
40	«Инструменты и хозяйственные принадлежности Роберт Кенц»	слесарные инструменты, кувалда и наковальня, станок с тисками	Москва

Продолжение табл. 2

№ п/п	Название фирмы	Вид работ	Местонахождение фирмы
41	Товарищество «Мюр и Мерилиз»	канцелярские принадлежности	Москва
42	Фабрика шорных и седельных изделий Э.Х. Эггольм	машинка для стрижки лошадей	Москва
43	Аптекарские товары В.К. Феррейн	лекарства	Москва
44	Акционерное общество «Энфилд»	электрозвонки	Москва
45	Паровая строгально-лепильная фабрика А. и Е. Каган	обшивка	Москва
46	Торговый дом «Шварцкопф и К ^о »	грузоподъемник	Москва
47	Заводы Ю.С. Нечаева-Мальцова	оконное стекло	Гусь-Хрустальный
48	Хозяйство графа Э.Г. Кейзерлинга	крупный рогатый скот, быки голландской породы	Панивежиц Либаво-Роменской ж.д.
49	Торговый дом «Наследники А.И. Носенкова»	крючья, желоба	Москва
50	Садоводство «Ш. Виллар»	сирень	Москва
51	Цветочный магазин М.Н. Никитина	бегония, гортензия, тюльпаны	Москва
52	Товарищество суконной торговли «М. Попов с сыновьями»	сукно для упаковки цветов	Москва
53	Торговый дом «Бр. В. и Н. Бландовы»	оборудование для фермы	Москва
54	Торговля И. Облазова	плитка глазурованная	Москва

Продолжение табл. 2

№ п/п	Название фирмы	Вид работ	Место-нахождение фирмы
55	Торговый дом И.А. Леве и Зейдлер	нефтяные двигатели	Москва
56	Акционерное общество Вагоностроительного завода	заводские машины, маховики	Мытищи, Московская губерния
57	Товарищество Балтийских семеноводческих заводов	семена клевера, тимофеевки	Юрьев
58	Торговля Ермолина (Верхние Торговые ряды)	морская капуста, сухая для матрацев	Москва
59	Ферма Е.Г. Тихомировой	молочный скот	Москва
60	Бильярдная фабрика и производство всех бильярдных принадлежностей «В.К. Шульц»	бильярд	Москва
61	Малярные работы Е.И. Воронина	малярные работы, дезинфекция	Москва
62	Имение С.С. Шibaева	конина	Козлов
63	Железная и скобяная торговля М.С. Гриневиц	наоссы	Москва
64	Торговля В.А. Бабаева	асфальт, гравий, гудрон	Москва
65	Торговля Н.Н. Бородина	рогожи, мочала, бумага для садоводства	Москва
66	Кирпичный завод Савинова	кирпич для электростанции и машинного отделения	Подольский уезд
67	Товарищество «Проводник»	шины, покрышки	Москва
68	Садоводство А.Ф. Бауэр	садовые растения, корзины	Москва

Продолжение табл. 2

№ п/п	Название фирмы	Вид работ	Местонахождение фирмы
69	Чайно-колониальная хлебопекарня А.С. Горбачевой	продукты, хлеб для рабочих	село Ям, Подольский уезд
70	Торговый дом «Е.Я. Рубинштейн с сыновьями»	кровельное железо, трубы, ступени, плитка	Москва
71	Товарищество Р. Келер	аптекарские товары	Москва
72	Торговый дом Э.К. Борель	отруби	Москва
73	Пекарня И.И. Чистова	хлеб для рабочих	село Ям, Подольский уезд
74	Чайная, колониальная, мучная, мясная и рыбная торговля А.А. Белова	мясо для рабочих	станция «Царицыно»
75	Цветочный магазин М.Н. Никитина	гортензия, бегония, тюльпаны, аспарагус, нефролепис	Москва
76	Фирма «Отто Демглиц»	чугунные трубы, железо	Москва
77	Управление Московского удельного округа	лес	Москва
78	Фирма «Мульдер и Схоорль»	тюльпаны и др. цветы	Москва
79	Торговый дом «Братья В. и И. Лисицыны»	семена цветов и огородных растений	Москва
80	Экипажное производство М.Н. Часовникова	колеса, оглобли	Москва
81	Шорно-седельные магазины И.И. Климова	хомуты, упряжь, материалы для конюшни	Москва

Окончание табл. 2

№ п/п	Название фирмы	Вид работ	Место-нахождение фирмы
82	Мясная торговля Балова	продукты	Москва
83	Акционерное общество «Густав и Сиверс»	с/х машины и семена	Москва
84	Торговый дом «Н. Крутов и А. Фомин»	бутоны лилий	Москва
85	Печные работы И.И. Гудкова	кладка печей	Москва
86	Общий труд	конверты, бумага	Москва
87	Торговля Шишкина и Корнева	удобрения	Москва
88	Торговый дом «В. Степанов, А. Сидоров, И. Виноградов»	архитектурный надзор	Москва
89	Фирма «Отто Демглиц»	семена цветов, живые цветы, корзины	Москва
90	Малярные работы О.А. Леве	подряд на малярные работы	Москва
91	Мясная торговля В.Л. Протазанова	говядина, телятина	Москва
92	Горшечное производство Григория Кирунова	горшки для садоводства	Москва
93	Производство малярно-живописных и кровельных работ Е.И. Воронина	малярные работы, дезинфекция помещений	Москва
94	Специальная торговля сундуками, кроватями, матрацами, подушками, одеялами, дорожными корзинами, чемоданами, детскими колясками, велосипедами, шарабанами и стульчиками В.С.Каменского	предметы домашнего обихода	Москва

Анализируя совокупность счетов и накладных, относящихся к периоду реконструкции усадьбы и строительства хозяйственного комплекса, можно заметить, что Морозова-Рейнбот привлекала к работам подрядчиков, которые размещали заказы в Москве и Московской губернии. При строительстве и проведении отделочных работ в «Горках» применялись новые материалы — керамическая и стеклянная плитка, асфальт, бетон, а также технические новшества — сварка, электрические подъемники, насосы, двигатели и прочее.

Можно добавить, что оборудование фермы также было передовым. В помещении было 144 отделения для дойных коров, автоматическая поилка, устроен рельсовый путь с вагонеткой для подвоза кормов. Корма хранились в чердачном помещении фермы и подавались по мере необходимости через люк в вагонетку. Система снабжения скота кормами и водой приводилась в действие электромотором или двигателем, работавшим от нескольких аккумуляторов²³⁵. Конюшня в «Горках» была также сооружением примечательным: в трехэтажной центральной части находилась автономная водонапорная башня и двигатель, нагревавший воду, которая употреблялась для ухода за лошадьми. Предполагалось сооружение крытого манежа.

Оборудование хозяйственной экономии продолжалось вплоть до 1917 г. На момент национализации имения в марте 1918 г. там существовали свинарник, птичник, крольчатник, кузница, слесарные мастерские, шесть сараев, два амбара, пять погребов и склад для сельскохозяйственных машин, где числились шесть одно- и двухлемешных плугов, тринадцать борон обычных, девять дисковых, четыре культиватора, орудие, шесть сеялок разного типа, жнейка, сноповязалка,

Сельскохозяйственные угодья в имении З. Г. Морозовой-Рейнбот «Горки». 1912 г. ГИМЗ «Горки Ленинские»

пять косилок, «ворошилка» сена, пять конных грабель, конные электрические грабли, веялка, сортировка, зернодробилка, соломорезка, «кочкорез» и прочий инвентарь²³⁶.

З.Г. Морозова-Рейнбот начала развивать свое хозяйство в двух направлениях: садоводство и молочное животноводство. В 1913 г. ферма еще не была достроена. Так, на строительстве скотного двора в августе 1913 г. работали 27 каменщиков, 20 плотников, девять маляров и кровельщиков, пять водопроводчиков, семь штукатуров и пять асфальтоукладчиков, а всего 73 человек. Работой руководили десятники, с которыми вел расчет приказчик С.И. Дульнев²³⁷.

На станцию «Домодедово» Рязано-Уральской железной дороги поступали цемент, нефть, антрацит, различные механизмы, которые затем отвозили в имение крестьяне на своих подводах. Жители окрестных деревень также возили на строительство белый камень и песок. С каждым из них заключался отдельный договор, а по выплате денег бралась расписка²³⁸.

Тогда же в августе Морозова заключила с фермой Е.Г. Тихомировой договор на поставку в имение «Горки» 90 молочных коров²³⁹. Первое время сено и солому для скотного двора закупали у крестьян. Но уже в 1913 г. заведующий молочным хозяйством имения В.Е. Кениг стал вести переговоры о покупке сена в других губерниях. Он выезжал в Рязанскую, Тульскую, Калужскую губернии, где договаривался с частными лицами о доставке прессованного сена до станции «Домодедово»²⁴⁰, откуда его перевозили в «Горки».

Молочные фляги и оборудование были приобретены у фирмы Бландовых, ей и сдавалась потом часть молочной продукции. Коровам были сделаны прививки, и на каждую заведен паспорт. В сентябре был куплен сепаратор и газогенераторные двигатели фирмы «Горнсби», которые были установлены на скотном дворе. Судя по отчету управляющего фермой Кенига, за период с марта 1913 г. по февраль 1914 г. приход в молочном хозяйстве составил 89 938 руб. 16 коп., а расход — 93 703 руб. 31 коп.²⁴¹

Из приведенных цифр видно, что расход превышал доход на 3735 руб. 15 коп., но изучение помесячных ведомостей расходов показало, что Морозова в это время делала большие затраты на оснащение производства. Расход был высок за счет большого числа закупок сена, соломы, породистого скота, а также в связи с приобретением необходимого оборудования.

Приход складывался из продажи молока молокозаводчику А.В. Чичкину, владельцу соседней усадьбы Тарасову, дачникам, постоянным потребителям «по книжкам» (т.е. продажи с оплатой по количеству полученного молока по истечении месяца) и «по ярлыкам» — с оплатой по квитанциям в кассе имения. Молоко также поступало в сепараторную, на корм телятам и в дом владелицы.

В Москву фляги с молоком отправляли по железной дороге от станции «Домодедовская», приобретая для этого билеты для грузовых перевозок на два или три пуда²⁴². При сопровождении грузов служащим оплачивались железнодорожный проезд в оба конца, услуги носильщиков и извозчика, выдавались «порционные»²⁴³.

В 1914 г. Морозова-Рейнбот отказалась от ведения одного только молочного хозяйства и стала развивать мясомолочное направление²⁴⁴. Положение дел в скотоводческом хозяйстве имения в 1916 г. было благоприятное: приход — 34 743 руб. 32 коп., расход — 21 284 руб. 27 коп.²⁴⁵ К этому времени у «Горок» появились прочные связи с фирмой по продаже мяса В.Л. Протазанова, купцом Баловым и фермой Е.Г. Тихомировой.

Начавшее развиваться птицеводство, судя по кассовым книгам имения за 1916 г., дохода пока не приносило, а затраты на него составили 1793 руб. 77 коп.²⁴⁶ В это время шла закупка отборной птицы, а в 1915 г. был приобретен инкубатор на 50 яиц²⁴⁷. При национализации имения в 1918 г. на птичьем дворе оказалось 73 курицы, 7 петухов и 17 уток²⁴⁸.

Полеводство, где был сразу введен шестипольный севооборот, работало для обеспечения хозяйства кормами. Сеяли рожь, овес, вику, клевер и корнеплоды, отправляя полученный урожай на нужды собственного скотного двора. Механизация обеспечивала получение кормов прямо на ферме. Однако в 1916 г. полеводство также не приносило прибыли: приход составил 17 380 руб. 60 коп., а расход — 21 928 руб. 28 коп.²⁴⁹ Высокая цифра расхода включала в себя затраты на приобретение большого количества машин для полевых работ, заказанных Морозовой-Рейнбот для имения у Акционерного общества «Густав Сиверс»²⁵⁰.

В 1916 г. в хозяйстве Морозовой числилось 50 постоянных рабочих, которые получали жалованье от 35 руб. до 125 руб. в месяц. Кроме того, в имении жили на полном обеспечении и с жалованьем 5 руб. 15 австро-венгерских пленных, которые работали преимущественно в садоводческом комплексе²⁵¹. Рабочие кроме месячной платы получали наградные, сверхурочные и «праздничные» выплаты, причем это правило распространялось и на пленных. Наличие большого контингента пленных можно объяснить стремлением Морозовой заполучить практически даром квалифицированных и образованных рабочих, которые были необходимы для управления сложной техникой.

В «Горках» были построены два благоустроенных флигеля для рабочих, кухня и баня. При ферме и оранжерее имелись жилые помещения для персонала, каждому руководителю производства отводилась квартира. Престарелым служащим выплачивались пенсии²⁵².

Все заведующие производств подчинялись управляющему, а полученный приход поступал в генеральную кассу имения. Счета, накладные, ведомости и табели аккуратно подшивались и подавались владельцу ежемесячно на подпись. Она же определяла основную линию в развитии экономики.

Для выполнения некоторых работ в садоводстве и полеводческом хозяйстве нанимали за 40—45 коп. в день поденных рабочих, которым выдавали при получении денег квитанции. Существовала практика заранее выплачивать задаток, чтобы гарантировать возку крестьянами сена или выход бригады «пололок»²⁵³. Если не удавалось нанять достаточное количество женщин, то заведующий искал работниц в других губерниях. Так, 1 февраля 1917 г. заведующий полевым хозяйством О.Г. Меллер ездил в г. Козельск Калужской губернии «нанимать девок». Заключив договор о предстоящих работах, он заплатил задаток 90 руб. и дал «на чай» 9 руб.²⁵⁴

Рабочие трудились в имении, используя дорогостоящий хозяйский инвентарь, закупленный в специализированных фирмах. Условия труда и уровень жизни были высокими, о чем говорит практически не меняющийся в течение 1913—1916 гг. персональный состав работников. В счетах расходов по имению можно обнаружить множество фактов их материального и морального стимулирования. В день Пасхи все они получали «праздничные» денежные суммы²⁵⁵. Под Рождество для детей всех служащих устраивали новогоднюю елку²⁵⁶. А в 1913 г. владелица организовала в имении празднование 300-летия Дома Романовых, в котором принимали участие постоянные работники всех производств и местные поставщики²⁵⁷.

З.Г. Морозова-Рейнбот уделяла особенное внимание своему садоводческому хозяйству. Ведомости показывают, что она активно закупала семена и черенки цветов в лучших цветочных магазинах и питомниках. Пока завершалось оборудование оранжерей, приобретались корзины, рогожи, цветочные горшки разных размеров, садовый инвентарь. В садоводстве было занято от 12 до 15 человек, не считая наемных работниц.

Выращенные в хозяйстве цветы направлялись по железной дороге или возами в московские магазины для продажи (таблица 3).

В бухгалтерской документации имения «Горки» сохранились кассовые книги по садоводству имения З.Г. Рейнбот за март — октябрь 1914 г., из которых следует, что, продавая цветы в Москве, Морозова-Рейнбот получала постоянную прибыль (таблица 4).

Расход в садоводческой отрасли складывался из затрат на покупку семян и сортовых образцов, упаковочного материала; выплаты жалованья и премиальных садовникам, поденным работницам; оплаты доставки груза в Москву; оплаты консультаций и проживания приезжавших специалистов. Разумеется, садоводство требовало и других расходов. Но содержание двух оранжерей и теплицы с электрооборудованием, водопроводом, паровым отоплением проходило по статье «машинное отделение», где фиксировались затраты нефти, угля, дров и проч. для всего имения.

Садоводство имения «Горки» З.Г. Морозовой-Рейнбот обратило на себя внимание уже в 1911 г., когда в Москве на Всероссийской выставке

Таблица 3

Список цветочных магазинов, поставщиком которых было садоводство
имения З.Г.Морозовой-Рейнбот в 1914–1916 гг.²⁵⁸

№ п/п	Наименование
1	Цветочный магазин «Printemps» Ю.А. Качеровского
2	Садоводство и оранжереи А.Ф. Бауэр
3	Цветочный магазин М.Н. Никитина
4	Цветочная торговля Н.К. Федоровича
5	Цветочный магазин Быкова
6	Цветочный магазин А.М. Шишновой
7	Цветоводство Райле
8	Семенная и цветочная торговля Алексеева
9	Цветочный магазин Мухина
10	Цветочные луковицы, растения и прочее М. Лиссе
11	Цветоводство Прусакова
12	Цветочный магазин Кузнецова
13	Цветочный магазин «Ривьера» К.Ф. Науки
14	Торговля цветами Пегова
15	Семенная торговля А.В. Мейер
16	Цветочная торговля Ноева
17	Цветочный магазин «Регина»
18	Семенная и цветочная торговля Голубова
19	Садоводство Шарль Виллар
20	Торговый дом «В. Степанов, Сидоров и А. Виноградов»
21	Магазин Н.Ф. Букурова
22	Цветоводство И.Ф. Каширина

Таблица 4

**Соотношение прихода и расхода садоводства З.Г. Морозовой-Рейнбот
в марте – октябре 1914 г.²⁵⁹**

Месяц	Приход	Расход	Остаток
Март (с остатком на 1 марта 36 руб. 43 коп.)	784 руб. 93 коп.	515 руб. 53 коп.	269 руб.
Апрель	2020 руб. 40 коп.	1669 руб. 93 коп.	420 руб. 48 коп.
Май	1132 руб. 98 коп.	810 руб. 26 коп.	322 руб. 72 коп.
Июнь	943 руб. 50 коп.	649 руб. 77 коп.	293 руб. 73 коп.
Июль	926 руб. 95 коп.	926 руб. 65 коп.	30 коп.
Август	992 руб. 85 коп.	548 руб. 41 коп.	444 руб. 44 коп.
Сентябрь	1713 руб. 19 коп.	1630 руб.	83 руб. 19 коп.
Октябрь	801 руб. 19 коп.	622 руб. 95 коп.	178 руб. 24 коп.

в Манеже получило Большую и Малую золотые и Большую серебряную медали «Общества любителей садоводства, находящегося под покровительством Их Императорских Величеств»²⁶⁰.

Затем имение «Горки» не раз участвовало в подобных выставках. В ноябре 1913 г. садоводство З.Г. Морозовой-Рейнбот за свою продукцию было удостоено двух Больших золотых медалей²⁶¹. Особенно много затрат, как видно из кассовой ведомости, потребовала «Выставка цветов» в 1914 г., роскошному убранству которой пресса уделила особое место, а журнал «Столица и усадьба» сравнил ее с «Flowers Show» в Лондоне и ежегодной выставкой цветов в Нью-Йорке²⁶².

Увеличение расходов по садоводству в апреле 1914 г. связано с подготовкой и участием хозяйства в этом мероприятии, которое носило не столько коммерческий, сколько светский и отчасти рекламный характер. В дни работы выставки лучшие цветы из «Горок» были отправлены на автомобиле, другие – по железной дороге. Экспозиция Морозовой вызвала интерес: было продано цветов на сумму 118 руб.²⁶³ Честолюбивая владелица «Горок» заказала фотосъемку своего отдела на выставке. А по завершении экспозиции Морозова завела для своей фирмы художественно оформленные бланки с адресом для писем и телеграмм и телефоном в Подольском уезде с указанием всех наград, полученных хозяйством²⁶⁴.

Садоводство З.Г. Морозовой-Рейнбот, несмотря на экономические трудности в связи с началом Первой мировой войны, продолжало оставаться доходной статьёй в бюджете хозяйства, хотя в 1916 г. приход от садоводства составлял 15 389 руб. 90 коп. при расходе в 19 900 руб. 21 коп.²⁶⁵ Но превышение расходов было вызвано, как оказалось, новыми капиталовложениями в производство: ремонтом оранжереи, совершенствованием ее оборудования, налаживанием водопровода, отопления и освещения, выравниванием и устройством подъездных дорог.

Таким образом, имение З.Г. Морозовой-Рейнбот представляло собой развивающееся предприятие, которое было тесно связано с городским рынком. На карте Московской губернии такие хозяйства выглядели «оазисами» новой сельскохозяйственной культуры, показывая вместе с тем, что московская буржуазия не стала случайным покупателем земель.

Главная контора в «Горках», непосредственно связанная с владелицей имения, осуществляла спланированные мероприятия по разным отраслям хозяйства. Все работники имения получали жалованье. Аренду земель у крестьян Морозова не практиковала и сама в аренду в 1913—1916 гг. ничего не сдавала. Хотя элементы капиталистической аренды присутствовали (например, связывание задатком крестьян при заключении договора о будущих работах), но в целом хозяйство эволюционировало в направлении свободного найма рабочей силы.

Жители окрестных деревень заключали с «генеральшей Рейнбот», как ее называли, коллективные и индивидуальные соглашения на срочную и поденную работу. Каждая выплата сопровождалась распиской, а табели на выдачу жалованья имели подписи работников. В имении использовался исключительно труд наемных работников; материальная база хозяйства не только росла и развивалась, но в перспективе требовала подготовки квалифицированных кадров.

З.Г. Морозова-Рейнбот считала важным затрачивать капитал на благоустройство как усадебной территории, так и рабочего поселка, что для нее не было случайным решением. В письмах к В.А. Маклакову в 1905 г. она замечала: «Все говорят большие вещи и забывают в жизни много вещей, с которыми нужно считаться реально, и главное, много работать и поменьше говорить. ...Самое серьезное — это рабочие, они сила, и надо смотреть, чтобы эта сила пошла на благо России»²⁶⁶.

В имении «Горки» владелица наладила многопрофильное хозяйство, рациональный севооборот, правильное счетоводство и учет продукции и затрат, что, безусловно, надо считать явлениями прогрессивными. Первые прибыли ожидалось через три—пять лет после налаживания хозяйства полностью, но история не оставила «экономии» Морозовой-Рейнбот этого срока. Тем не менее на фоне архаического пейзажа сельского разорения этого времени имение Морозовой выглядело очагом высокой культуры земледелия и городского быта. Полагаем, что после

октябрьских событий 1917 г. именно по этой причине оно и не было разрушено творцами новой жизни.

В этом сыграл свою роль и еще один фактор: русский крестьянин испокон веку уважал рачительного хозяина. Крестьяне различали «эксплуататоров» и «хозяев» и больше всего ненавидели тех помещиков, которые сдавали землю в аренду и бездельничали в деревне. Имения таких хозяев грабили и сжигали, но образцовые имения не трогали. Имущество принимали по описи, управляющих назначали директорами. Именно такой и была судьба имения З.Г. Морозовой-Рейнбот, ставшего в 1924 г. основой для создания сельскохозяйственного предприятия «Сельхоз «Горки ВЦИК»».

Однако в имении З.Г. Морозовой-Рейнбот существовало еще многое, что нельзя измерять только экономическими категориями. Действительность начала XX в. вызывала к жизни сотни новых явлений, которые не подходили ни под какие шаблоны. К примеру, рациональная архитектура хозяйственного двора в имении Морозовой соединяла в себе целесообразность и стремление к новой эстетике промышленных построек. В усадьбе, которую «новая дворянка» Морозова создавала с большой заботой и энергией, возникли особые традиции – усадебные торжества, новогодние праздники для детей служащих.

Дочери З.Г. Морозовой-Рейнбот с гостями в экипаже у восточного входа в дом 1912 г. ГИМЗ «Горки Ленинские»

З.Г. Морозова с дочерьми Еленой (слева) и Марией. Начало 1900-х гг.
ОПИ ГИМ

Владелица гордилась своим поместьем: письма из «Горок» направляла на особой почтовой бумаге с изображением Большого дома или Северного флигеля, приглашая знакомых навестить ее за городом. «Милая Ольга Леонардовна! — писала она О.Л. Книппер-Чеховой. — Узнала, что Вы в Москве, — буду рада, если соберетесь к нам в “Горки”. Ехать по Рязано-Уральской до полустанка “Герасимовка”. Шлю привет и надеюсь»²⁶⁷.

«Страшно буду рада, если Вы соберетесь к нам в “Горки”, которые очень хочу Вам показать», — приглашала Морозова своего старинного знакомого, адвоката В.А. Маклакова, обещая выслать за ним на станцию автомобиль²⁶⁸. В «Горках» неоднократно бывал известный медик В.Ф. Снегирев²⁶⁹ и другие московские знакомые хозяйки. На усадебной территории были созданы условия для комфортного отдыха «в деревне», причем здесь соединялись городские удобства и сельская природа, ставшая элементом новой эстетики.

Эволюция имения «Горки» была прервана октябрьскими событиями 1917 г., но та картина, которую можно нарисовать на основе хозяйственного архива З.Г. Морозовой-Рейнбот и сохранившихся фотодокументов и мемуарного материала, лишней раз доказывает важную роль индивидуальности как в экономической динамике землевладения в России, так и в усадебной культуре.

* * *

Приведенная выше картина устройства подмосковных усадебных хозяйств хотя и не является полной, но позволяет, на наш взгляд, сделать определенные выводы. Пореформенное время открыло для торгово-промышленного сословия новые сферы приложения капитала, дало толчок к новой стезе предпринимательства всем слоям российского общества. Земельный рынок притягивал к себе частные капиталы и обращал на себя внимание формирувавшегося буржуазного класса.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

¹ *Погожев Е.* Кучино. Подмосковная бывш. Н.Г. Рюмина, ныне гг. Рябушинских // Столица и усадьба. 1914. № 18. С. 4.

² ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 24. Д. 116. Л. 11, 14, 40–41.

³ *Петров Ю.А.* Братья Рябушинские // Встречи с историей. М., 1990. С. 32.

⁴ *Погожев Е.* Указ соч. С. 4.

⁵ ЦИАМ. Ф. 82. Оп. 6. Д. 301. Л. 4.

⁶ Столица и усадьба. 1916. № 69. С. 8.

⁷ *Фролов В.Г.* История усадьбы Соколово-Кучино // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 7(23). М., 2001. С. 328.

⁸ *Погожев Е.* Указ. соч. С. 5.

⁹ Основой для исторической реконструкции стали фотографии, опубликованные в № 18 журнала «Столица и усадьба» за 1914 г. С. 3–10.

¹⁰ *Бутурлин М.Д.* Записки графа Бутурлина // Русский архив. 1898. № 3. С. 415.

¹¹ *Погожев Е.* Указ. соч. С. 4–10.

¹² *Ламан Н.К., Белоусова А.Н.* Золотая нить // Былое. 1991. № 6. С. 8–9.

¹³ *Бродская Г.Ю.* Алексеев-Станиславский, Чехов и другие. Вишневосадская эпопея. Т. 1. М., 2000. С. 12–20.

¹⁴ Музей МХАТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18487. Л. 96.

¹⁵ *Бутурлин М.Д.* Указ. соч. С. 415.

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 24. Д. 116. Л. 44–50. Описание дома восстановлено на основании описания строений при их страховании в 1906 г.

¹⁷ Цит. по: *Бродская Г.Ю.* Указ. соч. С. 7.

¹⁸ Воспоминания Е.Д. Штеккер о Е.М. Алексеевой (урожд. Бостанжогло).

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 116. Л. 44–49 (Рукопись В.А. Успенского «Кучино – подмосковная усадьба»). Цит. по: *Фролов В.Г.* История усадьбы Соколово-Кучино // Русская усадьба. Вып. 7(23). М., 2001. С. 334–335.

²⁰ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2451. Л. 218–219.

²¹ Там же.

²² *Рябушинский В.П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994. С. 162.

²³ *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 501.

²⁴ Там же.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 24. Д. 116. Л. 11, 14, 40–41.

²⁶ Там же. Л. 40–41.

²⁷ *Рябушинский В.П.* Указ соч. С. 161–162.

- ²⁸ *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 22; ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 90. Д. 92. Л. 1–2.
- ²⁹ *Шербатов С.А.* Художник в ушедшей России. М., 2000. С. 37.
- ³⁰ *Виноградов С.А.* Прежняя Москва. Рига, 2001. С. 146–148.
- ³¹ Автор благодарит М.С. Дроздова за предоставленные материалы из своего личного архива, консультации и замечания. См. также: Аэродинамический институт в Кучине. 1904–1914. М., 1914. С. 5–6; *Хомяков А.* Институт Рябушинского в Кучине // Московский журнал. 1994. № 12; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997. С. 151–161.
- ³² ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 24. Д. 116. Л. 16–18.
- ³³ *Бахрушин Ю.А.* Воспоминания. М., 1994. С. 245.
- ³⁴ ЦИАМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–21.
- ³⁵ *Ивановский А.О.* Памяти организатора научной экспедиции на Камчатку Ф.П. Рябушинского. М., 1910. С. 8; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997. С. 127–128.
- ³⁶ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 24. Д. 116. Л. 59 об.
- ³⁷ *Чехов А.П.* Избранное. Л., 1982. С. 668.
- ³⁸ ЦИАМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–6.
- ³⁹ Там же. Д. 34. Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Д. 34.
- ⁴¹ Там же. Д. 36. Л. 1.
- ⁴² Там же. Ф. 303. Оп. 2. Д. 271. Л. 1–3.
- ⁴³ Там же. Ф. 299. Оп. 1. Д. 339. С. 1–4.
- ⁴⁴ *Rieber A.J.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. University of North California Press. Chapel Hill, 1992. P. 120.
- ⁴⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 708 (Боткины, Гучковы). Автор благодарит О.И. Демушкину за предоставление материалов из семейного архива Боткиных и Гучковых.
- ⁴⁶ *Рябушинский В.П.* Указ. соч. С. 145.
- ⁴⁷ *Бурыйшин П.А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 161.
- ⁴⁸ Цит. по: *Гавлин М.Л.* Западник на русской подкладке // Независимая газета. 1999. № 175.
- ⁴⁹ *Барышиников М.Н.* Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 70.
- ⁵⁰ *Варенцов Н.А.* Указ. соч. С. 356.
- ⁵¹ *Гавлин М.Л.* Из истории российского предпринимательства: Династия Боткиных. М., 1999. С. 34.
- ⁵² ОРРГБ. Ф. 374. К. 2. Д. 7 (Е.А. Андреева-Бальмонт. Семья Андреевых). Ч. 2. Л. 14.
- ⁵³ Описание имения высочайше утвержденного Товарищества Ново-Таволжанского свекло-сахарного завода Боткиных. Киев, 1896.
- ⁵⁴ *Молодцова Т.* Исторический очерк о Боткиных // Русский архив. 1993. № 3. С. 213–229.
- ⁵⁵ *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 372.
- ⁵⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 253. Л. 4.
- ⁵⁷ Там же. Д. 156. Л. 4–5.
- ⁵⁸ Там же. Д. 333. Л. 102–106.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 184. Оп. 9. Д. 448. Л. 25 об.–26. В списке владельцев усадеб упомянут Д.Д. Голохвастов еще как владелец имения «Покровское-Рубцово». Между тем он его продал в 1890 г. На основании этого факта установлена дата покупки «Поповки» П.П. Боткиным.

- ⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 448. Л. 25 об.—26.
- ⁶¹ Там же. Ф. 122. Оп. 1. Д. 103. Л. 70.
- ⁶² Там же. Л. 31.
- ⁶³ Там же. Л. 35, 38.
- ⁶⁴ Там же. Л. 1.
- ⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Д. 398. Л. 8—9.
- ⁶⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 103. Л. 38.
- ⁶⁷ Там же. Д. 103. Л. 57 об.
- ⁶⁸ Там же. Д. 253. Л. 4—5.
- ⁶⁹ Там же. Д. 333. Л. 2.
- ⁷⁰ Там же. Л. 4, 12—13.
- ⁷¹ Там же. Оп. 1. Д. 253. Л. 17—17 об.
- ⁷² Там же. Л. 17 об.—18.
- ⁷³ Там же. Л. 18—18 об.
- ⁷⁴ Там же. Д. 333. Л. 37—38.
- ⁷⁵ Там же. Л. 40—43.
- ⁷⁶ Там же. Д. 578. Л. 21.
- ⁷⁷ *Фет А.А.* Мои воспоминания. 1848—1889. Ч. 1. М., 1890. С. 321—322.
- ⁷⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 253. Л. 5 об.
- ⁷⁹ *Ульянова Г.Н.* Купчихи-благотворительницы // *Былое.* 1996. № 5.
- С. 24—25.
- ⁸⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 333. Л. 63—64 об.
- ⁸¹ Там же. Д. 258. Л. 35 об.
- ⁸² Там же. Л. 38.
- ⁸³ Там же. Д. 338. Л. 2, 5, 47—48.
- ⁸⁴ Там же. Л. 116.
- ⁸⁵ Там же. Л. 98.
- ⁸⁶ Там же. Д. 333. Л. 106 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 102—116.
- ⁸⁸ Там же. Д. 334. Л. 3—5.
- ⁸⁹ Там же. Д. 335. Л. 45 об.
- ⁹⁰ Там же. Л. 112—113.
- ⁹¹ Там же. Д. 337. Л. 22—23.
- ⁹² Там же. Д. 333. Л. 102—106 об.
- ⁹³ Там же. Д. 336. Л. 47—48.
- ⁹⁴ Там же. Д. 576. Л. 41—44.
- ⁹⁵ Там же. Д. 336. Л. 89—95.
- ⁹⁶ Там же. Д. 337. Л. 45.
- ⁹⁷ Там же. Л. 187—196.
- ⁹⁸ Там же. Д. 580. Л. 1—145.
- ⁹⁹ Там же. Д. 335. Л. 2—3.
- ¹⁰⁰ *Зилоти В.П.* В доме Третьякова. М., 1998. С. 70.
- ¹⁰¹ *Любецкий С.М.* Окрестности Москвы... М., 1880. С. 40.
- ¹⁰² *Щукин П.И.* Воспоминания: из истории меценатства в России. М., 1997. С. 19.
- ¹⁰³ *Харузина В.Н.* Прошлое. М., 1999. С. 388.
- ¹⁰⁴ *Рахманова С.* История одной любви // *Московский журнал.* 1993. № 4.
- С. 34.
- ¹⁰⁵ Цит. по: *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974. С. 80.
- ¹⁰⁶ *Рахманова С.* Указ. соч. № 6. С. 54.

- ¹⁰⁷ *Щукин П.И.* Указ. соч. С. 18.
- ¹⁰⁸ *Зилоти В.П.* Указ. соч. С. 75.
- ¹⁰⁹ *Тургенев И.С.* *Новь* // Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1884. С. 160.
- ¹¹⁰ *Кондратьев И.К.* *Седая старина Москвы.* М., 1996. С. 478.
- ¹¹¹ *Рахманова С.* Указ. соч. С. 36.
- ¹¹² *Буторов А.В.* Меценаты и собиратели Московского Английского клуба. М., 2002. С. 272–286.
- ¹¹³ *Щукин П.И.* Указ. соч. С. 111.
- ¹¹⁴ *Бурыйшкін П.А.* Указ. соч. С. 111.
- ¹¹⁵ Там же. С. 133.
- ¹¹⁶ *Полякова Г.А.* Древесные растения парков Подмосквья. М., 1979. С. 71.
- ¹¹⁷ Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. М., 1899. С. 349.
- ¹¹⁸ Там же. С. 132.
- ¹¹⁹ *Новикова Е.Б.* Хроника пяти поколений: Хлудовы, Найденовы, Новиковы. М., 1998. С. 63.
- ¹²⁰ Сведения о внутреннем укладе семьи А.А. Найденова взяты из воспоминаний Е.Б. Новиковой. Автор выражает сердечную благодарность Т.М. Бархиной за консультации и замечания.
- ¹²¹ Источником для восстановления жизни имения Найденовых «Северское» стали фотографии из альбомов А.А. Найденова, которые он составлял с 1886 г. по 1916 г.
- ¹²² *Новикова Е.Б.* Указ. соч. С. 133–135.
- ¹²³ *Щербатов С.А.* Указ. соч. С. 62.
- ¹²⁴ *Лесневский С.С., Минц З.Г.* Вступительная статья к публикации воспоминаний М.А. Бекетовой «Шахматово» // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 635–639; *Каждан Т.П.* Художественный мир русской усадьбы. М., 1997; *Она же.* К вопросу о типологии подмосковной купеческой усадьбы последней четверти XIX – начала XX в. // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. М., 1999. № 5(21). С. 47–60, и др.
- ¹²⁵ *Белый А.* Шахматово // Начало века. М., 1990. С. 364.
- ¹²⁶ *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 26.
- ¹²⁷ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 453. Л. 102, 105, 389, 431, 490, 491.
- ¹²⁸ *Бекетова М.А.* Шахматово. Семейная хроника // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 682.
- ¹²⁹ Здесь и далее использованы части автобиографической поэмы А.А. Блока «Возмездие».
- ¹³⁰ *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 36–37.
- ¹³¹ Там же. С. 415.
- ¹³² Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1980. С. 273.
- ¹³³ *Блок А.* Письма Александра Блока к родным. Л., 1927. С. 9.
- ¹³⁴ Там же. С. 118–119.
- ¹³⁵ ЦИАМ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–2, 11–15.
- ¹³⁶ С 1910 г. имение «Шахматово» находилось в совместном владении дочерей А.Н. Бекетова – М.А. Бекетовой и А.А. Кублицкой-Пиоттук, матери поэта.
- ¹³⁷ *Белый А.* Указ. соч. С. 372–373.
- ¹³⁸ Семейный клан в одноименном романе Э. Золя.
- ¹³⁹ Здесь – «чувствительное воспитание».
- ¹⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 49. Л. 517.
- ¹⁴¹ Здесь и далее использованы материалы из семейного архива Четвериковых, предоставленные автору Н.А. Добрыниной и частично опубликованные в книге: *Четвериков С.И.* Невозвратное прошлое / Сост. Н.А. Добрынина, М.В. Золотарев. М., 2001.

- ¹⁴² ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2447. Л. 227–230.
- ¹⁴³ Полис Северного страхового общества на имение Д.И. Четверикова при селе Анискине Московской губернии Богородского уезда. 1908 г. Семейное собрание Четвериковых. Предоставлен автору Н.А. Добрыниной.
- ¹⁴⁴ Жулик – собака Д.И. Четверикова.
- ¹⁴⁵ Снегурочка – собака Д.И. Четверикова.
- ¹⁴⁶ Так в документе.
- ¹⁴⁷ Собаки Четвериковых.
- ¹⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 837. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
- ¹⁴⁹ Там же. Оп. 2. Д. 211. Л. 7.
- ¹⁵⁰ ГНИМА. № РХ1-7538.
- ¹⁵¹ *Бурьшкин. П.А.* Указ. соч. С. 119.
- ¹⁵² *Лаврычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин российского пролетариата: к столетию Морозовской стачки 1885 г. М., 1985. С. 52.
- ¹⁵³ *Морозов А.В.* Дневник. 1876–1878 гг. Выписки из дневника предоставлены автору М.С. Дроздовым.
- ¹⁵⁴ ЦИАМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 28. Л. 88–89.
- ¹⁵⁵ См.: *Поцелуев В.А., Петреев И.В.* Подольск и окрестности. М., 1999. С. 495.
- ¹⁵⁶ ГНИМА. № Р1-11626. Л. 14 (*Шехтель Ф.О.* Сказка о трех сестрах: Архитектуре, Скульптуре и Живописи, и их взаимоотношение в эволюции искусства. Лекция, прочитанная 15 апреля 1919 г. перед студентами ВХУТЕМАС).
- ¹⁵⁷ *Боборыкин П.Д.* Китай-город. М., 1956. С. 87–88.
- ¹⁵⁸ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 6. Д. 100, 126.
- ¹⁵⁹ *Pennar K.* Daily Life among the Morozovs // Merchant Moscow. Images of Russia's Vanished Bourgeoisie. Princeton; New Jersey, 1998. P. 79.
- ¹⁶⁰ Зодчий. 1899. № 11. Табл. 29, 30.
- ¹⁶¹ Мнение коннозаводчика И.В. Морозова // Коннозаводство и спорт: вырезка из газеты 1904 г. Из архива М.С. Дроздова.
- ¹⁶² В очерке использованы сведения из интервью О.И. Морозовой-Свидерской, данного ею К. Пеннар, внучке В.И. Морозовой-Пеннар, в 1997 г. См.: *Pennar K.* Daily Life among the Morozovs // Merchant Moscow. Images of Russia's Vanished Bourgeoisie. Princeton; New Jersey, 1998. P. 73–81. Автор благодарит М.С. Дроздова, неоднократно беседовавшего с О.И. Морозовой-Свидерской, за комментарии к интервью, а также за консультации и предоставленные данные о жизни семьи И.В. Морозова.
- ¹⁶³ Аттестат об окончании Императорского Московского университета. 1889 г. Архив О.И. Морозовой-Свидерской.
- ¹⁶⁴ *Лазаревский И.* Среди коллекционеров. СПб., 1914. С. 90.
- ¹⁶⁵ Купчая на имение «Иславское» от 8 октября 1911 г. Архив О.И. Морозовой-Свидерской.
- ¹⁶⁶ Хозяин. 1896. № 48. Ст. 851–852.
- ¹⁶⁷ *Дм. И.* Любвино. Подмосковное имение Л.Г. Пыльцовой // Столица и усадьба. 1915. № 25. С. 9–12.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 1–5.
- ¹⁶⁹ Автор благодарит Л.К. и Н.М. Пржевальских за сведения о Н.А. Лукутине и Л.Г. Лукутиной (урожд. Пыльцовой).
- ¹⁷⁰ Московский листок. 1902. № 122; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999. С. 386–387.
- ¹⁷¹ *Немирович-Данченко Вл.И.* Из прошлого. М., 1936. С. 128–129.
- ¹⁷² ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2451. Л. 246–247.

- ¹⁷³ Вся Москва. М., 1914. Раздел «Общества». Стб. 988.
- ¹⁷⁴ Столица и усадьба. 1915. № 25. С. 9.
- ¹⁷⁵ *Шаляпин Ф.И.* Воспоминания. М., 2000. С. 332.
- ¹⁷⁶ ЦИАМ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 4071.
- ¹⁷⁷ Столица и усадьба. 1915. № 1. Обращение редактора к читателям, обложка.
- ¹⁷⁸ ЦГВИА ВУА. Д. 18859. 1773 г.
- ¹⁷⁹ Автор использовал материалы по истории усадьбы «Райки», собранные М.В. Золотаревым.
- ¹⁸⁰ *Полякова Г.А.* Указ. соч. С. 200.
- ¹⁸¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 2. Д. 124. Л. 17. Сведения о семействе Абазы и об истории паркового обелиска обнаружены О.И. Русиной.
- ¹⁸² Свидетельство сотрудницы д/о «Юность» А.С. Фадеевой, записанное М.В. Золотаревым.
- ¹⁸³ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 2. Д. 451.
- ¹⁸⁴ Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. М., 1899. С. 61.
- ¹⁸⁵ Автор благодарит М.С. Дроздова за сведения о И.И. и А.Т. Некрасовых из его личного архива.
- ¹⁸⁶ ЦИАМ. Ф. 210. Оп. 50. Д. 1968 (Отношение Московской губернской управы в Богородскую уездную управу о переоценке строений в имении А.Т. Некрасовой «Райки». 9 августа 1907 г.).
- ¹⁸⁷ Письмо, адресованное О.В. Давыдовой, отдыхавшей в имении «Райки» при станции «Щелковская» Ярославской железной дороги. Начало XX в. Семейный архив А.С. Давыдова.
- ¹⁸⁸ Музыка в творчестве, судьбе и в доме Бориса Пастернака. М., 1991.
- ¹⁸⁹ *Гладков А.К.* Встречи с Пастернаком // Театр. Воспоминания и размышления. М., 1980. С. 415.
- ¹⁹⁰ Цит. по: *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак: материалы для биографии. М., 1989. С. 115–116.
- ¹⁹¹ *Пастернак Б.Л.* Избранные сочинения. М., 2002. С. 65.
- ¹⁹² Картина находится ныне в собрании Иркутского художественного музея.
- ¹⁹³ ОР ГМИИ. Ф. 29. Оп. 3. Д. 3365.
- ¹⁹⁴ Искры. 1911. № 6.
- ¹⁹⁵ Американский дом // Зодчий. 1903. № 14. С. 187–188.
- ¹⁹⁶ ОР ГМИИ. Ф. 29. Оп. 3. Д. 3371.
- ¹⁹⁷ *Суриков В.И.* Письма. Воспоминания о художниках. Л., 1977. С. 118.
- ¹⁹⁸ *Он же.* Письма, 1868–1916. М.; Л., 1948. С. 127.
- ¹⁹⁹ Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 2. Л., 1971. С. 132.
- ²⁰⁰ ОР ГРМ. Ф. 142 (Воинов В.В.). Д. 12. Л. 20.
- ²⁰¹ *Тугендхольд Я.* Московские выставки // Аполлон. 1910. № 4. С. 51.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ ОР ГМИИ. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1226.
- ²⁰⁴ ОР ГРМ. Ф. 149 (Денисов В.И.). Д. 22. Документ был обнаружен Н.Н. Волковой.
- ²⁰⁵ *Мебров А.А.* Жизнь в театре. Т. 1. М.; Л., 1929. С. 362.
- ²⁰⁶ ОР ГБЛ. Ф. 171 (Морозова М.К.). Картон 2. Ед. хр. 42. Л. 3–4.
- ²⁰⁷ *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. С. 340–367.
- ²⁰⁸ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 672. Л. 12–13.

- ²⁰⁹ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 23, 1539, 1694, 1794, 1862, 1865, 1874; *Добровейн М.А.* На рубеже двух эпох. М., 2001. С. 17–21.
- ²¹⁰ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 672. Л. 31–43.
- ²¹¹ Там же. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 1380.
- ²¹² Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 677. Л. 7–8; *Фролов А.И.* Подмосковные усадьбы. М., 2003. С. 632.
- ²¹³ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 672. Л. 22.; Там же. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2452. Л. 28.
- ²¹⁴ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 3. Вып. 11. Санитарное использование фабричных заведений Богородского уезда. Ч. 1. М., 1885. С. 58.
- ²¹⁵ *Ульянова Г.Н.* Указ. соч. С. 410.
- ²¹⁶ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1812. Л. 3, 15–16.
- ²¹⁷ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–13.
- ²¹⁸ РГАДА. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 56. Л. 11.
- ²¹⁹ Там же. Д. 57. Л. 20–22 об.
- ²²⁰ *Бахрушин Ю.А.* Указ. соч. С. 271.
- ²²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 47. Л. 80–81.
- ²²² *Бурьшкин П.А.* Указ. соч. С. 115.
- ²²³ *Бахрушин Ю.А.* Указ. соч. С. 506.
- ²²⁴ Там же. С. 507.
- ²²⁵ ЦИАМ. Ф. 303. Оп. 2. Д. 254. Л. 6–8.
- ²²⁶ *Савинова Е.Н.* Дачная жизнь имения «Горки». // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 8(24). М., 2003. С. 126–127.
- ²²⁷ *Давиденко С.В., Савинова Е.Н.* Воспоминания З.Г. Морозовой-Рейнбот // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 284.
- ²²⁸ *Амфитеатров А.В.* Дрогнувшая ночь // Собр. соч. Т. 26. СПб., 1914. С. 251.
- ²²⁹ *Морозов С.Т.* Дед умер молодым. М., 1996. С. 162.
- ²³⁰ *Давиденко С.В., Савинова Е.Н.* Ф.О. Шехтель и Морозовы // Историко-культурное наследие России конца XIX – начала XX в.: Труды научной конференции, посвященной жизни и творчеству Ф.О. Шехтеля. М., 1997. С. 58–59.
- ²³¹ ГИМЗ «Горки Ленинские». Коллекция музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле». Ед. хр. 842.
- ²³² РГАДА. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 68. Л. 541.
- ²³³ Часть библиотеки З.Г. Морозовой сохранилась в книжной коллекции ГИМЗ «Горки Ленинские». Обратим внимание на некоторые издания: *Страхов П.С.* Сельскохозяйственная архитектура: руководство к проектированию и построению сельскохозяйственных зданий. СПб., 1908; *Тиминский А.И.* Практическая строительная памятная книжка: пособие для строителей-домовладельцев и лиц, причастных к строительному делу. СПб., 1911; *Фере Р.* Технология строительных и вяжущих материалов. СПб., 1902; Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. СПб., 1900–1905; *Рудзский А.* Настольная книга по лесоводству. СПб., 1907; *Кулешов П.Н.* Коневодство. СПб., 1905; *Варгин В.Н.* Организация хозяйства. СПб., 1899; Банковская бухгалтерия: руководство к изучению ведения счетоводства по двойной бухгалтерии и операции банков долгосрочного кредита. СПб., 1911; Полисные условия Первого русского общества взаимного страхования от падежа животных. СПб., 1911; Указатель 48-й аукционной выставки животноводства, 1–6 мая 1912 г. М., 1912; Каталог 8-й очередной выставки живой и откормленной птицы, продуктов и принадлежностей птицеводства, 13–17 ноября 1911 г. Б.м., 1911, и др.

- ²³⁴ РГАДА. Ф. 1615. Оп. 1.
²³⁵ Там же. Д. 42. Л. 129.
²³⁶ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 31–34.
²³⁷ РГАДА. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 100. Л. 249.
²³⁸ Там же. Л. 25–30.
²³⁹ Там же. Д. 68. Л. 532.
²⁴⁰ Там же. Л. 1, 2; Д. 100. Л. 227.
²⁴¹ Там же. Д. 99. Л. 1–13.
²⁴² Там же. Д. 115.
²⁴³ Там же. Д. 105. Л. 11.
²⁴⁴ Там же. Д. 68. Л. 256.
²⁴⁵ Там же. Л. 182–183.
²⁴⁶ Там же. Л. 264.
²⁴⁷ Там же. Д. 69. Л. 44.
²⁴⁸ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 31–34.
²⁴⁹ РГАДА. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 68. Л. 264а.
²⁵⁰ Там же. Д. 58. Л. 1–2.
²⁵¹ Там же. Л. 198–199.
²⁵² Там же. Д. 41. Л. 2 об.
²⁵³ Там же. Д. 107. Л. 6–7.
²⁵⁴ Там же. Д. 68. Л. 219.
²⁵⁵ Там же. Д. 117. Л. 24.
²⁵⁶ Там же. Д. 41. Л. 2 об.
²⁵⁷ В коллекции ГИМЗ «Горки Ленинские» имеется фотография, сделанная по окончании праздника в 1913 г., где запечатлены рабочие и служащие имени «Горки».
²⁵⁸ РГАДА. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 109, 112.
²⁵⁹ Там же. Д. 108. Л. 2 об–16 об.
²⁶⁰ Там же. Д. 109.
²⁶¹ Там же. Д. 102. Л. 197–198.
²⁶² О выставке цветов в Манеже // Столица и усадьба. 1914. № 10. С. 17.
²⁶³ РГАДА. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 108. Л. 5 об–6.
²⁶⁴ Там же. Д. 109.
²⁶⁵ Там же. Д. 68. Л. 185.
²⁶⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 186. Л. 8 об.
²⁶⁷ Музей МХАТ. К-4. № 3876.
²⁶⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 47. Л. 81.
²⁶⁹ Давиденко С.В., Савинова Е.Н. Воспоминания З.Г. Морозовой-Рейнбот // Археографический ежегодник за 1998 год. С. 293–294.

Глава IV

**СЕЛЬСКАЯ УСАДЬБА
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.
КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

1. УСАДЬБА В МИРОВОСПРИЯТИИ МОСКОВСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

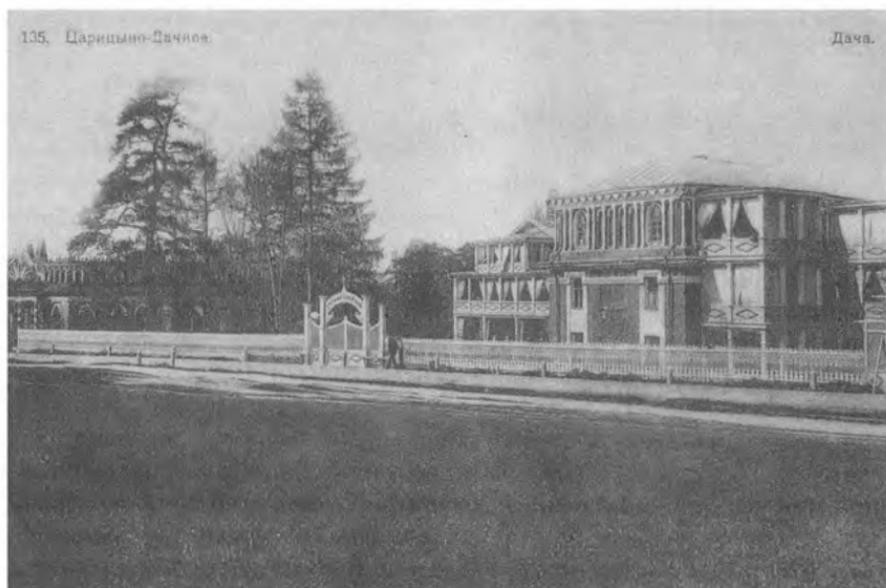
Да, атавизм великая штука. Коли деды и прадеды жили в деревне, то внукам безнаказанно нельзя жить в городе.

А.П. Чехов

За последние годы исследователи сделали важные шаги в разработке подходов и методики культурологического анализа мира русской усадьбы. В работах Ю.М. Лотмана, Г.Ю. Стернина, О.С. Евангуловой, Т.П. Каждан, Е.И. Кириченко, В.С. Турчина, Е.Н. Марасиновой¹ отмечено, что это — уникальное явление русской жизни, особенностью которого является целостность и многоплановость. Обращая внимание на эти факторы, Л.В. Иванова писала: «Русская усадьба — это действительно целая страна, материк, феномен нашей истории и культуры. ...Особенность формирования и бытования русской усадьбы состояла в ее многопрофильности: она представляла собой социально-административный, хозяйственно-экономический, архитектурно-парковый и культурный центр»². В то же время русская усадьба являлась уникальным частным пространством, «выражением широкого спектра мировоззренческих настроений эпохи»³, местом духовной самореализации личности.

В ходе длительных дискуссий исследователи постепенно продвигались к более точному определению культуры в целом и усадебной культуры в частности. Один из первопроходцев культуроведческого анализа, Ю.И. Шамурин, замечал, что каждая усадьба «приносит новое настроение» и в каждой из них человек «создает свое “потешное” сказочное царство»⁴.

Размышляя о понятии русской национальной культуры и методике ее познания, Б.И. Краснобаев обращал внимание на необходимость «выработки качественно различных, но взаимодополняющих подходов» к этому феномену. «Как бы ни определять культуру, — утверждал он, — все равно — это человеческая культура. Поэтому человек с его мировоззре-

Дача в поселке при станции «Царицыно». Начало XX в.

нием и эмоциями, привычками и творчеством, с устойчивыми вкусами и с приверженностью к «моде легкокрылой» должен быть в центре любого культурологического подхода»⁵.

Духовное пространство усадебного комплекса невозможно рассматривать отдельно от личности, составляющей с ним неразрывное целое. Переживая этот мир этически и эстетически, каждый владелец создавал свою «усадебную мифологию», ясно высказывая представления «о человеческих ценностях, о судьбе личности, о чувстве природы»⁶. При этом нельзя сводить трактовку усадебной культуры лишь к творческому процессу: в ней много стереотипов в поведении, а также имеющих сложное происхождение традиций и обычаев.

В данной главе затронуты лишь некоторые аспекты из чрезвычайно обширной культурологической усадебной тематики, которые позволяют рассмотреть сельские усадьбы московских предпринимателей как духовное, культурное и социально-психологическое пространство, как сферу выражения личности владельца.

Как уже было отмечено, во второй половине XIX в. дворянская усадьба не прекратила своего существования, постепенно приспособившись к реалиям нового времени. Одновременно стало набирать силу землевладение торгово-промышленного класса, который с готовностью воспринял «мифологию» помещичьей России и развил усадебную культуру на новом историческом этапе. «Старое» принимало новое качество и, воплотившись в «новом», многообразно влияло на общую национальную культуру.

Романтический образ русской усадьбы как явления, отразившего мировоззрение, нравственные и эстетические ценности дворянской России, в среде буржуазии и в конце XIX в. имел большую притягательную силу. Примечательно, что, когда в 1899 г. на сцене Московского Художественного театра готовилась к постановке пьеса И.С. Тургенева «Месяц в деревне», К.С. Станиславский пригласил для ее оформления художника М.В. Добужинского, и тот воспроизвел на сцене мир старой усадьбы своей матери. На премьере спектакля зрители, охваченные единым порывом восторга, впервые в истории театра аплодировали декорациям при поднятии занавеса⁷.

В пореформенные годы обладание имением стояло на одном из первых мест в шкале жизненных ценностей деловой и интеллектуальной элиты, но ее отношение к этому виду собственности, как мы уже видели, определял не один лишь коммерческий расчет. Дневники, письма, записные книжки и другие владельческие документы дают возможность заметить многообразие образцов, понятий, традиций, мотиваций и форм поведения в загородной усадьбе представителей отечественного предпринимательства, а люди свободных профессий, т.е. университетская профессура, юристы, актеры, живописцы, журналисты и литераторы, также постепенно входили в эту страту. В эти годы шло складывание общей культуры верхних классов, наметилась взаимосвязь двух прогрессивных сил российского общества — торгово-промышленной и банковской буржуазии и творческой интеллигенции. При этом продолжалось сближение и взаимопроникновение этой новой общности и дворянства.

Не имея в качестве «помещиков» ни малейшего социального опыта, люди разных классов и сословий в России мечтали о приобретении собственных имений, усадеб, загородных домов или просто нескольких десятков десятин. Вот что писал в 1887 г. живописец В.Д. Поленов своей жене Наталье Васильевне, урожденной Якунчиковой: «Так мне хочется в деревню, как ты одна можешь это только понять. Вернувшись в Москву, употреблю все старания, чтобы достать нам уголок земли. Сегодня я взял “Анну Каренину” и как раз попал на место, где Левин в деревне с Кити... Там описана охота и душевное состояние Левина и его собаки Ласки. Что за красота!»⁸.

В конце XIX в. тема строительства и обустройства сельской усадьбы не сходила со страниц столичной периодики. Только в 1879 г. журнал «Зодчий» несколько номеров посвятил теме «усадеб-ферм», рассматривая рациональное устройство загородных владений как возможность держать «сельское хозяйство в ряду промышленных производств» и призывая возводить совершенные в техническом отношении строения, которые будут составлять «полезное» и «эстетическое целое»⁹.

Всероссийские и международные выставки, торговые и кустарно-промышленные ярмарки, которые включали в свои экспозиции помимо отделов сельскохозяйственных орудий, предметов садоводства, сор-

Усадьба Л.В. Желудковой «Турейка» вблизи села Наро-Фоминское. Начало XX в. Семейный архив Давыдовых. Публикуется впервые

товых семян, химикатов образцы усадебных построек, а иногда даже целых сельских поселков, подогревали интерес публики к покупке загородной недвижимости и способствовали формированию культуры владельцев сельских имений.

Демонстрация на выставках «форменных» строений для сельских помещиков была в начале 1870-х гг. нововведением, но через двадцать лет она стала явлением привычным. В 1896 г. 500 домов финляндского акционерного общества «Сандвик» и 134 постройки датского Товарищества «Христоф и Унмак» были представлены на выставке в Нижнем Новгороде как пример дешевого и качественного жилища¹⁰. Три года спустя на Всероссийской промышленной выставке экспонировался отечественный «огнестойкий поселок» из 17 строений разных типов, которые были спроектированы гражданскими инженерами В.В. Воейковым и В.В. Гулевичем. Автором идеи был член Общества сельского хозяйства, строительный подрядчик, энтузиаст русского стиля в архитектуре и издатель газеты «Русская жизнь» А.А. Пороховщиков¹¹.

Проекты загородных домов с пояснениями архитекторов, публикуемые в специальных изданиях, давали образцы внутреннего устройства загородного жилища. Так, в 1899 г. подробное описание планировки виллы полковника А.И. Чернова в пригороде Санкт-Петербурга, в местечке Сосновка, привел в журнале «Зодчий» архитектор А. Кузнецов, участвовавший

в ее строительстве совместно с А.И. фон Гогеном¹². Приведем описание этого типичного для столичного пригорода усадебного дома.

Размеры помещений и назначение комнат были заданы Черновым, но фасад здания он предложил оформить архитекторам самостоятельно, не «обращаясь к западным формам», а «в характере старинных русских построек». Двухэтажный дом имел подвал и башню, соединявшую комнаты на всех уровнях. В нижнем ярусе располагались кухня с подсобными помещениями и отдельные комнаты для домашней прислуги высотой в 4 арш., т.е. 2,8 м. Для сообщения с первым этажом служила черная лестница.

Столовая, по заказу Чернова, находилась на первом этаже и переходила в зал, «чтобы последний, при большом съезде гостей, играл роль столовой». Из зала небольшой переход вел в малую восьмиугольную гостиную. Владелец собирался соорудить крытую галерею, ведущую из гостиной в церковь, которую он уже строил рядом с домом.

Из передней можно было пройти в столовую, бильярдную и библиотеку. В кабинет хозяина попадали только через библиотеку. Из кабинета — выход на скрытую в башне лестницу, по которой можно было подняться в спальню владельца над кабинетом или спуститься в винный погреб под библиотекой. Из кабинета также был выход в «фотографический павильон». Открытая терраса, связанная со спальней владельца, служила для «отдохновения лишь самого хозяина». В башне имелось помещение с сейфом для хранения ценностей и документов. На втором этаже для гостей и экономки были расположены комнаты с отдельными ванными. Все они имели выходы на широкую площадку внутренней лестницы. Без отделки помещений и мебели устройство такого дома обошлось Чернову в 88 тыс. руб.

Дом Чернова был городским по своей планировке, и лишь открытая терраса давала возможность «общаться с природой». Заметим, что построенная в национальном духе пригородная усадьба Чернова — пример того, как владелец, ориентируясь на европейский образ жизни, в то же время стремился подчеркнуть народные корни своего миропонимания. В целях коммерческого использования имени Чернов задумал устроить в имении земледельческую колонию, для чего разбил часть своего владения на участки для продажи.

Развитие сети железных дорог и введение практики покупки остановочных пунктов владельцами имений, налаживание телефонной и телеграфной загородной связи — все это способствовало более тесной связи города с его окрестностями. Стремясь наладить удобное сообщение со своими усадьбами, московские предприниматели добивались постройки собственных платформ в удобных им местах, подчас не останавливаясь перед большими затратами.

Например, когда в 1900 г. была построена Рязано-Уральская железная дорога, ее правление стало с успехом «торговать» остановоч-

ными пунктами и станциями, которые могли приобретать частные лица. Решив устроить в своем имении дачный поселок, Д.А. Расторгуев, глава Торгового дома «Д. и А. Расторгуевы», заплатил Обществу Рязано-Уральской дороги 10 тыс. руб. за работы по сооружению станции «Расторгуево»¹³.

В начале XX в. в Московской губернии помимо крупных дачных поселков-«курортов» стали возникать небольшие поселения, состоявшие из нескольких усадеб-дач на арендованных территориях больших имений, где намеренно поддерживался усадебный уклад жизни и хозяевами, и дачниками. В таких «колониях» жили члены одной разветвленной фамилии или люди одного круга. Так, когда в 1902 г. наследники директора правления Реутовской мануфактуры Г.С. Герасимова в своем имении «Горки» Подольского уезда решили отвести часть земли под строительство дач и открыли частный остановочный пункт на Рязано-Уральской железной дороге, первыми обладателями участков стали семьи дочерей потомственного почетного гражданина, купца 1-й гильдии В.А. Бахрушина, одного из совладельцев Товарищества кожевенной и суконной мануфактур Алексея Бахрушина сыновей.

Дача М.В. Щеславской (урожд. Бахрушиной), выстроенная на арендованной земле в имении «Горки» 1950-е гг

Они взяли земли в долгосрочную аренду с правом застройки, и эти отношения совместного владения продолжались при следующей хозяйке «Горок» — З.Г. Морозовой-Рейнбот. Три имения, расположенные в единой природной среде, позволяют увидеть типологические черты функционирования хозяйств, определяемые менталитетом их владельцев. Усадьбы располагались на крутом склоне оврага, в глубине которого текла небольшая река Туровка, и представляли собой интересные памятники архитектуры модерна начала XX в. Дом М.В. Бахрушиной, расположенный на поляне в окружении естественного липового леса, был сравнительно небольшим. Муж ее, купец 2-й гильдии Н.В. Щеславский, не обладал значительным состоянием, и это отразилось на размерах постройки¹⁴.

Одноэтажное бревенчатое здание имело сложный силуэт. Разнообразие фасадов, причудливые очертания крыши вместе с полосками пропиленной резьбы под ней и оформление веранд говорили о симпатии к русскому стилю. На западной границе владения были посажены ряды хвойных деревьев: пихты, ели, туи и лиственницы. Те же хвойные деревья группами и единично росли по всему участку, создавая разнообразные сочетания. От дороги территорию усадьбы отделяла линия подстриженного канадского тополя. На южной границе участка высился ряд сибирской пихты. Из окон дома, со стороны главного фасада, открывался вид на пойму реки Пахры. Пристроенная к дому башенка-веранда служила для обитателей дома смотровой площадкой¹⁵. Посаженный вокруг земляничный жасмин наполнял воздух своеобразным ароматом и являлся природной декорацией для обитателей дома. Главный вход в здание был смещен на угол с северной стороны, позволяя войти внутрь с прогулочных дорожек, проложенных по всему склону оврага.

К дому Щеславских от общей дороги, идущей от платформы «Герасимовка», вела мощенная красным кирпичом подъездная дорога. Постепенно расширяясь, она переходила в площадку, на которой находились хозяйственные строения: возведенные на едином фундаменте из известнякового валуна дровяной сарай, птичник и сторожка, отдельно стоящая кладовая с погребом и каретный сарай. Северный фасад дома, обращенный к хозяйственным постройкам, был лишен всякой декоративности. Через вход в этой части дома попадали в помещения, занятые прислугой, и на кухню.

План загородного дома площадью 250,5 кв. м, включал несколько функциональных зон. В северной части дома находились кухня, кладовая, людская, комнаты для прислуги, а также ванная и санузел. В западной части здания была расположена гостиная с примыкающими к ней буфетной и выходом на веранду-беседку, где проходила культурно-светская жизнь хозяев имения. В южной части дома находилась детская и комната гувернантки: в семье было двое сыновей, занятия с которыми продолжались и летом, как это было принято в купеческих семьях.

Отдельно располагались спальни для хозяев и гостей. Внутренняя планировка дома, где все удобно и целесообразно, говорит о спокойной, размеренной летней жизни его владельцев.

Представление о здоровом семейном отдыхе было связано в те годы с занятиями спортом: на границе участков Щеславской и ее старшей сестры Н.В. Бахрушиной, которая была замужем за потомственным почетным гражданином, купцом 1-й гильдии С.Н. Урусовым, дальним родственником Бахрушиных, находилась крокетная площадка. Сохранный владельцами имения естественный широколиственный лес создавал иллюзию полной изолированности каждой усадьбы.

С дороги к дому Урусовых вела молодая липовая аллея. Территория усадьбы включала в себя хозяйственную часть: сторожку, кладовую с погребами, дровяной сарай и прачечную. Прогулочные дорожки были продолжением единой системы терренкуров на склоне оврага. Вдоль них посадили кусты сирени, жасмина, жимолости, кизильника, ирги, акацию и курильский чай. Двухэтажный бревенчатый дом Урусовых площадью 410,3 кв. м, с балконом и круглой верандой, увенчанной остроконечной крышей, парадной частью был также развернут к пойме реки Пахры. Каждый его фасад был по-своему живописен, а с севера дом имел связанную с основной частью переходом одноэтажную пристройку, где размещались кухня, кладовая и другие службы. Такое композиционное

Дача Н.В. Урусовой (урожд. Бахрушиной), выстроенная на арендованной земле в имении «Горки». 1950-е гг

многообразии, сочетание различных по форме, высоте, объемам, архитектурной пластике фрагментов в одном здании тем не менее не создавало впечатления хаотичности. Наоборот, это «теремное» построение оставляло ощущение легкости и праздничности.

Внутри дом имел девять жилых комнат на первом этаже и четыре — на втором. На верхнем этаже в западной части здания находилась спальня хозяев с будуаром, а в восточной части — детская и комната гувернантки. Внизу кроме комнат для гостей и примыкающей к крытой веранде буфетной располагался большой зал, который одновременно служил и гостиной, и столовой. Это помещение было центром дома и имело большое окно, деревянные рамы которого были выполнены в стиле модерн: стилизованный растительный узор оконного переплета вместе с живой зеленью близко посаженных к окну садовых растений создавал эффект единения мира дома и природы. Стены зала украшал фриз с растительным орнаментом. В центре зала, во всю его высоту, возвышался камин, выложенный поливными изразцами темно-голубого цвета с рельефным рисунком. В отличие от других комнат дома зал имел паркетный пол.

Третья усадьба принадлежала Л.В. Бахрушиной, супруге Ф.В. Челнокова, совладельца Товарищества «В.К. Шапошников, М.В. Челноков и К°». Дом был построен из кирпича, что встречалось довольно редко среди дачных построек в этих местах. Для Челноковых это было по средствам: им принадлежали несколько кирпичных и цементных заводов, в том числе в Подольском уезде. Территория вокруг дома в стиле неоклассицизма была распланирована в традициях старины: со стороны парадного фасада находился полукруглый партер из стриженных лип, с противоположной, парковой, — такой же полукруг образывал остролистный клен.

Дом Челноковых был одноэтажным, но просторным: на общей площади 379,2 кв. м. он имел 14 комнат. Судя по плану, в правой его части находились жилые комнаты: спальня, гостиная, детская, комнаты для гостей, а в левой — кухня и помещения прислуги. Справа от парадной лестницы западный фасад дома украшал ризалит, оформленный полуколоннами. Южный фасад имел более скромный вход. С севера к дому была пристроена деревянная веранда, откуда лестница вела в подвал с кладовыми. В этой части участка находился хозяйственный двор: возведенные на общем фундаменте сторожка, сарай и конюшня, а также постройка, включающая прачечную, кладовую, курятник, дровяной сарай и теплицу.

Так, на арендованной в имении «Горки» земле оформились в 1902–1903 гг. три усадьбы-дачи семейств, связанных родственными узами. Главы фамилий почти ежедневно выезжали на лошадях в Москву по делам. Среди видов отдыха предпочтение отдавалось прогулкам, рыбной ловле, собиранию ягод и грибов. Сестры Бахрушины выращивали цве-

ты и клубнику, рассаду которой покупали в садовом хозяйстве усадьбы «Горки» З.Г. Морозовой-Рейнбот. Там же приобретали зелень и овощи, так что заниматься огородничеством необходимости не было. Известно, что в 1913–1917 гг. З.Г. Морозова продавала с молочной фермы владельцам близлежащих дач молоко, творог, сметану и сливочное масло. Остальные продукты, включая бакалейные и хлеб, покупали в близлежащем селе Ям.

Загородная жизнь в этих имениях была размеренной. Здесь собирались люди одного круга, объединенные единым пониманием общественных и культурных ценностей. Дачный поселок «Горки» просуществовал до 1917 г., но в нем числилось только восемь имений в едином природном пространстве¹⁶. Поселок не разросся в большое дачное сообщество, в чем видится определенная тенденция.

С одной стороны, сами арендаторы стремились сохранить элитарность поселения, с другой — землевладелица З.Г. Морозова, скупая земли в окрестностях своей усадьбы «Горки» и не сдавая их более в аренду, желала не допустить приобретения земли зажиточными крестьянами деревни Горки и других окрестных деревень, которые в ходе Столыпинской реформы получили возможность выхода из сельских обществ и покупки земельных владений.

Композиция и стилистика усадеб в дачном поселке Горки иллюстрирует архитектурные течения своего времени, отражает развитие художественной и бытовой культуры выходцев из среды купечества, достигнувших определенного материального уровня. Старшее поколение в лице семейства Урусовых сохранило приверженность русскому стилю, возникшему на волне идейных поисков народников. Став особенно популярным в России в 1870–1880 гг. национальный вариант в зодчестве продолжал существовать в усадьбах предпринимателей и в начале XX в., получив элементы новой, свободной архитектуры модерна. Заметим, что Урусовы старались вести на даче «простой» образ жизни, а глава семьи любил, надев красную рубаху, сам косить траву на близлежащих полянах. В облике усадьбы Щеславских влияние ар нуво оказалось еще сильнее, а Челноковы отдали предпочтение неоклассицизму.

Архитектурные критики называли период конца XIX – начала XX в. «эпохой реалистической архитектуры», так как различные практические задачи, новые материалы, мода и личные вкусы рождали невиданное «разнообразие явлений и всякую диковинку»¹⁷. Обстановка свободного творчества, основанная на финансовой независимости заказчиков из торгово-промышленной и банковской среды, а также людей «свободных профессий», достигших материального достатка, давала возможность архитекторам создавать выдающиеся произведения усадебной архитектуры.

В этом ряду можно назвать архитектурно-парковые ансамбли следующих имений: М.С. Грачева при селе Ховрино (арх. Л.Н. Кекушев,

Г.А. Кайзер, М.Д. Быковский); Серг.Т. Морозова «Успенское» (арх. П.С. Бойцов); И.В. Морозова «Иславское» (арх. В.М. Маят и В.Д. Адамович), Ст.П. Рябушинского «Степино» (арх. В.М. Маят и В.Д. Адамович); А.А. Руперти «Липовка» (арх. И.В. Жолтовский); Л.Г. Пыльцовой «Любвино» (арх. А.Э. Эрихсон) и другие, появившиеся на карте Подмосковья в конце XIX — начале XX в.

Каждая из усадеб пореформенного времени являлась репрезентацией личности своего владельца, а история каждой была увлекательным повествованием о его жизни и «видении мира». Так, своим рождением имение «Грачевка» обязано случаю. В 1900 г. на берегу речки Лихоборки при селе Ховрине представитель разветвленной семьи текстильных фабрикантов, председатель правления Общества колбасно-консервного производства, московский купец 1-й гильдии М.С. Грачев заказал построить ему виллу, воспроизводящую знаменитый игорный дом в Монте-Карло. Рассказывали, что в молодости, находясь в услужении у богатого барина, Грачев побывал с ним за границей в казино. Там ему улыбнулась фортуна — он выиграл в рулетку целое состояние. Деньги Митрофаном Сергеевичем в 1895 г. частично были затрачены на покупку имения, где решено было возвести дворец в память о счастливом приключении¹⁸. Грачев смог создать в своем имении благодаря архитекторам Л.Н. Кекушеву и Г.А. Кайзеру здание с пышными барочными формами, напоминающее известное игорное заведение. Оранжерея и каретный сарай были построены зодчим М.Д. Быковским. К «монплезиру» Грачева вела дубовая аллея. Газоны украшали цветники и тропические растения, создавая видимость пребывания на Французской Ривьере.

Довольно часто образ дворянской усадьбы брался за основу, а не имевшие родовых корней владельцы с упоением играли роль русских бар. В имении немецких подданных Руперти «Липовка» идеалом загородного поместья стал величественный ампирный образец. Еще в ранней юности старинный дом усадьбы «Вешки» с колоннами и галерейками «в духе “Палладио”» стал для Фанни, дочери банкира Марка, заветной мечтой. Когда она вышла замуж за отпрыска другой семьи финансовых олигархов — А.А. Руперти, члена совета Соединенного банка, и получила в собственность свою часть имения, она захотела построить для себя нечто подобное. Однако супруг внес поправки в ее планы.

В 1906—1907 гг. молодая семья начала возводить на берегу озера дом, пригласив для этого зодчего И.В. Жолтовского. Архитектор долгое время жил в Италии и создал для банкира-эстета копию виллы «Палладио» в Виченце. Четырехэтажный дворец с изящными колоннами, где были парадный зал для приемов, детские комнаты на втором и третьем этажах и даже театр для семейных представлений, был подлинным шедевром гармонии и изящества. Имение получило название «Липовка».

Главный дом в имении М.С. Грачева при селе Ховрино. Архитекторы Л.Н. Кекушев и Г.А. Кайзер. 1890-е гг.

Строительство усадебного дома в имении А.А. Руперти «Липовка» Московского уезда. Архитектор И.В. Жолтовский. 1907 г.

Руперти ничего не жалел для детища своего сердца: в усадебной оранжерее росли камелии, которые он привозил из заграничных поездок. Для нужд «Липовки» работала маленькая электростанция. «Увлекаясь» постройкой усадьбы «Липовка», хозяин желал, чтобы в ней «все было красиво». Главный дом и службы, действительно, производили огромное впечатление. Но планировка дома и расположение комнат были неудобны для проживавших в нем членов семьи и прислуги.

Усадьбы представителей московского делового мира имели большое значение для формирования направлений в архитектуре и искусстве, так как богатые заказчики позволяли создавать зодчим подлинные шедевры, воплощать в самобытных постройках новые идеи, использовать новейшие материалы и технические достижения. Так, работа архитектора В.А. Гартмана в имении И.Ф. Мамонтова «Киреево» и в имении Е.Г. Мамонтовой «Абрамцево» дала толчок к формированию русского стиля. Ученик В.М. Васнецова — С.И. Вашков, занявшись в 1908 г. архитектурным проектированием в усадьбе И.А. Александренко на станции «Клязьма», создал ансамбль в русле синтеза национальных традиций и идей мировой архитектуры. Хозяйственные строения, садовые скамейки, фонари, ограды с калитками, равно как интерьеры, были декорированы мифологическими древними символами и фантастическими растениями.

К изысканным усадьбам эпохи символизма можно отнести «органический дом», возведенный архитектором А.У. Зеленко в имении вла-

Строительство железобетонного моста в имении А.А. Руперти «Липовка». Архитектор И.В. Жолтовский 1907 г.

дельца технической конторы Р.А. Пфедфера «Сокольники». При строительстве здания на участке не было срублено ни одного дерева. Через внутреннее его пространство проходили стволы деревьев, подпирающие лестницу и антресоли, где перилами служили переплетения все тех же деревьев. Абажуры из коры, напольные дорожки ручной работы, стулья-«тотемы» — все создавало иллюзию американского бунгало.

Автор этого творения А.У. Зеленко и в самом деле жил в Калифорнии, где изучал основы ремесла. Внутри необычного дома на первом этаже архитектор предусмотрел открытую и застекленную террасы, кабинет, зимний сад, две гостевые спальни, огромный холл-гостиную, помещения для прислуги. В отдельной пристройке, соединенной переходом с главным зданием, разместилась кухня. На втором этаже были два светлых зала, детские, спальни и будуар хозяйки.

Имения предпринимателей наряду с железными дорогами и рельсовыми ветками, прокладываемыми новыми хозяевами в окрестностях Москвы, выступали как мощный градообразующий фактор. Дачные поселки, устроенные владельцами имений и снабженные необходимыми коммуникациями, становились фактически городской территорией, как это было, к примеру, в упомянутом ранее «Ново-Гирееве» Е.Г. Торлецкой или в «Лианозовке» — имении нефтепромышленника Г.М. Лианозова при селе Алтуфьево, где обитатели 100 благоустроенных дач организовали самоуправление, Общество благоустройства и выпускали собственную газету.

Градообразующим фактором становилась, как правило, и фабрика, расположенная на территории имения. Усадебный дом владельца превращался в культурную доминанту рабочего поселка, а усадебный парк — в общественную территорию, как это было, к примеру, в поселке Богородско-Глуховской мануфактуры А.И. Морозова¹⁹ или в поселке при ранее упомянутой шерстопрядильной и ткацкой фабрике И.И. Баскакова при деревне Резаново в Подольском уезде.

Заметим, что налаженные в имениях, по типу фабрики, сельскохозяйственные производства выполняли аналогичную функцию, как это было, например, в имении З.Г. Морозовой-Рейнбот или в имении Э.М. Банза «Долгие пруды» («Виноградово»). В последнем, построенном в 1911–1914 гг., действовало мощное молочное хозяйство. Скотный двор представлял собой отдельную оборудованную территорию с фермой, подсобными, складскими и жилыми помещениями. Конный двор с конюшней на 24 денника и манежем был спланирован отдельно по другую сторону внутренней дороги, вдоль которой располагались амбары, погреба, птичник, рига, кузница, оранжерея, огород, контора и дом управляющего.

Каменные и деревянные строения в стиле «эkleктического неоампира» были снабжены колоннами и портиками. В той части имения, где находились производства, был разбит парк для рабочих, построены

Дом А.И. Морозова в парке села Глухова Ямkinsкой волости Богородского уезда.
Начало XX в.

Семейство И.В. Морозова на даче. Начало XX в. Семейный архив Морозовых

жилые дома и клуб-кинематограф на 40 мест. Совершенно исключительное по своему значению здание кинотеатра представляло собой сооружение, которому был придан ампирический облик. Внутри была сооружена сцена для театральных постановок²⁰. Добавим, что недвижимое имущество, реквизированное в имении в 1919 г., стало хозяйственной основой совхоза «Долгие пруды»²¹, ныне вошедшего в черту г. Долгопрудного, а на основе имения Банза в 1921 г. были организованы «Долгопрудненские опытные поля».

Сельские усадьбы московских предпринимателей, приобретенные по разным мотивам, самим представителям торгово-промышленного класса виделись, как место проявления той культурной миссии, которую ждало от них общество. Разумеется, эти благородные порывы не были массовым явлением в кругу московской буржуазии. Необходимость проявления «нравственной личности хозяина» в деревне осознавалась лишь частью русской деловой элиты²², теми ее представителями, которые имели социальную программу, осуществляемую на уровне имения.

2. «ЦИВИЛИЗУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» ХОЗЯИНА

Богатство — обязывает.

В.П. Рябушинский

Характер социально-культурной деятельности в имениях на рубеже XIX—XX вв. определялся особенностями менталитета нового собственника. Усадебное меценатство и благотворительность московской буржуазии носили разнообразные формы²³. Издавна сложился узкий круг подмосковных владений, которые постоянно находятся в сфере интересов специалистов по истории культуры, — это «Любимовка» С.В. Алексеева, ставшая колыбелью Московского Художественного театра²⁴; «Введенское» В.И. Якунчикова, вдохновлявшее П.И. Чайковского, братьев Рубинштейнов, И.И. Левитана, В.Э. Борисова-Мусатова и дочь самого владельца — художницу М.В. Якунчикову-Вебер²⁵; «Абрамцево» Е.Г. Мамонтовой, бывшее «лучшей в мире дачей» для целой плеяды русских живописцев и возродившее кустарные промыслы как объект искусства; «Знаменское-Губайлово» С.А. Полякова, сочетавшего фабричную деятельность с работой в созданном и финансируемом им издательстве «Скорпион», где публиковались А. Белый, А.А. Блок, Вяч. Иванов, М.А. Кузьмина, З.Н. Гиппиус и хозяин имения, бывший отличным переводчиком и поэтом, и некоторые другие²⁶. Однако купеческое меценатство второй половины XIX — начала XX в. в действительности получило гораздо большее распространение и является своего рода символом вклада российских предпринимателей в развитие русской культуры.

В Москве европейски образованный класс предпринимателей, ищущий новые общественные идеалы, помнящий о своих национальных корнях и понимающий свою ответственность перед обществом, играл особенно значительную роль. Соприкосновение с народными низами рождало у многих представителей торгово-промышленного сословия чувство вины перед ними.

Будущий театральный деятель, а в 1902 г. фабрикант С.И. Зимин, окунувшись в «мирную жизнь» в своем имении «Угол» близ Зуева, писал в дневнике: «Тут лишь видишь, как далеки мы от труда и понимания

жизни тружеников, как богата и полна удобств наша жизнь. Одеваясь в чудные уборы, топчя дорогие ковры и лаская взор блеском и роскошью квартир, домов, клубов и театров, упиваясь всякими удовольствиями, имея время на созидательный труд, помогать бедным и совершенствовать мир несчастных, [мы занимаемся] лишь тем, что забиваем пустые свои головы, гоним от себя совесть, закрываем глаза на жизнь окружающих нас людей»²⁷.

Обращаясь к современникам, А.А. Фет в своих очерках «Из деревни» писал о важности для сельской России «цивилизующей деятельности» землевладельца просвещенного и богатого, призванного «вести народ по пути преуспеяния»: «Если современные землевладельцы этого не поймут, и увлекаясь мыслию, что веки веков можно отсидеться в местном кругу личных вкусов и удовольствий, то таким неверным расчетом они не изменят сущности дела»²⁸.

Многие собственники усадеб из деловой среды вели «благотворную» деятельность в городе и деревне, считая ее необходимой и единственно правильной. Хорошо знавший мир купечества, публицист Н.В. Давыдов замечал о причине благотворительности и меценатства предпринимателей: «В русском представлении “деньги” никогда не служат самоцелью: есть “душа”, забота о которой важнее и нужнее денег»²⁹.

Политика «новых» землевладельцев по отношению к крестьянству в районе их имений предусматривала денежную помощь деревенским вдовам и бедным семьям, выплату пенсий престарелым работникам, выдачу пособий крестьянам по их прошениям, возведение храмов, открытие училищ и школ, клубов и мастерских, лечебниц и богаделен. На попечительство, заботу о бедных и убогих предприниматели тратили большие суммы. К примеру, занимаясь в Москве благотворительной деятельностью, Д.С. Лепешкин в усадьбе «Валуево» продолжал придерживаться этой линии, тем более что в лице своей супруги Аграфены Николаевны он находил полное понимание. При усадебной церкви была открыта церковно-приходская школа, а с 1885 г. в «Валуево» начала действовать для нужд крестьянского населения летняя лечебница. В ней существовала служба доставки больных из близлежащих населенных пунктов.

Владелец «Архангельского» М.Ф. Марк в ближайшей деревне Лупиха устроил и содержал школу и родильный приют, а отдельные представительницы немецкого семейного клана Марков – Вогау обучали крестьянок вышивке и другим рукоделиям.

В «Поповке» Н.К. Боткиной, когда была организована лечебница для сельского населения в деревне Ромашково, только за 1899 г. на ее содержание ушло 4 тыс. руб.³⁰ Здание больницы было построено московским архитектором В.В. Барковым по особому проекту. Для успешной работы учреждения были наняты врач, акушерка и сиделка, а позже был приглашен фельдшер. При лечебнице находились кухня и огород,

Церковь иконы
Донской Божией
Матери, выстроенная
на средства
И.С. и Н.С. Перловых
в дачном поселке
при платформе
«Перловка».
Архитектор
П.П. Зыков. 1899 г.

Ремесленная школа
им. С.Т. Морозова
в имени А.Т. Карповой
«Филатово»
Звенигородского уезда.
1914 г. ОПИ ГИМ

где выращивали овощи для пациентов. Тяжелых больных доставляли в лазарет за хозяйский счет, нанимая в окрестных деревнях возчиков. Ежемесячно управляющий посылал отчеты хозяйке о том, как идут дела. «В имении все благополучно и все здоровы. В больнице тоже все хорошо и все в порядке, доктор — человек внимательный к больным и трудолюбивый, и население им довольно», — сообщал он³¹.

В усадьбах выходцев из старого московского купечества уделяли внимание не только телесному здоровью крестьян и работников, но и их нравственному воспитанию. По святым дням и православным датам в «Поповке», «Валуеве» и других имениях устраивали молебны, в которых наряду с хозяевами участвовали местные жители. В деревнях Московской губернии вообще крупные церковные праздники традиционно сопровождалось посещением усадеб сельским населением. «В имении, где живет помещик, все крестьяне, мужики и бабы от мала до велика идут после обедни в барский дом разгавливаться, — рассказывал современник о праздновании Пасхи. — Когда господская семья разговелась, на том же столе в зале ставится огромный кулич и пасха, нарочно приготовленная для народа»³².

Боткиным приходилось для совершения богослужения организовывать переезд священников со всем необходимым через реку из храма соседнего села Архангельского. Представительница купеческого рода В.Н. Харузина, которая девочкой отдыхала в тех местах, вспоминала: «...В наше время происходили иногда молебствия с водосвятием. Тогда “круг” оживлялся пестрой и яркой толпой по-праздничному разодетых крестьян. Из церкви крестным ходом приносили сюда иконы. ...После окропления святой водой крестный ход, сопровождаемый пестрой толпой, двигался спешно через один из выходов круга по дороге в ближайшую деревню»³³.

Святые дни в имении «Абрамцево» Мамонтовых проходили с особой торжественностью в господских комнатах: «...Устроили заутреню дома, — вспоминала Н.В. Поленова. — Зал украсили растениями и цветами; поставили аналой и зажгли восковые свечи. В старой аксаковской гостиной накрыли традиционный пасхальный стол для разговения, а в столовой — другой такой же для домочадцев. В этот вечер словно ожил в этом старом помещичьем доме патриархальный дух прошлого и объединил всех своей задушевностью и простотой»³⁴.

В те годы, когда река Воря сильно разливалась и попасть в ближайшую церковь не было возможности, крестьяне шли в господский дом Мамонтовых, зная, что там будут служить заутреню. Это подтолкнуло владельцев к постройке усадебной церкви во имя Спаса Нерукотворного по образцу древних русских соборов. Так был возведен один из первых усадебных храмов, ставший итогом творческих замыслов хозяев и гостей-художников.

Е.Г. Мамонтова сообщала в одном из писем в 1881 г.: «Главный интерес — церковь. По поводу ее вчера целый день шли толки и возникали

горячие споры. Дом наш принял совсем божественный вид. На всех столах лежат чертежи, рисунки, эскизы, разные увражи»³⁵. Постройка церкви или часовни в усадьбе была актом важным по своему внутреннему содержанию, так как она фактически становилась семейным храмом, где устраивались фамильные усыпальницы.

Так было в «Абрамцеве», в «Знаменском-Губайлове» Поляковых и других усадьбах. З.Г. Морозова-Рейнбот, благоустраивая свое новое имение «Горки» в 1913 г., также задумала построить недалеко от главного дома церковь, но, не получив разрешения на освящение, оставила ее до поры до времени в качестве домашней часовни³⁶. Пока же шло рассмотрение прошения, Морозова, бывая в «Горках», посещала обветшавшую и уединенную Троицкую церковь в древнем селе Пахрине и передавала причту деньги на ее поддержание³⁷.

Прогрессивные хозяева стремились сделать культурным быт своих работников и строили для них благоустроенное жилье. Как правило, в хорошо развитых имениях заведующие производствами жили в помещениях при них — в «домиках садовников», «сторожках» при мельницах, кузницах, молочных; прачки, скотники, птичники — в отдельных флигелях недалеко от производств. Вторые этажи конюшен занимали конюхи и возчики.

В начале XX в. старые здания во многих усадьбах деловой элиты были электрифицированы и претерпели внутреннюю перестройку. К примеру, в «Покровском-Рубцове», где в 1916 г. хозяйствовал Т.С. Морозов, сын Сав.Т. и З.Г. Морозовых, конюхи проживали в переоборудованных «готических» конюшнях, оставшихся еще от прежних владельцев Голохвастовых. Для служащих были комнаты в другом здании, где кроме жилой части находилась и контора. Работники, занятые в саду, оранжерее и на птичнике жили отдельно во флигеле, имевшем голландские печи, водопровод и канализацию. В близлежащих постройках были устроены для персонала баня, прачечная и сушильня. Специально закупленный трансформатор обеспечивал автономное электроснабжение всего имения³⁸.

В старинных усадьбах хозяева нередко делали пристройки по своим проектам, как это было в усадьбе Найденовых «Северское». Там немногочисленные работники конюшни и коровника жили в помещении, соединяющем между собой две части общего здания «скотоводства». При теплицах, оранжерее и саде был построен дом для садовника с подвалом и необходимым в быту сараем. Существовал отдельный флигель для кухонной прислуги и прачек, а домашняя прислуга жила в отдельных комнатах господского дома. При этом все перестройки в имении производились по проектам хозяина — А.А. Найденова³⁹.

Вблизи грандиозного дома В.Е. Морозова в «Одинцове-Архангельском» располагался флигель для прислуги с граненой башней, увенчанной зубцами. Он представлял собой элемент архитектурно-паркового

Закладка больницы в имени Г.А. Захарьина при селе Куркине близ станции «Химки». 1911 г

Испытание пожарного насоса в селе Сушнево Покровского уезда Владимирской губернии. Начало XX в. Семейный архив Карповых

комплекса, выстроенного Шехтелем. В «средневековой» башне была скрыта труба находившейся в подвале здания котельной. Кирпичное и частично оштукатуренное здание со скошенными углами по своему стилю решению перекликалось с господским домом. Отдельно стоял флигель управляющего с удобной планировкой внутреннего дворика. Его просторные комнаты предназначались для нужд небольшой семьи. В доме были кафельные голландские печи, подвал, кладовые, несколько входов.

У реки среди зелени располагались хозяйственные постройки: ферма, птичник, оранжерея с парниками. Электричество и техническое оснащение предполагали организацию в усадьбе современного сельского производства. Для постоянных рабочих существовал флигель, где жилые помещения находились наверху, там же была гладильня, а баня и прачечная — внизу. Для сушки белья устроен был отдельный сарай со стенами-жалюзи. Конюшня была рассчитана на 18 лошадей и имела чердачное помещение для хранения сена. Весь хозяйственный комплекс был выполнен в русском стиле и огражден резным забором.

В начале XX в. возведение отдельных флигелей для персонала было скорее правилом, чем исключением. Эстетический момент в сочетании с последним словом науки и техники в устройстве производственных территорий и поселков для работников в имениях предпринима-

Обед прислуги в имении князя С.Н. Трубецкого «Меньшово» Подольского уезда. Конец XIX в Семейный архив Комаровских

телей были общей тенденцией и важным условием успешного развития «дела». Даже в достаточно удаленных от города имениях московской буржуазии строились двухэтажные дома для служащих с водопроводом и электричеством, как это было в «Вешках» К.В. Третьякова, «Кирееве» И.Ф. Мамонтова, «Троице-Лыкове» Ю.М. Карзинкиной, «Михайловском» В.К. Феррейна и других.

При строительстве поселков для сельских рабочих необходимым считалось возведение отдельных жилых помещений для специалистов и их семей, общежитий для одиноких, организация для персонала отдельных бани и кухни, а также общее благоустройство территории. В таких имениях дома управляющих представляли собой отдельно стоящие усадьбы с внутренним двориком и необходимыми службами. В других случаях доверенному лицу владельца предоставлялся один из флигелей архитектурного ансамбля усадьбы, как это было, например, в имении З.Г. Морозовой-Рейнбот «Горки» или в имении Ст.П. Рябушинского «Степино».

Желание повысить культуру и улучшить быт работников имения не было случайным порывом для многих сельских хозяев. Понимая важность создания достойных условий работы и жизни служащих имения, этому уделяла постоянное внимание в своих имениях З.Г. Морозова. Ее разумная политика, направленная на установление отношений «социального партнерства», сохранила ее имение «Покровское-Рубцово» во время крестьянских волнений 1905 г. «Покровское-Рубцово» располагалось достаточно далеко от Москвы, и у хозяйки отношения с крестьянским миром оставались патриархальными вплоть до революции. Местные жители, как и при барах Голо-хвостовых, обращались к ней с разными просьбами. Зинаида Григорьевна в имении открыла приют своего имени для несовершеннолетних детей и ремесленную школу, что улучшило ее отношения с миром деревни. Оставшись в «Покровском» одна с детьми во время декабрьских событий 1905 г., она писала, что к ней приходили крестьяне, благодарили за школу и сказали, чтобы она была «покойна», так как они ею «довольны»⁴⁰. Той же социальной политике предпринимательница следовала и позже, став владелицей имения «Горки».

Для многих выходцев из купеческого сословия сельская Россия вовсе не была незнакомой средой. Их фабрика и имение были так тесно связаны, что программа развития и благоустройства этих предприятий, по существу, проводилась аналогично. Например, хозяин имения «Кашинцево», глава Городищенской суконной фабрики С.И. Четвериков, построил квартирные дома для рабочих и служащих фабрики, сделал бетонную набережную вдоль реки Клязьмы, открыл больницу, театр с чайной для рабочих. В перспективе предполагалось на землях жены, М.А. Четвериковой, при селе Городищи строительство новых жилых флигелей, ремесленного училища в память брата Д.И. Четверикова,

Прислуга в имении Д.И. Четверикова «Тимофеевка». Стоят (слева направо): буфетная горничная Аннушка, скотник Иван Степанов, сторож Иван Маленький, детская горничная Ольга. Сидят (слева направо): дворник Лаврентий Журавлев, горничная А.А. Четвериковой – М.С. Малинина, прожившая в семье с 1890 по 1910 г., няня М.С. Молодкина, кухарка Марья Петровна, прачка Дарья Егоровна. 1890-е гг Семейный архив Четвериковых

нескольких бань и прачечных, народного дома с театром и клубом, детских яслей, а также устройство парка⁴¹.

Социальная программа предпринимателей в собственных имениях была направлена на развитие просвещения и образованности соприкасающегося с усадьбой населения, укрепление религиозных православных традиций и веры. «Я совсем не вижу, как проходит время, — писала Е.Г. Мамонтова из «Абрамцева», — школа и мастерская с новым учителем получили для меня новый интерес... В Поленовском домике мы устроили вечерние собрания. Комнату хорошо осветили, и туда собираются столяры и школьники, поют хором, учитель читает вслух, беседует с ними, иногда играют во что-нибудь. Пока всех это занимает, набирается народу много, и время проводят симпатично»⁴².

Подчас желание создать в усадьбе очаг просвещения для крестьянства возникало под влиянием примера подвижнической деятельности владельцев других имений. Театральный деятель Н.А. Попов, сын главы Товарищества «М. Попов с сыновьями» А.М. Попова, рассказывал, как родилось у него желание организовать «культурный оазис» в своем «Чанове» Рузского уезда. В 1895 г. он поехал в имение «Кривцово» Ор-

ловской губернии для постановки там по просьбе владелицы, пианистки М.А. Лавровой, спектакля для народа. Его поразило налаженное там дело художественного воспитания крестьян. Вскоре Н.А Попов женился на дочери Лавровой – Елизавете Васильевне. Молодая пара мечтала нести образование и театральное искусство в деревню. Тогда Н.А Попов вспомнил о своей заброшенной усадьбе «Чаново».

Это небольшое лесное имение приобрел когда-то дед Н.А. Попова у надворного советника А.И. Мазурова «для свода леса» на фабричные нужды. В начале XVIII в. земли здесь принадлежали князьям Урусовым. В старом господском доме, стоявшем много лет без ремонта, жил инвалид-сторож, получавший вместо жалованья право возделывать небольшой огород и косить траву в имении. В старинные годы «Чаново» было благоустроенным поместьем с прекрасным парком и искусственным прудом. В начале XX в. пруд был давно спущен, и только остатки старой плотины замедляли воду маленькой речки, носившей необычное название – Задери-ножка. По легенде, матушка Екатерина II назвала так этот ручеек, однажды проезжая через эти места.

В соседнем имении при деревне Глебово находилось стародворянское имение актера, художника-любителя, поэта и музыканта К.С. Шиловского, замечательное своей величественной церковью в византийском стиле, зданием театра, художественной мастерской, прекрасным

Главный дом в имении Н.А. Попова «Чаново» Рузского уезда. Начало XX в. Семейный архив Шехтель. Публикуется впервые

парком из пихт и лиственниц. Там неоднократно гостил П.И. Чайковский, работая над оперой «Евгений Онегин». Обеднев, Шиловский в 1887 г. выставил имение на продажу. Незадолго до этого он начал возводить земскую школу, но незаконченное строение так и осталось стоять на живописной поляне.

Попов перевез этот сруб ближе к деревне Чаново и отстроил здание школы, которому крестьяне сначала обрадовались, приняв нарядный домик за новый трактир. Узнав, что в имении «Чаново» будет работать учебное заведение, они отнеслись к этому с большим недоверием. И все же осенью 1895 г. школа была открыта. Поповы приобрели учебные пособия, оборудовали классы. Руководила школой учительница А.Н. Дмитриева. Николай Александрович, навещаясь в «Чаново» в летнее время, участвовал в постановке народных спектаклей, а его сестра Вера Александровна, прекрасная художница и скульптор, вела в школе художественные занятия. При школе работал медицинский пункт. Однако, как пишет Попов, «все это возникало в подражание кривцовским учреждениям и оставалось в очень скромных масштабах»: «“Чаново”, или, как у нас в семье его называли, “Графство”, оставалось даже при вновь отстроенном зимнем доме только летней резиденцией семьи»⁴³.

Социально-культурная доминанта присутствовала и в деятельности владелицы имения «Турейка» при одноименной деревне Верейского

Внуки владелицы усадьбы «Турейка» Верейского уезда Л.В. Желудковой за пасхальным столом. 1910-е гг Семейный архив Давыдовых Публикуется впервые

уезда — потомственной почетной гражданки Л.В. Желудковой. Имение было приобретено в 1863 г. ее супругом Владимиром Александровичем, управляющим фабрикой Якунчиковых в селе Нарофоминском, и насчитывало 30,4 дес. неудобной земли. Почва представляла собой, как свидетельствовала хозяйка, «непроходимые болота, где вязли люди, экипажи и скот». В течение 14 лет Желудков строил дренажную систему, проводил каналы, осушая землю. С 1881 г. в «Турейке» хозяева завели «правильное» земледельческое хозяйство, соблюдая шести- и семипольный оборот. С тех пор Желудковы жили в усадьбе безвыездно, в мире и согласии с окрестными жителями, получая от своего хозяйства все необходимые продукты питания. Это был культурный поселок, где крестьянам давался образец современного ведения пашенного земледелия. В усадьбе неоднократно бывала художница Н.Я. Давыдова, которая работала в области декоративно-прикладного искусства, руководила Абрамцевской мастерской резных и столярных изделий. Главный дом в «Турейке» был также выстроен из дерева в русском стиле, восходящем по своей эстетике к народному творчеству⁴⁴.

Взаимоотношения с окрестным крестьянским населением у владельцев усадеб отнюдь не всегда были идеальными. Крупные имения денежной аристократии уменьшали крестьянские наделы. Частная собственность на лесные угодья ставила сельское население в трудное положение, заставляя наниматься на временные работы «за чистку леса», «за прогон скота» через помещичьи рощи, за сбор валежника на топливо для своих изб или же идти на воровство хвороста для отопления изб. Та же Е.Г. Мамонтова, которая в своем имении создала кустарно-художественные мастерские с целью повысить благосостояние крестьян, отвлечь их от пьянства и дать возможность самосовершенствоваться, не могла оправдать подобные явления. «Поймали в лесу женщину, — сообщала она в одном из писем, — ворушую женщину, о которой все прошлое лето я хлопотала, купила ей корову, устроила ее детей и т.д. Просто горе взяло меня, но все это придало энергии опять взяться за дело»⁴⁵.

Благие намерения хозяев, желавших духовно развить местное население, подчас вызывали противодействие со стороны крестьян. В 1882 г. владелец имения «Брыково» профессор Московского университета Г.Ф. Карпов решил ликвидировать питейное заведение в деревне Букарево и потребовал от ее жителей выразить содержателю кабака «несогласие». Они желание Карпова не разделили, после чего Геннадий Федорович принял такое решение: пастбища своего имения отдал в аренду крестьянам другого селения и запретил ослушавшимся пасти с ними скот. Вражда между помещиком и крестьянами нарастала. Ее подогревало и то, что угодья Карпова подходили прямо к крестьянским домам, и даже дорога к местной церкви находилась на его земле и была перекопана, что заставляло местных обитателей тратить часы и обходить барские десятины, чтобы попасть в храм⁴⁶.

Церковь Боголюбской иконы Божией Матери при селе Болдине Владимирской губернии, выстроенная на средства владелицы имения «Сушнево» А. Т. Карповой. 1890-е гг. Семейный архив Карповых

Проблемы с дорогами постоянно вызывали конфликты в деревне. Один из подписчиков журнала «Хозяин», оказавшись не в силах найти выход из запутанной ситуации, обратился в рубрику «Вопросы и ответы» с просьбой разрешить его проблему. «Посредине моей усадьбы проходит проселочная дорога, находящаяся на плане, — делился он своими трудностями. — Дорога эта причиняет мне очень много хозяйственных неудобств. Поэтому я перевел дорогу шагов на 150 в сторону на своей же земле, причем новая дорога втрое шире и удобнее для езды. Но крестьяне из-за этого сделали меня своим данником, причем ежегодно требуют с меня то водку, то денег и грозят загородить новую дорогу и раскрыть старую, если я откажусь от дани. ...Крестьяне мотивируют дань, которую они налагают на меня так: “Хотя новая дорога для всех удобней старой, ну а **плановую** дорогу переводить не закон, мы и можем ее разгородить, коли не откупитесь”»⁴⁷. Совет редакции решать дело с привлечением полицейских властей, думается, вряд ли смог бы помочь налаживанию добрососедских отношений хозяина с крестьянами.

В этот период законодательно не было точно определено, какими должны быть взаимоотношения землевладельцев — крестьян и горожан — в деревне. Новые помещики сетовали на крестьянские потравы

Владелица имения «Сушнево» А.Т. Карпова (сидит в центре) среди родственников и гостей на ступенях террасы главного усадебного дома. 1911 г. Семейный архив Карповых

Перенос Боголюбской иконы Божией Матери в имение А.Т. Карповой «Сушнево». 1890-е гг. Семейный архив Карповых. Публикуется впервые

лугов и полей, рубку леса, сбор ягод и грибов, использование рек и озер. В действительности было практически невозможно привлечь нанятых на сельские работы селян к ответственности за недобросовестность или невыход на работу: рабочих рук в деревне не хватало, многие жители Подмосковья предпочитали уходить на фабрику или заниматься отхожими промыслами. Положение о найме и об ограждении интересов нанимателей и сельских рабочих с конца 1880-х гг. обсуждалось в правительстве, постепенно обрастая новыми статьями.

Согласно этому положению сельские рабочие должны были быть оштрафованы или арестованы за ложное заявление об утрате договорного листа о найме, за оскорбление нанимателя, членов его семьи или управляющего, за неповиновение хозяину, за неявку на работу или самовольный уход, за нанесение хозяину неумышленного ущерба «вследствие нерадения». Но и хозяин должен был подвергнуться уголовному взысканию за предоставление неудовлетворительного питания и условий проживания работника, за «непринятие мер» к обеспечению его личной безопасности, за наем уже заключившего договор с другим нанимателем рабочего, за нарушение правил о лечении и призрении своего персонала, за выдачу ему платы продуктами или другим товаром, кроме денег, за труд⁴⁸.

Особенно сложным положение владельцев усадеб становилось в годы социальных конфликтов. В период крестьянских беспорядков 1905 г. грабежи и поджоги сельских имений стали настолько частым явлением, что это вызвало тревогу у искусствоведов и любителей старины за судьбу многих памятников усадебной культуры. Но ни владельцы, ни власти не могли остановить волну надвигавшейся неуправляемой анархии.

В 1915 г. разграблению подверглись имения «московских немцев», а фактически лиц иностранного происхождения, что было вызвано осложнениями на фронтах Первой мировой войны и антинемецкими настроениями в обществе. Мария Руперти, дочь владельца «Липовки», рассказывала, что ее мать заблаговременно предупредила о предстоящем погроме крестьянин соседней деревни. Хозяйка в волнении стала напоминать, что от дружеского соседства местные жители до сих пор имели одни только выгоды, но в ответ услышала: «В том-то и дело, и поэтому-то и надо нам прийти, а то придут чужие из Москвы и будут пользоваться всем добром, а уж раз оно кому-то должно достаться, так в первую очередь нам, соседям»⁴⁹.

Однако бывали случаи, когда местные крестьяне брали «своих» помещиков под защиту в благодарность за благо, ими сделанное. Когда же владелец отдавал крестьянам лучшие земли, почитали не только его, но его потомков. В 1890 г. художник В.Д. Поленов смог осуществить свою мечту о приобретении собственного имения — он выбрал живописное место на берегу Оки под Серпуховом у деревни Бехово. У обедневшей

помещицы Саблуковой была куплена тогда 81 дес. пахотной, луговой и лесной земли с маленькой усадьбой, состоявшей из одноэтажного домика с сараем. Но Поленов, который облюбовал для постройки нового дома высокий песчаный бугор, не сразу смог начать строительство, так как надо было выменять эту землю у местного общества крестьян. Когда же художник отдал за живописный пустырь вдвое больше пахотной, плодородной земли, сделка состоялась. Прошли десятилетия, но народное уважение к хозяевам имения «Старое Бехово», отдавшим самое ценное — пашню, не иссякло, а только укрепилось благодаря их подвижничеству в деревне. В трудные годы революций крестьяне помогли Поленовым сохранить имение и богатейшее художественное собрание созданного ими дома-музея.

3. МОСКОВСКИЕ ЖИТЕЛИ В ЗАГОРОДНОЙ УСАДЬБЕ

*Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов;
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И — в свои молодые годы.*

С.Т. Аксаков

Для москвича отъезд в усадьбу или «на дачу» был событием, к которому готовились серьезно. Если речь шла о пребывании в арендованном загородном доме, то москвичам предстояло везти с собой в деревню много багажа, продуктов, мебели, белья и прочего. «Для переезда заказывались так называемые полки. Это были особого рода телеги на четырех колесах, с широкой и ровной поверхностью, отчего полки были вместительными, — вспоминал М.Н. Тихомиров, дед которого был владельцем магазинов готового платья, а отец служил при московской конторе Никольской мануфактуры Саввы Морозова. — Сверху вещи покрывались брезентом, которые тщательно обвязывали веревками, — для них были устроены особые крючья. ... На каждом впереди восседал извозчик. Полки запрягались ломовой лошастью. За несколько дней до переезда все вещи укладывались в сундуки или связывались в узлы. Надо было спрятать всю посуду, все мелкие вещи. Рано, часов в шесть утра, подъезжали полки и появлялись ражие мужики, практически осматривавшие мебель. ... Они начинали выносить сперва самые большие предметы: шкафы, сундуки и пр. ... После хлопот с укладкой вещей... укладывались стулья, матрасы и т.д., наконец все вещи на возах покрывались брезентом и закручивались сверху веревками. ... Возы ехали несколько часов. В дороге возчики обязательно в чайной пили чай. ... Разгрузка на новом месте проходила вечером, после чего подсчитывали перебитые вещи. Получив “на чай” ... возчики торжественно уезжали обратно, а мы оставались до осени на даче»⁵⁰.

В частном имении, порученном на зиму управляющему или сторожу, разумеется, сохранялась полная обстановка и налаженный уклад. Господский дом «зимовал» с одетой в чехлы мебелью. Необходимое количество постоянных служащих жило в усадьбе, ухаживало за скотиной и птицей, работало в теплицах и оранжереях. К приезду господ служащие выставляли вторые рамы и мыли стекла окон, натирали паркет в залах, чистили светильники. Неустанно работали прачки, готовя столовое и постельное белье. В гладильной также кипела работа, и приставленный к этой службе мужик сбивался с ног, поднося работницам наполненные раскаленными углями тяжелые утюги. В парке нанятые в соседней деревне бабы с ребятишками собирали граблями прошлогоднюю листву и хворост, выравнивали дорожки. Плотники ремонтировали дачи и флигеля.

Сборы «в деревню» вносили оживление и в жизнь владельцев имений. Спустя несколько дней после «отправки возов» и прислуги вслед за ними выезжали в усадьбу господ. Обычно они покидали город в начале или середине мая, оставаясь там до сентября. Отдельные семейства отправлялись в усадьбу еще раньше, перед Пасхой. Если пускались в путь в экипаже, то уже за заставами начинали чувствовать себя за пределами города: вокруг простор, зеленые поля и леса, свежий ветер. Достопримечательности знакомой дороги радовали. К вечеру добирались до места назначения.

Редко кто из предпринимателей мог позволить себе проводить вне города все лето, и они приезжали лишь навестить свои семьи в выходные, чтобы утром в понедельник вновь вернуться к своим делам. С развитием сети железных дорог поездка на дачу стала более комфортной и даже была своего рода «развлечением». «Все наши отцы-купцы ездили в Москву в вагонах, специально для них устроенных из вагонов 3-го класса, но с новыми полированными скамейками, — вспоминала дочь П.М. Третьякова, Вера Павловна. — Набиралось купцов наших, начиная от “Пушкина”, “Тарасовки” и других станций, несметное количество. Это стало клубом»⁵¹.

Как только вошли в обиход автомобили, некоторые стали ездить за город на «авто». Так, З.Г. Морозова отправлялась в «Горки» вместе с шофером. А.А. Руперти, купив «серполет», водил машину сам. В его гараже также имелся и «мерседес-бенц», при котором состоял шофер-немец.

Дочь Руперти Мария вспоминала, что поездка на машине в усадьбу была полна острых ощущений: «Куры с громким кудахтаньем бежали перед машиной, почему-то никуда не сворачивая, утки с криком взлетали, бабы выскакивали из домов, хватали ребятишек и тащили их с собой, собаки с воем прятались в подворотни — не хватало только того, чтобы начали бить в набат». Даже если хозяин пытался успокоить местных жителей, они шарахались от него с ужасом, так как для поездки на автомобиле он всегда был одет особым образом: в картузе с застёжкой

Московский знакомый Четвериковых – пианист А.А. Арсеньев у своего автомобиля в имении «Тимофеевка» Богородского уезда. 1900-е гг. Семейный архив Четвериковых. Публикуется впервые

под подбородком, в темных очках с бахромой вокруг стекол и кожаных перчатках⁵².

Заметим, что шоссейные дороги в Московской губернии практически отсутствовали, а проселочные были таковы, что проехать по ним в непогоду было невозможно. Иногда автомобили приходилось тянуть до усадьбы упряжкой лошадей.

По части отдыха купеческая Москва получила «начальное образование» на народных гуляньях, традиционных «катаниях», в толпе зрителей массовых шествий в дни коронационных празднеств, в городских увеселительных садах двух столиц, где было немало эффектного, театрального, синтетического. В середине 1880-х гг. известный антрепренер М.В. Лентовский внес свою лепту в формирование массового вкуса, создавая в городских парках удивительные гибриды декорации и архитектуры во всех стилях с различными сценическими эффектами.

Расчетанная на все слои общества среда городского увеселительного парка сильно воздействовала на культуру недворянских сословий. Причудливым образом в мире пореформенной усадьбы переплелись элементы народного прошлого, уклад дворянской загородной жизни,

западноевропейские новации и личные пристрастия собственников. Вне привычной деловой среды представители торгово-промышленной Москвы проявляли себя самым разным образом, что придавало им особую самобытность.

Князь С.А. Щербатов на этот счет выразился так: «Должен искренно признаться, как ни мило и дорого моему сердцу наше старое московское дворянское общество, все же в среде нашего передового купечества мне было веселее и интереснее. Уж очень много было переливчатых красок и тонов в этой новой, намечающейся, еще не оформленной, не осевшей культуре, столько в этой среде бродило, столько было любопытных контрастов, столько нового и свежего, при несомненно неприятных явлениях и даже определенно отрицательных, меня коробивших»⁵³.

Для московской буржуазии сельские имения или «дачи», прежде всего, были местом семейного отдыха и мирным убежищем отдохновения. Для многих фамилий, представлявших «купеческую аристократию», была характерна привычка к размеренному времяпровождению вне города или, как тогда говорили, — «в тесных объятиях природы». Сын

После партии в крокет в усадьбе «Одинцово-Архангельское». Стоят (слева направо): служащий, А.В. Морозов, художник Н.И. Чечелев. Сидят (слева направо): И.В. Морозов, гувернантка, В.А. Морозова, С.В. Морозов, Борис Морозов. Начало XX в. Семейный архив Морозовых

известного коллекционера и мецената Ю.А. Бахрушин вспоминал о жизни своей семьи в усадьбе: «Жизнь на даче текла у нас обычно тихо и спокойно. В субботу приезжали гости — все одни и те же завсегда, которые оставались у нас до понедельника утра. ...Отец мой трогательно любил русскую природу — она пробуждала в нем стремление к покою и созерцанию. Мать также не оставалась равнодушной к деревне, но ее любовь была деятельной и конкретной. Она не могла, подобно отцу, просиживать часами с удочкой, когда рыба не клевала, или читать книгу или газету, лежа в саду на кушетке, ей необходимо было сажать цветы, возделывать огород, заводить кур или уток и тому подобное. Но оба они любили следить за полной очарованности и таинственности смежной одного времени года другим»⁵⁴.

Сельские занятия на собственной земле являлись одной из составляющих жизни в усадьбе. Создатель Частной оперы С.И. Зимин, говоря о своем детстве в имении родителей в окрестностях села Зуева, вспоминал поле, «сплошь покрытое густой рожью с васильками». В 1902 г. он писал: «Мельница тоже процветала, были улья с пчелами, гряды клубники, кусты малины и ряд яблонь. Порядка, может, было и мало, но все поражаало изобилием»⁵⁵.

Совладелец Товарищества торговли мануфактурой «А. Бурьшкин и сын» П.А. Бурьшкин о своем поместье «Поворовка» писал: «В имении

Семейство Герасимовых за сбором вишни в саду имения «Горки». 1900-е гг. ФМЛ ГИМ

было небольшое хозяйство, которое, в сущности, обслуживало всю нашу семью. Но всего было вдоволь. Особое внимание обращалось на молочные продукты, и была у нас замечательная фруктовая оранжерея, где был ряд деревьев, купленных в соседнем имении Трубецких, “Лыткине”, когда они распродавались после краха. Я редко когда ел такие персики или большие белые сливы. Они были в Москве известны, и не раз магазин Елисеева просил нас продать корзину слив и дюжину персиков для какого-нибудь особого торжества»⁵⁶.

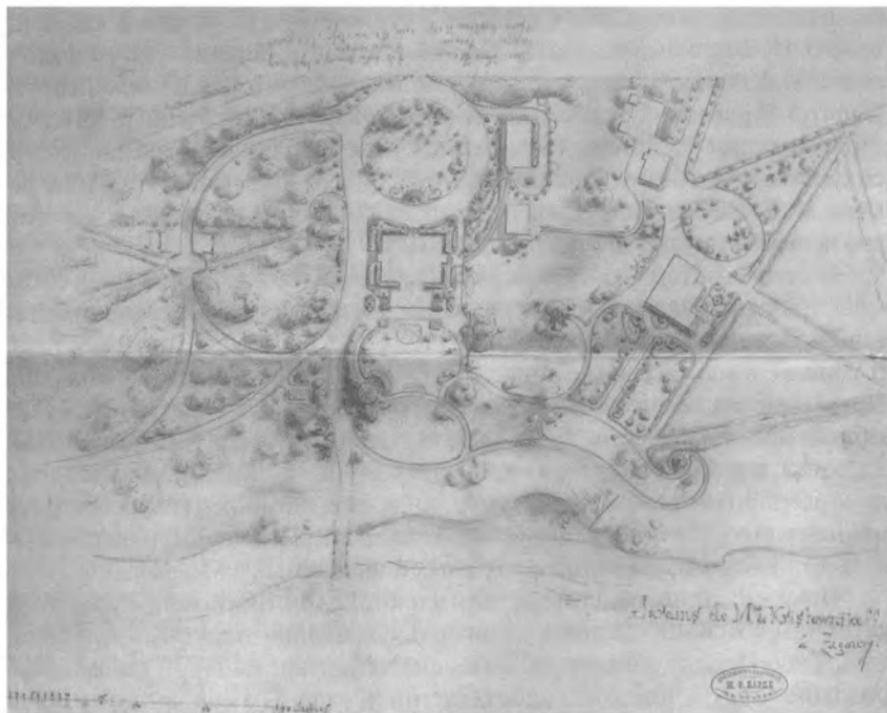
Находясь в стороне от «парадной жизни» усадьбы хозяйственная сфера существовала в каждом имении, и содержание фермы, коневодство или садоводство превращалось в одно из увлечений в деревне или, как тогда говорили, в «спорт». Отдельные хозяева принимали участие в образцовых выставках любителей садоводства, птицеводства. Практически ежегодно в московском манеже хозяева-птицеводы, а среди них такие хозяева, как граф С.Д. Шереметев, фабрикант В.И. Лепешкин и другие, демонстрировали своих лучших кур, индюков, цесарок и голубей. Музей птицеводства, располагавшийся на Театральной площади, в башне стены Китай-города, был одним из самых посещаемых в Москве.

Идеи «изящного садоводства» вдохновляли обитателей усадеб на устройство в своих имениях удивительных садово-парковых композиций. Так, «Проект обсадки сада в имении Маргариты Кирилловны Морозовой “Михайловское”», составленный главным садовником Ботанического сада Императорского Московского университета Г.Г. Треспе в 1916 г., включал около 100 композиций из растений с разными сроками цветения, в совокупности представляющих собой постоянно меняющуюся природную «картину».

Цветочные клумбы и рабатки украшали газоны, окаймленные грядами высоких роз с «гирляндами клематисов». Группы декоративных кустарников были обсажены «в непринужденном порядке» многолетниками – дельфиниумом, ирисами и флоксами. Кусты сирени Мадам Лэгран, живописные посадки раkitника, барбариса, махрового и золотистого жасмина, плакучих акации и рябины дополняли группы деревьев, казалось, всех стран света. В этом саду были представлены американская белая ель, калифорнийский клен, плакучая акация, пирамидальный тополь, американский вяз и рябина, голландские липы и многочисленные растения России⁵⁷.

Проекты «художественных садов» А.Э. Регеля и его единомышленников были реализованы во многих усадьбах нового времени и воспринимались садоводами-любителями с энтузиазмом.

Забота о благоустройстве парка для многих владельцев усадеб была настоящей страстью. Желая, чтобы «все было красиво», А.А. Руперти из путешествий в Италию привозил мраморные статуи и вазы, которые расставлял вдоль садовых дорожек. В вазах высаживались гортензии. Перед его загородной «палладианской» виллой стояли лавровые и

План усадебного сада в имении Ю.Т. Крестовниковой «Загорье» Подольского уезда. Конец XIX в. Семейный архив Крестовниковых. Публикуется впервые

лимонные деревья в кадках, которые убирались только на зимний сезон в оранжереи. Для огромной камелии, купленной по случаю у обедневшего аристократа, был построен специальный павильон высотой в два этажа. Роскошное дерево цвело лишь раз в год, и в эти дни гордый владелец водил им любоваться гостей.

Представитель влиятельного немецкого клана, Руперти был человеком состоятельным и в устройство «садоводства» в имении «Липовка» вкладывал большие средства. В парниках с центральным отоплением он разводил артишоки, что было настоящей редкостью для Московской губернии. Поскольку хозяин любил запах тубероз, его садовник выращивал их в немереном количестве для загородного и московского домов хозяина и его родни.

Нанимая для работ в саду девушек-крестьянок из Рязанской губернии, заведующий садоводческим хозяйством в имении, голландец Ваверен, оговаривал особое условие: «дефки» должны были работать в национальных костюмах. Работницы пололи садовые аллеи, подрезали кусты, украшая ландшафт своими живописными фигурами в ярких праздничных нарядах⁵⁸.

Фантазии повидавших мир торгово-промышленных деятелей выразались в устройстве диковинных парковых затей. Так, у главы города Егорьевска М. Н. Бардыгина посреди сада в имении «Старое» высилась киргизская юрта, а рядом была построена беседка-«шутиха» «Мухомор»: под сенью огромного гриба стояла лавочка, и если на нее садились, то с краев «шляпки»-крыши беседки текли струи воды. Украшением его парка было некое подобие скульптуры-«обманки», но на современный лад: «металлический человек», облаченный в пиджачную пару и котелок, стоял на одной из парковых лужаек. Михаил Никифорович, сын крестьянина, всячески подчеркивавший свое народное происхождение, любил все необычное. Проезжая однажды в свое имение, он заметил искусную резьбу на карнизе одной из деревенских изб — два скворечника представляли собой фигуры мужика и бабы, а в их раскрытых ртах гнездились птицы. Этот «раритет» Бардыгин и захотел приобрести в свою усадьбу. Торговля шла долго, но сделка в конце концов состоялась⁵⁹.

«Романтические» традиции в устройстве усадебных парков и садов среди московских торговых и банковских деятелей были очень популярны. Мировосприятие этого слоя требовало ярких образов, эффектных акций и выразительных проявлений своей «прогрессивности». При этом сами представители «купеческой Москвы» не видели в своих поступках «самодурства», а только — «искушение», желание испробовать незнакомое⁶⁰. Парк в усадьбе был естественной декорацией гуляний, развлечений, праздников, постановщиками которых выступали хозяева и их домочадцы.

О Рябушинском Н. П., например, говорили, что он не только любил, но и «умел» чудить. Когда он обустроил свою загородную виллу «Черный лебедь» на Петербургском шоссе, то, попав под очарование прекрасного старого сада, решил устроить «Праздник яблоневого цветения», пригласив на торжество весеннего буйства природы великосветскую и художественную Москву. Элегантные господа и дамы сидели за богато сервированными столами под ветвями, покрытыми крупными розовыми и белыми цветами, наполняющими воздух тонким ароматом.

С наступлением сумерек деревья неожиданно засветились маленькими, «как светлячки», разноцветными огоньками. Но волшебная иллюминация была не единственным сюрпризом, который приготовил для своих гостей замечательный хозяин. «Под яблонями около столиков были пущены прыгающие, ползающие, летающие заводные, вывезенные из-за границы кузнечики, лягушки, бабочки, ящерицы, пугавшие дам, а это еще прибавляло веселья», — вспоминал участник праздника художник С. А. Виноградов⁶¹.

В усадьбе «Валуево» Д. С. Лепешкин стремился создать подобие городского сада, рассчитанного на собственный невзыскательный вкус. Дмитрий Семенович воплотил в устройстве валуевского парка свои

путевые впечатления. В Германии он заказал несколько гипсовых раскрашенных фигур — карликов в остроконечных шапочках, зайцев, оленей и ланей, которых расставил вдоль аллей. В тенистых природных уголках устроил позолоченные бассейны, куда время от времени запускали золотых рыбок. В искусственных гротах высвечивались электрическими лампами раскрашенные «сталактиты», имитируя подземные красоты. Перед входом в дом, по его желанию, были установлены отлитые из металла скульптуры львов, а на столбах въездных ворот красовались фигуры оленей.

Продолжая следовать символике дворянских усадеб классицизма, владельцы имений «с родословной» устраивали в них беседки-миловиды, как это было в «Горках» З.Г. Морозовой-Рейнбот, или делали пе-

Ученицы московской Алферовской гимназии «представляют живые картины» в имении Гончаровых «Полотняный завод». В первом ряду (слева направо): Таня Четверикова, Таня и Оля Гончаровы. Во втором ряду (слева направо): Катя Четверикова (греческая танцовщица), Оля Поленова (египтянка), Наташа Поленова. 1915 г. Семейный архив Четвериковых

репланировку в парке, воздавая дань «мемориальной» традиции. Так, в 1873 г. в «Абрамцеве» на террасе нижнего парка С.И. Мамонтов и его друзья — В.Д. Поленов, М.М. Антокольский и А.В. Прахов — посадили «римскую рощу», причем Поленов сделал подробный акварельный план с указанием древесных пород и подписями, в честь кого посажено дерево.

В названии рощи сказались впечатления от пребывания их в Италии, однако и образ императорской фамильной рощи в Павловске нашел в этом действе свое проявление. В память об «итальянском начале» Абрамцевского творческого содружества, или, как его называли, «каморры», были посажены дуб Е.Г. Мамонтовой и кедр С.И. Мамонтова, а вокруг — кедры Антокольского, Прахова, лиственница Поленова, дубки, березы и туи прочих единомышленников.

Позже недалеко от рощи был устроен искусственный холм, названный «Таньонов нос», по имени губернатора мамонтовских мальчиков Ю.П. Таньона. Оттуда открывался вид на долину реки Вори, который воплотил художник Нестеров в работе «Видение отроку Варфоломею». Этот пейзаж впоследствии все называли «долиной отрока Варфоломея». На возвышенности была установлена в 1915 г. керамическая «скамья Врубеля» — место отдохновения, грез, переживаний былого в окружении пармских фиалок, посаженных Елизаветой Григорьевной.

В парке Мамонтовых существовали и другие уголки, где можно было отдаваться «чувству»: Гоголевская аллея, Аксаковская роща, березовая рощица «Афончик», удаленное «Молчаново место». Творчество художников, создавших в имении Саввы Ивановича значительные произведения, также вносило в окружающий пейзаж «Абрамцева» немало романтики. От «Яшкиного дома» — еще одно напоминание, восходящее к детскому прозвищу дочери Мамонтовых Веры, — начиналось поле «Трех богатырей». На краю Гоголевской аллеи стоял спроектированный В.М. Васнецовым садовый павильон для детских игр — «избушка на курьих ножках». Среди деревьев парка высились каменные «скифские бабы», привезенные Саввой Ивановичем со строительства Донецкой рельсовой магистрали. Кедровая аллея вела к органично вписанной в парковой пейзаж церкви — результату творчества всех обитателей усадьбы.

В «Абрамцеве» процветало творчество и любительство, которое пронизывало весь его уклад. Художники с радостью снимали в окрестностях имения дачи или, принимая приглашение хозяев, жили в усадебных строениях, завтракали и обедали с Мамонтовыми, участвуя во всех событиях жизни семьи. С тех пор как под Новый 1879 год в московском доме Мамонтовых прошла первая театральная постановка, все обитатели «Абрамцева» «заболели» любительским театром.

Первый спектакль назывался «Живые картины» и был поставлен В.Д. Поленовым, но среди его участников оказались живописцы Левицкий, Васнецовы, Серов, Врубель и фабрикант К.С. Алексеев, будущий

Алевтина Крестовникова (слева) с подругами в театральных костюмах в имении «Загорье». Начало XX в. Семейный архив Крестовниковых. Публикуется впервые

Станиславский. На сцене домашнего театра тогда были показаны библейские мистерии, сказочные сценки и отрывки из известных пьес, вроде «Вальпургиевой ночи».

Водевиль и буффонады с наступлением лета становились обычным явлением в самом «Абрамцево», причем даже никогда не имевшие отношения к сценическому искусству участники действия проявляли себя на домашней сцене как настоящие профессионалы. Однажды Виктор Васнецов, отличавшийся сдержанностью характера, в шараде у Мамонтовых принужден был играть англичанина, осматривающего картины Третьяковской галереи. «Ему приделали рыжие баки, и он, не зная ни одного слова по-английски, издавал английские звуки, но так гениально, что все были в восторге», — вспоминал один из зрителей⁶².

«Открытием таланта» стало и выступление в постановке «Черный тюрбан» И.С. Остроухова, в то время начинающего пленэриста. Неуклюжий и застенчивый, Остроухов имел в «Абрамцево» звучное прозвище Ильюханция и в те годы ничем не напоминал дородного и вальяжного зятя П.П. Боткина и будущего директора Третьяковской галереи. В означенной комедии ему пришлось исполнять «бессловесную роль» палача, которую он сыграл с таким блеском и юмором, что зрители

Художник К.А. Коровин и А.С. Мамонтова в пьесе «Черный тюрбан», поставленной в имении «Абрамцево». 1880-е гг.

неудержимо хохотали и наградили исполнителя громом аплодисментов. Остроухов увековечил себя в «Летописи» усадьбы множеством этюдов и шутилкой поэмой «Юльяда-Ильядо», в которой рассказал о своем любовном увлечении⁶³.

Доктор П.А. Спирос в «Абрамцеве» пел и музицировал с хозяином имени Саввой Великолепным. «Академист» В.А. Поленов возглавлял флотилию из трех лодок «Лебедь», «Рыбка» и «Кулебяка» и тренировал ребячью команду, одетую в матросские костюмы. В.А. Серов, которого друзья звали Тоша или Антон, «обольстительно плясал», поразил всех, исполняя роль танцовщицы в «Кровавой были», поставленной в домашнем театре в период общего увлечения оперой «Кармен», и неподражательно играл «Антракт» на настоящем испанском бубне.

В 1881 г. в числе гостей семьи Мамонтовых оказался А.В. Кривошеин, будущий министр земледелия России. Дело было в апреле, и компания прекрасно проводила время, наблюдая приход весны на плотине, а также совершая «безумно смелые прогулки» по таявшему льду реки Вори. В тот день, 15 апреля, в «Летописи села Абрамцева» появился «Сонет», написанный Кривошеиным: «Вечером поздним мы долго бродили, / Медленно вешняя ночь надвигалась, / По небу тучки жемчужные плыли, / Шумным потоком река разливалась, / Билась о берег и, споря с преградой, / Мчалась дальше с мятежной досадой. / Долго за этой немолчной рекою / Взором следили мы с тайной тоскою, / Словно и мы к той неведомой дали / Всею душою умчаться желали, / Словно желали упрямое горе / Вихрем развеять на буйном просторе / В жадной погоне за счастьем, весною, / Светлой зарею и жизнью иною...»⁶⁴.

В «Абрамцеве» неожиданно проявил себя поэт Михаил Врубель. Однажды в дождливый вечер 1887 г. Савва Иванович предложил каждому из присутствовавших написать стихи. Лучшими были признаны строки художника: «Бурые, желтые, красные, бурные / Листья крутятся во мгле. / Речи несутся веселые шумные. / Лампа пылает на чайном столе»⁶⁵.

Само пребывание в усадьбе сулило острые эмоции, будоражило чувства. И даже те, кто не склонен к романтическому восприятию мира, проявляли самые светлые черты своей натуры. Та же атмосфера игры, шутки, музыки, сценической импровизации господствовала в имении Сапожниковых-Алексеевых «Любимовка», где многих отличал артистический склад души. В ночь на Ивана Купала все от мала до велика создавали у реки «заколдованный лес», вокруг которого развевалась феерия.

Задрапированные в белые простыни и загримированные, одни обитатели «Любимовки» прятались в засаде в ожидании дачников, ищущих папоротник, чтобы выскочить из своего укрытия в самый драматический момент; другие — плыли, окутав себя белыми одеяниями, на лодках по реке, застыв неподвижными изваяниями в артистических позах, вселяя мистический страх.

Все культурные и общественные события Москвы находили отражение в жизни «Любимовки». В 1873 г. большое впечатление на москвичей произвел приезд в город персидского шаха Наср-Эддина, собравший толпы зрителей. В окружении огромной, роскошно одетой свиты восточный монарх ехал по улицам Первопрестольной в шитом золотом и усыпанном алмазами мундире. Немедленно в «Любимовке» прошли «маневры» и «парад» в честь великого гостя, который «осчастливил ее своим прибытием».

Многочисленные «вельможи» в длинных купальных и ночных халатах, подпоясанные кушаками, «визири» в настоящих бухарских одеяниях из музейных коллекций золотоканительщиков Алексеевых следовали за «шахом». В настоящей восточной чалме, с великолепным оружием, тот ехал на белой лошади из местной конюшни. Над «шахом» несли зонтик с кистями и бахромой. У террасы главного дома процессия остановилась, и гостя сопроводили к украшенному восточными коврами «трону», а затем участники праздника прошли перед ним «церемониальным маршем»⁶⁶.

Изыски популярного у московской публики сада «Эрмитаж» Лен-товского заставляли Алексеевых и их кузенов копировать этот фантастический парк развлечений в имении. «Нам хотелось устроить на большой

В.С. Алексеев (брат К.С. Станиславского, справа) с другом в имении «Любимовка» Московского уезда. Начало XX в. Семейный архив Алексеевых

площадке перед театром в «Любимовке» эстраду для музыки, иллюминацию из площадок и шкаликов, поставить много столиков для желающих пить чай, прохладительные напитки и дать блестящую воздушную программу с фейерверком на реке»⁶⁷, — рассказывал Станиславский. При этом все увеселения должны были протекать непрерывно. В усадьбе была поставлена «оперетка» Э. Одрана «Маскотта», где будущий директор и режиссер МХТ выступил в роли красавца Пипо. Веселье продолжалось до утра: ночное купание в реке, представление цирковых артистов, выступление гимнастов, прогулки по крыше дома.

Редкое имение московской буржуазии начала XX в. обходилось без помещения для домашних спектаклей. В «Любимовке» существовал театральная павильон со сценой и актерскими уборными.

В старинном «Введенском» Якунчиковых один из флигелей, бывших когда-то старым театром, возродили для домашних постановок. Во вновь выстроенных усадьбах предполагались большие залы для сценического и музыкального искусства.

Владелец «Липовки» А.А. Руперти разместил театр в подвальном этаже своего палатки. Живописный фриз для зала был заказан известному художнику Баксту, но тот не успел выполнить работу. При театре были примерные и костюмерные комнаты, устроенные с большим толком. В этой семье предпочитали ставить своими силами «представления, что-то вроде Varietes».

В других усадьбах роль музыкального салона выполнял зимний сад, в действительности представлявший собой летнюю гостиную. В имении «Горки» З.Г. Морозовой-Рейнбот пространство «искусственного сада» от настоящего парка с его липовыми аллеями и цветочными бордюрами отделяло со стороны восточного фасада французское окно, а с противоположной — стеклянный фонарь, через который в комнату проникал естественный свет. Среди лавровишневых деревьев и пальм стояла парковая скульптура, привезенная Морозовой из-за границы. Стены зимнего сада украшали романтические пейзажи старых французских и голландских мастеров.

В имениях, где хозяева за городом придерживались более простого уклада жизни, для театральных постановок использовались просторные террасы бревенчатых домов. Так, для семьи Д.И. Четверикова импровизированной «театральной сценой» служила крытая веранда. Ко дню концертов или спектаклей дети выпускали рисованные афиши и программы для зрителей, где указывали имена исполнителей.

Для любительских театров специально создавались маленькие пьесы, как, например, комедия-шутка А.П. Чехова «Медведь», где действие развивается на террасе в усадьбе. Одно из первых ее представлений состоялось у В.В. Якунчикова в его усадьбе «Нара»⁶⁸.

Картины домашних спектаклей разыгрывались в природных «амфитеатрах», т.е. на лужайках перед домами или в парковых павильонах

и садовых беседках. Хозяин имения «Старое Гиреево», потомственный почетный гражданин И.А. Торлецкий, например, будучи человеком одиноким, устраивал спектакль для самого себя в день своего рождения. Красавец с седеющей бородой, он в молодости мечтал быть казаком и, заплатив изрядную сумму, был причислен к казачьему войску. В кругу своей «сотни» и предпочитал отмечать праздник Торлецкий.

С утра в усадьбу торжественно, с музыкой, входили казаки под началом хорунжих и есаулов. После обедни в усадебной церкви начиналось торжественное застолье, сопровождаемое звуками военного оркестра. Вслед за почетными гостями за стол садились нижние чины, затем прислуга и работники, а завершали праздник крестьяне, пришедшие поздравить хозяина. В этот день сад иллюминировался комнатными масляными лампами «кенкетами». Фейерверк у Торлецкого был великолепен: на небе вертелись искрометные «мельницы», яркие ракеты взвивались ввысь, вокруг большого дуба «плавали» золотые лебеди, а на луку «сражались» пламенеющие корабли⁶⁹.

Для маленьких москвичей жизнь в имении представлялась истинным раем. «Странно ярко встает перед глазами детство, — предавался воспоминаниям об усадебном приволье С.И. Зимин. — В этом лесу росли еще маленькими детьми лет по 8–9... Тут первые радости узнали — сбор грибов, рыбную ловлю, и охоту, и верховую езду... Все ожило: и товарищи, и поле перед дачей, сплошь покрытое густой рожью с васильками»⁷⁰.

Только в усадьбе дети из купеческих семей, воспитывавшиеся в строгости под присмотром учителей и гувернеров и практически не видевшие своих родителей, могли сидеть с ними за общим столом, слышать беседы взрослых. Дочь биржевого маклера Г.Г. Герасимова, Татьяна, вспоминала: «Летом вся семья жила в “Горках”, а зимой в Москве. ...Каждую субботу собирались родные и близкие друзья дома, это называлось “журфиксы”, пели, играли на пианино». Обед накрывали «на верхней веранде». В доме всегда было много полевых и садовых цветов. «Я любила, — вспоминала Герасимова, — когда крестьянские ребятишки из деревень Горки и Съяново приносили продавать ягоды, землянику и малину, и грибы... Мама всегда у них все покупала, а кроме денег мы, дети, дарили им конфеты, пряники, и они, довольные, убегали»⁷¹. Гости и хозяйева гуляли в парке, купались в Пахре, где была построена купальня. Для детей недалеко от дома были установлены большие качели.

Попав в обстановку усадебной неги, строгие воспитатели и гувернеры ослабляли свой контроль, предоставляя своим подопечным возможность играть на речном берегу, удить рыбу или гулять на опушке леса, на хозяйственном дворе, на псарне, на конюшне. Пребывание в усадьбе давало возможность детям познакомиться с сельскохозяйственными работами и деревенской жизнью. Характерно в этом плане письмо Е.В. Челноковой к В.П. Гучковой с дачи, которую она снимала в

Дети Г.Г. Герасимова у качелей в парке имени «Горки» Подольского уезда 1900-е гг.
ФМЛ ГИМ

Подольском уезде: «Место чудесное, деревья весенние, тишина и при-волье. ...Мне тут все по душе. Дети наслаждаются всякими деревенскими удовольствиями вроде занятия с утками, курами, гусями, на скотном дворе, огородами... Весна этот год чудная. Я с утра все распределяю в доме и ухожу с детьми»⁷².

Как правило, при конном дворе состоятельные семейства держали ослика или пони, чтобы, запрягая их в тарантас, катать малышей. В усадьбе для детей возводились «игральные домики», где они чувствовали себя подлинными хозяевами. В «Очерках былой помещицкой жизни» Н.В. Давыдов описывает, например, старый усадебный театр со сценой и даже суфлерской будкой, отданный детям для развлечения: «...Мы могли или забраться на сцену, за “кулисы”, или залезть на четвереньках под сцену, что было особенно приятно и весело»⁷³.

Само пребывание в усадьбе для детей было великолепным «театром». Старинный барский дом, к примеру, походил на дворец со своими двухсветными залами и огромными окнами. Балконы были заставлены лавровыми деревьями, камелиями и азалиями в кадках так, что из гостиной ничего не было видно сквозь эту листву. В парке — деревья, которые невозможно охватить. Непривычные звуки... Все это составляло мир усадьбы, сохраняемый в памяти на протяжении всей жизни.

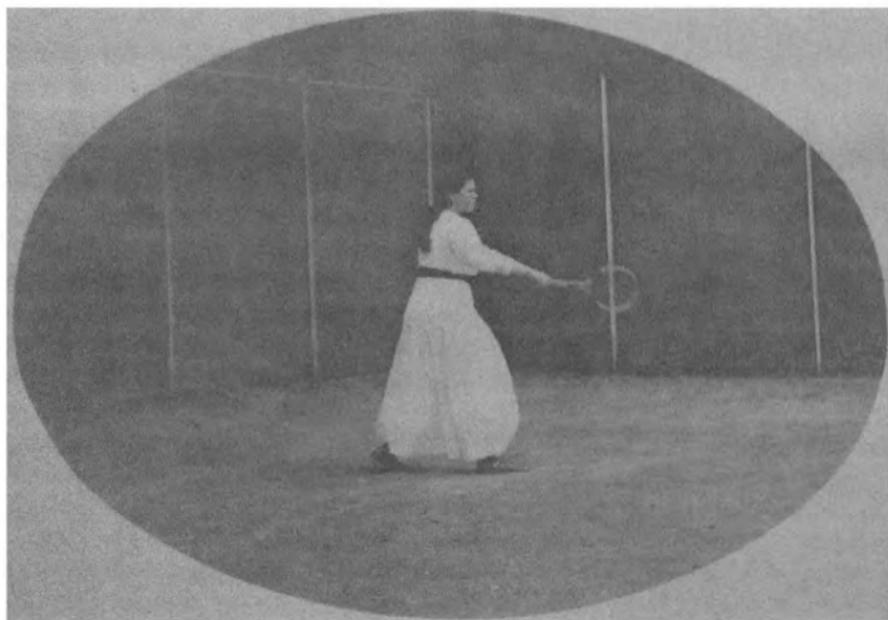

Оля Морозова в имении «Одинцово-Архангельское». 1900-е гг. Семейный архив Морозовых

В «Записных книжках» К.С. Станиславского читаем «настроения» к постановке «Трех сестер» А.П. Чехова, вынесенные режиссером из детства в «Любимовке»: «Звуки пилы, скрипки, шаги, чтение вполголоса... стук маятника... вой в трубе... открывают отдушник... Огонь в печи в гостиной... Пол трещит... Вдали тройка... Мышь скребет... Звон сторожа в церкви... Звук отворяющейся калитки... Шипение самовара... Собака в собачнике...»⁷⁴.

Для более старших детей в усадьбах устраивали гимнастические и крокетные площадки, «гигантские шаги», качели, кегельбаны и приобретали велосипеды. Количество уроков — а учебные занятия летом не прекращались — значительно сокращалось. «Боже мой, как трудно быть внимательным в диктанте или декламировать “с выражением” какое-нибудь длинное стихотворение, когда в окно видна “гимнастика”, и на ней Алеша проделывает всевозможные эволюции: качается на трапеции, притягивается на кольцах и кувыркается на воздухе, влезает на перекладину, балансируя ходит по ней и потом спускается на землю по шесту», — передавала свои детские впечатления В.Н. Харузина⁷⁵.

Среди столичных жителей невиданную популярность в начале XX в. приобрел «лаун-теннис», тем более что он считался развлечением изысканным, «для людей высшего света». «Будучи дорогим видом спорта, лаун-теннис стал достоянием более или менее имущего класса», — пи-

М.С. Морозова на теннисном корте в усадьбе «Горки». 1912 г. ГИМЗ «Горки Ленинские»

сали об этом виде спорта в журналах. Так, следуя моде, З.Г. Морозова-Рейнбот заказала для «Горок» ракетки и сетку за рубежом, корт был сооружен по всем правилам науки к 1912 г. В начале XX в. увлечение этой английской игрой приобрело характер эпидемии. В семье Бахрушиных, например, в теннис играли все, причем корт был изготовлен «домашними средствами». «Особенно было забавно наблюдать за моим дедом, игравшим всегда с большим азартом, и за моим отцом, не привыкшим к физическим упражнениям и потому принимавшим во время игры самые причудливые позы», — вспоминал Ю.А. Бахрушин, сын известного коллекционера⁷⁶.

В обстановке жизни «на пленэре», лишенной строгих формальностей, наблюдалось сближение разных поколений купеческих фамилий, в то время как в городе взрослые жили своими интересами и распорядком. Меняя форму поведения, отцы семейств вспоминали о своих увлечениях, принимали участие в играх и затеях юношества, пробовали себя в фотографии, живописи и архитектуре или наслаждались природой и пользовались ее дарами. Так, из гостеприимного «Абрамцева» И.Е. Репин писал в 1878 г.: «Развлечения наши следующие: катание по речке на пароме, игра в серсо, езда верхом, прогулки пешком, охота, верховая езда, собирание грибов и т.д. — словом, много»⁷⁷.

Расположение усадеб у реки или озера было традиционным для средней России. Вблизи помещичьего дома находился, как правило, живописный пруд, а то и несколько — на разных уровнях. Летние купальни у воды были утилитарны или изысканны — в зависимости от вкусов хозяев. Самые простые представляли собой деревянные крытые строения на сваях со спускающимися в воду ступеньками, где раскладывали мыло и простыни. Гигиенические процедуры завершало плавание. В рассказе «Крыжовник» А.П. Чехов тонко передал ощущения столичного жителя, освобождающегося от давящего груза городской жизни: «Иван Иванович... бросился в воду с шумом и поплыл под дождем, широко взмахивая руками, и от него шли волны, и на волнах качались белые лилии; он доплыл до самой середины плеса и нырнул, и через минуту показался на другом месте, и поплыл дальше, и все нырял, стараясь достать дна. «Ах, Боже мой... — повторял он наслаждаясь. — Ах, Боже мой...»»⁷⁸.

По желанию обитателей имений, купальни превращались в лодочные станции, пристани и даже сценические площадки. В «Любимовке» Алексеевых существовала традиция петь в купальне, а вернее на ней: ежедневно в пять часов вечера исполнители выстраивались в ряд на крыше и «запевали квартет». «Перед финальной нотой все они бросались с крыши в реку — вниз головой, ныряли, выплывали и кончали квартет высоченной нотой, — рассказывал К.С. Станиславский. — Тот, кто успевал первым закончить песнь, выигрывал»⁷⁹.

На рубеже веков в некоторых имениях крупной буржуазии купальни возводились по проектам зодчих. Их украшали drobные переплеты

стекло, витражи, колонны и балюстрады. В имении «Липовка» спроектированный в духе классицизма купальный павильон покоился на водной глади, «опираясь» на нее белым колонным портиком. В огромных зеркальных стеклах его окон отражались небо и вода пруда, по которому плавали лебеди.

Водные прогулки, отдых на воде, рыбная ловля были важными составляющими усадебной жизни. В 1849 г. С.Т. Аксаков написал книгу, которой зачитывались и руководствовались горожане, — «Записки об ужении рыбы», где утверждал, что чувство природы является врожденным, и даже «самые черствые люди» не останутся равнодушными к ее красоте: «Деревня, мир, тишина, спокойствие! Безыскусственность жизни, простота отношений! Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же бежать от неутомной, внешней деятельности, мелочных своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений! На зеленом цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера ...улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды!»⁸⁰.

С удочками и другими принадлежностями обитатели усадеб часами просиживали в укромных зарослях на берегах прудов, на плотинах в ожидании поклевки. А вечером за чаем — бесконечные «рыболовные разговоры», во время которых разбираются достоинства удилиц, грузил, «наплавков». В усадьбе ужением рыбы занимались все, внося в это занятие индивидуальные черты. Освобожденные от присмотра «бонн», дети с увлечением таскали пескарей и ершей на мелководье. Их воспитательницы и сами были не прочь посидеть с удилицем где-нибудь в тихом уголке.

Заядлые рыболовы ходили удить только на заранее подготовленные места, где рыба должна была «непременно» хорошо клевать. Изнеженные дамы выходили на рыбалку в сопровождении прислуги, выносившей на берег курортное кресло, удилица, сачки и прочее, а затем насаживающей червяков на крючок и снимающей пойманную рыбу. Однако бывали и исключения. Владелица усадьбы «Тимофеевка» А.А. Четверикова отлично владела спиннингом, а рыбачила не только на протекающей рядом Клязьме, но и на голубом озере Сенеж и чистых ледниковых Медвежьих озерах.

Так же как и во время рыбной ловли, чувство слияния с природой возникало во время охоты, в которой участвовали не только мужчины. Но, как заметил тот же С.Т. Аксаков: «Оттенки охотников весьма разнообразны, как и сама природа человеческая»⁸¹. Ружейная охота требовала терпения и выдержки, знания повадок дичи и недюжинной выносливости. В Московской губернии «добычливой» считалась охота на тетеревов, куропаток, рябчиков, вальдшнепов, уток. Любители охоты в имениях бывали не только летом, но и отправлялись туда на «зимний

После рыбалки в имении
Д.И. Четверикова
«Тимофеевка». Начало XX в.
Семейный архив
Четвериковых

спорт». Таким спортсменом был почтенный родитель П.А. Бурышкина, о котором летописец московского купечества сообщал, что он был страстный охотник и хороший стрелок и постоянно жил в «Поворовке», охотясь на зайцев, лисицу или ездил «на ток» или «на тягу»⁸².

Чтобы разобраться в терминологии, откроем «Записки охотника» Тургенева: «Может быть, не все мои читатели знают, что такое тяга. Слушайте же, господа. За четверть часа до захождения солнца, весной вы входите в рощу с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, оглядываетесь, осматриваете пистон, перемигиваетесь с товарищем. Солнце село, но в лесу еще светло... Сердце ваше томится ожиданием, и вдруг — но одни охотники поймут меня, — вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл — и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу»⁸³.

Подстрелить вальдшнепа, так называли мелкого кулика, можно было только ранней весной, когда в лесах было много влаги. Поэтому

На охоте в окрестностях имения Д.И. Четверикова «Тимофеевка». Начало XX в Семейный архив Четвериковых

настоящие охотники ради «тяги» готовы были на многое, как, например, совладелец Городищенской мануфактуры Д.И. Четвериков. В день свадьбы он с молодой супругой, прибыв в свое имение «Тимофеевку», немедленно отправился на вальдшнепиную охоту. Прошло немало времени, прежде чем новобрачные в смазных сапогах и кожаных куртках, забрызганных грязью, но с хорошей добычей, вернулись в усадьбу и сели за свадебный стол.

В окрестностях Москвы была популярна «стрельба» зайцев и барсук. В ней могли участвовать даже начинающие охотники, которым надо было освободиться от страха «дать пуделя», т.е. промахнуться. «В «Дугине» был культ охоты, — рассказывал об имении Мещериных в Подольском уезде И.Э. Грабарь. — Сюда постоянно под праздник приезжали приятели хозяев поохотиться: ели, пили, уезжали на охоту; вернувшись домой, опять ели, пили, сражались в промежутках в картишки»⁸⁴.

Чтобы отправиться «на волка», собирались компанией: в какой-то из осенних или зимних дней приезжал в усадьбу хозяин с приятелями. Весь дом тут же озарялся фонарями и свечами. Прислуга сбивалась с ног, сначала размещая прибывших, а потом — их лошадей и собак. На ранней заре

все уезжали в леса и поля, чтобы вернуться в сумерки с раскрасневшимися от ледяного ветра лицами. В людном доме за обильно накрытым столом, в расстегнутых поддевах, охотники шумно ели, обсуждая впечатления дня над распластанным тут же среди залы матерым серым зверем.

В начале XX в. в среде московских бизнесменов, легко принимающих чужие образцы, появились поклонники парфорсной охоты, широко распространенной в Англии. Загоревшись идеей ее устройства у себя в имении, А.А. Руперти выписал из Туманного Альбиона 30 пойнтеров и специалиста для их натаски. Осенью, когда на полях в «Липовке» убирали хлеб, начиналась подготовка пробега для охоты: метили след для собак, ограничивали поля, устанавливали неожиданные препятствия, завозили в конюшни верховых лошадей из других имений. В назначенный день весь семейный клан Руперти, Марков и Вогау начинал принимать гостей-участников. Мужчины прибывали в красных фраках, белых рейтузах и черных бархатных кепи. Женщины участвовали в охоте, облаченные в костюмы амазонок. Было немало и зрителей.

Когда все было готово, раздавался сигнальный рожок. Собак спускали с привязи — и они неслись по следу. За ними — верховые. Вел охоту сам Руперти. Часа два длилось это преследование, которое заканчивалось, когда собаки настигали лисицу. После охоты для обеда столы накрывали в липовой аллее.

О прелести дачного стола следует сказать особо. У москвичей было принято, чтобы на свежем воздухе на крытой веранде или около дома постоянно все было подготовлено для чая. Очарование этого обычая, свойственного жизни на природе, вспоминалось многими дачниками. И.Э. Грабарь, например, оказавшись в имении «Дугино» Мещериных, вспоминал: «Для утреннего чая стол с самоваром накрывался в примыкавшей к дому аллее из молодых лип. На ближнем конце длинного, накрытого скатертью стола стоял пузатый медный самовар в окружении стаканов, чашек, вазочек с вареньем и всякой снедью. Посередине стола всегда ставился сезонный букет. Сейчас, в конце мая, стояла ваза с васильками. Весь стол был залит солнечными зайчиками, игравшими на самоваре, посуде, скатерти, цветах и песочной дорожке аллеи. Это было так чудесно, что я взял большой холст и начал писать “Утренний чай” — картину, находящуюся сейчас в Национальной галерее в Риме и бывшую на всех больших международных выставках в Европе»⁸⁵.

Живя у Мещериных, Грабарь создал целую серию изумительных натюрмортов, над которыми работал «с особенной любовью». Он вложил «всю энергию лета» в прелестные работы, среди них «Вечерний чай», «Цветы и фрукты на рояле», «Банка с вареньем и яблоки», «Сирень и незабудки», «Хризантемы», «Дельфиниум», «Неприбранный стол», «Груши на синей скатерти» и другие, которые кроме эстетических переживаний несут в себе большое количество мельчайших деталей той безмятежной жизни, которой предавались за городом.

Во второй половине XIX — начале XX в. «охотниками» называли людей увлеченных, имеющих необычно сильную склонность к чему-либо. В ряду «охот человеческих» находился сбор грибов, которым занимались летом обитатели подмосковных имений. Некоторым из них вовсе не было необходимости покидать свои угодья, чтобы примечать грибы, а затем, когда они достигнут своего развития, срывать их.

Проживая летом в усадьбе, горожане не отказывали себе в удовольствии перекусить где-нибудь вне дома, в живописном уголке природы. В то время еда на свежем воздухе вместе с прогулкой называлась «пить чай». Решив попить чайку на природе, большое семейство заблаговременно отправляло на берег реки или в рощу телегу с поклажей: в плетеных корзинах ехали холодные закуски, овощи, напитки. Любители комфорта посылали на место отдыха столы, складную мебель, пледы, садовые зонты. Центральное место на повозке занимал медный самовар. Иногда груз несли на носилках, за которыми тянулись домочадцы с корзинками, наполненными снедью.

Путешествие на лодках было не менее увлекательным. В имениях, расположенных недалеко от «Любимовки», соседи и родственники Алексеевых и Сапожниковых ездили на лодках по Клязьме на театральные постановки. В «Абрамцево» устраивали завтраки на плоту. Заблаговременно плот устилали коврами, расставляли легкие табуретки, прислуга загружала на него картонки с провизией, корзины с посудой, пакеты и коробки. Дети и взрослые располагались на плоту. Под шумные веселые возгласы мужчины отталкивались от берега баграми, и компания выплывала на середину озера. Звучали итальянские арии, кто-то спорил, дамы доставали провизию, дети с радостью участвовали в этой суматохе. «Закусили, поспорили, запели хором — это ли не приволье!» — восклицала участница такого застолья⁸⁶.

В семьях предпринимателей было принято уезжать в свои имения под Новый год или под Рождество. Катание в санях, зимние игры и гулянья заполняли их дни, а вечерами — тихий отдых, неторопливая беседа, игра в карты или лото. Артистические натуры готовили к рождественским праздникам необычные программы. В своем дневнике В.Н. Третьякова 4 января 1881 г. сделала запись о том, как она прекрасно провела время у своей сестры З.Н. Якунчиковой: «Устроили пикник у Якунчиковых в “Черемушках” на тройках. Там устроил Василий Иванович горку для катания. Смеху, валянию не было конца. Устроены карусели очень опасные. Прекрасное катание было на санях по парку: то и дело вываливались мы в глубокий снег, и при большом смехе приходилось вставать из него... После обеда ходили гулять при лунном свете по парку, чуть ли не целиком в снегу, со своими кавалерами... Было интересно и ново. Такие впечатления!»⁸⁷.

Экскурсии и поездки совершали внутри своего имения, но чаще — отправлялись осматривать близлежащие. Причем традиция эта была

Елка в доме А.И. Морозова в Глухове. 1910-е гг. Семейный архив Морозовых

стойкая и свойственная как хозяевам, так и гостям подмосковных имений, воспринимающим свое пребывание за городом, как занимательное путешествие во времени. Осмотр старинных дворянских усадеб, покинутых аристократами дворцов, прогулки по паркам подмосковных резиденций составляли одно из летних удовольствий. Экскурсанты посещали «Архангельское» Юсуповых, «Петровское» и «Никольское-Урюпино» Голицыных, «Кусково» Шереметевых, принадлежащее императорской семье «Ильинское», а иногда уезжали в более дальние путешествия в усадьбы друзей. «Мифология» дворянской усадьбы была притягательна для демократических слоев общества.

«“Большой дом” — как я любила его! Сколько он мне давал радости, сколько эстетических переживаний, дивно живших в душе», — вспоминала одна из посетительниц усадьбы «Архангельское»⁸⁸. Московский купец, имевший обыкновение вести дневник, вернувшись из поездки, записал: «Пили чай в роще села Кускова и в его знаменитом саду гуляли

Т.Д. Четверикова на лыжной прогулке в имении «Тимофеевка». Начало XX в. Семейный архив Четвериковых

с наслаждением, бегали по густому лабиринту аллей, разбирали надписи на изящных по работе бюстах и статуях, любовались на рыбок в пруду и заглядывали в окна дома»⁸⁹.

На экскурсии по близлежащим усадьбам отправлялись в летнее время и в сопровождении гостей семьи Бахрушиных, Четвериковых, Боткиных, Мамонтовых и многих других. Е.Д. Поленова в одном из писем сообщала: «Собираться с целью рисовать — это уже немного приелось и стало вообще общеупотребительным, а общее дело вместе с тем вещь крайне приятная. Вот мы что придумали. Собрались мы компанией и решили в нынешнем году ознакомиться с историческими и архитектурными памятниками Москвы»⁹⁰.

В имениях рубежа XIX—XX вв. складывался новый художественный мир, традиции и обычаи, что было вообще свойственно усадебной культуре. «Роль мецената и коллекционера перешла в руки торгово-промышленного класса — с его ростом и накоплением богатства», — замечал об этом времени художник Яков Минченков, утверждавший, что именно

В.А. Морозова на прогулке в парке имения «Одинцово-Архангельское» Подольского уезда. Начало XX в. Семейный архив Морозовых

купечество, понимавшее картины русского быта и природы, поддержало творчество передвижников, а московские коллекционеры дали жизнь многим направлениям в искусстве⁹¹.

Хорошо известна деятельность владельцев «Абрамцева» по возрождению русского национального творчества в усадебной кустарной мастерской. Художники, гостившие у Мамонтовых, составили целую плеяду замечательных мастеров, творчество которых оказало огромное влияние на все русское искусство. И таких очагов художественной культуры было немало. Имение «Дугино» наследников В.Е. Мещерина стало творческой мастерской русских пленэристов. «Сушнево» А.Т. Карповой оказалось миром, где царил атмосфера интеллектуального и художественного взаимодействия. К видному историку и археографу Г.Ф. Карпову навдывались члены многочисленных научных обществ, комиссий, преподаватели Московского университета. А то, что одну из дач у Карповых снимал В.О. Ключевский, добавляло этой усадьбе еще больше притягательности для молодых ученых и деятелей русской культуры.

В небольшом флигельке при ремесленном училище в другом имении Карповой, «Филатово», любил работать В.Д. Поленов. В «Покровском-Рубцове» З.Г. Морозовой писали этюды кроме Левитана и Серова и некоторые другие художники. В 1903 г. там гостил Чехов. Начав собирать собственную коллекцию русской живописи, Морозова приобретала работы начинающих художников, например П.П. Гославского, способствуя становлению их таланта. Коллекционирование и увлечение творчеством, процветающие в купеческой усадьбе, сопровождались созданием нового «высшего света», где взаимодействовали люди разного круга, объединенные любовью к искусству.

К началу XX в. сельская усадьба московских предпринимателей стала заметным явлением русской жизни. Бывшие дачники и экскурсанты обрели собственные имения, чтобы возродить в них полюбившиеся им образы прошлого. А.А. Бахрушин, купив в 1913 г. усадьбу «Афинеево» в Верейском уезде и переименовав ее в «Верино» в честь своей жены, стал обладателем старинного «ампирного» дома и роскошного парка. Сохранилось шуточное описание этого имения, сделанное старым приятелем Бахрушина – В.К. Трутовским, где отразились и реформаторство хозяйственного владельца, и внутренний уклад его усадьбы, находящейся более в новом, чем в старом времени: «“Верино” – удельное владение ее превосходительства Веры Васильевны Бахрушиной. Находится в Российской империи в пределах бывшего великого княжества Московского и княжества Верейского... Особенно богато лесами, но есть поля и луга. Орошается рекою Десною, Красная Пахра тож... Река, пруды и озера богаты рыбой и лягушками, причем река лодкоходна и приводит в движение мельницу, крупорушку и таран, в свою очередь, снабжающий водою замок... В лесах много дичи, грибов и мухоморов. Изобилует птицами дикими и домашними, как, например: воробьи, голуби, вороны, куропатки, тетерки, гуси, утки, куры, индюшки, жаворонки и т.д. Есть лесоводство, сельское хозяйство, рыболовство, молочное хозяйство, скотоводство, птицеводство, свиноводство и особенно развито цветоводство. Впрочем, ввоз превышает вывоз... Соединено телефоном со столицей Российского государства...

Замок расположен на высоком берегу реки Десны в очень красивом парке. Построен в конце прошлого столетия, причем, видимо, снаружи строил один зодчий в стиле “вампир”, а внутри другой – в классическо-восточно-романско-готическо-вдохновенном стиле... Так как в семье процветают науки, искусства и литературы, то теперь он убран очень хорошо... Парк очень красив, вьется по берегу реки. Имеет чудные пункты: Стинин вздох, Кирин мост, Камергерскую аллею, источник почти целебной воды и в будущем будет иметь много новых, красивых и изящных точек... В общем, райский уголок для ищущих мира, тишины, спокойствия и любви к ближнему...»⁹²

В этом описании отразился уклад имения, которое очень быстро из «дачи» стало трансформироваться в «усадьбу», наследуя семантику дворянских поместий.

Органичное вхождение в мир русской усадебной культуры оказалось нетрудным для московской буржуазии, которая осознала свою «цивилизующую» миссию, с готовностью приняла на себя меценатскую деятельность и имела крепкие национальные корни. Отечественные предприниматели выступили творцами новых культурных ценностей в сельской усадьбе, совместив экономическую и духовную составляющие и продолжив традиции дворянской усадьбы, которые на новой социальной почве приобрели своеобразные черты, приближающие русское общество к единому культурному пространству.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

¹ *Лотман Ю.М.* Художественный ансамбль как бытовое пространство // Избранные статьи. Т. 3. Таллин, 1993. С. 316–320; *Стернин Г.Ю.* Об изучении культурного наследия русской усадьбы // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 2(18). М., 1996. С. 10–14; *Кириченко Е.И.* Русская усадьба в контексте культуры и зодчества второй половины XVIII в. // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 1(17). М.; Рыбинск, 1994. С. 52–60; *Каждан Т.П.* К вопросу об изучении русской усадьбы второй половины XIX – начала XX в. // Там же. С. 61–67; *Евангулова О.С.* Изображение и слово в художественной культуре русской усадьбы // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 2(18). М., 1996. С. 42–50; *Марасинова Е.Н., Каждан Т.П.* Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX в. Общественно-культурная среда. Т. 1. М., 1998. С. 265–377.

² *Иванова Л.В.* К читателю // Мир русской усадьбы. М., 1995. С. 3.

³ *Турчин В.С.* Усадьба и судьба классицизма в России // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 1(17). М.; Рыбинск, 1994. С. 23.

⁴ *Шамурин Ю.И.* Подмосковные. Кн. 2. Вып. 9. М., 1914. С. 57.

⁵ *Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. М., 1983. С. 11.

⁶ *Стернин Г.Ю.* Усадьба в поэтике русской культуры // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 1(17). М.; Рыбинск, 1994. С. 51.

⁷ *Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1987. С. 241–244.

⁸ Цит. по: *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова: хроника семьи художников. М., 1964. С. 389–390.

⁹ *Кулешов С.* Усадьбы-фермы // Зодчий. 1879. № 4. С. 53–55.

¹⁰ *Шербаков С.Е.* Переносные постройки, их производство и применение // Зодчий. 1896. № 3. С. 17–22, 25–30.

¹¹ Огнестойкий поселок на Всероссийской выставке // Зодчий. 1896. № 7. С. 62–64.

¹² *Кузнецов А.* Загородный дом г. Чернова // Зодчий. 1889. № 11, 12. С. 88–89.

¹³ *Толстов Ю.Г.* Вокзал на Зацепе // Московский архив. М., 2002. С. 120.

¹⁴ Сведения о природно-ландшафтных композициях дачных построек на территории усадьбы «Горки» имеются в «Проекте восстановления парков на территории дач № 1 и 2», составленном Паркоустроительной экспедицией Центрального лесоустроительного предприятия Всесоюзного объединения «Леспроект» в 1991 г., находящегося в научном архиве Природно-исторического заповедника спецлесхоза «Горки». Автор выражает признательность научному сотруднику ПИЗС «Горки» и краеведу А.Г. Антоновой за научно-консультатив-

ную помощь в подготовке этой части работы, а также за предоставление материалов своего личного архива.

¹⁵ Это хорошо видно на плане здания, который, к счастью, сохранился в фонде ГИМЗ «Горки Ленинские» вместе с планами других дачных построек. Чертежи были выполнены в 1924 г. проектной мастерской ВЦИК в связи с организацией на данной территории сельхоза ВЦИК «Горки».

¹⁶ Населенные местности Московской губернии. Приложение к «Памятной книжке Московской губернии» на 1912 год. М., 1911. С. 379.

¹⁷ *Шмор В.* В борьбе за искусство // Зодчий. 1900. № 3. С. 32.

¹⁸ *Нащокина М.В.* К интерпретации образной структуры усадьбы «Грачевка» // Русская усадьба. Вып. 2(18). М., 1996. С. 159–171.

¹⁹ Впервые на это обратил внимание М.С. Дроздов. См. также: *Кириченко Е.И.* Усадьба и город: черты усадеб второй половины XVIII – середины XIX в. в российском городе середины XIX – начала XX столетия // Архитектура русской усадьбы. М., 1998. С. 261.

²⁰ Памятники архитектуры Московской области. Вып. 1. М., 1999. С. 220–225.

²¹ ЦГАМО. Ф. 4997. Т. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 91.

²² *Фет А.А.* Из деревни // Жизнь Степановки, или лирическое хозяйство. М., 2001. С. 321–322.

²³ *Думова Н.Г.* Московские меценаты. М., 1992; *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; *Ногтева М.В.* Знаменское-Губайлово // Мир русской усадьбы: очерки. М., 1995. С. 96–112; *Каждан Т.П.* Художественный мир русской усадьбы. М., 1997; *Гавлин М.Л.* Меценатство в России. М., 1994; *Он же.* Из истории российского предпринимательства: Династия Боткиных. М., 1999; *Он же.* Из истории российского предпринимательства: Династия фон-Мекк. М., 2000; *Нащокина М.В.* Московская «Голубая роза» и крымский «Новый Кучук-Кой» // Русская усадьба. М., 1999. № 5(21). С. 129–154; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914 гг. М., 1999; *Пастон Э.В.* Абрамцево: Искусство и жизнь. М., 2003.; *Румянцева Л.* Елизавета Григорьевна Мамонтова // Отчина. Абрамцево, 2002. С. 36–39; *Савельева Л.И.* «Усадьбная Одиссея» А.П. Чехова // Московский журнал. 2004. № 4. С. 22–30.

²⁴ *Арзуманова О.И.* Музей-заповедник «Абрамцево». М., 1984; *Стернин Г.Ю.* Абрамцево: от «усадьбы» к «даче» // Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX в. М., 1984. С. 184–208; *Пастон Э.В.* М.В. Прахов в Абрамцево // Типология русского реализма второй половины XIX в. М., 1990. С. 151–181; *Арзуманова О.И.* К вопросу о становлении Абрамцевской керамической мастерской // Абрамцево: материалы и исследования. Вып. 4. Абрамцево, 1991. С. 13–15; *Арзуманова О.И., Любартович В.А., Нащокина М.В.* Керамика Абрамцева в собрании Московского государственного университета инженерной экологии. М., 2000, и др.

²⁵ *Ремез О.* Голоса «Любимовки». М., 1980.

²⁶ См.: Знаменское-Губайлово // Среди коллекционеров: ежемесячник искусства и художественной старины. Искусство русской усадьбы. 1924. № 7, 8. С. 53–54; *Мочульский Е.Н.* Красногорская земля. М., 1991. С. 23–29; *Ногтева М.В.* Красногорские пенаты // Мир русской усадьбы. М., 1995. С. 103–111.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 764. Оп. 3. Д. 3. Л. 44.

²⁸ *Фет А.А.* Жизнь Степановки... М., 2001. С. 322.

²⁹ *Василич Г.* Москва 1850–1910 гг. // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. XI. М., 1912. С. 22.

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 133. Л. 105; Там же. Л. 64; Там же. Д. 338. Л. 47–48.

- ³¹ ОПИ ГИМ. Ф 122. Оп. 1. Д. 133. Л. 98.
- ³² Селиванов В.В. Сочинения Василия Васильевича Селиванова: год русско-го земледельца. Т. 2. Владимир, 1902. С. 5.
- ³³ Харузина В.Н. Прошлое. М., 1999. С. 270.
- ³⁴ Поленова Н.В. Абрамцево. Воспоминания. М., 1922. С. 30.
- ³⁵ Там же. С. 30, 35.
- ³⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 759. Д. 369.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 102. Л. 143.
- ³⁸ ЦИАМ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 400. Л. 2–2 об.
- ³⁹ Там же. Ф. 311. Оп. 1. Д. 2866. Л. 1–11.
- ⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 47. Л. 47 об.
- ⁴¹ Четвериков С.И. Невозвратное прошлое. М., 2001. С. 23–24.
- ⁴² Поленова Н.В. Указ. соч. С. 99.
- ⁴³ РГАЛИ. Ф. 837. Оп. 2. Д. 104. Л. 91–93.
- ⁴⁴ Сведения об имении Желудковых «Турейка» были предоставлены А.С. Давыдовым.
- ⁴⁵ Поленова Н.В. Указ. соч. С. 98.
- ⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2452. Л. 239 об.
- ⁴⁷ Хозяин. 1886. № 1. С. 9–10.
- ⁴⁸ О мерах по улучшению найма сельских рабочих // Сельский хозяин. 1886. № 20. С. 450.
- ⁴⁹ Добровейн М.А. На рубеже двух эпох. М., 2001. С. 87.
- ⁵⁰ Тихомиров М.Н. Детские годы. Москва и Подмосковье // Московский архив: историко-краеведческий альманах. М., 1996. С. 482–484.
- ⁵¹ Зилоти В.П. В доме Третьякова. М., 1998. С. 97.
- ⁵² Добровейн М.А. Указ. соч. С. 69–70.
- ⁵³ Щербатов С.А. Художник в ушедшей России. М., 2000. С. 64–65.
- ⁵⁴ Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М., 1994. С. 108–109.
- ⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 764. Оп. 3. Д. 3. Л. 34.
- ⁵⁶ Бурыйшкін П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 218.
- ⁵⁷ ОР ГБЛ. Ф. 171. К. 20. Ед. хр. 4. Л. 1–4.
- ⁵⁸ Добровейн М.А. Указ. соч. С. 60–66.
- ⁵⁹ Бахрушин Ю.А. Указ. соч. С. 519–520.
- ⁶⁰ Рябушинский В.П. Купечество московское // Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994. С. 156.
- ⁶¹ Виноградов С.А. Прежняя Москва. Рига, 2001. С. 140.
- ⁶² Из воспоминаний В.Д. Поленова // Сахарова Е.В. В.Д. Поленов: письма. М., 1964. С. 442.
- ⁶³ Мамонтов В.С. Воспоминания // Пастон Э.В. Абрамцево: Искусство и жизнь. С. 110.
- ⁶⁴ Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево» (МА). № КП-19. Рук. 26. С. 12.
- ⁶⁵ Там же. С. 101.
- ⁶⁶ Станиславский К.М. Моя жизнь в искусстве. М., 1983. С. 30–31.
- ⁶⁷ Там же. С. 77–78.
- ⁶⁸ Грабарь И.Э. Моя жизнь. М., 2001. С. 141.
- ⁶⁹ Бахрушин Ю.А. Указ. соч. С. 106–107.
- ⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 764. Оп. 3. Д. 3. Л. 34.
- ⁷¹ ФМЛ ГИМ. Дело № КП-95925. С. 2–16.
- ⁷² ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 663. Л. 32–33.
- ⁷³ Давыдов Н.В. Из прошлого. М., 1913. С. 376.

- ⁷⁴ *Станиславский К.С.* Из записных книжек. Т. 1. М., 1986. С. 149–153.
- ⁷⁵ *Харузина В.Н.* Указ. соч. С. 307.
- ⁷⁶ *Бахрушин Ю.А.* Указ. соч. С. 243.
- ⁷⁷ *Репин И.Е.* Письмо В.В. Стасову // *Пастон Э.В.* Абрамцево: Искусство и жизнь. С. 65.
- ⁷⁸ *Чехов А.П.* Крыжовник // *Избранное.* Л., 1982. С. 480.
- ⁷⁹ *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. С. 42.
- ⁸⁰ *Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1909. Ст. 985.
- ⁸¹ Там же. Ст. 1144.
- ⁸² *Бурыйшкін П.А.* Указ. соч. С. 218.
- ⁸³ *Тургенев И.С.* Ермолай и мельничиха // *Записки охотника.* М., 1979. С. 17.
- ⁸⁴ *Грaбарь И.Э.* Указ. соч. С. 183.
- ⁸⁵ Там же. С. 196.
- ⁸⁶ *Серова В.С.* Как рос мой сын. Л., 1968. С. 11.
- ⁸⁷ ОР ГТГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5288. Л. 17 об.
- ⁸⁸ *Харузина В.Н.* Указ. соч. С. 291.
- ⁸⁹ Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. Вып. 2. М., 2000. С. 24.
- ⁹⁰ *Сахарова Е.В.* Указ. соч. С. 375.
- ⁹¹ *Минченков Я.Д.* Воспоминания о передвижниках. М., 1959. С. 288–289.
- ⁹² ГЦТМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 458.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К началу XX в. сельские усадьбы отечественных предпринимателей стали заметным явлением русской жизни. Восприняв эстетические и духовные ценности эпохи «дворянских гнезд», достигнув определенного образовательного и культурного уровня, деловая элита создала новую усадебную культуру, эволюция которой была прервана социальными катаклизмами.

После 1861 г. в аграрном секторе России происходили процессы перераспределения дворянской земельной собственности на фоне складывания рыночных отношений и складывания всесословного земельного рынка, и в этих процессах существенную роль играл землевладелец новой формации, вышедший из торгово-промышленной среды. В Московской губернии поземельные отношения носили специфический характер, что объяснялось исключительной ролью Москвы как центра всероссийской промышленной, торговой и финансовой деятельности.

Московская буржуазия представляла собой влиятельную часть отечественного предпринимательского класса. Сконцентрировав в своих руках значительные капиталы, она инвестировала их в ценные бумаги, городскую недвижимость и сельское землевладение. Ее роль как покупателя на земельном рынке Московской губернии была значительной, а в ряде уездов — преобладающей. Покупка сельских имений московскими предпринимателями кроме цели вложения денежных средств в недвижимость имела под собой и другие мотивы, детерминированные экономическими, культурными и духовными потребностями этой купеческо-мещанско-крестьянской по своему происхождению социальной группы.

Как показал комплексный анализ документов по истории частного землевладения и их персонифицированное исследование, в каждый временной период причины «оземеливания» московской буржуазии были различными. Мотивация деловой элиты зависела от состояния земельного рынка, действовавшего законодательства, а также от личностных потребностей и духовных стремлений собственника. От вложения капитала в ненаселенные имения «новые помещики» переходили к созда-

нию рациональных земельных владений, где разворачивали сельскохозяйственные или лесные производства, отделяли часть имений под дачные поселки городского типа с высокой степенью благоустройства. В сельских имениях московской буржуазии прослеживалась тенденция к повышению доходности земли не за счет землепашества, а за счет развития тех отраслей, которые были наиболее рентабельны в условиях складывающегося капиталистического рынка.

Деловая Москва вкладывала в развитие сельских имений и усадеб денежные средства, полученные из других источников своей торгово-промышленной и банковской деятельности: доходы от паев и акций; капиталы, полученные по завещанию. Свободная от сословных предрассудков, свойственных помещикам дореформенного времени, московская буржуазия видела в сельском землевладении новый, еще никем не пройденный путь предпринимательства в деревне и проявляла себя в этой сфере хозяйствования чрезвычайно разнообразно.

К концу XIX в. в окрестностях Москвы стали складываться определенные типы имений с усадьбами, владельцы которых сочетали коммерческий расчет с культурной, просветительской и благотворительной деятельностью цивилизованного хозяина. Процесс развития «поздней» усадьбы не завершился, однако на рубеже XIX–XX вв. ее культуру в Центрально-промышленном регионе отчетливо определяли восемь основных типов: усадьба — «дворянское гнездо»; «сельскохозяйственная экономика»; «лесная дача»; «усадьба мецената»; усадьба — «научная лаборатория»; «усадьба-дача»; «усадьба — обитель милосердия и благотворительности»; усадьба с фабрикой.

Имения московской буржуазии сильно отличались между собой по методам организации в них хозяйства, доле наемного труда, степени распространения в них аренды и другим экономическим показателям. Каждое представляло собой фактически самостоятельную систему, где на постановку дела значительно влияла личность владельца и материальное обеспечение имения. В Московской губернии, где землевладение предпринимателей было особенно распространено и имело тенденцию перехода от среднего к крупному, оно оказывало существенное влияние на повышение культурного и образовательного уровня сельского населения. Имения московской буржуазии являли собой пример перевода помещичьего хозяйства на капиталистические рельсы и внедрения в аграрную сферу европейских технических новшеств и новой культуры землепользования. Усадьба оказывалась административным и культурным центром сельской провинции, играя в ряде случаев важную градообразующую роль.

Вопреки устойчивому представлению, рожденному литературой конца XIX — начала XX в., владельцы старинных помещичьих имений из предпринимательской среды не стали разрушителями «дворянских гнезд», а, наоборот, вкладывали средства в их восстановление, реконструкцию

и модернизацию. На месте полуразрушенных в пореформенные годы усадеб они строили новые, воплощающие достижения современного им общества. А вырубка «вишневых садов», представляющаяся современникам гибелью цивилизации, на деле оказывалась одним из мероприятий, необходимых для рациональной перепланировки усадебной территории и создания парковых ансамблей нового поколения.

Культура усадьбы московского предпринимателя синтезировала общие закономерности движения художественной культуры в целом, достижения дворянской усадебной культуры и особенности эстетического мировоззрения помещиков новой формации. Внешними проявлениями этого стало стремление новых владельцев усадеб следовать «аристократическому» образу жизни, строительство репрезентативных усадеб дворцового типа с обширными парковыми зонами. Но за помпезными фасадами и «крепостными» стенами готических замков и роскошных загородных резиденций господствовал своеобразный и подчас патриархальный уклад жизни купеческой семьи, где переплетались способность к восприятию новых явлений жизни, «музейное» видение мира, тяга к выполнению общественного долга и традиции, унаследованные от народного прошлого.

Владельцы имений, в своем большинстве, продолжали свойственную им на промышленных предприятиях политику благоустройства рабочих поселков и создания там культурной среды, совмещая эту деятельность с патронажем малоимущих и благотворительностью.

Благодаря московским предпринимателям культура русской усадьбы пережила новый подъем, выразившийся в расцвете русского усадебного зодчества, появлении новых направлений в искусстве и разных видах творчества. Сумев абсорбировать эстетические и духовные ценности дворянской усадьбы и достижения культуры современного ей общества, московская буржуазия создала новую усадебную культуру, способную развиваться в условиях капиталистической модернизации России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

**ДОВЕРЕННОСТЬ, ВЫДАННАЯ Г.Ф. КАРПОВЫМ
КРЕСТЬЯНИНУ А.В. ПОКОСАНОВУ НА УПРАВЛЕНИЕ
ЕГО ИМЕНИЕМ «БРЫКОВО» В ЗВЕНИГОРОДСКОМ
УЕЗДЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

с. Брыково

11 мая 1879 г.

Антон Васильевич!

Доверяю тебе заведовать нашим имением Московской губернии Звенигородского уезда при селе Брыкове и пустошах Букаревской и Кучах:

1. Охранять мой дом, все постройки в имении и все находящееся в них имущество.

2. Смотреть за сохранностью лесов; в случае же порубок, перерубов, а также потрав полей и травы и тому подобного, при правонарушениях обращаться за помощью к полицейским властям, жаловаться в мировые учреждения и в последних вести по этим делам судебные присутствия.

3. Нанимать лесников и рабочих для полевых работ и наблюдать, чтобы те и другие строго исполняли свои обязанности. Когда найдешь нужным увольнять, то можешь их рассчитывать.

4. Не позволяю тебе в имении, без особого моего распоряжения, рубить ни одного дерева, а также никого не допускать до осмотра этих лесов.

5. Охоту в лесах и пустошах никому не позволять, за исключением соседних помещиков гг. Киселева и Шиловского.

Дана сия доверенность крестьянину Рязанской губернии села Дубровичи Антону Васильевичу Покосанову.

Г.Ф. Карпов

ОПИ ГИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1. Л. 85–86.

Приложение 2

**ДОГОВОР АРЕНДЫ НА ПОЛЬЗОВАНИЕ УЧАСТКОМ
В ПРИНАДЛЕЖАЩЕМ ЧЛЕНАМ
СЕМЬИ РЯБУШИНСКИХ ИМЕНИИ «КУЧИНО»,
ЗАКЛЮЧЕННЫЙ МЕЖДУ
ПОТОМСТВЕННЫМ ПОЧЕТНЫМ ГРАЖДАНИНОМ
Д.П. РЯБУШИНСКИМ И ЕГО РОДСТВЕННИКАМИ**

29 декабря 1904 г.

Актовая бумага

Москва. Тысяча девятьсот четвертого года, декабря двадцать девятого, мы, потомственный почетный гражданин Дмитрий Павлович Рябушинский, с одной стороны, и потомственные почетные граждане Павел, Владимир, Сергей, Степан и Михаил Павловичи Рябушинские, несовершеннолетний Федор Павлович Рябушинский с согласия попечителя своего Павла Павловича Рябушинского; опека над потомственным почетным гражданином Николаем Павловичем Рябушинским в лице потомственных почетных граждан Павла и Владимира Павловичей Рябушинских, потомственная почетная гражданка Евфимия Павловна Носова, жена поручика Евгения Павловна Смирнова и несовершеннолетние Надежда и Александра Павловны Рябушинские с согласия попечителя своего Павла Павловича Рябушинского, с другой стороны, заключили настоящий договор аренды в следующем:

1. Я, Дмитрий Павлович Рябушинский, арендовал у вышеозначенных лиц в принадлежавшем нам совместном имении «Кучино» Московской губернии и уезда, Пехорской волости, 1-го стана, три десятины тысяча пятьсот кв. сажен земли согласно составленному на сей предмет плану, подписанному сторонами.

2. Срок аренды определен на десять лет, считая от вышеописанного числа. В случае продажи имения контракт считается недействительным, причем Дмитрию Павловичу Рябушинскому дается год сроку для сноса тех построек, которые увезти ему предоставлено.

3. За аренду земли Дмитрий Павлович Рябушинский уплачивает по 13 копеек за кв. сажень, за всю землю по 1130 рублей в год,

производя платежи за год вперед. Эта же арендная плата поступает сполна в счет общих доходов по имению, в коем Дмитрию Павловичу Рябушинскому принадлежит определенная часть по наследству после матери и по покупке от Елизаветы Карповой. В случае неплаты денег в срок за два года контракт по требованию владельцев может быть уничтожен.

4. На арендованном участке земли Дмитрию Павловичу Рябушинскому предоставляется право возводить жилые и нежилые постройки, механические и кузнечные мастерские и всякого рода приспособления для устройства воздухоплавательных машин и пользования ими; причем общее число рабочих во всех заведениях не должно быть свыше 200 человек. Арендатору предоставляется право пользоваться водою реки Пехорки, но застраивать реку и заграждать ее он права не имеет. Существующие дороги в имении остаются в общем пользовании. Владельцы имеют право делать прогулки по сданной в аренду земле, а равно пользоваться рекою в части, поступившей в аренду, для катания на лодках и рыбной ловли. При найме Дмитрием Павловичем Рябушинским рабочих им должно вменяться в обязанность не гулять по парку имения, не ходить вообще в имение за черту реки и не ловить рыбу в реке. Производить постройки на арендованном участке имеет право только Дмитрий Павлович Рябушинский.

5. Передавать сей арендный договор в другие руки Дмитрий Павлович Рябушинский сможет лишь с согласия всех собственников имения.

6. Дмитрию Павловичу Рябушинскому, по прекращению аренды, разрешается сломать и вывезти строения, возведенные им на арендуемом участке, но находящаяся на той же земле 2-этажная дача, низ каменный и верх деревянный (около 15 комнат), холостое одноэтажное каменное здание, бывшая баня остаются в собственности владельцев имения, и Дмитрий Павлович Рябушинский в праве производить лишь такие в них переделки, которые не уменьшают стоимости этих зданий; все же им прибавленное к этим зданиям при их перестройке остается собственностью владельцев имения. Остальные здания, по прекращении аренды, Дмитрий Павлович Рябушинский имеет право снести, а землю обязан выровнять.

7. Дмитрию Павловичу Рябушинскому предоставляется право отказать от аренды до срока.

8. Страховать все здание Дмитрий Павлович Рябушинский обязан за свой счет; в случае пожара страховое вознаграждение выдается ему, причем он обязан постройки, составляющие собственность владельцев, возобновить в прежнем виде или же страховое вознаграждение выдать владельцам, если на этот предмет состоится с ними соглашение.

9. Дмитрию Павловичу Рябушинскому предоставляется право обнести арендованный участок оградой, с тем чтобы ограда не препятствовала проходу и проезду через арендованный участок.

10. Дмитрий Павлович Рябушинский не имеет права на арендованном участке рубить деревья без согласия всех совладельцев имения.

11. Тех рабочих, которые позволяют себе производить беспорядки в имении, Дмитрий Павлович обязан увольнять.

12. Всякого рода налоги и повинности, которые будут причитаться с находящихся в пользовании Дмитрия Павловича Рябушинского построек и машин, а равно с его предприятия, оплачивает он – Дмитрий Павлович Рябушинский.

13. Подлинный договор, писанный на гербовой бумаге в 48 рублей, иметь вотчинникам, а копию – арендатору.

Подписи

ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 24. Д. 116. Л. 15–18.

Приложение 3

ПРОШЕНИЕ ПОТОМСТВЕННОЙ ПОЧЕТНОЙ ГРАЖДАНКИ Е.П. НОСОВОЙ В МОСКОВСКИЙ ЛЕСООХРАНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ В ПРИНАДЛЕЖАЩЕМ ЕЙ ИМЕНИИ ПРИ СЕЛЕ КУЧИНО РАСЧИСТКУ ЗЕМЛИ С ДАЛЬНЕЙШИМ УСТРОЙСТВОМ НА НЕЙ ДАЧНЫХ УЧАСТКОВ

12 октября 1910 г.

В Московский лесоохранный комитет лесовладелицы, потомственной почетной гражданки Евфимии Павловны Носовой

Прошение

Предполагая приступить к целесообразной эксплуатации доставшего мне по наследству имения, находящегося в Московском уезде Пехорской волости при селе Кучине и представляя план на это имение, просила бы Лесоохранный комитет разрешить мне: 1) расчистку 32,14 дес. земли, обозначенной на плане литерой «С», — для образования из нее усадебного места и 2) разбивку 38,19 дес., обозначенных на плане литерой «В», на 62 дачных участка.

К образованию дачных участков меня побуждает целый ряд благоприятных к тому обстоятельств: близость Нижегородской железной дороги (имение отстоит от станции «Кучино» в одной версте), сухая, высокая и песчаная почва, хвойный состав лесонасаждений, находящихся в возрасте от 80 до 100 лет, и, наконец, сильно развитая в окрестностях дачная жизнь. Эти благоприятные почвенные и географические условия дают мне надежду на скорую сдачу в аренду предполагаемых дачных участков и на извлечения наибольшей доходности из имения. Для удобства будущих дачников участок площадью в 13,78 дес., обозначенный на плане литерой «А», полагала бы оставить неприкосновенным в качестве парка, тем более что участок этот покрыт густым, преимущественно сосновым лесом, в возрасте тоже от 80 до 100 лет.

По моим предположениям, участок «С» должен обслуживать нужды будущих дачников; для снабжения дачников жизненными припасами мне хотелось бы вести на этом участке огородное, молочное, полевое и цветочное хозяйства, для чего потребуются предварительная сплошная раскорчевка местности.

К изложенному добавлю, что местность, где расположено мое имение, следует отнести к лесистым местностям. Оно окружено непосредственно лесами, принадлежащими гг. Рябушинским, Смирновой, Миловановой, а в 1–5 верстах расположены такие же лесные имения, принадлежащие гг. Рябушинским, Удельному ведомству, казне и другие, общая площадь которых более 5000 дес.

Таким образом, расчистка 32,14 дес. леса, о чем я имею честь просить Лесоохранительный комитет, едва ли может сколько-нибудь пагубно отразиться на общей лесистости края.

Евфимия Носова

ЦИАМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

Приложение 4

**ПЕРЕЧЕНЬ ЦВЕТОВ И РАСТЕНИЙ,
КОТОРЫЕ «САДОВОДСТВО З.Г. РЕЙНБОТ»
ПОСТАВЛЯЛО В МОСКОВСКИЕ МАГАЗИНЫ
В 1913–1917 гг., И ЦЕНЫ НА НИХ**

Не ранее 1913 г.

1. Бегония (3–5 руб.)
2. Цинерария (80 коп.)
3. Гортензия (25 коп. – 2 руб.)
4. Аспарагус (30 коп.)
5. Папоротник (50 коп.)
6. Сирень (5 руб.)
7. Розы (40 коп. – 5 руб.)
8. Прунус (10 руб.)
9. Пеларгония (2 руб. 50 коп.)
10. Кальцеолярия (75 коп.)
11. Гвоздика (5 коп.)
12. Резеда (16 коп.)
13. Гелиотроп (20 коп.)
14. Цикламен (1 руб. 50 коп.)
15. Орхидея (цена не указана)
16. Хризантема (50–75 коп.)
17. Астра (3 коп.)
18. Целозия (10 коп.)
19. Антиринум (3 коп.)

Приложение 5

**ПИСЬМО ПОТОМСТВЕННОМУ ПОЧЕТНОМУ
ГРАЖДАНИНУ Н.И. ГУЧКОВУ ОТ ПРИСЛУГИ
ИМЕНИЯ «ПОПОВКА»**

12 июня 1908 г.

Ваше превосходительство, Николай Иванович!

Обратите Ваше Божеское внимание на «Поповку», что Ваша верная прислуга в сильном находится прискорбии, в том, что Ваша милость соизволила уволить Андрея Матвеевича. При том поступил к нам новый управляющий, но он сейчас не может ничего сообразить, потому что много есть кляузов. Притом Михаил Иванович, драпировщик, хотя часто к нам наезжает, но ничего не может видеть.

Ваше превосходительство, соизвольте нас выслушать. Есть у нас при-зрительные (подозрительные. — *Е.С.*) люди: первый — плотник с братом и скотник. Когда плотник к нам поступил, он учил нас, как работать, и гово-рил, что надоть забастовать, чтобы нас не заставляли так работать, и гово-рил нам: давайте хоть побьем стекла в домах, но никто не согласился. Он говорил нам: «Когда я жил у Константина Ивановича, я подрядчика смес-тил. А здесь мне — дрянь устроить новые порядки». Когда мы его не послу-шали в этом, то он начал налегать на нас, но мы ничего не знаем, через чего и что делать. Сообщился он со скотником, а скотник — первый вор. Ведь он же прошлую осень зарезал ромашковскую корову, воровал у себя в име-нии сено и отруби. Про эти отруби дознались скотницы, да боялись доло-жить управляющему, но управляющий все-таки дознался и не стал ему до-верять поить коров. А теперь все пошло ему на руку по-старому.

Сам ничего не работает и спит до кех* хочется и никого не призна-ет, а ходит по двору и говорит: «Я старший вам!»

Остаемся довольные всем

Ваша прислуга по «Поповке»

ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 335. Л. 112–113.

---

* Так в документе.

Приложение 6

ПРОЕКТ ПОСАДОК В САДУ ИМЕНИЯ М.К. МОРОЗОВОЙ «МИХАЙЛОВСКОЕ», СОСТАВЛЕННЫЙ ГЛАВНЫМ САДОВНИКОМ БОТАНИЧЕСКОГО САДА ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Г.Г. ТРЕСПЕ

20 октября 1916 г.

1. Дом
2. Беседки
3. Газон, углубленный на $\frac{1}{4}$ арш.
4. Цветочные клумбы и рабатки
5. Розы штамбовые — 48 шт., соединенные гирляндами из клематиса, — 80 шт.
6. Группы центрифольных роз: всего 8 групп по 15 шт. — 120 шт.
7. Драцены или агавы — 12 шт.
8. «Музы Энзетты» — 4 шт.
9. Две группы кустарников: мох масляничный — 10 шт., и барбарис краснолиственный — 6 шт., с посадкой в непринужденном порядке многолетних цветов: дельфиниума, ирисов, флоксов
10. Две группы кустарников — дерен пестролистный — по 6 шт.
11. Дерен штамбовый пестролистный — 2 шт.
12. Сирень штамбовая Мадам Легран — 2 шт.
13. Ракитник альпийский — группа в 5 шт.
14. «Музы Энзетты» — 2 шт. — или канны
15. Гортензии воздушные штамбовые — 4 шт.
16. Сирень штамбовая разных сортов — 6 шт.
17. Четыре группы жасмина махрового — по 5 шт., окруженных жасмином Лемуана — по 5 шт.
18. Две группы кустарников: облепиха сибирская — 5 шт., жимолость альпийская — 5 шт., жасмин золотистый — 5 шт., и волжанки — 5 шт.
19. Акация плакучая — 1 шт.
20. Две группы березы разрезной — по 3 шт.

21. Две группы ольхи расщечнолистной — по 3 шт.
22. Ракитник альпийский — 3 шт.
23. Ель колючая сизая — 4 шт.
24. Каменистый участок на склоне откоса обсажен: азалия понтийская — 10 шт., рододендрон — 10 шт., можжевельник альпийский — 3 шт., леонтоподиум альпийский — 10 шт., примулы разные — 50 шт., арабис альпийский — 10 шт., флоксы стелющиеся — 10 шт., барвинок — 60 шт., ирис пумила — 10 шт., гвоздика альпийская — 20 шт., мак альпийский — 15 шт., саксифрага разная — 10 шт., астры альпийские — 10 шт., аквилегия разная — 10 шт., антенария — 10 шт., кампанулы — 10 шт., перастрем Биберит — 10 шт., додокатеон — 5 шт., гентианы разные — 10 шт., рамондия пиренейская и проч. — 5 шт.
25. Две группы сирени — по 6 шт., окруженные жасмином
26. Клен Шведлера краснолиственный — 2 шт.
27. Группы волжанки разных сортов — 15 шт.
28. Пихта бальзамическая — 3 шт.
29. Многолетние цветы: акониты — 3 шт., рудебекия — 6 шт., пионы — 6 шт., ирисы — 6 шт., хризантемы садовые — 6 шт., посаженные перед кустарниками вразброс маленькими группами по 3 шт.
30. Группа кустарников: сирень амурская — 5 шт., сирень венгерская — 5 шт., бузина золотистая — 5 шт., бузина серебристая — 5 шт., снежники канадские — 5 шт., рябина красная — 5 шт., мишмула американская — 5 шт., лапчатка желтоцветная — 10 шт.
31. Тополь пирамидальный — 3 шт.; группы кустарников и деревьев вдоль леса: черемуха маньчжурская — 5 шт., черемуха виргинская — 5 шт., мушмула американская — 10 шт., барбарис каролинский — 20 шт., барбарис обыкновенный — 20 шт., барбарис краснолиственный — 20 шт., дерен голубоватый — 20 шт., кизильник глянцевоый — 20 шт., кизильник широколиственный — 20 шт., айва обыкновенная — 10 шт., дрок красильный — 20 шт., туя западная — 20 шт., клен амурский — 10 шт., клен татарский — 10 шт., ольха белая — 5 шт., береза белая — 10 шт., боярышник красноплодный — 10 шт., жимолость разных сортов — 20 шт., ива желтоватистая — 10 шт., ива красноватистая — 10 шт., волжанка разных сортов — 30 шт.; перед кустарниками маленькими группами, по 2–3 шт., в непринужденном порядке многолетние цветы: акониты — 20 шт., рудебеккия — 30 шт., сережки — 20 шт., фокс разный — 50 шт., ирисы разные — 50 шт., пионы — 25 шт.
32. Ель американская белая — 4 шт.
33. Клен калифорнийский — 2 шт.
34. Ясень серебристый — 2 шт.
35. Акация плакучая — 4 шт.
36. Ива серебристая штамбовая — 10 шт.
37. Тополь пирамидный — 1 шт.
38. Группа вязов американских — 5 шт.

39. Группа вязов горных — 10 шт.
40. Группа рябины американской — 6 шт.
41. Две группы березы американской — 15 шт.
42. Две группы ясеня маньчжурского — 17 шт.
43. Группа кустарника боярышник Дуглаза — 17 шт.
44. Боярышник амурский штамбовой — 2 шт.
45. Две группы жасмина обыкновенного — по 5 шт., и волжанки обыкновенной — по 5 шт.
46. Две группы мушмулы обыкновенной — по 10 шт., и мох серебристый — по 10 шт.
47. Лапчатка желтоцветная — 12 шт.
48. Боярышник американский штамбовой — 2 шт.
49. Пихта сибирская — 3 шт.
50. Четыре группы сирени разных сортов — 30 шт., и жасмина гвоздично-махрового — 30 шт.
51. Две группы розы Царь Севера — по 10 шт.
52. Розы штамбовые высокие плакучие — 4 шт.
53. Две группы акации карликовой — по 6 шт.
54. Дрок красильный — 5 шт.
55. Рябина плакучая высокая — 5 шт.
56. Вишни махровые — 5 шт.
57. Яблони китайские с белыми цветами — 5 шт.
58. Яблони китайские с красными цветами — 5 шт.
59. Две группы дерен голубоватых — по 15 шт., и дерен пестролистный — по 15 шт.
60. Сирень штамбовая разная — 3 шт.
61. Липы венгерские серебристые — 4 шт.
62. Ясень плакучий — 1 шт.
63. Терновник колючий — 15 шт.
64. Многолетние цветы: пионы — 5 шт., флоксы — 5 шт., маки восточные — 5 шт., акониты — 5 шт., лилейник — 5 шт. Малыми непринужденными группами — по 2–3 шт.
65. Каштаны американские — 5 шт.
66. Клены краснолистные Шведлера — 2 шт.
67. Кедр сибирский — 2 шт.
68. Группа кустарников Рибес разных — 10 шт.
69. Группа: крушина ломкая — 10 шт., и кизильник — 10 шт.
70. Орех американский — 2 шт.
71. Орех обыкновенный кустовой — 3 шт.
72. Группа жасмина золотистого — 10 шт., и жасмина Лемуана — 10 шт.
73. Две группы волжанки разной — по 10 шт.
74. Группа жасмина крупноцветного — 10 шт., и волжанки разных сортов — 10 шт.

75. Боярышник американский – 2 шт.
76. Дерен пестролистный штамбовой – 8 шт.
77. Тополь серебристый – 2 шт.
78. Рододендроны разных сортов – 5 шт.
79. Ясень плакучий – 1 шт.
80. Дуб обыкновенный – 1 шт.
81. Клен амурский – 1 шт.
82. Хвойные деревья с прибавлением кедра сибирского – 5 шт.
83. Группа кустарника: калина разных сортов – 10 шт.
84. Калина штамбовая Снежный шар – 10 шт.
85. Группа волжанки разных сортов – 10 шт.
86. Ива разная: красная, серебристая и желтая – 10 шт.
87. Ива плакучая серебристая – 1 шт.
88. Ива плакучая желтоцветная – 1 шт.
89. Можжевельник – 5 шт.
90. Четыре группы кустарников: жасмин разных сортов – по 5 шт., мушмула разных сортов – по 5 шт., барбарис – по 5 шт., дерен пестролистный – по 5 шт.

91. Штамбовые деревца в одиночку и группами – по 2–3 шт.: сирень, дерен, калина, гортензия воздушная

92. Липы голландские крупнолистные

Все назначенные в этом проекте деревья, кустарники и многолетние цветы имеются в садоводствах графа Уварова в «Поречье», Регель и Кессельринг – в Петрограде и Ботаническом саду Московского университета.

Г. Тресне

ОР ГБЛ. Ф. 171. К. 20. Ед. хр. 4. Л. 1–4.

Приложение 7

**СМЕТА РАСХОДОВ НА 1916 г.
ПО ИМЕНИЮ «НОВЫЕ ГОРКИ»
ДМИТРОВСКОГО УЕЗДА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ,
ПРИНАДЛЕЖАЩЕМУ ДОЧЕРИ
З.Г. МОРОЗОВОЙ-РЕЙНБОТ – Е.С. МОРОЗОВОЙ**

1915 г.

1. С наступлением весны нужно посеять 10 дес. овса. Считая на каждую десятину по 12 пуд., что составляет 120 пуд. Хотя овес и свой, но считаю его по 2 р. 50 к. за пуд, что составляет 300 р.

2. Приготовить и посеять на урожай 1917 года 10 дес. ржи, которой потребуется по 8 пуд. на десятину, что составляет 80 пуд., считая местную рожь по 2 р. 50 к. за пуд – 200 р., но дал слово Владимир Александрович Сатин выслать мне рожь.

3. Для обзаведения местного хозяйства, т.е. огорода, – разных корнеплодов, картофеля, моркови, капусты, огурцов и т.п. – все это ни в коем случае не выше как на 50 р.

4. Для разведения сада требуется трехлеток яблонь для новой площади пока 125 корней, из них 75 шт. антоновки и 50 шт. яровых. На огороде сзади левее флигеля нужно 75 шт. яблонь, итого 200 шт., считая от 30 до 35 к. шт., т.е. 75 р.

5. Купить 30 фунтов древесных семян: 10 ф. сосны; 10 ф. ели и 10 ф. березы, считая по 3 р. за фунт – 60 р.

6. На конторские и почтовые расходы, как то: покупка бумаги, конвертов, перьев, чернил, почтовых марок и т.п. – 50 р.

7. К имеющимся девяти рабочим лошадям, не считая двух жеребят и верховой Топки, необходимо прикупить еще четыре лошади, купить их обязательно теперь же зимой, так как весной они будут гораздо дороже. Заплатить за них не дороже 100–150 р. с тем расчетом, чтобы на случай мобилизации их получить за них с казны стоимость их и этим избежать убытков. Считаю эту покупку по 150 р. за лошадь, т.е. 600 р.

8. Купить 10 пахотных хомутов, считая по теперешним ценам по 5 р. за хомут, т.е. 50 р., веревок для вожжей, постромок и т.п. на 60 р.;

– три одноконных плуга по 12 р. – 36 р.;

– три телеги, считая по 40 р. за телегу, – 120 р.;

– одну борону «Зигзаг» – 45 р.;

– отремонтировать имеющуюся у нас саможатку, сенокосилку и молотилку – приблизительно 150 р.;

– отремонтировать имеющиеся у нас плуг и бороны – не более как 100 р.

9. Для того чтобы обработать все поля и луга, не включая сюда по denenных, которые будут братья за любые надобности и по ценам не выше соседних владельцев, еще потребуются следующие рабочие силы: пять человек рабочих (мужчин). Из них один конюх Дмитрий, получающий 30 р. [в] месяц жалованья на своем содержании, по приказанию Елены Саввишны, будет заменен опытным кучером, что составляет в год 360 р.

Четыре человека постоянных рабочих, считая осенние и зимние шесть месяцев, по 15 р., что составляет 360 р., а весенние и летние шесть месяцев – по 25 р., что составляет 600 р., а всего в год жалованья четверем рабочим – 960 р. На содержание этих рабочих в осеннее и зимнее время, считая по 9 р. на каждого в месяц, составит в шесть месяцев 216 р., а в весенние и летние месяцы, считая по 12 р. на каждого в месяц, составит за шесть месяцев 288 р., а всего в год на содержание четырех рабочих – 504 руб.

Десять баб-полошек, считая по прошлогодней цене от 16 до 20 р. в месяц на их содержание, при годовой квартире, отоплении и освещении, считая с 15 марта по 1 октября (6¹/₂ мес.) по 20 руб. на каждого в месяц, – 1300 р.

10. Две кухарки: одна для рабочих, другая для квартиры управляющего и барских домов, считая жалованье каждой по 7 р. в месяц, что в год одной составляет 84 р., и содержание на общей кухне составляет за шесть мес[яцев] по 9 р. и шесть мес[яцев] по 12 р. = 126 р. Итого одной кухарке вместе с содержанием в год – 210 р., а другой – тоже 210 р., что составляет обеим вместе в год 420 р.

11. Два лесных сторожа, один из них должен следить за шоссе. Каждому жалованье по 25 р. в месяц на своем содержании, что обоим в год составит 600 р.

12. На отопление всего имения потребуется дров минимум 150 саж., которые нужно заготовить из сухостойника, валежника и буреломника, находящихся в наших лесах, из которых 50 саж. отборных дров будут доставлены для квартиры владелицы в Москве. Заготовка дров будет стоить от 3 р. до 3 р. 50 к. с сажени. Если считать по 3 р., то вся заготовка будет стоить 450 р., если же считать по 3 р. 50 к. – то 525 р. Для сметы беру первую цифру – 450 р.

13. На освещение нужно будет на весь год не менее 15 пуд. керосину, считая по местным ценам 2 р. 80 к. за пуд, что составит 42 р. Свечей и спичек в год приблизительно на 10 р.

14. На непредвиденные расходы, как то: получка грузов со станции, прием священника и проч. Приблизительно 100 р.

Итого: 6637 р.

Все домашние работы, как то: уборка парка, обделка и посадка овощей в огороде и т.п. — будут сделаны не отдельно поденкой, а теми же бабами, которые уже показаны в настоящей смете.

Для того чтобы в летнее время на посылать рабочих и лошадь за провизией в лавку, что стоит в рабочее время весьма дорого, то я покорнейше просил бы Ваше превосходительство разрешить мне приобрести таковую из показанных выше сумм на содержание рабочих теперь же, когда буду посылать в Москву Вам сено и солому, чтобы не гонять лошадей и рабочих задаром в другой раз.

Провизии необходимо следующей: 20 мешков ржаной муки, считая по 11 р. 50 к. за мешок, — 230 р.; пять мешков пшена, считая по 16 р. за мешок (а может быть, и немного дешевле), что составляет 80 р.; два мешка гречневой крупы, считая по 17 р. за мешок, — 34 р.; одну бочку в 10 пуд. Керосину — приблизительно 28 р.; один бочонок масла постного в 5 пуд. — приблизительно 50 р. Вся эта провизия будет расходоваться по мере надобности рабочими, а частью будет продаваться бабам-полоткам по заготовительной цене.

Смета по сооружению желаемой Вами запруды-плотины будет представлена мною в скором времени отдельно.

Примечание: в означенную смету не вошло жалованье и содержание старост над работами и рабочими, так как в настоящее время трудно найти подходящего человека. А потому, на первый год, я его обязанности принимаю на себя. Но на будущее время содержание его с жалованьем нужно считать не менее 600 р. в год.

P.S. Если Вашему превосходительству не благоугодно будет почему-либо утвердить означенную смету полностью, то я покорнейше прошу утвердить из оной те пункты, которые Вы сочтете нужным.

Управляющий именем «Новые Горки» Я. Миронов
РГАДА. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 68. Л. 186–187.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза А.А. 255, 257
Абаза А.В. 255, 300
Абаза Э.А. 255
Аванцо 217
Адамович В.Д. 156, 241–242, 314
Азанчевский М.П. 75
Аигин В.П. 50, 129
Айзенман (урожд. Бари) О.А. 258, 260–261
Аксаков И.С. 182
Аксаков С.Т. 3, 89, 336, 356
Аксакова (урожд. Тютчева) А.Ф. 182
Александр I, император 113
Александр II, император 133
Александр III, император 79
Александренко И.А. 316
Алексеев А.В. 54, 140, 144–147, 212,
Алексеев В.В. 124
Алексеев В.С. 76, 349
Алексеев (Станиславский) К.С. 31, 52, 76, 145, 295, 306, 345–346, 349–350, 354–355
Алексеев М.И. 171, 242–243
Алексеев Н.А. 63, 147
Алексеев С.В. 52–53, 320
Алексеева (урожд. Рябушинская) А.П. 150
Алексеева (урожд. Бостанжогло) Е.М. 63, 135, 144–145, 215, 295
Алексеевы 9, 52–54, 60, 76, 83, 144–145, 148, 152, 348–349, 355, 360
Алексин А.Н. 221
Алмазов П.Н. 113
Амфитеатров А.В. 268, 271, 301
Ананьин В.И. 121
Ананьич Б.Н. 36
Андреев В.А. 161
Андреева (урожд. Боткина) А.П. 161
Андреева (урожд. Королева) Н.М. 269
Андреева О.Н. 35
Андреева-Бальмонт Е.А. 31, 96, 296
Андреевская А.В. 201
Андреевы 296
Анзимиров В. 134
Аникст М.А. 14, 34
Аннушка, горничная 328
Антонова А.Г. 5, 35, 137
Антокольский М.М. 90, 345
Анфимов А.М. 36–37, 40, 133, 137
Анциферов Н.П. 81
Арапова 243
Арзуманова О.И. 35, 136
Арманды 129
Арсеньев А.А. 338
Арсеньевы 212
Аскерио 249
Афанасьева М.А. 33
Бакшеев В.Н. 103, 137
Балов 287
Банза Э.М. 317, 319
Бардыгин М.Н. 343
Бардыгин Н.М. 192
Бари 255–256, 258, 260–264
Бари А.В. 260–261
Бари Л.А. 256
Бари Ю.А. 258
Барков В.В. 321
Бархина Т.М. 5, 298
Барышников М.Н. 296

- Барятинские, князя 236, 238
Барятинский В.И., князь 76
Баскаков И.И. 101, 317
Бахрушин А.А. 271, 364
Бахрушин Вас.А. 97, 127, 309
Бахрушин Вл.А. 125–127
Бахрушин Д.П. 78
Бахрушин С.В. 38
Бахрушин Ю.А. 31, 135, 138, 296, 301, 340, 355
Бахрушины 78, 124–127, 312, 355, 362
Бекетов А.Н. 200–203, 205, 209, 298
Бекетов Н.М. 202
Бекетова Е.Г. 202–203, 205–207, 209
Бекетова М.А. 200, 202, 204–205, 207, 298
Бекетова С.А. 204
Бекетовы 200, 202–207, 209, 211
Белинский В.Г. 77
Белоусова А.Н. 295
Белый А. 200, 204, 211, 298, 320
Бенуа А.Н. 8
Берлин П.А. 36
Бландов Н.И. 107
Бландовы 286
Блинников В.В. 69
Блок А.А. 200, 202, 204–205, 208–211, 298, 320
Блок (урожд. Менделеева) Л.Д. 205, 211
Боборыкин П.Д. 31–32, 38, 77, 230, 299
Бовыкин В.И. 36
Богданов-Бельский Н.П. 103
Богенгардт Е.И. 201
Бойцов П.С. 65–66, 314
Борисова Е.А. 34
Борисов-Мусатов В.Э. 83, 320
Боткин В.П. 160
Боткин Д.П. 160–161, 182
Боткин Е.С. 160
Боткин Н.П. 160
Боткин М.П. 160
Боткин П.К. 160
Боткин П.П. 55, 63, 158–168, 170–172, 174, 176, 296, 346
Боткин С.П. 160
Боткина (урожд. Шапошникова) Н.К. 158–159, 163, 169–170, 321
Боткины 38, 56, 159–161, 165–166, 168–169, 176, 178, 181, 296, 362
Боханов А.Н. 36, 137, 296
Бродовский Г. 247
Бродская Г.Ю. 295
Бромлей Э.И. 69
Брумфилд У.К. 36
Брянцев М.В. 37
Булгаков С.Н. 32, 81, 136
Бурышкин П.А. 191, 245, 271, 296, 298–299, 301, 340, 357
Бутиков И.И. 181
Буторов А.В. 298
Бутурлин М.Д., граф 145, 295
Бутурлины, графы 111
Бухгольц Ф.В. 93
Быковский М.Д. 314
Бяля Г.Р. 137
Ваверен, садовник 342
Валуев Г.Л. 70
Варгин В.Н. 301
Варенцов Н.А. 134, 295–296
Василий, лакей 199
Васильев 67
Васильчикова 255
Васнецов А.М. 31
Васнецов В.М. 31, 91, 316, 345–346
Вашков С.И. 316
Вейнер П.П. 8
Вельяшев А.В. 48
Вернер К.А. 37, 51
Верстовский А.Н. 112
Веселовский С.Б. 33
Виноградов А.Н. 38
Виноградов С.А. 150, 296, 343
Висковская Л.Ю. 5
Витте С.Ю. 257, 271
Вишняков П.М. 56
Вишняков Н.П. 56, 134
Вишняковы 134
Вогау, фон 92, 117, 268, 321, 359
Вогау фон А.Р. 107, 268
Вогау фон Г.М. 268
Вогау фон О.М. 63
Вогау фон Э.Ф. 117
Воейков В.В. 307
Воинов В.В. 265
Волков Г.С. 67
Волкова В.Н. 34
Волкова Н.Н. 300
Востряков Б.Д. 92
Востряков Р.Д. 226
Вострякова Е.К. 226

- Востряковы 217
Врангель Н.Н., барон 8, 33
Врубель М.А. 89, 345, 348
Всеволожский А.В. 149
- Гавлин М.Л.* 36, 296
Гагарин Н.Н., князь 107
Гагарины, князя 50, 129
Ганешин Ф.А. 192
Гарден А.И. 216, 218
Гарднеры 36
Гартман В.А. 92, 316
Гафнер Э.В. 58
Гедике А.Ф. 217
Герасимов Г.Г. 351–352
Герасимов Г.С. 271, 309
Герасимова Т.Г. 77, 351
Герасимовы 86, 271, 340
Герцен А.И. 77–78, 160
Герцыки 16
Гиндин И.Ф. 36
Гиппиус Е.Ф. 5
Гиппиус З.Н. 320
Гладков А.К. 300
Говоренкова Т. 135
Гоген фон А.И. 308
Гоголь Н.В. 160
Голицын В.Д., князь 24
Голицын В.М., князь 187
Голицын С.М., князь 107, 117
Голицына М.Б., княгиня 113
Голицына М.Г., княгиня 92
Голицыны, князя 79, 361
Головины 57
Голофтеев К.Н. 12, 97–99
Голохвастов Д.Д. 296, 324, 327
Голушкин К. 188
Гольдингер Е.В. 261, 265
Гольдингеры 264
Гончаровы 344
Горбуновы 229
Горький А.М. 13, 34, 131, 138, 221
Гославский П.П. 364
Грабарь 123
Грабарь И.Э. 358–359
Грабарь-Епифанова О.И. 5
Грановский Т.Н. 77, 185
Грачев М.С. 313–315
Греч А.Н. 13, 33–34, 135, 137
Грибов М.И. 87
Григорович Д.В. 3
- Гриневицкий Б.Б. 93
Гудович (урожд. Шереметева) М.С., графиня 83–84
Гудовичи, графы 35
Гулевич В.В. 307
Гучков А.И. 177, 217
Гучков Н.И. 30, 161–162, 164, 172, 176–177, 381
Гучков И.Е. 161
Гучков П.Н. 175
Гучкова (урожд. Боткина) В.П. 161–163, 166, 172, 351
Гучкова В.Н. 175
Гучкова Л.Н. 173, 175
Гучкова Н.Н. 175
Гучкова С.Н. 175
Гучковы 38, 159–162, 170, 173, 175–177, 296
- Давиденко С.В.* 5, 35, 301–302
Давыдов А.С. 5, 300
Давыдов (Василич Г.) Н.В. 321, 353
Давыдова Н.Я. 331
Давыдова О.В. 257, 300
Давыдовы 307, 330
Даль В.А. 40
Данцигер А.А. 54
Дарья Егоровна, прачка 328
Датиева Н.С. 5
Дементьев Е.М. 136
Демская А.А. 5
Демушкина О.И. 5, 296
Денисов В.В. 265
Денисов В.И. 264–265, 300
Дервиз фон С.П. 24, 32, 38, 223
Дериганов 44
Дечкин Н.И. 58
Джунковский В.Ф. 217
Дмитриев С.С. 36
Дмитриева А.Н. 330
Дмитриева Е.Б. 135
Добровейн (урожд. Руперти) М.А. 109, 116, 137, 301, 334, 337
Добрынина Н.А. 5, 35, 135, 298–299
Добрынина (урожд. Четверикова) Т.Д. 215, 219, 344, 362
Добужинский М.В. 306
Долгоруков П.Д., князь 89
Дорошевич В.М. 254
Достоевский Ф.М. 32, 118, 137
Дроздов М.С. 5, 15, 34, 296, 299–300

- Дружинин Н.М.* 36, 133
Дубкова Н.К. 5
Дубровский С. 36
Думова Н.Г. 36
 Дунаевы 217
 Дыргант А.Д. 117
 Дюпуи К.К. 187
 Дягилев С.П. 3, 6
- Евангулова О.С.* 304
 Екатерина II, императрица 254, 329
 Елагин А.Ф. 58
 Елена Павловна, Великая княгиня 255
 Елизавета Федоровна, Великая княгиня 247
 Елпатьевский С.Я. 59, 134
 Еремеев А.К. 113
 Есипов К.А. 150
 Есипова 255
 Есипова В.В. 58
- Желудков В.А. 331
 Желудкова Л.В. 307, 330–331
 Жолтовский И.В. 34, 314–316
 Жуковский Н.Е. 150
 Журавлев Л. 328
- Забелин И.Е. 185, 188
 Загорский В.П. 75
 Закревская А.Ф. 124, 126,
Зальцман А. 34
 Замятина П.А. 67
 Засецкий П.Н. 255
 Захарьин Г.А. 325
 Згура В.В. 11
 Зеленко А.У. 96, 136, 316–317
 Зилоты 36
 Зилоты (урожд. Третьякова) В.П. 82,
 84, 136, 179, 297–298, 337
 Зимин Г.Е. 269
 Зимин С.И. 31, 320, 340, 351
 Зимины О.П. 27
 Зимины 229
Злочевский Г.Д. 33
Зозуля Л.И. 136
Золотарев М.В. 5, 15, 34–35, 298,
 300
 Золя Э. 298
Зубарев В.В. 5
 Зыков П.П. 322
- И.Дм. 33, 299
 Иван Маленький 328
 Иваницкая И.В. 216
 Иванов 58
 Иванов А.А. 160, 185
 Иванов Вяч.И. 320
Иванова Л.В. 15, 34, 304
Иванова Н.А. 5
 Ивановский А.О. 296
 Ивановы 229
 Измайлов А.М. 254
 Измайлов П.И. 192–193, 254
 Измайлов С.И. 254
- Каблуков Н.А. 37, 46–47, 51, 72, 133
 Кавелины 57
Каверзнева М.М. 5
Каждан Т.П. 5, 15, 17, 34, 36, 136, 298,
 304
 Кайзер Г.А. 314–315
 Калмаков Н.К. 265–266
Калмыков С.В. 5
 Калужские 212
 Карзинкин И.И. 111
 Карзинкин С.И. 111
 Карзинкин С.С. 111
 Карзинкина С.Н. 63
 Карзинкина Ю.М. 109, 111, 327
 Карпов А.Г. 87
 Карпов Г.Ф. 86, 331, 363, 374
 Карпов Т.Г. 87
 Карпова (урожд. Морозова) А.Т. 57–
 58, 86–89, 118, 269, 322, 332–333,
 363
 Карпова (урожд. Рябушинская) Е.П.
 149, 376
 Карповы 38, 57, 69, 73, 89, 118, 136,
 242, 325, 332–333, 363
Картавцов И.М. 12, 33
 Катуар А.И. 63, 65
 Катуар М.А. 63
 Катуары 65
Кауфман А.А. 36
 Кауфман Р.И. 259
Кафенгауз Б.Б. 31, 38
 Кекушев Л.Н. 261, 263, 313–315
 Келлер С.В. 124–126
 Кениг В.Е. 286
 Кессельринг В. 385
 Кетчер К.Х. 185
 Кильдюшевский М.П. 86

- Кириллов В.В.* 34
Кириченко Е.И. 5, 15, 34, 304
Киселев А.С., граф 99
Киселев П.З. 162, 165, 167, 169, 374
Киселевы 77
Клейнмихель Н.В. 9, 33
Ключевский В.О. 20, 363
Книппер-Чехова О.Л. 294
Князева Е.А. 52
Ковалева М.Д. 5
Ковальченко И.Д. 37, 41, 133
Кокорев В.А. 112
Кокоревы 229
Колупаевы 43
Кольбе Ф.Н. 275
Комаровские 121, 326
Комиссаржевская В.Ф. 265
Кондратьев И.К. 298
Кондрашев И.М. 257
Кондрашев М.Ф. 257
Кондрашев Н.И. 257
Кондрашевы 257
Кононов И.А. 181
Коншин В.Д. 182
Коншин С.Н. 228, 236
Коншина (урожд. Второва) А.А. 228
Коншина А.И. 269
Коншины 56
Корелин А.П. 5, 36, 40, 133–134, 137
Корина И.Ф. 5
Коровин К.А. 31, 347
Короленко В.Г. 32, 103, 137
Костяков И.М. 67
Косяков Г.А. 10
Котов М.Ф. 46
Кочегаровы 227
Краснобаев Б.И. 304
Краснопецев Л.Н. 5
Крафт А.Н. 13
Крекшины 53
Крестовникова А.Г. 346
Крестовникова (урожд. Морозова) Ю.Т. 22–23, 342
Крестовниковы 22–23, 56, 181, 342, 346
Кривошеин А.В. 348
Кривошеины 57
Крымов В.П. 253
Кублицкая-Пиоттух А.А. 202, 205, 298
Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова) С.А. 205
Кублицкий-Пиоттух А.А. 205
Кублицкий-Пиоттух А.Ф. 204
Кублицкий-Пиоттух Ф.А. 205
Кузнецов А.В. 35, 99–100, 307
Кузнецов А.Г. 107
Кузьмина М.А. 320
Кулешов П.Н. 301
Куманин Н.Г. 117, 268
Лаверычев В.Я. 36, 297, 299
Лаврова М.А. 329
Лаврова Е.В. 329
Лазарев А.В. 5
Ламан Н.К. 295
Ларин В.П. 5
Левитан И.И. 31, 89, 320, 364
Лемерсье 217
Ленин В.И. 13, 34, 301
Лентовский М.В. 223, 338, 349
Лепешкин В.И. 341
Лепешкин Д.С. 57, 69–72, 321, 343
Лепешкина А.Н. 57, 73, 321
Лепешкина М.В. 31, 72, 135
Лепешкины 57, 71
Лермонтов М.Ю. 47
Лесневский С.С. 298
Лианозов Г.М. 317
Литваков Б.М. 37, 41, 133
Литуев В.Н. 36, 134, 138
Лихачев Д.С. 14, 34
Лопухин П.В., князь 82
Лотман Ю.М. 21, 37, 304
Лубны-Герцык Е.А. 16
Лубны-Герцык Ю.А. 16
Лукомский В.К. 8
Лукомский Г.К. 6, 8–9, 33
Лукутин Г.Н. 248
Лукутин Н.А. 246–248
Лукутин Н.Н. 248
Лукутины 9, 247–248, 299
Львов Н.А. 41
Любартович В.А. 35
Любецкий С.М. 135, 297
Любушкины 229
Мазини А. 227
Мазурин М.С. 77
Мазурины 161
Мазуров А.И. 329
Маклаков В.А. 101, 291, 294
Малинина М.С. 328

- Мамонтов И.Ф. 107, 112–113, 316, 327
Мамонтов С.И. 11–12, 31, 89–92, 345
Мамонтова А.С. 347
Мамонтова В.С. 35, 345
Мамонтова (урожд. Сапожникова) Е.Г. 11, 31, 35, 89–92, 136, 316, 320, 323, 331, 345
Мамонтовы 83, 89–91, 345, 348, 362–363
Маннергейм, баронесса 243
Марасинова Е.Н. 304
Мария Александровна, императрица 24
Марк Г.М. 117
Марк М.Ф. 109, 116, 268, 314, 321
Марк С.К. 116–117, 268
Марки 116–117, 321, 359
Мартин, управляющий 210
Марья Петровна, кухарка 328
Матвеев Н.М. 58
Матусевич В.А. 5
Маят В.М. 156, 241–242, 314
Мгебров А.А. 300
Медведникова А.К. 63
Мейендорф (урожд. Казакова, в 1-м браке – Веригина) Н.А., баронесса 65–67
Мекки, фон 57
Меллер О.Г. 288
Мельгуновы 69
Мельникова И.Д. 35
Мельникова Н.В. 136
Менделеев Д.И. 202, 208
Менделеев И.Д. 205
Менделеева С.Д. 208
Менделеева (в браке – Блок) Л.Д. 209
Мещерин В.Е. 123, 363
Мещерин Н.В. 122, 124, 137
Мещерина М.Я. 109, 122
Мещерины 31, 122, 124, 359
Милиотти 181
Миллер П.Н. 33
Милованова П.И. 379
Милютин Д.А. 255
Минарик Л.А. 36–37, 40, 133
Миц З.Г. 298
Минченков Я.Д. 362
Миронов Я. 388
Митрофанова Е.Н. 35
Молева Н.М. 137
Молодкина М.С. 328
Молодцова Т. 296
Морозов А. 226
Морозов А.В. 31, 226–229, 234–235, 237, 299, 339
Морозов А.И. 317–318, 361
Морозов Б. 226, 339
Морозов Б.Ф. 236–237
Морозов В.В. 12, 33
Морозов В.Е. 28, 75, 222–223, 226–229, 234–235, 238, 243, 324
Морозов Е.С. 226
Морозов И.А. 228
Морозов И.В. 13, 74, 228–229, 232, 236–244, 299, 314, 318, 339
Морозов К.И. 241
Морозов Н.Д. 99–100
Морозов Сав.Т. 37, 101, 131, 237, 268–269, 271–272
Морозов Серг.В. 232, 339
Морозов Серг.Т. 31, 242, 301, 314
Морозов Т.С. 86
Морозов Т.С. (младший) 271, 324
Морозов Ф.И. 241
Морозов, управляющий 172
Морозова (урожд. Воронова) В.А. 238, 240–241, 243, 339, 363
Морозова (урожд. Хлудова) В.А. 228, 234, 269,
Морозова (урожд. Кочегарова) Е.Н. 226, 229
Морозова Е.С. 293, 386–387
Морозова (урожд. Мамонтова) М.К. 27, 269, 300, 341
Морозова М.С. 276, 293, 354
Морозова (урожд. Симонова) М.Ф. 269
Морозова Т.П. 37
Морозова (в браке – Свидерская) О.И. 31, 234, 241, 299
Морозова-Рейнбот (урожд. Зимина, в 1-м браке – Морозова, во 2-м – Морозова) З.Г. 13–14, 27, 31, 34–35, 38, 97, 101, 131, 268–274, 276, 285–294, 301–302, 310, 313, 317, 324, 327, 337, 344, 350, 355, 364, 382, 386
Морозовы 35, 37–38, 57, 117, 137, 154, 181, 223–224, 226, 228, 234, 236–243, 266, 270, 272, 301, 318, 339, 353, 361, 363

- Мосолов Н.А. 93
Мусин-Пушкин А.И., граф 70
Мусин-Пушкин А.С., граф 67
Мусин-Пушкин В.А., граф 70
Мусин-Пушкин И.И., князь 76
Мусины-Пушкины 70–71, 135
- Надсон С.Я. 185
Найденов А.А. 191–199, 298, 324
Найденов В.А. 191
Найденов Г.А. 192
Найденов Н.А. 191
Найденова (урожд. Хлудова) А.Г.
191–192, 194, 196, 198
Найденова Е.А. 192
Найденова К.А. 191–192
Найденова Н.А. 192
Найденовы 191–199, 298, 324
Наполеон, император 119
Нарышкин Л.К., князь 181
Нарышкин П.К. 53
Нарышкины 111, 181, 232
Наталья Кирилловна, царица 181
Наумова Г.Р. 19, 36–37
Нащокина М.В. 5, 16, 35, 135
Невежина С.М. 35
Неврев Н.В. 112
Негин 210
Некрасов И.И. 257, 261–262, 264–
265, 300
Некрасов Н.И. 160, 266–267
Некрасова (урожд. Савенкова) А.Т.
36, 254, 257, 262–264, 300
Некрасовы 259, 261–262, 264–265,
267
Немирович-Данченко Вл.И. 52, 248,
299
Ненароковы 57
Нестеров М.В. 89, 92, 136, 345
Нетов Е.Г. 232
Никитина Т.Н. 5
Никифоров А.А. 53
Никифоров Д.И. 133
Николай I, император 125, 142
Николай Николаевич, Великий князь
24
Новиков Б.М. 194
Новикова Е.Б. 31, 193, 199, 298
Новикова (урожд. Найденова) Т.А.
192, 194
Новиковы 298
- Носова (урожд. Рябушинская) Евф.П.
27, 80, 149, 152, 154–155, 375, 378–
379
Носовы 242
- Огарев Н.А. 160
Одран Э. 350
Озеров Н.И. 58
Ольга, горничная 328
Ольсен Б.О. 12, 33
Опитц Ф. 123
Орлов В.А. 37, 44–46, 133
Орлов-Давыдов В.А., граф 107
Осипов К.В. 128
Островский А.Н. 8, 32
Остроухов И.С. 31, 90, 161, 346, 348
Остроухова (урожд. Боткина) Н.П.
161, 163, 172
Остроуховы 160–161
- Павел I, император 82
Палицкий Г.С. 58
Пастернак А.Л. 260
Пастернак Б.Л. 5, 259–260, 300
Пастернак Е.Б. 300
Пастернак Ж.Л. 258
Пастернак Л.Л. 258
Пастернак Л.О. 258–262
Пастернак Р.И. 258
Пастернаки 259, 264
Пашенин А.М. 135
Пельтцеры 217
Перлов И.С. 63, 322
Перлов Н.С. 80, 322
Перловы 56
Перфильева Л.А. 16, 35
Перцов П.П. 12, 33
Петреев И.В. 138, 299
Петров В.В. 50
Петров М.М. 101
Петров Ю.А. 5, 36–37, 134, 136–137,
268, 295–296, 300
Писарев А.А. 85
Писарькова Л.Ф. 5, 33
Погожев А.В. 37
Погожев Е.Н. 143, 295
Покосанов А.В. 374
Поленов В.Д. 91, 185, 306, 334–335,
345, 364
Поленова Е.Д. 90, 362
Поленова М.А. 90

- Ногтева М.В. 35
 Поленова (урожд. Якунчикова) Н.В. 90, 306, 323
 Поленова О. 344
 Поливанов Н.И. 47
 Половцов А.А. 24
 Поляков А.Я. 12, 63
 Поляков Н.Я. 12
 Поляков С.А. 320
 Полякова Г.А. 5, 16, 35, 298, 300
 Попов А.М. 328
 Попов Н.А. 328–330
 Попова В.А. 330
 Пороховщиков А.А. 307
 Поткина И.В. 5, 36–37, 137
 Поцелуев В.А. 138, 299
 Прахов А.В. 345
 Пржевальская Л.К. 5, 299
 Пржевальская (урожд. Лукутина) Л.Н. 248, 250
 Пржевальские 247
 Пржевальский В.В. 248
 Пржевальский Н.М. 5, 299
 Прозоровские, князья 149
 Прокофьев И.А. 85–86, 107
 Проскуракова Н.А. 36–37, 40, 133, 138
 Протазанов В.Л. 287
 Прохоровы 56
 Пушкарева И.М. 5
 Пушкин А.С. 34
 Пфеффер Р.А. 317
 Пыльцов Н.М. 248, 250
 Пыльцова (урожд. Хлудова, в 1-м браке – Лукутина) Л.Г. 9, 245–248, 250, 252–253, 299, 314
 Пыльцовы 250
 Раев В.Е. 187
 Разуваевы 43
 Расторгуев Д.А. 309
 Растрелли Ф.-Б. 41
 Рахманов В.А. 60
 Рахманова 255
 Рахмановы 212
 Регель А.Э. 99, 341, 385
 Редлих А.А. 109, 119–120
 Редлих А.Ф. 119
 Рейнбот А.А. 269–271
 Репин И.Е. 31, 185, 355
 Ржевский В.К. 55
 Рибер А. 159
 Рикардо Д. 185
 Риццони А.А. 185–187
 Родионовы 44
 Романова А.Ф. 201
 Романюк С.К. 135
 Ропет И.П. 92, 111
 Роскин А. 34
 Рубинштейн А.Г. 83, 320
 Рубинштейн Н.Г. 83, 320
 Рудзский А. 301
 Рузвельт П. 16–17
 Рукавишников К.В. 96
 Рукавишников Н.В. 96
 Рукавишникова Е.Н. 95
 Рукавишниковы 56, 95
 Румянцева Л. 35
 Руперти А.А. 34, 314–316, 337, 341–342, 350, 359
 Руперти (урожд. Марк) Ф.М. 117, 314
 Русина О.Н. 5, 137, 300
 Рюмин Г.В. 142
 Рюмин Н.Г. 140, 142, 295
 Рюмина Е.Ф. 144
 Рюмины 142–145, 148
 Рябушинская (урожд. Овсянникова) А.С. 140, 147–148
 Рябушинская (урожд. Зыбина) В.С. 154
 Рябушинская Н.П. 150, 152
 Рябушинская (урожд. Примакова) Т.Ф. 154
 Рябушинские 37, 57, 147–148, 242, 295–296, 375, 379
 Рябушинский В.П. 31, 56, 132, 134, 138, 140, 147–149, 159, 295–296, 320, 375
 Рябушинский Д.П. 150–154, 375–377
 Рябушинский М.П. 152, 154, 375
 Рябушинский Н.П. 97, 149–150, 157, 343, 375
 Рябушинский П.М. 140, 147–148
 Рябушинский П.П. 18, 147–150, 375
 Рябушинский Серг.П. 149, 375
 Рябушинский Ст.П. 149, 152, 156–157, 314, 327, 375
 Рябушинский Ф.П. 150, 152, 296, 375
 Саади 185
 Саблукова 335
 Савелов А.А. 113

- Савинова Е.Н. 35–36, 136, 301–302
Сайгина Л.В. 5
Салтыков Л.А., князь 141
Самарин Н.Ф. 63
Самарин Ф.В. 58
Самарины 58
Самойлова А.А. 258
Сапожников А.Г. 53
Сапожников Г.Г. 53
Сапожникова (урожд. Алексеева) В.В. 52–53
Сапожниковы 9, 52–53, 83, 165, 348, 360
Сарычев И.И. 158
Сатин В.А. 386
Свидерская Л.Н. 5
Святополк-Четвертинский Б.А., князь 70, 243
Себенцова Т.А. 5
Селунская Н.Б. 37, 41, 133
Семенова С.В. 53
Серов В.А. 31, 89–90, 265, 300, 345, 348, 364
Сивков К.В. 12
Скавронская Е.Р., графиня 117
Скопин-Шуйский М.В., князь 70
Слюнькова И.Н. 16, 35
Смирнова Е.И. 190
Смирнова (урожд. Рябушинская) Евг.П. 152, 154, 375, 379
Смольяниновы 57
Снегирев В.Ф. 294
Солдатёнков К.Т. 179–181, 183–190
Солдатёнковы 56
Соловьёва А.М. 299
Солодовникова А.Г. 182
Солодовниковы 181, 190
Спиро П.А. 90, 348
Стаканкин 58
Степанов И. 328
Стернин Г.Ю. 304
Столыпин А.Д. 49
Столыпин П.А. 49
Страхов П.С. 301
Страхова О.П. 201
Стрекалова А.Н. 96
Строганов С.Г., граф 181
Стукен (урожд. Морозова) Е.С. 293, 386–387
Султанов Н.В. 108
Суриков А.И. 264
Сурикова Е.В. 264
Сурикова О.В. 264
Сушкин Г.М. 63
Сушкин И.О. 63
Сушкин Н.О. 67
Сушкина Т.И. 63
Сушкины 85
Таньон Ю.П. 345
Терпигорев (Атава) С.Н. 43, 133, 179
Теттенборн Ф.К. 119
Тибо Ж. 143, 145
Тиминский А.И. 301
Тихомиров М.Н. 336
Тихомиров Н.Я. 33–34
Тихомирова Е.Г. 286–287
Тишунина Т.Б. 35
Ткаченко В.А. 35
Толстой Л.Н., граф 3, 213
Толстой Ф.А., граф 124
Торлецкая Е.Г. 78–79, 317
Торлецкий И.А. 79, 351
Треспе Г.Г. 341, 382, 385
Третьяков К.В. 113–115, 136, 297, 327
Третьяков П.М. 112, 179, 182, 185, 188, 337
Третьякова (урожд. Мамонтова) В.Н. 112, 360
Третьяковы 83, 161
Трубецкие, князья 341
Трубецкой Н.П., князь 107
Трубецкой С.Н., князь 121, 326
Трутовский В.К. 364
Трутовский К.А. 112
Тургенев И.С. 32, 160, 185, 188, 298, 306, 357
Турчин В.С. 14, 34, 304
Уваров А.С., граф 385
Ульянова Г.Н. 5, 35, 37, 135–137, 169, 297, 299, 301
Урениус М. 33
Урусов А.С., князь 63, 67
Урусов С.Н. 311
Урусова (урожд. Бахрушина) Н.В. 97, 311
Урусовы 311, 313, 329
Успенский В.А. 295
Фатуева Л.А. 36
Феррейн В.К. 92–93, 327

- Суриков В.И. 264, 300
 Фет А.А. 32, 55, 103, 134, 158, 160, 168, 185, 297, 321
 Филаткина Н.А. 35, 135
 Финогенов 47, 53
 Фирсанов И.Г. 48–49
 Фирсанова В.И. 49
 Фишер К. 230–231, 233, 235
 Фомин И.А. 8
 Фридрих Вильгельм III, король Прусский 188
 Фролов А.И. 17, 35–36, 38, 138, 301
 Фролов В.Г. 35, 295
- Харитоненко П.И. 9, 223
 Харичев С.А. 58
 Харузина В.Н. 135, 297, 323, 354
 Хворинов И.Г. 165
 Хлудов В.А. 196
 Хлудов Г.И. 191, 246
 Хлудов Д.И. 63
 Хлудов И. 196
 Хлудов Ф.В. 54
 Хлудовы 9, 192, 247, 298
 Ходасевич В.М. 200
 Хомяков А. 296
 Хохлова Е.С. 5
- Цёге-фон-Мантейфель А.П., барон 45
- Чайковский П.И. 83, 320, 330
 Челноков Ф.В. 312
 Челнокова (урожд. Бахрушина) Л.В. 97, 312
 Челноковы 312–313
 Черкасов Г.Н. 137
 Чернов А.И. 307–308
 Чернышев С.Н. 5
 Чернышевский Н.Г. 185
 Четвериков А.Д. 214
 Четвериков Д.И. 62–63, 110, 212–221, 299, 327–328, 350, 357–358
 Четвериков И.Д. 214, 217, 219
 Четвериков И.И. 60
 Четвериков С.Д. 214, 216, 219
 Четвериков С.И. 31, 35, 60, 62–63, 134, 212–213, 217, 221, 267, 298, 327
 Четверикова (урожд. Алексеева) А.А. 62–63, 212–213, 216, 219–221, 328, 356
- Четверикова Е.Д. 215, 219, 344
 Четверикова (урожд. Алексеева) М.А. 60, 63, 212, 327
 Четверикова Н.Д. 218–219, 221
 Четвериковы 46, 56, 59–60, 62–63, 110, 135, 212–216, 218–221, 267, 298–299, 328, 338, 344, 357–358, 362
 Четвертинская В.Б., княгиня 70
 Чечелев Н.И. 228, 234, 339
 Чехов А.П. 3, 32, 77, 83, 97, 99, 133, 135–136, 259, 295–296, 304, 350, 354–355, 364
 Чижков А.Б. 137
 Чистов С.В. 5
 Чичагов Д.М. 223
 Чичагов М.Н. 223
 Чичкин А.В. 286
 Чупров А.И. 77
- Шаляпин Ф.И. 236, 250, 300
 Шамурин Ю.И. 8, 304
 Шамшин А.И. 69, 107
 Шаховская С.А., княгиня 44
 Шаховская-Глебова-Стрешнева Е.Ф., княгиня 76, 165
 Шацкий С.Т. 96
 Шекспир У. 185
 Шепелев Д.А. 70
 Шередега В.И. 14, 34
 Шереметев Г.С., граф 8
 Шереметев П.С., граф 8
 Шереметев С.Д., граф 3, 42, 67, 79, 84, 92, 94, 107–108, 136, 341
 Шереметева А.С., графиня 94
 Шереметева Е.В. 5
 Шереметева Е.П., графиня 93–95, 136
 Шереметевы, графы 35, 42, 79, 84, 94, 108, 113, 361
 Шестаков А.В. 36, 130, 138
 Шехтель Ф.О. 14, 28, 31–32, 35, 74, 222–224, 226, 229, 235, 240, 272, 299, 301, 326
 Шехтель 182, 329
 Шиловский К.С. 329–330, 374
 Ширяев С.Д. 53
 Шкварикова Т.В. 35
 Шмидт С.О. 15, 34
 Шмиты 228
 Шопен Ф. 31
 Шохин Н.А. 99

- Штеккер (урожд. Четверикова) Е.Д. 31, 135, 145, 295
Шубина Т.В. 5
Шулеников А.А. 116, 268
Шульц К.Ю. 98
- Щербатов С.А., князь 38, 149, 191, 199, 296, 298, 339
Щеславская (урожд. Бахрушина) М.В. 97, 309–311
Щеславские 310, 313
Щеславский Н.В. 310
Щукин Н.И. 189
Щукин П.И. 183, 190, 297–298
Щукины 161, 181
- Эрихсон А.Э. 182, 249, 314
Эргель А.И. 41, 133
Эттингер П.Д. 261
- Юм Д. 185
Юсупов, князь 65
Юсуповы 56, 76, 361
- Языкова О.Н. 201
Якунчиков В.В. 268, 350
Якунчиков В.И. 82, 84, 105, 107, 320, 360
Якунчиков Н.В. 12
Якунчикова (урожд. Мамонтова) З.Н. 82, 360
Якунчикова-Вебер М.В. 83, 320
Якунчиковы 9, 56, 83–84, 165, 331, 350, 360
Янжул И.И. 77, 135
Яновский А.Д. 6

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕНЕЙ И НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ

- «Абрамцево» Дмитровского у., имение 11–13, 31, 89–92, 316, 320, 323–324, 328, 345–348, 355, 360, 363
- «Александрово» Московского у., имение 18, 149
- Алешино Дмитровского у., село 50
- Алтуфьево Московского у., село 317
- Анискино Богородского у., село 60, 63, 212–213, 217, 260
- «Архангельское» Московского у., имение 65, 76, 109, 115–117, 321, 361
- Архангельское Московского у., село 78, 158, 169, 224, 323
- «Архангельское-Тюриково» Московского у., имение 116, 268
- «Афинеево» Верейского у., имение 364
- «Бабкино» Звенигородского у., имение 77
- Бабкино Звенигородского у., село 99
- «Бартенево» Можайского у., имение 48
- «Белые Столбы» Подольского у., станция 101
- Бехово Серпуховского у., село 334
- «Боблово» Клинского у., имение 202, 208–209
- Богородск Московской губ., город 102
- «Богословское-Могилыцы» Дмитровского у., имение 129
- Болдино Владимирской губ., село 332
- «Брыково» Звенигородского у., имение 86–87, 89, 331, 374
- Брыково Звенигородского у., село 374
- Букарево Звенигородского у., село 374
- Булычово (Болычево) Можайского у., село 121
- Бынево Подольского у., село 67
- «Быковка» Подольского у., имение 107
- «Валуево» Подольского у., имение 57, 69–73, 321, 323, 343
- Васюнино Подольского у., село 67
- «Ваулино» Можайского у., имение 50
- «Введенское» Звенигородского у., имение 9, 12–13, 82–85, 320, 350
- «Верино» Верейского у., имение 364
- Вешки Московского у., деревня 114
- «Вешки» Московского у., имение 13, 107, 113–115, 327
- Вихрово Серпуховского у., деревня 45
- «Вяземы Большие» Звенигородского у., имение 65
- «Герасимовка» Подольского у., остановочный пункт 271, 294, 310
- «Гиреево» Московского у., имение 78
- Глазынино Звенигородского у., пустошь 58
- Глебово Рузского у., деревня 329
- Глухово Богородского у., село 361
- «Голицыно» Звенигородского у., станция 82, 246
- «Горенки» Московского у., имение 13
- Горенки Московского у., село 114

- «Горки» Дмитровского у., имение 386, 388
- «Горки» Подольского у., имение 13–14, 77, 85–86, 97, 107, 131, 268–269, 271–274, 276–277, 285–292, 294, 309–313, 324, 327, 337, 340, 344, 350–352, 354–355
- Горки Подольского у., деревня 85
- Горки Ленинские Московской обл., поселок 5, 14, 67, 114, 272–273, 292, 313, 351
- Городищи Богородского у., село 60, 327
- «Грачевка» Московского у., имение 314
- «Гребнево» Богородского у., имение 257
- «Гремяч» Черниговской губ., имение 24
- «Данилково» Московского у., имение 248
- Данилково Московского у., село 248
- «Дедово» Звенигородского у., имение 202
- «Дергайково» Звенигородского у., имение 101
- «Детский городок» в Сокольниках, имение 96
- «Долгие пруды» Московского у., имение 317
- Долгопрудный Московской обл., город 319
- «Домоделовская» («Домоделово») Подольского у., станция 286–287
- «Дубровицы» Подольского у., имение 107
- Дубровичи Рязанской губ., село 374
- «Дугино» Подольского у., имение 31, 107, 122–124, 358–359, 363
- Егорьевск Рязанской губ., город 192, 343
- «Икша» Дмитровского у., станция 96
- «Елизаветино» Звенигородского у., имение 144
- Ельдигино Дмитровского у., село 50
- «Ершово» Звенигородского у., имение 65
- Иславское Звенигородского у., село 171, 242
- Жохово Подольского у., село 69
- Заболотье Подольского у., деревня 67, 109
- «Загорье» Подольского у., имение 22–23, 242, 246
- Звенигород Московской губ., город 83
- «Знаменское-Губайлово» Московского у., имение 12–13, 320, 324
- Зуево Владимирской губ., город 269, 340
- «Ивановское» Богородского у., имение 16
- «Ивановское» Подольского у., имение 13, 124–127
- Иваньково Богородского у., село 254
- «Измалково» Звенигородского у., имение 58, 63
- «Ильинское» Звенигородского у., имение 24, 361
- Ильинское Звенигородского у., село 24, 67
- «Иславское» Звенигородского у., имение 13, 236, 239–241, 243–244, 314
- «Кашинцево» Богородского у., имение 60, 62–63, 267
- Кашинцево Богородского у., пустошь 60, 212
- «Киреево» Московского у., имение 107, 112–113, 316, 327
- Киреево Московского у., село 112
- «Кирицы» Рязанской губ., имение 32, 223
- Кленово Подольского у., село 69
- «Клязьма» Московского у., станция 316
- Кожино Рузского у., деревня 114
- Козельск Калужской губ., город 288
- Кольчево Подольского у., село 122
- Комарово Московского у., деревня 53
- «Константиново» Подольского у., имение 13
- «Кораллово» Звенигородского у., имение 65
- «Костино» Московского у., имение 13
- «Кривцово» Орловской губ., имение 328

- «Крюково» Московского у., платформа 95
- «Кузьминки» Московского у., имение 107
- «Кунцево» Московского у., имение 179, 182–184, 186–190
- Кунцево Московского у., село 78, 179, 182, 189
- «Кунцево» Московского у., станция 111, 179
- Куракино Московского у., село 53
- Куркино Московского у., село 325
- «Кусково» Московского у., имение 79, 361
- Кусково Московского у., село 79, 361
- «Кучино» Московского у., имение 80, 140–143, 145–149, 150–152, 154, 157, 375
- Кучино-Соколово Московского у., село 140–141, 378
- «Лианозовка» (Лианозово) Московского у., имение 317
- «Линовицы» Черниговской губ., имение 10
- «Липовка» (Липки) Московского у., имение 314–316, 334, 350, 356, 359
- Лохино Звенигородского у., деревня 168
- Лупиха Московского у., деревня 321
- «Лыткино» Звенигородского у., имение 341
- «Льялово» Московского у., имение 100
- Льялово Московского у., село 99
- «Любвино» Верейского у., имение 9, 245–246, 249–253, 314
- «Любимовка» Московского у., имение 9, 52, 54, 320, 348–350, 354–355, 360
- Любимовка Московского у., село 52–53
- «Люблино» Московского у., имение 12, 98–99
- Маврино Подольского у., деревня 67
- Мазилово Московского у., деревня 182
- Максимово Московского у., село 52–53
- «Меньшово» Подольского у., имение 121, 326
- Милово Звенигородского у., деревня 168
- «Михайловское» Калужской губ., имение 327
- «Михайловское» Подольского у., имение 42, 67, 84, 93–94, 107–108, 341, 382
- Михайловское Подольского у., село 93
- «Муравья» Рязанской губ., имение 44
- «Нара» Верейского у., имение 350
- «Натальевка» Харьковской губ., имение 9
- «Неклюдово» Московского у., имение 107, 115, 117, 269
- «Немчиновский пост» Московского у., остановочный пункт 164, 168, 246
- Нижние Котлы Московского у., деревня 93
- Никольское Владимирской губ., село 222
- Никольское Клинского у., село 201
- «Никольское» Рузского у., имение 107
- «Никольское-Урюпино» Звенигородского у., имение 361
- «Ново-Гиреево» Московского у., имение 317
- Новогиреево Московского у., поселок 79
- «Ново-Таволжанка» Курской губ., имение 161
- «Обираловка» («Кучино») Московского у., станция 141, 378
- Одинцово Звенигородского у., село 58
- «Одинцово» Звенигородского у., станция 65, 71
- «Одинцово-Архангельское» Подольского у., имение 28, 76, 222–226, 228, 230–231, 233–235, 241, 324, 339, 353, 363
- Осинки Клинского у., село 201
- «Осташево» Можайского у., имение 107
- «Отрада» Серпуховского у., имение 107
- Парфенки Рузского у., село 114
- Пахрино Подольского у., село 324

- «Перловка» Московского у., имение 80
- «Перловка» Московского у., остановочный пункт 80, 322
- «Пески» Коломенского у., станция 192
- Петрищево (Малые Петрищи) Богородского у., село 47, 144, 236, 238, 361
- Плесково Подольского у., деревня 67
- «Поворовка» (Поваровка) Московского у., имение 340, 357
- Подлужье Серпуховского у., деревня 196
- Подушкино Звенигородского у., деревня 65
- «Подушкино» Звенигородского у., имение 65–66
- «Покровское-Глебово» Московского у., имение 165
- «Покровское-Рубцово» Звенигородского у., имение 101, 268–269, 371–272, 324, 327, 364
- «Покровское-Стрешнево» Московского у., имение 65, 76
- Покровское-Стрешнево Московского у., село 78
- «Поповка» Звенигородского у., имение 30, 158–162, 164–178, 321, 323, 381
- Поповка Звенигородского у., село 164–165
- «Поречье» Звенигородского у., имение 385
- «Пушкино» Московского у., станция 337
- «Райки» Богородского у., имение 254–255, 258–267
- Райково Богородского у., село 255–257
- Раздоры Звенигородского у., деревня 168
- «Расторгуево» Подольского у., станция 309
- Рязаново (Резаново) Подольского у., деревня 101, 317
- Ромашково Звенигородского у., деревня 168–169, 321
- «Ромашково» Звенигородского у., имение 163
- «Сватово» Звенигородского у., имение 58
- Сватово Звенигородского у., село 58
- «Свистуха» Московского у., имение 128–129
- «Северское» Коломенского у., имение 191–199, 324
- Северское Коломенского у., село 191, 196
- «Середниково» Московского у., имение 49
- Серпухов Московской губ., город 55
- Симбухово Верейского у., деревня 48
- «Сокольники» в пригороде Москвы, имение 317
- Сокольники, пригород Москвы 46, 74–75, 96
- «Солманово» Звенигородского у., имение 65
- Солманово (Осоргино) Звенигородского у., село 63
- «Солнцево» Богородского у., имение 63
- Сосновка Санкт-Петербургской губ., деревня 307
- «Старое» Рязанской губ., имение 343
- «Старое Бехово» Тульской губ., имение 335
- «Старое Гиреево» Московского у., имение 351
- «Старожилово» Рязанской губ., имение 24
- «Старо-Никольское» Подольского у., имение 76
- «Степановка» Орловской губ., имение 168
- «Степино» Московского у., имение 156, 314
- «Сушкинская» Московского у., станция 346
- «Сушнево» Владимирской губ., имение 118, 332–333, 363
- Сушнево Владимирской губ., село 325
- «Сходня» Московского у., станция 128
- Съяново Подольского у., деревня 351
- Таболово Подольского у., село 69
- «Тарасовска» Московского у., станция 337

- «Тимофеевка» Богородского у., имение 63, 110, 212–221, 328, 338, 356–358, 362
Тимофеевка Богородского у., село 63
Торопец Псковской губ., город 160
«Троице-Лыково» Московского у., имение 109, 111–112, 327
Троице-Лыково Московского у., село 111
«Трубицино» Клинского у., имение 202
«Турейка» Верейского у., имение 307, 330–331
«Тучково» Верейского у., станция 245, 251

«Угол» Владимирской губ., имение 320
«Узкое» Московского у., имение 107
«Успенское» Звенигородского у., имение 31, 237, 242, 314

Федоскино Московского у., село 246
«Филатово» Звенигородского у., имение 87–88, 322, 364
Фоминское Московского у., село 101, 307

«Химки» Московского у., станция 325
Ховрино Московского у., село 313–315
Хотьково Дмитровского у., село 91

«Царицыно» в пригороде Москвы, станция 305

«Чаново» Рузского у., имение 328–330
«Черемушки» Московского у., имение 105, 107, 360
Черепково Звенигородского у., деревня 168
«Черкизово» Коломенского у., имение 196
«Черный Лебедь» в пригороде Москвы, имение 97, 149, 343
Чижово Московского у., село 56

Шарапово Подольского у., село 69
Шахматово Клинского у., деревня 201–202
«Шахматово» Клинского у., имение 200–207, 209–211
«Шумово» Можайского у., имение 109, 119
Шумово Можайского у., село 119

Щелково Богородского у., город 96, 217
«Щелково» Богородского у., станция 264
«Щитово» Подольского у., имение 268

Ям Подольского у., село 313
«Ясеньки» Московского у., имение 78

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава I</i>	<i>Феномен «купеческой» усадьбы: изучение и источниковедческие аспекты</i>
1. Усадьба конца XIX – начала XX в. в качестве объекта исследования	8
2. В поисках источников: их выявление и трактовка	20
<i>Глава II</i>	<i>Землевладение и землепользование в имениях московской буржуазии</i>
1. Московский предприниматель на земельном рынке	40
2. Сельские имения московской буржуазии: проблемы типологизации	81
3. Землепользование в имениях Московской губернии	103
<i>Глава III</i>	<i>Предприниматель как сельский хозяин</i>
1. Усадьба «Кучино» Н.Г. Рюмина – А.В. Алексеева – П.М. Рябушинского: эволюция и метаморфозы одного имения	140
2. «Поповская экономия» Н.К. и П.П. Боткиных: историческая реконструкция по данным приходно-расходной документации	158
3. Имение «Кунцево» К.Т. Солдатёнова: от усадьбы к даче	179

4. Вдохновившись образцами старых усадеб: имение «Северское» А.А. Найденова	191
5. «Угол рая» в Клинском уезде: имение «Шахматово» профессора Санкт-Петербургского университета А.Н. Бекетова	200
6. Семейное гнездо «Тимофеевка» Д.И. и А.А. Четвериковых	212
7. Загородный приют приверженца «древлего благочестия»: имение «Одинцово-Архангельское» В.Е. Морозова	222
8. Ради славы отечественного коннозаводства: имение «Иславское» И.В. Морозова	236
9. Возникшее «по капризу»: имение «Любвино» Л.Г. Пыльцовой	245
10. Имение «Райки» А.Т. Некрасовой в начале XX в.	254
11. Обретение «дворянского гнезда»: имение «Горки» З.Г. Морозовой-Рейнбот	268

Глава IV

Сельская усадьба на рубеже XIX–XX вв. как явление русской культуры

1. Усадьба в мировосприятии московского предпринимателя	304
2. «Цивилизующая деятельность» хозяина	320
3. Московские жители в загородной усадьбе	336
Заключение	370

Приложения

Приложение 1	Доверенность, выданная Г.Ф. Карповым крестьянину А.В. Покосанову на управление его имением «Брыково» в Звенигородском уезде Московской губернии. 11 мая 1879 г.	374
Приложение 2	Договор аренды на пользование участком в принадлежащем членам семьи Рябушинских имении «Кучино», заключенный между потомственным почетным гражданином Д.П. Рябушинским и его родственниками. 29 декабря 1904 г.	375

Приложение 3	Прошение потомственной почетной гражданки Е.П. Носовой в Московский лесоохранительный комитет с просьбой разрешить в принадлежащем ей имении при селе Кучино расчистку земли с дальнейшим устройством на ней дачных участков. <i>12 октября 1910 г.</i>	378
Приложение 4	Перечень цветов и растений, которые «Садоводство З.Г. Рейнбот» поставляло в московские магазины в 1913—1917 гг., и цены на них. <i>Не ранее 1913 г.</i>	380
Приложение 5	Письмо потомственному почетному гражданину Н.И. Гучкову от прислуги имения «Поповка». <i>12 июня 1908 г.</i>	381
Приложение 6	Проект посадок в саду имения М.К. Морозовой «Михайловское», составленный главным садовником Ботанического сада Императорского Московского университета Г.Г. Треспе. <i>20 октября 1916 г.</i>	382
Приложение 7	Смета расходов на 1916 г. по имению «Новые Горки» Дмитровского уезда Московской губернии, принадлежащему дочери З.Г. Морозовой-Рейнбот — Е.С. Морозовой. <i>1915 г.</i>	386
Указатель имен	.....	389
Перечень усадеб и населенных мест	.....	400

Серия «Московская монография»

Научное издание

САВИНОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

**СЕЛЬСКИЕ УСАДЬБЫ
МОСКОВСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.**

Редактор

А.Н. Щиголева

Художественный редактор

Л.Ф. Егоренко

Компьютерная верстка

Е.В. Горшкова, Л.А. Горшкова

Корректор

Г.С. Холодилина

Ответственный за выпуск

А.В. Карандеев

Подписано в печать 04.08.08 г. Формат 60 x 90/16.

Бумага офсетная. Печ. л. 25,5.

Тираж 1000 экз. Заказ № 903.

Издательство Главного архивного управления

города Москвы

117393, Москва, Профсоюзная ул., 80

Отпечатано в ООО «ИПК «ЗНАК»»

115093, Москва, Б. Серпуховская ул., 44

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов в
ГУП МО «Орехово-Зуевская типография»,
г. Орехово-Зуево, ул. Дзержинского, д. 1

Савинова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские», специалист в области социальной истории и культуры России конца XIX – начала XX в., усадебной культуры и истории отечественного предпринимательства. Подготовила более 30 научно-документальных и художественных выставок, среди них: «Дмитрий Стеллецкий. Живопись. Графика» (1992); «Игрушка нашего детства» (1993); «Коминтерн: реалии борьбы» (1994); «Федор Шехтель. Архитектор и его

время» (1995); «1917 год: Россия на историческом повороте» (1997), «Жилой мир частного человека в России конца XIX – начала XX в.» (2005). Является автором свыше 60 научных работ, в том числе: монографии «Наемные управляющие в России. Опыт бизнес-элиты в России конца XIX – начала XX в.» (М., 2007, в соавторстве с Ю.А. Петровым); разделов в коллективных трудах «Москва гостеприимная» (М., 2005), «История русского магазина» (М., 2006). Автор многочисленных статей по вопросам музейно-выставочной и научно-экспозиционной работы; исторических очерков и научно-популярных статей в журналах: «Отечественная история», «Обозреватель», «Московский журнал», «Родина», а также в сборниках исследований научных, музейных и краеведческих организаций: «Экономическая история: ежегодник», «Московский архив: историко-краеведческий альманах», «Музейный сборник ГИМЗ «Горки Ленинские»», «Коломенское: материалы и исследования», «Шахматовский вестник», «Русская усадьба: сборник Общества изучения русской усадьбы», «Проблемы истории Московского края». Публикатор археографических обзоров: «Воспоминания З.Г. Морозовой-Рейнбот» (Археографический ежегодник АН РФ за 1998 год. М., 1999, в соавторстве с С.В. Давиденко), «Документы Дворцового ведомства о селе Пахрине» (Археографический ежегодник АН РФ за 2002 год. М., 2004). Переводчик статей американских историков в издании «Купеческая Москва. Образы ушедшей русской буржуазии» (М., 2007).

Настоящая книга повествует о сельских усадьбах деловой элиты Москвы. В конце XIX – начале XX в. помещичья Россия уже канула в прошлое и новые хозяева имений изменили их быт и устройство, придав им невиданное разнообразие. Издание рассказывает о московских предпринимателях, которые не только вложили свои капиталы в сельскую недвижимость, но и способствовали эволюции русской усадьбы.

